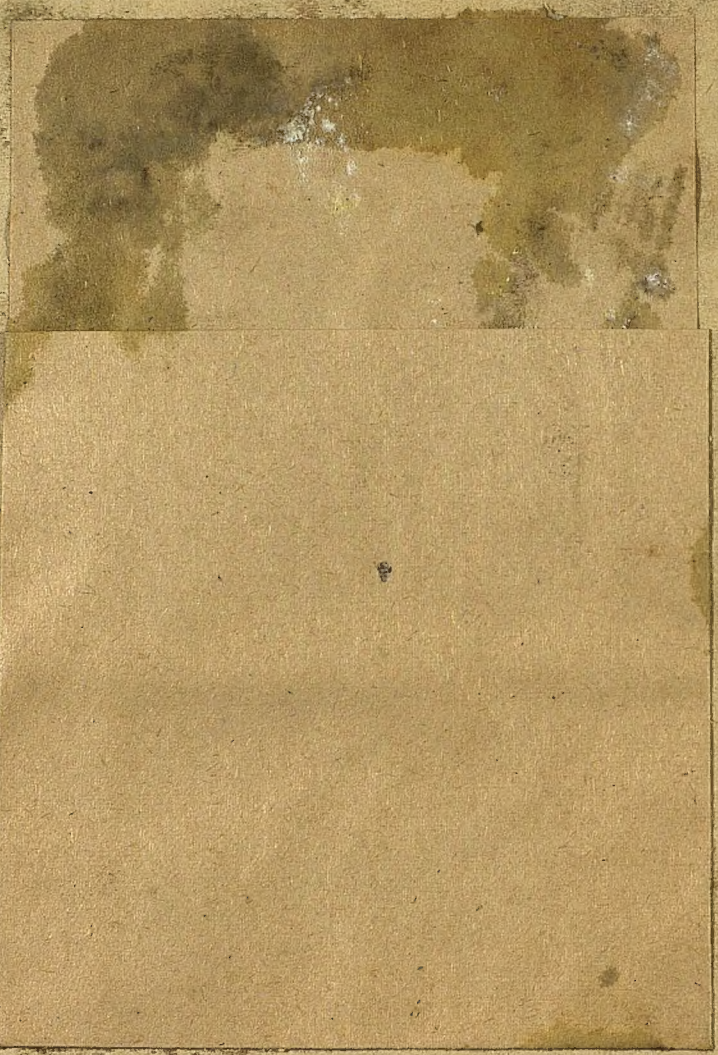
Русская Старина

№ 1

1906 г.



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совѣта Профессіональныхъ Союзовъ.

7 января

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ЯНВАРЬ. 1906 годъ.

Книги на дом не выдаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки В. А. Инсарскаго 1—61
II. Въ Болгаріи. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба) П. Паренсова 62—74
III. Записки и воспоминанія В. М. Флоринскаго . . . 75—109
IV. Изъ записокъ П. И. Степанова . . . . . 110—131
V. Студенческія волненія въ Московскомъ университетѣ въ 1887 г. Г. Ростовцева . . . . . 132—146
VI. Несомнѣнные признаки древняго православія въ Привисляніи. Историческая справка. Вкп. Райковскаго . . . . . 147—162
VII. Эпизодъ изъ временъ крѣпостнаго права. Н. П. . 163—168
VIII. Изъ прошлаго. Сообщилъ П. Паренсовъ . . . . 169—173
IX. Историческіе и бытовые очерки западной старины: Дневникъ Краковскаго возстанія . . . 174—188
Парижъ въ отзывахъ иностранцевъ въ 1802 г. 188—200
Парижъ въ 1802 г. въ отзывахъ англійскихъ путешественниковъ . . . . 200—211
X. Изъ архивныхъ мелочей. 212—226
XI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Василія Марковича Флоринскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

1039

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Священника М. С. Попова. Съ 4 рисунками. С.-Петербургъ. 1905.

Въ основу жизнеописанія митрополита Арсенія Мацѣевича положено громкое „дѣло“ его. Свѣдѣнія объ этомъ „дѣлѣ“, разсѣянныя по архивамъ разныхъ вѣдомствъ, были тщательно скрываемы тамъ въ продолженіе долгаго времени. Въ архивѣ Св. Синода находится первое слѣдственное дѣло объ Арсеніи 1763 г. по поводу протеста его противъ отобранія церковныхъ имѣній; въ архивѣ Архангелогородской губернской канцеляріи есть „ дѣло о монахѣ Батоговѣ и прочихъ“, которымъ начинается второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Въ Государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ „дѣло о разстригѣ Арсеніи, іеро-діаконѣ Іоасафѣ и прочихъ“ является продолженіемъ предыдущаго „дѣла“. Значительная часть его напечатана И. Морошкинымъ въ нашемъ журналѣ за 1885 г.

При изложеніи архивныхъ данныхъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ авторомъ приняты въ руководство ученые труды, касающіеся личности его и защищаемыхъ имъ церковныхъ имѣній: И. В. Лопухина, Е. Болховитинова, И. А. Чистовича и др.

Изъ появившихся въ печати научныхъ трудовъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ одни лишаютъ его мѣста въ исторіи, объясняя дѣло его, какъ продуктъ его личныхъ убѣжденій (С. М. Соловьевъ); другіе, напротивъ, находятъ мысль о секуляризаціи случайно возникшею въ XVIII в., а Мацѣевича—защитникомъ вѣковыхъ народныхъ воззрѣній (Н. И. Барсовъ). Изслѣдованіе проф. В. Иконникова въ общемъ неблагопріятно для памяти Арсенія Мацѣевича, котораго авторъ выставляетъ защитникомъ крѣпостничества, тогда какъ В. А. Бильбасовъ посвящаетъ Мацѣевичу слѣдующія строки: „Екатерина увидѣла изъ дѣла Мацѣевича, что съ духовенствомъ можно и не церемониться... Къ чести русскаго духовенства былъ достойный пастырь (Арсеній Мацѣевичъ). Онъ былъ фанатикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ доношеніи своемъ Арсеній съ прямотою, дѣлающею ему честь, и съ достоинствомъ архипастыря высказываетъ свой взглядъ на секуляризацію“.

Личность Ар. Мацѣевича освѣщается, кромѣ того, учеными изслѣдованіями о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ; видное мѣсто въ ряду такихъ изслѣдованій занимаютъ труды: М. И. Горчакова, А. А. Завьялова, Милютина, проф. А. Павлова, В. И. Семевскаго, Ростиславова и др.

Разсматриваемый нами солидный трудъ св. М. С. Попова состоитъ изъ трехъ частей: въ первой части говорится о духовенствѣ временъ императрицы Елизаветы Петровны; вторая отведена церковнымъ имѣніямъ при императрицѣ Екатеринѣ II и секуляризаціи ихъ; „дѣло о разстригѣ Арсеніи“ составляетъ предметъ третьей части.

Арсеній Мацѣевичъ въ продолженіе своей жизни и дѣятельности носилъ три имени: при рожденіи его назвали Александромъ; извѣстнымъ онъ сталъ и въ духовномъ, и въ свѣтскомъ мірѣ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея,—подъ монашескихъ именемъ Арсенія; умеръ же онъ подъ именемъ разстриги Андрея Враля. Отзывы потомства о немъ, при всемъ ихъ разнообразіи, можно свести также къ тремъ категоріямъ. Одни не придаютъ никакого значенія дѣлу Арсенія Мацѣевича. У другихъ онъ представляется, какъ противникъ духовнаго регламента, защищающій выгоды привилегированнаго сословія и самообольщенный своею властью,—поборникомъ церковнаго самосуда, политическимъ преступникомъ и святошею, запоздалымъ защитникомъ церковныхъ правъ, фанатикомъ и изувѣромъ,—вообще человѣкомъ, не понимавшимъ вѣяній времени. Наконецъ, есть мнѣнія совершенно противоположныя: А. Мацѣевича называютъ энергичнымъ архіереемъ, оставившимъ по себѣ такую же почти память, какъ патріархъ Никонъ, вождемъ старорусской партіи, стоявшей за сохраненіе прежняго государственнаго строя и шедшей противъ модныхъ идей XVIII вѣка, замѣчательнымъ по уму и ревности; самые жестокіе поступки Арсенія съ подчиненными оправдываютъ правами вѣка; готовы признать у этого святителя даръ прозрѣнія или, по крайней мѣрѣ, стойкость и доблесть, достойную подражанія.

Арсеній Мацѣевичъ происходилъ изъ польской шляхты и былъ сынъ православнаго священника въ Владимірѣ Волынскомъ. Образованіе свое онъ получилъ въ академіяхъ: Владимірской, Варенжской, Львовской и Кіевской. Пробывши въ Кіевской академіи не болѣе одного года, онъ въ 1716 г., будучи еще 19 лѣтъ, принимаетъ монашество и получаетъ должность проповѣдника и учителя латинскаго языка въ Новгородъ - Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ. Два или три года, проведенные здѣсь Арсеніемъ, были самымъ лучшимъ временемъ его жизни. Въ 1718 г. онъ вновь поступилъ въ Кіевскую академію „для слушанія философіи и богословія“ и здѣсь, въ 1723 г., принялъ санъ іеромонаха. Онъ окончилъ слушаніе академическихъ наукъ въ 1726 г. и жилъ при епископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ, въ качествѣ проповѣдника, а затѣмъ—въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ октябрѣ 1729 г. ѣдетъ въ Сибирь по вызову сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго для проповѣдыванія слова Божія, и прожилъ въ Тобольскѣ два года. Въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, и онъ былъ назначенъ на эту должность. Въ слѣдующемъ году его назначили законоучителемъ гимназіи при Академіи наукъ. Въ 1740 г. стала свободною архіерейская каѳедра въ Тобольскѣ, куда и былъ назначенъ Арсеній 10 марта 1741 г. Дѣятельность его въ Тобольской епархіи была непродолжительна. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени вступленія его „въ престолоправленіе“, какъ онъ оставляетъ Тобольскъ и ѣдетъ въ Москву. Здѣсь вскорѣ ему указали быть митрополитомъ Ростовскимъ и членомъ Св. Синода. Въ виду существованія у архіереевъ мѣстничества, возникло дѣло о засѣданіи въ Синодѣ „по епархіескимъ степенямъ“. Государыня не скоро разрѣшила это дѣло. Между тѣмъ возникли другія осложненія: и у Государыни, и въ Синодѣ стало из-

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 16 АВГУСТА 1899 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ., Д. 39.

1233

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ, журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совета

Записки В. А. Инсарскаго.

ЧАСТЬ V [1]).

I.

Пріѣздъ князя въ Москву и Петербургъ.—Великолѣпная встрѣча князя въ Москвѣ.—Шамиль, Ермоловъ и князь Барятинскій вмѣстѣ.—Рядъ торжествъ для князя въ Петербургѣ.—Старый генералъ, стремящійся „обнять и поцѣловать князя".—Великолѣпный обѣдъ, данный князю англійскимъ клубомъ.—Неудачный парадъ, устроенный государемъ для князя. — Дѣла, конченныя княземъ въ Петербургѣ.—Наборъ новыхъ адъютантовъ князя.—Отъѣздъ князя въ Москву.—Художникъ Зичи, назначенный для снятія всѣхъ замѣчательныхъ моментовъ при переѣздахъ князя. — Праздники, данные князю въ Москвѣ.—Мученія наши съ рѣчью, которую князь долженъ былъ произнести. — Сочувствіе москвичей „къ голубчикамъ кавказцамъ".—Шумный праздникъ у цыганъ, устроенный для свиты князя.—Отъѣздъ князя въ Тифлисъ.

Наконецъ, наступилъ день пріѣзда князя въ Москву. Погода была ужасная. Мятель бушевала съ ранняго утра и ни на минуту не прекращалась; сугробы нанесло на улицахъ невообразимые. Предъ дворцомъ поставлены были солдаты, въ видѣ почетнаго караула. Въ комнатахъ дворца сосредоточились всѣ знаменитыя лица Москвы, военныя и гражданскія, для встрѣчи князя. Ожиданіе было чрезвычайно продолжительное и было бы еще продолжительнѣе, еслибы, по моему предложенію, не была послана къ заставѣ придворная карета, въ которой князь пріѣхалъ одинъ во дворецъ, до такой степени скромно и почти незамѣтно, что я же долженъ былъ возвѣстить всѣмъ, что это пріѣхалъ именно князь.

Въ вихрѣ крутящагося снѣга князь быстро обошелъ полузамерз-

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1904 г. № 12.

шихъ солдатъ и вступилъ въ комнату, наполненную ожидающими. Пріемъ всѣхъ этихъ господъ былъ очень кратокъ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ съ генералъ-губернаторомъ, покойнымъ Тучковымъ, онъ поклонился всѣмъ и удалился во внутреннія комнаты. Время было поздняго обѣда, и намъ было объявлено, что князь приглашаетъ обѣдать съ нимъ только „своихъ“. Кромѣ свиты, съ нимъ прибывшей и состоявшей изъ покойнаго Тромповскаго, потомъ хотя непокойнаго, но стушевавшагося уже Дав—дова, и Лимановскаго, нынѣ дежурнаго генерала кавказской арміи, своими были только я и Свѣчинъ.

Переодѣвшись, князь вышелъ къ намъ, бодрый и веселый. За обѣдомъ, по обычаю, большею частью онъ говорилъ одинъ. Онъ разсказывалъ, какъ удивилъ его налетѣвшій на него въ дорогѣ курьеръ съ фельдмаршальствомъ, какъ надоѣла ему снѣжная и ухабистая дорога, какъ онъ благодаренъ за посылку къ нему придворной кареты, при чемъ Свѣчинъ съ замѣчательною безцеремонностью разсказалъ князю, какъ пришла ему въ голову эта счастливая мысль и какъ онъ сильно настаивалъ на ея исполненіи. Послѣ обѣда князь отпустилъ всѣхъ, а меня взялъ съ собою, говоря: „пойдемте, поговоримъ... мнѣ надо отдохнуть немного“.

Князь, дѣйствительно, легъ на диванъ, а меня усадилъ подлѣ и сказалъ: „ну, разсказывайте, что-нибудь“! Разсказчикъ я былъ чрезвычайно плохой, и подобныя порученія всегда страшно меня затрудняли; однако, я передалъ ему все, что зналъ и считалъ для него интереснымъ, не исключая сѣтованій и надеждъ Свѣчина... Въ сотый разъ я долженъ повторить, что князю, я убѣжденъ, не были нисколько интересны мои разсказы; ему было пріятно, я тоже глубоко въ этомъ убѣжденъ, имѣть подлѣ себя, въ минуты или очень хорошія или очень скверныя, человѣка, преданнаго ему, сочувствовавшаго ему, прежде всѣхъ угадавшаго и оцѣнившаго его высокія государственныя дарованія; человѣка, постоянно вѣрившаго въ его возвышеніе и слѣдившаго за нимъ, шагъ за шагомъ, по пути этого возвышенія... Именно, во имя этой вѣры, этой привязанности, князь и раздѣлялъ со мною замѣчательные моменты его жизни. Такъ было и здѣсь. Князь лежалъ съ закрытыми глазами. Я продолжалъ говорить, что приходило на умъ; а когда ничего не приходило—я молчалъ. Полагая, что я могу молчать и въ другихъ комнатахъ, безъ всякаго ущерба для князя, я иногда приподнимался съ намѣреніемъ удалиться; но князь съ тѣми же закрытыми глазами говорилъ: „куда вы? Сидите!“. Иногда, вдругъ, открывъ глаза, князь разсказывалъ какую-нибудь мысль, воспоминаніе, предположеніе, а потомъ опять закрывалъ глаза и погружался въ молчаніе. Между прочимъ, онъ говорилъ: „мнѣ надо сегодня сдѣлать три визита: митрополиту, Ермо-

лову и генералъ-губернатору. Завтра никуда не поѣду, а послѣ завтра въ Петербургъ"... Дѣйствительно, удовольствовавшись какимъ-нибудь получасомъ дремотнаго состоянія, князь одѣлся, спросилъ карету и отправился дѣлать предположенные визиты, а я возвратился къ своей семьѣ, которую оставилъ съ ранняго утра.

На другой день положительно вся аристократическая часть Москвы пришла въ движеніе. Кареты безпрерывно то подъѣзжали къ крыльцу дворца, то отъѣзжали. Но князь, вообще малодоступный, и не имѣлъ дѣйствительно времени принимать всѣ визиты праздныхъ московскихъ аристократовъ. Принимались только тѣ, которыхъ не принять было невозможно. Престарѣлый митрополитъ, святая личность котораго вселяла въ каждомъ невольное къ нему благоговѣніе, сидѣлъ у князя довольно долго. Потомъ, помню, оставались у князя тоже долго Ермоловъ, въ одно время съ Шамилемъ, пріѣхавшимъ для свиданія съ княземъ изъ Калуги, и мы, окружающіе князя, не могли не обратить вниманіе на соединеніе въ этотъ моментъ такихъ личностей, какъ князь Барятинскій, Ермоловъ и Шамиль!.. Въ этотъ день свита, а въ ея составѣ и я, обѣдала отдѣльно и должна была отдать справедливость роскоши, которою московское придворное вѣдомство страшно отличилось въ эти дни. Вечеромъ мы цѣлой толпой ввалились въ какой-то театръ...

Отъѣздъ нашъ въ Петербургъ сопровождался великою торжественностью. Кругомъ станціи были огромныя толпы народа. Намъ отвели царскія комнаты и приготовили царскіе вагоны. Генералъ-губернаторъ и толпы раззолоченныхъ генераловъ провожали насъ. Князь помѣстился вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ родныхъ, которые выѣхали въ Москву къ нему навстрѣчу. Свита помѣстилась подлѣ въ особомъ отдѣленіи. Жена моя ѣхала особо. Упоминаю это обстоятельство потому, что съ нимъ связаны послѣдующія событія, о которыхъ буду говорить. Въ переѣздѣ этомъ я не помню ничего особенно достопримѣчательнаго. На петербургской станціи князя ожидала также торжественная встрѣча. Царскіе экипажи перевезли князя въ Зимній дворецъ...

Я рѣшительно отказываюсь отъ изображенія ряда торжествъ, которыми Петербургъ, по волѣ государя, осыпалъ князя въ этотъ періодъ. Самъ князь говорилъ мнѣ, что государю угодно было предупредить весь придворный міръ и въ особенности прежнихъ его пріятелей, объ устраненіи всякой фамильярности въ отношеніи къ князю, поставленному въ такое высокое положеніе. По всѣмъ признакамъ видно было, что государь желалъ воздать своему старому другу, украсившему своими дѣлами его царствованіе, — всевозможныя почести. Казалось, что самъ государь рѣшился отодвинуться на второй планъ,

чтобъ выдвинуть рельефнѣе и блестящѣе личность князя. Началось съ торжественнаго представленія ему въ самомъ дворцѣ всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ. Государь настоятельно требовалъ, чтобы князь предсталъ предъ собраніемъ этихъ чиновъ съ великолѣпнымъ и довольно массивнымъ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Я живо помню этотъ день; странно было видѣть, когда престарѣлые, маститые генералы и царедворцы, едва передвигая ноги, заходили, предъ торжественнымъ представленіемъ князю, сдѣлать ему частный визитъ, ему, молодому, сравнительно съ нимъ, человѣку, котораго они помнили корнетомъ и корнетомъ шаловливаго, буйнаго поведенія, человѣку, которому нѣкогда считали достаточнымъ слегка улыбнуться съ высоты своего величія и нестолько во вниманіе къ его личности, сколько во вниманіе къ его аристократическому происхожденію. Какой-нибудь министръ императорскаго двора, старый графъ Адлербергъ, долженъ былъ представляться почти мальчику, котораго онъ зналъ однимъ изъ товарищей его сыновей... Адъютанты князя были разсыпаны въ дворцовой залѣ, гдѣ должно было происходить торжественное представленіе, съ обязанностью дать знать, когда всѣ соберутся. Князь, совершенно готовый, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого момента, и когда онъ наступилъ, когда князь долженъ былъ представить предъ собраніемъ всего, что только государство имѣетъ знатнаго, высокаго, доблестнаго и заслуженнаго, на прекрасномъ лицѣ его можно было замѣтить признаки нѣкотораго волненія...

Повторяю, что трудно передать, день за день, всѣ почести, какія воздавались князю, однѣ за другими. Я помѣстился съ своимъ письменнымъ столомъ въ пріемной залѣ князя, подлѣ его кабинета и, слѣдовательно, видѣлъ все, что происходило. Я видѣлъ постоянный приливъ и отливъ экипажей къ подъѣзду и отъ подъѣзда; я постоянно видѣлъ знатныхъ лицъ, входящихъ къ князю и выходящихъ отъ него; я видѣлъ почти каждый день государя, посѣщающаго князя; я видѣлъ покойнаго наслѣдника и великихъ князей, почтительно ожидающихъ очереди пріема княземъ; я видѣлъ, какъ родная и любимая сестра князя, Ольга Ивановна Давыдова, сидѣла иногда по нѣсколько часовъ въ пріемной князя въ ожиданіи возможности войти къ нему въ кабинетъ и, потерявъ надежду дождаться этого момента, уѣзжала; я видѣлъ, какъ мужъ ея, Орловъ-Давыдовъ, вынужденъ былъ, чтобъ добиться аудіенціи у князя, обратиться къ моему посредничеству, о которомъ я выше говорилъ; я видѣлъ, какъ многія лица, входя ежедневно въ пріемную, послѣ нѣсколькихъ часовъ безполезнаго ожиданія, уходили для того, чтобъ завтра снова придти...

Одинъ изъ такихъ господъ, старый, сѣдой генералъ, и теперь какъ будто предъ моими глазами. Надо вообще замѣтить, что въ это

достопамятное время, обязанности адъютантовъ князя, обыкновенно самыя пустѣйшія, дѣлались весьма серьезными. Тутъ требовались отъ нихъ и особенная ловкость и особенное соображеніе. Разумѣется, существенный вопросъ состоялъ въ томъ, о комъ доложить и о комъ не докладывать, кого принимать и кого не принимать? Какъ ни прилаживались адъютанты князя къ этому вопросу, почти ни одного дня не проходило, чтобъ князь не распекалъ того или другаго адъютанта за ихъ неловкость и отсутствіе смѣтливости. Эти постоянныя распеканціи привели ихъ къ тому, что они принимали самое избранное меньшинство, а большинству отказывали, несмотря ни на какія убѣжденія. При существованіи этого суроваго принципа именно и являлся тотъ престарѣлый генералъ, о которомъ я упомянулъ. Когда только онъ появлялся — всѣ уже ожидали комедіи, которая будетъ разыграна между нимъ и дежурнымъ адъютантомъ, задача котораго состояла въ томъ, разумѣется, чтобъ прилично и спокойно сбыть съ рукъ этого ужаснаго старика.

Само собою разумѣется, что адъютанты не могли держаться въ подобныхъ случаяхъ одинаковыхъ пріемовъ, пріемы эти были столько же различны, сколько были различны личности самихъ адъютантовъ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ, довольно сурово заявивъ, что князя и сегодня видѣть нельзя, удалялись отъ несчастнаго старика, и предоставляли ему или ѣхать домой и снимать свои регаліи, которыми онъ, вѣроятно, не безъ труда украсился или усаживаться въ кресло и ждать на-удачу. Другіе, наиболѣе деликатные, пускались въ разсужденія съ симъ ветераномъ, сочувствовали его положенію. Одинъ изъ такихъ адъютантовъ, именно Авиновъ, представлялъ собою олицетворенную любезность и потому сдѣлался положительно жертвою сѣтованій этого старика. Когда Авиновъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ убѣждалъ старика „пожаловать завтра или послѣ завтра“ съ единственною цѣлью перекинуть его на руки другому адъютанту, старикъ говорилъ: „Батюшка вы мой! Вы, можетъ быть, думаете, что у меня какое-нибудь дѣло къ князю или просьба. Никакихъ дѣлъ и просьбъ нѣтъ. Я только хочу взглянуть на него, обнять его и поцѣловать. Больше мнѣ ничего ненужно. Вѣдь я вотъ какого маленькаго князя зналъ“ и при этомъ сѣдой генералъ показывалъ рукой, какой маленькій князь былъ, когда онъ его зналъ. Любезный Авиновъ, послѣ различныхъ, съ своей стороны, объясненій, становился рѣшительно втупикъ. Старикъ только и твердилъ, что ему болѣе ничего ненужно, какъ обнять и поцѣловать князя. Растерянный и сбитый Авиновъ, наивѣжливѣйшимъ образомъ, говорилъ: „Ваше превосходительство! Если вамъ это не къ спѣху, то неугодно ли пожаловать завтра; вѣроятно, князь будетъ свободнѣе и съ удовольствіемъ васъ приметъ!“

„Хорошо, батюшка, хорошо“! отвѣчалъ старикъ, „пріѣду завтра. Благодарю покорно. Мнѣ только обнять и поцѣловать князя. Больше мнѣ ничего ненужно. Просьбъ и дѣлъ у меня никакихъ нѣтъ!“ и съ этими словами плелся домой...

Являясь на другой день, старикъ, разумѣется, встрѣчалъ уже другаго адъютанта, который уже безъ всякихъ любезностей, твердо и рѣшительно говорилъ: „Князь сегодня никого не принимаетъ!“ Старикъ, встрѣченный такъ сурово, прежде всего вздыхалъ, потомъ бросалъ тоскливый взглядъ на толпу, которая вѣчно находилась въ пріемной князя, какъ бы отыскивая въ ней своего милаго, любезнаго пріятеля, и потомъ, постоявъ въ какомъ-то недоумѣніи нѣсколько минутъ, снова возвращался восвояси, а на другой день снова появлялся въ пріемной князя. Случалось такъ, что „перебрасываемый адъютантами“ съ одного дежурства на другое, старикъ являлся въ тотъ день, когда, по дошедшей очереди, Авиновъ былъ вновь дежурнымъ. Свитская толпа съ жестокимъ наслажденіемъ сосредоточивала на нихъ усиленное вниманіе. Лицо старика тотчасъ принимало сіяющій видъ; глаза его какъ будто говорили: „кончились мои мученія! спаситель мой здѣсь!“ Онъ съ восторгомъ и упованіемъ обращался къ Авинову. Авиновъ, напротивъ, прежде всего, краснѣлъ сильнѣйшимъ образомъ, въ ожиданіи новыхъ усиленныхъ атакъ и въ сознаніи совершенной необходимости вновь отказать почтенному старику. Присутствіе шаловливыхъ и насмѣшливыхъ товарищей, которые съ нетерпѣніемъ ожидали имѣющаго произойти объясненія, еще болѣе дѣлало затруднительнымъ его положеніе. Старикъ мягко начиналъ: „здравствуйте, мой почтенный! Какъ ваше здоровье?“—„Благодарю покорно!“ отвѣчалъ Авиновъ. „Ваше превосходительство не изволили еще видѣть князя?“—„Нѣтъ еще, мой батюшка!“ говорилъ старикъ, „вообразите: каждый день рѣшительно пріѣзжаю сюда и никакъ не могу, что хотите, добиться взглянуть на князя, обнять его и поцѣловать!“ „Къ величайшему сожалѣнію“, любезно замѣчалъ Авиновъ, „сегодня князь положительно приказалъ просить извиненія у всѣхъ, кто его посѣтитъ, что принять не можетъ, потому что занятъ важными и спѣшными дѣлами, которыя князь готовитъ къ докладу государю“. Затѣмъ начиналась безконечная и довольно комическая борьба ветерана съ Авиновымъ. Ветеранъ въ сотый разъ объяснялъ, что дѣлъ и просьбъ у него никакихъ нѣтъ, и что ему только нужно обнять и поцѣловать князя. Авиновъ снова доказывалъ, что „если это не къ спѣху“, то лучше отложить до завтра, когда князь будетъ свободнѣе и „съ удовольствіемъ приметъ его превосходительство“... Молодежь значительно переглядывалась; нѣкоторые не выдерживали и просто фыркали. Авиновъ понималъ эти звуки

и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы самому не расхохотаться...

Я видѣлъ какія-то депутаціи, являвшіяся къ князю съ представленіемъ дипломовъ, съ изложеніемъ приглашеній. Такъ, между прочимъ, одна депутація поднесла ему дипломъ на званіе почетнаго члена императорской военной академіи; другая депутація приглашала князя на торжественный обѣдъ англійскаго клуба... Я тоже былъ на этомъ обѣдѣ потому, что вмѣстѣ съ княземъ приглашены были и всѣ состоящіе при немъ. Можно безошибочно сказать, съ одной стороны, что едва-ли англійскій клубъ давалъ когда-нибудь и кому-нибудь такіе торжественные обѣды, а съ другой—и князь едва-ли когда-нибудь былъ, въ другой разъ, героемъ подобнаго торжества. Вся знать петербургская рѣшительно наполнила въ этотъ день залы клуба. Въ той залѣ, гдѣ должна была совершаться встрѣча князя, какъ говорится, булавки уронить нельзя было: до такой степени было тѣсно... Въ извѣстный моментъ князь появился стройный, величавый, прекрасный! Привѣтственные крики смѣшались со звуками музыки. Скоро всѣ разсѣлись за столы. Говорить нечего о томъ, что обѣдъ былъ роскошенъ до крайней степени. Въ концѣ обѣда начались тосты и спичи. Князь отвѣчалъ не блистательно, но прилично. Сущность этихъ отвѣтовъ состояла въ томъ, что онъ только довершилъ труды своихъ предшественниковъ. Скромность такого заявленія производила прекрасное впечатлѣніе на собраніе и именно, помня это впечатлѣніе, я такъ упорно и протестовалъ, когда потомъ краснорѣчивый Фадѣевъ, въ введеніи къ отчету князя, хотѣлъ доказывать, что предшественники его ровно ничего не понимали, а что все понялъ, уразумѣлъ и сдѣлалъ только одинъ князь. Послѣ обѣда перешли въ другія залы, гдѣ началось изготовленіе жженки и уже полились безпрерывные и нескончаемые спичи. Самымъ эффектнымъ ораторомъ явился старикъ Гречъ, который превозносилъ князя превыше небесъ... Я помню, онъ, между прочимъ, выразилъ ту мысль, что дотолѣ у Россіи не было руки, что теперь рука эта явилась, въ лицѣ князя и что затѣмъ государство можетъ быть покойно и благополучно... Рѣчамъ Греча, которыя онъ, по обычаю, пересыпалъ шутками и остротами, съ неистовствомъ апплодировали. Говоруновъ было чрезвычайно много, но они далеко не имѣли такого громаднаго успѣха, какой выпалъ на долю Греча. Князь постоянно раскланивался и отвѣчалъ немногими словами. Шумныя рукоплесканія безпрерывно раздавались въ залѣ, то въ пользу оратора, то въ пользу князя. Казалось, и казалось справедливо, что въ этотъ моментъ князь вполнѣ достигъ той популярности, о которой такъ усердно заботился всю жизнь, и что популярность эта будетъ крѣпнуть болѣе

и болѣе... Можно ли было, въ этотъ достопамятный моментъ, думать, что эти столь живые признаки популярности исчезнутъ безслѣдно, что князя, на котораго съ такимъ сочувствіемъ и почтеніемъ смотрѣли въ этотъ моментъ, совершенно забудутъ, а если и будутъ иногда вспоминать, то съ чувствомъ какого-то недоброжелательства, непріязни, хотя князь не сдѣлалъ рѣшительно ничего такого, что бы оправдывало это забвеніе и это недоброжелательство...

Я видѣлъ парады, устроенные государемъ въ честь князя... Одинъ изъ этихъ парадовъ, самый парадный, былъ очень неудаченъ для князя. За нѣсколько дней до этого парада князь началъ чувствовать признаки старой своей пріятельницы—подагры. Въ самый день парада она налегла на князя болѣе положительнымъ и внимательнымъ образомъ. Я живо помню, какъ въ ожиданіи момента, когда князь долженъ былъ сѣсть на лошадь, чтобъ присоединиться къ государю, онъ ходилъ по комнатѣ, кряхтѣлъ, по обычаю капризничалъ и говорилъ, что этотъ парадъ, отъ котораго онъ не имѣлъ возможности отказаться, убьетъ его. Между тѣмъ, когда наступило время, онъ, хотя чрезъ силу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Я смотрѣлъ этотъ парадъ изъ оконъ дворца и, разумѣется, болѣе всего обращалъ вниманіе на князя. Увы! блестящая обыкновенно фигура князя, облеченная на этотъ разъ въ зимнее пальто и несомнѣнно страдающая, не имѣла въ себѣ ничего блестящаго. Съ видимымъ, для опытнаго глаза, трудомъ онъ кое-какъ галопировалъ подлѣ государя, но такъ неловко, такъ болѣзненно, что мнѣ какъ-то досадно было на него смотрѣть. Скоро наступило заключеніе, котораго надобно было ожидать. Князь не могъ выдержать всего парада; въ половинѣ его онъ оставилъ государя, подъѣхалъ къ своему подъѣзду и не имѣлъ уже силъ самъ сойти съ лошади. Его сняли съ сѣдла адъютанты и казаки и на рукахъ внесли въ комнаты. Отсюда началось длинное болѣзненное его состояніе... Въ этомъ именно состояніи его и перекатывали на особыхъ креслахъ въ тѣ комнаты, гдѣ, какъ я выше говорилъ, собирался комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя и при участіи императрицы для установленія основаній общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, учрежденіе котораго было самымъ главнымъ предметомъ дѣловыхъ занятій князя въ этотъ періодъ.

Припоминая другія изъ гражданскихъ дѣлъ, которыя были обработаны въ это время, я могу привести два, наиболѣе важнѣйшія. Выше я говорилъ уже, что, при самомъ назначеніи князя кавказскимъ намѣстникомъ, онъ исходатайствовалъ себѣ нѣкоторыя особенныя права, что въ числѣ этихъ правъ было право преобразовать главное управленіе и что, наконецъ, на основаніи этого права учреждены

были на Кавказѣ различные департаменты; но какъ общія права, испрошенныя княземъ, такъ и учрежденіе департаментовъ имѣли характеръ временный, и срокъ, данный для того и для другаго, т. е. срокъ опыта, истекалъ именно въ концѣ 1859 г. На мнѣ, какъ представителѣ гражданскаго кавказскаго міра въ Петербургѣ, лежало двинуть и разрѣшить этотъ вопросъ. Я началъ съ того, что вошелъ въ совѣщаніе съ В. П. Бутковымъ о способѣ этого разрѣшенія. Съ обычною быстротою Бутковъ, всегда и во всемъ угождавшій князю, а теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ вліяніемъ его славы и могущества, тотчасъ выразилъ ту мысль, что, такъ какъ князь занятъ былъ доселѣ преимущественно военными интересами Кавказа, то надобно испросить высочайшее соизволеніе, чтобы срокъ опыта продолженъ былъ еще, по крайней мѣрѣ на три года съ тѣмъ, чтобы право преобразованія распространено было не только на различныя части главнаго управленія, но и на губернскія учрежденія. Для намѣстника и для гражданскаго управленія Кавказа не могло быть ничего лучше и пріятнѣе. Вмѣсто того, чтобы о новыхъ учрежденіяхъ, о новыхъ должностяхъ, о новыхъ расходахъ, испрашивать каждый разъ чрезъ различныя инстанціи, утвержденіе государя—все это могло дѣлаться въ домашнемъ, такъ сказать, кругу, властію намѣстника. Въ этомъ смыслѣ самимъ Бутковымъ составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, который, разумѣется, и утвержденъ. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что это страшное, необъятное, право не рѣдко употреблялось во зло мѣстными дѣятелями: каждый естественно старался примѣнить его къ своимъ пользамъ и оттого, въ силу этого прекраснаго по существу права, на Кавказѣ надѣлано столько ненужныхъ учрежденій, безполезныхъ должностей въ главномъ и мѣстномъ управленіи, что, какъ говорится, „чортъ ногу переломитъ“...

Другое дѣло было такого рода. Въ разсказахъ моихъ о преобразованіи главнаго управленія на Кавказѣ я упоминалъ, между прочимъ, что въ числѣ основныхъ началъ этого преобразованія я предлагалъ уничтоженіе существовавшихъ тамъ округовъ учебнаго, почтоваго и таможеннаго, и что мысль эта, вслѣдствіе сильной оппозиціи, возникшей противъ нея, отложена была княземъ до времени. Въ петербургскихъ суетахъ, которыми былъ поглощенъ князь, я менѣе всего могъ предполагать, чтобъ онъ вспомнилъ эту старую идею. Между тѣмъ, въ одно прекрасное утро, лишь только я явился во дворецъ, какъ князь потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ рѣшился осуществить эту идею и, упразднивъ округа, подчинить части, которыми они завѣдывали, губернаторамъ. Упраздненіе округовъ, предложенное мною, разумѣется, я вполнѣ раздѣлялъ; но мысль подчи-

нить ввѣренныя имъ части, и особенно часть учебную, губернаторамъ привела меня въ нѣкоторый ужасъ. Я тотчасъ началъ было излагать практическія неудобства этой мысли; но князь скоро перебилъ меня и сказалъ: „я уже говорилъ объ этомъ съ Владиміромъ Петровичемъ Бутковымъ, и онъ находитъ это предположеніе прекраснымъ. Впрочемъ, переговорите съ нимъ и приготовьте вмѣстѣ докладъ государю. Кстати пріѣхалъ Харитоновъ (бывшій тогда директоромъ финансоваго департамента), онъ будетъ полезенъ по части таможенной!“

Я уже говорилъ, что Харитоновъ былъ человѣкъ порядочный и добрый; но страшно тщеславный какъ относительно своей наружности, такъ и своихъ государственныхъ способностей и отъ того значительно смѣшной и оригинальный.

Какъ только онъ узналъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ предположилъ, относительно таможенной части, возложить на губернаторовъ какой-то „осмотръ по наружности“. Я не знаю, существуетъ ли такой осмотръ въ нашихъ таможенныхъ узаконеніяхъ; но помню, что Харитоновъ носился, какъ курица съ яйцомъ, съ этимъ „осмотромъ по наружности“, наконецъ, должно было состояться общее наше совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Буткова, и въ назначенный день мы съ Харитоновымъ отправились къ нему въ твердомъ намѣреніи развить: я—свои взгляды на неудобства подчиненія учебной части полицейскому вліянію нашихъ малограмотныхъ губернаторовъ, а Харитоновъ—свои взгляды на необходимость „осмотра по наружности“. Увы! этимъ добрымъ и, быть можетъ, въ высшей степени полезнымъ для самаго государства намѣреніямъ не суждено было осуществиться. Надо замѣтить, что Харитоновъ нѣкогда служилъ въ кавказскомъ комитетѣ вмѣстѣ съ Бутковымъ и не только не имѣлъ къ нему никакой симпатіи, но старался, подъ крыломъ князя, держать себя пѣтухомъ предъ нимъ и при случаѣ проявлять свою независимость; но это нисколько не мѣшало быстрому и самоувѣренному Буткову относиться къ намъ чрезвычайно мило, но немножко свысока, на что, конечно, и имѣлъ полнѣйшее право. Только черезчуръ самолюбивый Харитоновъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть громаднаго разстоянія, раздѣляющаго насъ отъ Буткова. Отъ этого произошло, что, когда мы вошли къ Буткову и Харитоновъ, важно поправляя свои очки, началъ собираться излагать свои мудрыя соображенія, быстрый Бутковъ живо сказалъ: „а! господа! здравствуйте! мы сейчасъ кончимъ нашу задачу. Я уже обдумалъ планъ доклада. Садитесь! Я буду диктовать. Кто лучше пишетъ? Берите карандашъ!“ Съ этими словами онъ какъ-то всучилъ уже карандашъ въ руки Харитонову. Ошеломленные потокомъ этихъ словъ, мы были совершенно сбиты въ нашихъ планахъ развернуть

Библиотека-Читальня

нашу сообразительность и прозорливость. Я, впрочемъ, весело улыбался; но Харитоновъ, видимо, проявлялъ на своемъ лицѣ недовольство, превратившись мгновенно и неожиданно изъ государственнаго мужа въ простаго писца! Тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ писать, едва поспѣвая за быстрой диктовкой Буткова.

Въ докладѣ изъяснялось, что именно такой порядокъ, т. е. подчиненіе этихъ частей губернаторамъ введенъ въ Сибири и сопровождается наилучшимъ успѣхомъ. Когда дошла рѣчь до таможенной части, Харитоновъ, продолжая писать, началъ дѣлать нѣкоторыя замѣчанія, проводя мысль „о надзорѣ по наружности". Бутковъ, не обращая рѣшительно никакого вниманія на эти замѣчанія и спѣша только кончить скорѣе съ этимъ докладомъ, безсознательно говорилъ: „да, это справедливо!.. На чемъ же мы остановились?".. или: „да, да, ваша правда! Однако, будемъ продолжать", и снова начиналъ быстро диктовать. Харитоновъ, однако, не унимался и, видя, что Бутковъ, подхваливая его замѣчанія, никакъ не хочетъ понять существа ихъ, опять запѣвалъ пѣсню „объ осмотрѣ по наружности". Фраза эта, видно, надоѣла Буткову. Чтобъ разомъ отдѣлаться отъ нея, онъ также безсознательно и нѣсколько нетерпѣливо сказалъ: „наружность обманчива! Помилуйте, какъ можно! Будемъ скорѣе кончать; не много уже осталось". Докладъ конченъ и отданъ мнѣ, по выраженію Буткова, для окончательной отдѣлки, и это былъ единственный, сколько-нибудь утѣшительный оттѣнокъ нашего достопамятнаго совѣщанія, при которомъ я былъ простымъ слушателемъ, Харитоновъ былъ простымъ писаремъ, а Бутковъ тѣмъ, чѣмъ былъ всегда: ловкимъ проводникомъ всѣхъ идей князя.

Достославный докладъ объ округахъ переписанъ, подписанъ, представленъ и высочайше утвержденъ. О томъ, какъ примѣненіе этой мѣры началось, прежде всего, съ учебнаго округа, какъ волновался при этомъ случаѣ бывшій попечитель округа баронъ Николаи и вообще, что происходило при кончинѣ этого округа—я говорилъ уже выше. Здѣсь можно прибавить только слѣдующія невѣроятныя вещи: князь, отнявшій округъ у барона Николаи и тѣмъ самымъ удалившій его съ Кавказа, князь, отзывавшійся при мнѣ невыгодно о баронѣ, самъ рекомендовалъ его, какъ общее мнѣніе утверждаетъ и въ чемъ я не вижу ни малѣйшаго сомнѣнія, великому князю Михаилу Николаевичу, въ начальники главнаго управленія!.. „Темна вода въ облацѣхъ", можно сказать при этомъ случаѣ или еще лучше: „чужая душа потемки". Само собою разумѣется, что баронъ, какъ только утвердился въ новой, подготовленной для него самимъ княземъ должности, тотчасъ возстановилъ округъ, княземъ уничтоженный съ единственною разницею, и разницею чисто внѣшнею, состоящею въ томъ, что по-

печитель округа называется не попечителемъ, а инспекторомъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ.

О томъ, какъ князь выносилъ отъ государя награды для своихъ приближенныхъ, то чины, то ордена, то званія флигель-адъютанта, какъ сильно доставалось гофмаршалу князя, бѣдному Давыдову, находившемуся постоянно подъ капризами и распеканціями князя,—я уже говорилъ выше въ различныхъ частяхъ моихъ разсказовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ же окончательно опредѣлилось будущее положеніе Милютина въ нашемъ высшемъ государственномъ управленіи...

Еще во время пребыванія князя въ Петербургѣ изъ Москвы присылались телеграммы, что дворянство, купечество, различные клубы жаждутъ счастія преподнести князю балы и обѣды. Предварительными сношеніями условлено было, что всѣ сословія, соединяясь вмѣстѣ, дадутъ въ честь князя одинъ обѣдъ, а генералъ-губернаторъ дастъ балъ. Наконецъ, наступилъ день отъѣзда князя изъ Петербурга. Опять помпа и торжественность! Опять царскія комнаты на станціяхъ и царскіе вагоны!

Огромная толпа свиты увеличилась большою толпою провожающихъ князя, въ которой были, между прочимъ, Бутковъ, братья князя, семейство Давыдовыхъ и пр. и проч.; въ свитѣ появились новыя личности: князь Д., напр., не совсѣмъ удавшійся сынокъ князя. Почти всю дорогу онъ спалъ, а когда просыпался, то спрашивалъ водки или шампанскаго. Я полагалъ, что этотъ юноша спѣшитъ искусственно приравняться къ новымъ своимъ кавказскимъ товарищамъ, отъ которыхъ онъ, вѣроятно, наслышался различныхъ разсказовъ о томъ, какъ крѣпко пьютъ на Кавказѣ; но послѣдствія показали, что питье составляетъ, повидимому, органическое несчастіе его натуры. Оставляя Кавказъ, товарищи его оставляли большею частію и туземное пьянство, а князю Д. оно привилось окончательно. Когда въ послѣдующіе пріѣзды князя Александра Ивановича въ Петербургъ, князь Д. являлся въ его пріемную всегда веселый, и самъ князь, въ видѣ любезной шутки, укорялъ его за это. Потомъ Д. женился на красавицѣ, тоже княжнѣ Д. Но и эта мѣра, кажется, не принесла добрыхъ послѣдствій. Потомъ въ свиту вступилъ, въ качествѣ адъютанта, длинный нѣмецъ Б—къ. Его отецъ, горя желаніемъ провести сынка въ флигель-адъютанты, страшно хлопоталъ не только предъ самимъ княземъ, но и предъ приближенными его, и особенно предъ самолюбивымъ Харитоновымъ, котораго называлъ товарищемъ, по обоюдному служенію по одному и тому же вѣдомству. Вагоны наши наполнены были всевозможными питьями и яствами, отпущенными дворцовымъ вѣдомствомъ; толпа придворныхъ лакеевъ ожидала нашихъ приказаній. Однимъ словомъ, каждый могъ спрашивать „чего душа желаетъ“;

каждый видѣлъ, что минуты, которыя онъ переживалъ, едва-ли не единственныя въ жизни по величію, пышности и торжественности.

Въ самомъ началѣ нашего пути я замѣтилъ между личностями, находившимися въ нашемъ роскошномъ вагонѣ, незнакомаго мнѣ господина съ длинными волосами и со всѣми внѣшними признаками, которые отличаютъ художниковъ отъ простыхъ смертныхъ; но какъ тутъ много мелькало другихъ тоже незнакомыхъ мнѣ фигуръ, то я нисколько не интересовался узнать, кто этотъ господинъ, полагая его принадлежащимъ къ толпѣ придворныхъ личностей, насъ сопровождавшихъ. Особенное мое вниманіе обратилъ на себя этотъ господинъ тогда, когда, устроившись въ углу вагона и развернувъ маленькій портфель, онъ началъ что-то чертить и безпрерывно посматривать на меня. Можно было съ достовѣрностью заключить, что онъ рисовалъ мою фигуру. Я испыталъ страшное, не лишенное нѣкоторой пріятности, чувство. Для чего, думалъ я, понадобилась ему моя фигура? Развѣ она такъ эффектна? Самолюбіе мое страшно разыгрывалось на эту тему и въ эту минуту, конечно, не уступало, по размѣрамъ своимъ, Харитоновскому самолюбію. Но это глупое и присущее всему человѣчеству чувство значительно упало во мнѣ, когда я замѣтилъ, что этотъ господинъ, продолжая рисовать, сталъ всматриваться и въ другія физіономіи, такъ же точно, какъ онъ упорно всматривался сначала въ физіономію, мнѣ принадлежащую. Я увидѣлъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ, что этого господина интересовала не моя исключительно личность, а вся группа личностей, въ вагонѣ находившихся.

Всѣ эти наблюденія я сообщилъ моимъ товарищамъ, которые объяснили мнѣ, что это придворный художникъ Зичи, котораго государь послалъ съ нами именно для того, чтобы нарисовать всѣ замѣчательные моменты переѣзда князя въ Москву и пребыванія его тамъ. Къ вечеру уже готова была съ большимъ талантомъ и поразительнымъ сходствомъ сдѣланная имъ картина, изображавшая нашъ вагонъ и личности, въ немъ находившіяся. Я могъ успокоить свое самолюбіе тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что моя личность была на первомъ планѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Зичи, уже не разлучавшійся съ нами во все время, до отъѣзда князя на Кавказъ, сдѣлалъ множество подобныхъ рисунковъ. Часть ихъ государь прислалъ потомъ князю на Кавказъ въ подарокъ, и мы съ понятнымъ интересомъ разсматривали на этихъ рисункахъ собственныя наши фигуры, изображеніе которыхъ, по милости князя и вмѣстѣ съ его изображеніемъ, забралось въ царскіе дворцы. Само собою разумѣется, что мы ѣхали экстреннымъ поѣздомъ и потому въ тотъ же день вечеромъ часовъ въ 12 пріѣхали въ Москву. На станціи опять ожидали князя и почетная встрѣча, и царскіе экипажи.

25254.

По пріѣздѣ въ Москву князь снова чувствовалъ себя нехорошо. Обѣдъ и балъ, ожидавшіе его тамъ, скорѣе тяготили его, чѣмъ доставляли ему удовольствіе. Если, съ одной стороны, пріятно быть героемъ торжествъ и празднествъ, то, съ другой стороны, роль эта долго исполняемая, дѣлается уже утомительною. Для князя, въ этотъ моментъ, она была вдвойнѣ утомительна сколько потому, что совпадала съ болѣзненнымъ его положеніемъ, разумѣется, исключающимъ то бодрое состояніе духа, которое такъ необходимо въ подобныхъ случаяхъ, столько и потому, что роль эта обязывала князя или говорить спичи или отвѣчать на спичи, т. е. обязывала къ тому, къ чему князь наименѣе былъ способенъ и чего онъ въ особенности терпѣть не могъ. Слабость его въ этомъ отдѣлѣ умственной работы была просто изумительна. Я, кажется, разсказывалъ уже, какъ онъ мучился однажды въ приготовленіи рѣчи какому-то персидскому или турецкому послу, который прежде торговалъ табакомъ въ Тифлисѣ. Вытребованный княземъ какъ-то вечеромъ, я нашелъ его въ страшныхъ хлопотахъ по этой части, „Чортъ возьми“, сказалъ онъ при моемъ входѣ, „никакъ не могу выучить наизусть рѣчь, которую я долженъ сказать завтра этому гнусному господину“. „Перепишите эту рѣчь сами, ваше сіятельство“, замѣтилъ я, „тогда вы непремѣнно будете ее помнить!“ „Да я самъ ее и писалъ“, вскричалъ князь, „а все-таки не могу сказать ее наизусть. Какая глупая обязанность!“ Начались опыты произнесенія рѣчи. Опыты шли очень дурно. „Прочитайте ее завтра утромъ, ваше сіятельство!“ заключилъ я. Несмотря, однако, на всѣ эти предохранительныя мѣры, вышелъ полнѣйшій скандалъ! Когда, при звукахъ музыки, вошелъ посланникъ и бойко произнесъ свою рѣчь, князь началъ говорить свою, но тотчасъ сбился и сталъ рѣшительно втупикъ. Всѣ присутствующіе, наполнявшіе залу, потупились; я такъ сконфузился за князя, что даже и не замѣтилъ, какъ онъ добрался до конца.

Понятно, что такіе неудачные опыты публичнаго ораторства князя не могли располагать его къ новымъ опытамъ и вселять въ немъ довѣріе къ ихъ успѣху. Странное явленіе это дѣлается еще замѣчательнѣе потому, что въ своей сферѣ, въ своемъ, такъ сказать, кругу, князь всегда любилъ говорить, говорилъ всегда много, такъ, что другимъ оставалось только слушать и, главное, говорилъ прекрасно. Какъ только предстояло говорить публично, на князя тотчасъ нападалъ какой-то страхъ и трепетъ, и онъ впадалъ въ непонятное смятеніе! То же было и въ Москвѣ.

На другой же день нашего туда прибытія,—я сдѣлался участникомъ и свидѣтелемъ мученій князя. Пригласивъ меня въ свой кабинетъ, онъ показалъ мнѣ набросанную имъ самимъ рѣчь, которую онъ

долженъ былъ произнесть на торжественномъ обѣдѣ въ московскомъ дворянскомъ собраніи. Я представилъ свои замѣчанія и дополненія, которыя и были тотчасъ приняты. Собственно сочиненіе рѣчи мало обременяло насъ. Когда проектъ былъ окончательно утвержденъ, князь началъ дѣлать опыты произнесенія этой рѣчи. Увы! опыты были весьма печальны! Рѣчь начиналась словами: „Москва есть сердце Россіи!..“ Князь принималъ видъ оратора, я представлялъ громадное собраніе слушателей! Князь бойко начиналъ: „Москва есть сердце Россіи...“ но тотчасъ запинался и останавливался. Я подсказывалъ слѣдующія слова, и князь, одолѣвъ первый завалъ, дѣлалъ шагъ впередъ и останавливался предъ новымъ заваломъ! Я вновь подсказывалъ и такимъ образомъ, кое-какъ, съ безпрерывными затрудненіями и подсказываніями, мы добирались до конца и потомъ снова начинали... Во время этихъ трудовъ я думалъ про себя: „вотъ удивились бы толпы генераловъ и знатныхъ лицъ, ожидающихъ въ пріемной счастья представиться князю, если бы могли видѣть, чѣмъ въ это время занимается знаменитый фельдмаршалъ съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ!“ Повторивъ наши опыты нѣсколько разъ съ одинаковымъ успѣхомъ и съ постоянными моими подсказываніями, князь догадался, что на эти подсказыванія разсчитывать нечего, потому что въ собраніи, на мѣстѣ торжественнаго произнесенія рѣчи, они будутъ невозможны и потому сказалъ: „ну, теперь вы не подсказывайте мнѣ, какъ бы я ни останавливался“ и опять началъ: „Москва есть сердце Россіи...“ Дѣло шло еще хуже, и я долженъ былъ посовѣтовать князю въ случаѣ, если онъ забудетъ что-нибудь въ срединѣ рѣчи, не останавливаться и не стараться припоминать, что именно такое забылъ, а идти смѣло впередъ и говорить то, что помнитъ.

День, въ который давался князю этотъ обѣдъ, видимо взволновалъ всю Москву. Различныхъ слуховъ ходило множество. Между прочимъ говорили, что московскія дамы будутъ размѣщены на хорахъ и будутъ осыпать цвѣтами князя. Отъ дворца, гдѣ жилъ князь, до дома дворянскаго собранія стояли по обѣимъ сторонамъ сплошными стѣнами толпы народа. Путь этотъ былъ освѣщенъ огнями. Когда двинулся экипажъ князя, народъ сопровождалъ его криками: ура! Зала дворянскаго собранія была великолѣпно убрана и освѣщена. При входѣ князя загремѣла музыка, и онъ, встрѣченный почетнѣйшими лицами, прошелъ, раскланиваясь на обѣ стороны, къ приготовленному для него столу, за который и сѣлъ вмѣстѣ съ этими лицами. Тысячи дамскихъ биноклей и лорнетовъ сосредоточивались въ этотъ моментъ на князѣ. Вблизи стола, за которымъ помѣщался князь, приготовленъ особый столъ собственно для лицъ, при немъ

состоящихъ. Затѣмъ шли безчисленные столы, занятые представителями Москвы. Прежде чѣмъ обѣдъ достигнулъ половины своей программы, въ залѣ уже носился страшно безцеремонный гулъ и говоръ; видно было, что москвичи не стѣсняютъ себя. Во второй половинѣ обѣда начались рѣчи; но я не знаю, кто ихъ слышалъ; по крайней мѣрѣ, ни я, ни мои товарищи, сидѣвшіе за ближайшимъ столомъ къ тому, за которымъ говорились эти рѣчи, рѣшительно ничего не слыхали. Начать съ того, что общій гулъ, ходившій въ залѣ и особенно свирѣпствовавшій на отдаленныхъ столахъ, если и стихалъ при этихъ случаяхъ, то въ самой незначительной степени, потомъ, какъ только вставалъ кто-нибудь для произнесенія рѣчи, мгновенно бросались туда съ ближайшихъ столовъ господа и окружали говорящаго такою плотною стѣной, за которой ничего рѣшительно не было слышно. Мѣшаться же въ эту толпу мы, кавказцы, считали для себя неприличнымъ, и потому оставались на своихъ мѣстахъ. Насъ очень смѣшили нѣкоторые подгулявшіе москвичи, которые, проходя мимо нашего стола, выдѣлывали предъ нами и въ пользу нашу разные сочувственные „курбеты“. Какъ теперь вижу предъ собою довольно пожилаго, сѣденькаго и толстенькаго господина, значительно подвыпившаго, который каждый разъ, проходя отъ своего стола къ столу князя и обратно, останавливался передъ нами, дѣлалъ умильную рожицу, и складывая въ какомъ-то благоговѣніи свои руки, какъ предъ образомъ, нѣжнѣйшимъ сопрано восклицалъ: „Голубчики кавказцы!“.

Какимъ образомъ сошла рѣчь князя съ ея извѣстнымъ началомъ: „Москва есть сердце Россіи...“ рѣчь, надъ которою мы такъ мучились, я уже не слыхалъ. Конецъ обѣда былъ какой-то странный, ясно свидѣтельствовавшій, что распорядители обѣда люди, тоже странные, если не болѣе. По примѣру петербургскаго обѣда мы думали и князь тоже думалъ, что послѣ обѣда общество пойдетъ въ другія залы и что если тамъ не будетъ петербургской жженки, все-таки будетъ возможность провести минутъ пять, десять и потомъ прилично разъѣхаться. Ничуть не бывало. Ни одна комната не была освѣщена, кромѣ залы, такъ что, какъ только кончился обѣдъ—тотчасъ и начался разъѣздъ, при чемъ многіе изъ москвичей, наиболѣе почтенныхъ, имѣли любезность уѣхать прежде князя. Въ числѣ этихъ тонкихъ и политичныхъ людей былъ первый графъ Закревскій, бывшій до Тучкова московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Осыпанья князя цвѣтами тоже не было, напротивъ, на другой день самъ князь, со словъ брата князя Анатолія, разсказывалъ мнѣ, что онъ вовсе не понравился московскимъ дамамъ. „Это и весьма естественно“, скромно замѣчалъ князь: „онѣ ожидали увидѣть молодаго фельдмаршала, въ родѣ гусарскаго корнета, а предъ ними явился господинъ, плохой на

ноги, съ большой лысиной и краснымъ носомъ...“ О своемъ „красномъ“ носѣ князь любилъ часто упоминать; и дѣйствительно этотъ носъ былъ главнымъ основаніемъ навязанной князю, совершенно ложно и незаслуженно, репутаціи кутилы...

Балъ, данный генералъ-губернаторомъ князю, былъ балъ, какъ балъ, роскошный, блестящій, соединившій въ себѣ все, что было въ Москвѣ роскошнаго и великолѣпнаго. Быть можетъ, что московскія барыни были пороскошнѣе одѣты, плечи ихъ поболѣе обнажены, но эти тонкости для насъ, кавказцевъ, не могли быть замѣтны. Мы видѣли огромныя толпы народа, двигающагося массами изъ залы въ залу, подъ потоками ослѣпительнаго свѣта; видѣли множество генераловъ, мундировъ, звѣздъ и крестовъ, видѣли множество дамъ красивыхъ и некрасивыхъ, въ изящныхъ и не совсѣмъ изящныхъ нарядахъ—однимъ словомъ, видѣли московскій балъ. Торжественно встрѣченный князь скоро сѣлъ за карты съ почтеннѣйшими москвичами, суровый Шамиль былъ тоже предметомъ общаго вниманія; представлявшійся и представляемый всегда въ своей огромной папахѣ, онъ здѣсь, подъ вліяніемъ духоты, долженъ былъ снять ее и сидѣлъ въ какой-то ермолкѣ на бритой большой головѣ и по обычаю, какъ всегда, шепталъ свои молитвы. По свидѣтельству моихъ товарищей, я тоже, или лучше сказать, мой Владиміръ съ мечами, украшавшій мою доблестную грудь, производилъ значительный эффектъ; они говорили, что многіе глядѣли сперва на мой крестъ, потомъ на мою физіономію, потомъ суетливо перешептывались, вѣроятно, подъ вліяніемъ недоразумѣнія, какимъ образомъ сей воинственный знакъ достался статскому господину, въ которомъ нѣтъ ничего воинственнаго. Въ разсказахъ моихъ товарищей много вѣроятности потому, что я всегда замѣчалъ и теперь постоянно замѣчаю, что какъ только кто-нибудь увидитъ у меня на шеѣ Владиміра съ мечами, сейчасъ выразитъ въ своей фигурѣ изумленіе и въ слѣдъ затѣмъ пристально посмотритъ мнѣ въ физіономію. По этому-то я и дорожу этимъ крестомъ болѣе, чѣмъ моими звѣздами; звѣзды разсыпаются тысячами. Владиміръ съ мечами во всей Россіи есть только у двухъ статскихъ: пріятеля моего, статсъ-секретаря Мансурова, за какіе-то, впрочемъ, мирные подвиги его во время восточной войны, и у меня.

Участвуя во всѣхъ торжествахъ и праздникахъ, устраиваемыхъ для князя, мы, т. е. состоящіе при немъ въ разныхъ должностяхъ и званіяхъ, пользовались и другими праздниками, менѣе торжественными, но зато болѣе шумными и веселыми, собственно въ нашу пользу сочиняемыми, такъ что почти каждый день намъ приходилось, по окончаніи нашихъ оффиціальныхъ обязанностей, переходить въ міръ не оффиціальный и пировать въ немъ „до бѣлаго свѣта“. Въ

ряду этихъ пировъ припоминаю одинъ, наиболѣе широкій и чисто московскаго характера...

Въ началѣ моихъ записокъ я говорилъ уже, что братъ князя Александра Ивановича, князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій былъ чистый москвичъ. Тамъ онъ проводилъ шумно и бурно свою юность; тамъ онъ не одинъ разъ разорялся и погрязалъ въ неоплатныхъ долгахъ; тамъ онъ обогащалъ московскихъ ямщиковъ и извозчиковъ; тамъ онъ крестилъ дѣтей у московскихъ цыганъ; тамъ онъ имѣлъ громаднѣйшія связи съ міромъ кутилъ... Этотъ міръ именно и взволновался при появленіи тамъ князя Анатолія Ивановича въ составѣ свиты князя Александра Ивановича и настоятельно требовалъ, чтобы мы приняли пиръ, устроенный для насъ у московскихъ цыганъ. Цыгане тогда еще были въ полной славѣ, и безъ преувеличенія можно сказать, что никогда хоръ ихъ не заключалъ въ себѣ такого рѣдкаго собранія прелестныхъ женщинъ, какъ въ этотъ моментъ.

Само собою разумѣется, что пиръ былъ съ удовольствіемъ принятъ, но къ сожалѣнію въ самый тотъ день, или лучше сказать въ ту ночь, когда онъ долженъ былъ происходить, случилось обстоятельство, грозившее, если не совершенно разрушить его, то значительно повредить его великолѣпію.

Надо замѣтить, что зима 1859—60 г. была такая, какихъ старожилы мало запомнятъ. Снѣгъ валилъ почти ежедневно съ утра до вечера и навалилъ всюду невообразимыя горы. Въ эту именно зиму возбужденъ былъ вопросъ о приготовленіи къ веснѣ спасительныхъ лодокъ и другихъ предохранительныхъ средствъ на случай чрезвычайнаго разлитія рѣкъ и наводненій, которыхъ вездѣ ожидали. Въ эту зиму постоянно слышалось, что тамъ цѣлый обозъ, занесенный снѣгомъ, замерзъ, а тамъ почта, застигнутая метелью, по цѣлымъ днямъ и ночамъ блуждала въ полѣ... Въ эту зиму даже поѣзда Николаевской желѣзной дороги потеряли всякую регулярность и приходили не въ урочный часъ, а какъ случится, иногда чрезъ день и болѣе... Въ эту именно зиму улицы Москвы представляли видъ взволнованнаго моря, по волнамъ котораго разнородные экипажи ныряли съ большимъ трудомъ и съ нѣкоторою опасностью. На этихъ-то волнахъ князь Анатолій Ивановичъ былъ выброшенъ изъ экипажа и значительно разбитъ. Большая часть участвующихъ въ пирѣ, по условію, должны были собраться въ полночь у него, какъ предсѣдателя пира, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ обиталище цыганъ. Когда въ урочный часъ мы явились къ князю, мы нашли его въ постели, бесѣдующимъ съ докторомъ, который осматривалъ его ушибы. Казалось, все потеряно, но милый князь, чтобъ не разрушить пира, рѣшился, несмотря на серьезныя страданія, несмотря на проте-

сты доктора, ѣхать съ нами и оставаться тамъ, сколько силы позволятъ.

Цыгане жили гдѣ-то, какъ говорится, „у чорта на куличкахъ“, на самомъ краю города. Издали уже можно было замѣтить ихъ жилище, горящее, какъ фонарь. Это былъ громадный деревянный домъ, съ множествомъ отдѣленій и переходовъ. Князь Анатолій Ивановичъ былъ принятъ въ этомъ, исчезающемъ уже нынѣ, мірѣ, какъ царь. Цыгане радостно его окружили. Кромѣ цыганъ, мы нашли тамъ много усатыхъ личностей, старинныхъ пріятелей князя, которые и были хозяевами и распорядителями пира. Мы, кавказцы, обмѣнялись съ этими московскими личностями обычными фразами и привѣтствіями, но не прошло, я думаю, и часу, какъ эти церемонныя фразы замѣнились самымъ безцеремоннымъ пріятельскимъ обращеніемъ и все съѣхало на „ты“. Скоро оказалось, что многіе изъ этихъ личностей жили съ хорошенькими цыганками, какъ съ своими женами. Нѣкогда знаменитая въ Петербургѣ косенькая „Лиза“ была на содержаніи у какого-то богатаго москвича, который, какъ говорили тогда, хотѣлъ даже на ней жениться, что̀ не было бы нисколько удивительнымъ, потому что эта Лиза, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывалась дѣвушкою очень умною и симпатичною, не говоря уже о талантѣ ея, какъ пѣвицы. Несмотря, однако же, на принадлежность каждой хорошенькой цыганки своему усатому обладателю, ясно было, что имъ поручено было, не стѣсняясь, очаровывать исключительно насъ, кавказцевъ, что̀ они и дѣлали съ большимъ успѣхомъ.

Толстый и милый Тромповскій, сдѣлавшійся особеннымъ предметомъ ихъ атаки, млѣлъ отъ восторга. Князь Анатолій Ивановичъ постоянно напускалъ на него одну, едва-ли не самую хорошенькую цыганку, съ распущенными волосами. Этотъ демонъ, во время страстной пляски, приближалась къ Тромповскому, закрывала хорошенькое свое личико тучею прекрасныхъ волосъ, потомъ вдругъ отбрасывала ихъ и, кинувъ на него огненный взглядъ своихъ жгучихъ глазъ, пускалась опять плясать съ самыми невыносимыми тѣлодвиженіями. Тромповскій испускалъ какіе-то непонятные звуки въ родѣ вздоховъ или стоновъ, въ которыхъ слышно было только то, что онъ на верху блаженства.

Само собою разумѣется, что шампанское лилось рѣкою и постоянно обходило присутствующихъ съ приглашеніемъ пить то за ту, то за другую изъ цыганокъ. Пѣсни смѣнялись плясками, пляски смѣнялись пѣснями. Пѣли хоровыя цыганскія пѣсни, солистки пѣли свои романсы. Въ пляскахъ было то, что всѣ видѣли; но было и то, чего, вѣроятно, не всѣ видѣли, чего, по крайней мѣрѣ, я до тѣхъ поръ не видалъ. Началось съ того, что цыганки выгнали всѣхъ цыганъ, сво-

ихъ мужей и братьевъ; потомъ одна изъ нихъ, красивая и молодая женщина, перетянувъ платкомъ и на какой-то особенный манеръ свой станъ, пошла подъ какую-то особенно зажигающаго содержанія пѣсню, плясать и дѣлать формами своего тѣла такія движенія, которыя и въ полумертвомъ могли возбудить жизнь и страсть... Разумѣется, что эту таинственную пляску мы заставляли повторять нѣсколько разъ. Когда она кончилась, впустили снова цыганъ-мужчинъ, и снова пошли хоры, соло и пляски.

Между тѣмъ, какъ ни крѣпился князь Анатолій Ивановичъ—страданія его постоянно усиливались: онъ при каждомъ движеніи охалъ и даже вскрикивалъ и долженъ былъ уѣхать далеко до конца пира. Сближеніе наше съ москвичами достигло крайней степени: значительно подгулявшіе, мы, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, обнимались, цѣловались и мѣнялись увѣреніями въ вѣчной дружбѣ. Только наступленіе деннаго свѣта положило окончаніе этому достопамятному пиру; къ сожалѣнію, страданія князя Анатолія Ивановича не только не кончились съ окончаніемъ этого пира, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ усиливались болѣе и болѣе; оказалось, что у него изломано или помято нѣсколько реберъ, такъ что онъ долженъ былъ пролежать въ Москвѣ довольно долго послѣ отъѣзда оттуда князя Александра Ивановича. Болѣзнь его и ея причины, какъ говорили, сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, и вслѣдствіе того московскимъ властямъ данъ будто бы должный нагоняй за скверное состояніе улицъ.

Между тѣмъ приближался день отъѣзда изъ Москвы князя Александра Ивановича. Отовсюду доходили о дорогахъ самыя неблагопріятныя свѣдѣнія, представлявшія предстоящее путешествіе князя ужаснымъ и мучительнымъ въ высшей степени. Вмѣстѣ съ этими свѣдѣніями являлись различные проекты о способахъ, которыми можно было бы улучшить и облегчить это путешествіе. Въ ряду этихъ проектовъ восторжествовалъ слѣдующій, представленный однимъ изъ почтовыхъ чиновниковъ, Рейнботомъ, направленный противъ главнѣйшей бѣды: страшныхъ ухабовъ, которыми изрыты всѣ дороги. Этимъ проектомъ предложено было поставить экипажъ князя на длиннѣйшія, въ нѣсколько саженъ, полозья, которые должны идти поверхъ ухабовъ, не ныряя въ нихъ. Такіе именно полозья и сдѣланы были, представивъ собою Москвѣ невиданную штуку въ области экипажныхъ дѣлъ. Въ назначенный день и часъ эту штуку, кажется, на восьми или десяти лошадяхъ, подвезли къ подъѣзду дворца, въ которомъ жилъ князь. Едва-ли нужно говорить, что проводы князя были парадны и торжественны. Въ то время, когда князь садился въ экипажъ, а за нимъ втискивался туда же толстый Тромповскій,

кругомъ почтительно стояли толпы разныхъ лицъ, знатныхъ и незнатныхъ. Этотъ именно моментъ также былъ снятъ художникомъ Зичи, и въ числѣ провожающихъ моя фигура, въ моей шубѣ, опять была на первомъ планѣ.

Рисунокъ этотъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые потомъ государь прислалъ князю на Кавказъ. За экипажемъ князя нѣсколько другихъ экипажей мгновенно наполнились свитою князя. Провожая моихъ пріятелей, я имъ кричалъ: „прощай“; они мнѣ отвѣчали: „пріѣзжай“.

II.

Мой отъѣздъ на Кавказъ. — Необычайная суровость зимы. — Мое печальное путешествіе.—Шумная встрѣча меня въ Ставрополѣ.—Кончина моего отца.—Неудача плановъ моей жены.—Объясненіе князя со мной по поводу предполагаемаго новаго назначенія.

Вопросъ о томъ, почему я попалъ, на картинѣ Зичи, въ группу провожающихъ князя, равно какъ и о томъ, почему я говорилъ отъѣзжающимъ пріятелямъ: „прощай!“ разрѣшается тѣмъ, что князь позволилъ мнѣ остаться еще нѣсколько дней съ моимъ семействомъ и пріѣхать послѣ. Вслѣдъ за отъѣздомъ князя я поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ оставилъ жену. Насладившись на совершенной уже свободѣ всѣми столичными удовольствіями, я возвратился въ Москву для того, чтобы оттуда отправиться на Кавказъ.

Намѣреніе это встрѣтило значительныя затрудненія именно въ необычайной суровости зимы того года. Каждый день были жесточайшія вьюги и метели, такъ что на московскихъ улицахъ за пять шаговъ ничего не было видно. Ежедневно слышались извѣстія о замерзшихъ, заблудившихся и о другихъ несчастіяхъ этого рода. Движеніе почтъ на нѣкоторыхъ трактахъ прекратилось, а на другихъ подверглось величайшимъ затрудненіямъ и замедленіямъ, даже поѣзда Николаевской желѣзной дороги, какъ я сказалъ уже, не приходили во-время и опаздывали нѣсколькими часами, а иногда цѣлыми сутками. Я почти ежедневно ѣздилъ то въ почтамтъ, то на желѣзную дорогу. Свѣдѣнія, тамъ и здѣсь получаемыя, были совершенно не благопріятны. Общее мнѣніе людей знакомыхъ было таково, что я поступлю чрезвычайно безразсудно, если пущусь, при этихъ вьюгахъ и метеляхъ, въ мой далекій путь. Мое положеніе сдѣлалось непріятнымъ: князь могъ подумать, что я безцеремонно пользуюсь его дозволеніемъ и просто жуирую. Нетерпѣніе мое достигло крайней

степени. Наконецъ, хотя бурная зима продолжала вести себя прежнимъ порядкомъ, я рѣшился отправиться... Предъ самымъ отправленіемъ открылись слѣдующія обстоятельства.

Съ нѣкоторою торжественностью жена объявила мнѣ, что она должна открыть мнѣ тайну, которую скрывать далѣе считаетъ противнымъ своему долгу. „Ты имѣешь полное право негодовать на меня“, прибавила она, „но я дѣйствовала, какъ любящая жена и мать!“.. Такое вступленіе не могло не изумить меня, тѣмъ болѣе, что между нами до тѣхъ поръ никакихъ рѣшительно тайнъ не существовало. Дѣло вотъ въ чемъ. Подъ вліяніемъ своей ненависти къ Кавказу, отнявшему у ней двухъ дѣтей, подъ вліяніемъ любви къ остальнымъ дѣтямъ, которыя, по ея убѣжденію, тамъ такъ же точно неминуемо погибнутъ, подъ вліяніемъ страха тѣхъ опасностей и тѣхъ кутежей, въ которыхъ я тамъ находился, наконецъ въ борьбѣ съ предстоящею необходимостью или ѣхать въ эту противную для нея страну или переносить новую разлуку съ мужемъ, разлуку, которой и конца предвидѣть невозможно,—она рѣшилась разорвать, невѣдомо для меня, мои связи съ Кавказомъ.

Съ этою цѣлью, и зная мою преданность къ князю, она заготовила ему письмо, въ которомъ, излагая разрушенное положеніе нашего семейства, именно вслѣдствіе преданности моей къ князю, умоляла его, во-первыхъ, приказать мнѣ остаться въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, о ея письмѣ и ея просьбѣ ни въ какомъ случаѣ не говорить мнѣ. Приготовивъ это письмо, она пригласила къ себѣ добраго Тромповскаго и, вручивъ ему письмо, просила его не только доставить его князю, но и наблюсти, чтобы князь непремѣнно прочиталъ его, такъ какъ изъ моихъ разсказовъ знала, что князь бросаетъ часто нечитанными письма даже своихъ родныхъ. Тромповскій взялъ письмо и удостовѣрилъ жену, что сдѣлано будетъ все такъ, какъ она желаетъ. Направивъ такимъ образомъ свою атаку на князя, жена, для подкрѣпленія ея, прибѣгла къ союзу Ольги Ивановны Давыдовой, старшей и любимой сестры князя. Она умоляла Ольгу Ивановну объяснить князю подробно наше тяжелое положеніе, что̀ въ письмѣ сдѣлать невозможно, и добиться согласія его отпустить меня.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ жены видно, что какъ въ отношеніи Тромповскаго, такъ и въ отношеніи Ольги Ивановны князь отмалчивался упорнѣйшимъ образомъ. Когда, однажды, эта добрая женщина, тоже любившая, какъ и мать ея, мою жену и принимавшая сердечное участіе въ ея положеніи, пилила князя цѣлый вечеръ этимъ дѣломъ, а онъ продолжалъ молчать, она нетерпѣливо спросила: „что же ты на это скажешь?“ князь тоже нетерпѣливо отвѣчалъ: „ничего не скажу!“ Такое положеніе дѣла не могло, конечно, радовать мою

жену, и потому она осыпала самыми энергическими настояніями и просьбами Ольгу Ивановну вырвать у князя спасительное согласіе. Ольга Ивановна обѣщала при отъѣздѣ князя и прощаніи съ нимъ осадить его самыми настоятельными убѣжденіями и такъ какъ она будетъ провожать его до Москвы, то найдетъ для того достаточно времени и возможности. По возвращеніи изъ Москвы, Ольга Ивановна передала женѣ моей слѣдующій, дѣйствительный или самою ею придуманный, результатъ. Князь будто бы сказалъ ей: „успокой Нину Петровну; скажи, что я принимаю къ сердцу ея положеніе, буду думать и помнить о немъ и надѣюсь скоро исполнить ея желаніе!“ Какъ я сказалъ уже, я ничего этого не зналъ, и князь ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ о ходѣ этихъ странныхъ переговоровъ.

Разсказъ жены не могъ, конечно, не удивить меня. Я былъ очень далекъ отъ того, чтобы сердиться на эти таинственныя дѣйствія съ ея стороны, уже потому, что они, во всякомъ случаѣ, истекали изъ любви ея къ мужу и дѣтямъ. Съ другой стороны, если я дѣйствительно имѣлъ глубокую неограниченную привязанность къ князю, то собственно Кавказъ далеко не очаровывалъ меня до такой степени, чтобъ я не былъ готовъ промѣнять его на Петербургъ при согласіи и участіи князя. Наконецъ, во всѣхъ этихъ переговорахъ князь положительно видѣлъ, что если онъ и удостоиваетъ меня особеннымъ своимъ благоволеніемъ, то за это благоволеніе я плачу весьма существенными для семейнаго человѣка жертвами и лишеніями. Конецъ концовъ былъ тотъ, что вмѣстѣ съ женою мы рѣшились ждать, что будетъ дальше, справедливо полагая, что такой человѣкъ, какъ князь, не будетъ бросать на вѣтеръ такихъ словъ, какія онъ сказалъ на прощанье Ольгѣ Ивановнѣ, и что во всякомъ случаѣ онъ не останется равнодушнымъ къ положенію семейства, такъ давно связаннаго добрыми отношеніями съ его собственнымъ семействомъ.

День моего отъѣзда изъ Москвы былъ такъ же день бурный. Снѣгъ валилъ и крутилъ по-прежнему. Вмѣстѣ съ женой мы подъѣхали къ Иверской, гдѣ усердно помолились и окончательно распрощались. Затѣмъ потянулся мой длинный путь, который на этотъ разъ былъ столь же скученъ и отвратителенъ, сколько былъ веселъ и радостенъ мой путь изъ Тифлиса въ Москву. Взоръ ничего положительно не встрѣчалъ на всемъ видимомъ пространствѣ, кромѣ безконечныхъ, унылыхъ, снѣжныхъ равнинъ. Всѣ деревни положительно были занесены. Количество снѣгу въ эту зиму такъ было велико, что верстовые столбы и придорожныя деревья тоже были занесены совершенно; изрѣдка только, кое-гдѣ, выставлялись изъ-подъ снѣга ихъ верхушки. Станцій тоже не было видно. Въ землѣ войска Донскаго, напр., вашъ экипажъ вдругъ останавливается среди снѣжнаго

поля; оказывается, что тутъ внизу почтовая станція, къ которой надобно спускаться по прокатаннымъ дорожкамъ и спускамъ. Мое путешествіе, впрочемъ, при содѣйствіи курьерской подорожной, а частію и моихъ титуловъ, въ ней прописанныхъ, не было еще очень медленно, по крайней мѣрѣ сравнительно. Я помню, что выѣхалъ въ субботу на третьей нелѣлѣ великаго поста, а пріѣхалъ, на шестой недѣлѣ, тогда какъ другой кавказецъ, выѣхавшій въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ, пріѣхалъ въ Тифлисъ послѣ меня, на послѣдней.

Вѣроятно, каждый испыталъ на себѣ такъ называемое вліяніе окружающихъ обстоятельствъ. Изъ этихъ обстоятельствъ сильнѣе всего мѣняютъ наши впечатлѣнія различныя мѣстности. Едва-ли я не говорилъ уже, что еще въ Ставрополѣ, куда я ввалился скучный и недовольный, на меня уже повѣяло духомъ кавказскаго міра, гдѣ, изъ сферы дѣловой и важной, я постоянно переходилъ въ сферу кутежей и обратно. Такъ точно было и здѣсь. Едва я вошелъ въ отведенныя мнѣ комнаты лучшей ставропольской гостиницы, какъ ко мнѣ тотчасъ ворвалась пировавшая въ сосѣднихъ комнатахъ толпа моихъ походныхъ пріятелей, которая, ничего не слушая, ничему не внимая, схватила меня на руки и начала качать и освободила меня единственно вслѣдствіе доклада, что губернаторъ пришелъ ко мнѣ. Послѣ серьезныхъ бесѣдъ о серьезныхъ вещахъ съ губернаторомъ, я снова переходилъ въ распоряженіе пріятелей, освобождаясь отъ нихъ опять для разговоровъ съ губернаторомъ. Проводы, устроенные мнѣ этими пріятелями, были величественны; но путь отъ Ставрополя до Тифлиса былъ самый отвратительный. Черноземная почва распустилась; колеса экипажа уходили въ нее по ступицу. Достаточно сказать, что шестерня лучшихъ курьерскихъ лошадей, запряженная въ мой легкій тарантасъ, останавливалась, измученная на полпути, а иногда и ранѣе, такъ что я долженъ былъ проводить цѣлыя ночи въ полѣ, а иногда тащиться на волахъ, платя по 1 руб. сер. за версту.

За нѣсколько станцій предъ Владикавказомъ я встрѣтилъ пріятеля своего, адъютанта князя—князя Львова, который сопровождалъ знаменитаго въ то время, хотя и ложно, Мегметъ Аминя съ значительною свитою. При взглядѣ на этого проходимца я не могъ не подумать, что послѣ Шамиля онъ произведетъ въ Петербургѣ уже мало эффекта и напомнитъ „горчицу послѣ ужина“. Какъ бы то ни было, проводникъ его князь Львовъ сдѣланъ былъ по этому случаю флигель-адъютантомъ.

Тифлисъ встрѣтилъ меня самымъ радушнымъ образомъ. Едва только распространилась тамъ вѣсть о моемъ пріѣздѣ—мои комнаты наполнились друзьями и сослуживцами. На другой день, при представленіи моемъ князю, онъ выразилъ величайшее удовольствіе моему

прибытію и прибавилъ: „а я думалъ уже, что вы не пріѣдете!". Фраза эта не представляла уже для меня ничего темнаго и удивительнаго послѣ разсказа моей жены, который я выше привелъ. Затѣмъ началась страстная недѣля съ говѣньемъ и различными церковными торжествами, предшествующими торжествамъ великой Святой недѣли. Готовый принять самое живое и дѣятельное участіе и въ этихъ торжествахъ и вообще въ праздничныхъ удовольствіяхъ, я былъ пораженъ неожиданно тяжелымъ обстоятельствомъ. У меня умеръ отецъ.

Весьма естественно, что, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, я сталъ присматриваться, оставили ли какое-нибудь впечатлѣніе въ князѣ энергическія просьбы жены моей, подкрѣпленныя просьбами сестры его, Ольги Ивановны Давыдовой, и что вообще изъ этого выйдетъ? Увы! я долженъ сказать, что князь, при всемъ его великолѣпіи, былъ порядочный эгоистъ вообще; на женщинъ же, на ихъ просьбы, на ихъ слезы и на ихъ фантазіи вообще онъ смотрѣлъ всегда съ величайшимъ презрѣніемъ. Впрочемъ, я думалъ, что эти милые принципы не прилагаются ни ко мнѣ, ни къ моему семейству, во имя старинныхъ и исключительныхъ отношеній, въ которыхъ я и семья моя находились къ князю и его семейству. Намъ, съ нашею гордостью, такъ свойственно считать себя во всѣхъ подобныхъ случаяхъ исключеніями. Но дѣйствительность стала скоро разрушать это самолюбивое заблужденіе, она показала, что общіе принципы князя привеликолѣпно прилагаются и къ моему положенію; словомъ, дѣла пошли совсѣмъ въ другую сторону...

Обстоятельства, сюда относящіяся, какъ само собою разумѣется, сдѣлались предметомъ самой оживленной переписки между мною и моею женой. Жена настоятельно требовала моего возвращенія съ Кавказа, а Барятинскій упорно меня удерживалъ при себѣ.

Выше, при изложеніи преобразованія главнаго управленія, я говорилъ уже, что князь, разсматривая начальника этого управленія, Круз—на, какъ перваго министра, находилъ возможнымъ, чтобы онъ въ то же время управлялъ самъ однимъ изъ министерствъ, подобно тому, какъ первый министръ Англіи, напр., управляетъ тѣмъ или другимъ министерствомъ. На этомъ основаніи К—у порученъ былъ департаментъ общихъ дѣлъ, департаментъ, такъ сказать, передовой и возбуждающій, ибо въ немъ, между прочимъ, сосредоточивались всѣ отчетныя свѣдѣнія о ходѣ и положеніи дѣлъ по всему управленію и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній представлялись, чрезъ кавказскій комитетъ, государю.

Само собою разумѣется, что безпечный и малодѣловитый, К—нъ, постоянно занятый докладами, которые ему дѣлали департаменты, и докладами, которые онъ дѣлалъ князю, не могъ и не хотѣлъ прила-

гать особенныхъ попеченій собственно въ отношеніи департамента общихъ дѣлъ, и, предоставивъ управленіе имъ одному изъ бездарнѣйшихъ чиновниковъ Крамалею, возведенному на этотъ случай въ санъ вице-директора, находилъ, что съ его стороны все сдѣлано и департаментъ пойдетъ, какъ идутъ всевозможные департаменты на свѣтѣ. Апатичное отношеніе къ нему самого К—а и рутинная дѣятельность Крамалея произвели свои результаты. Департаментъ заснулъ, а за нимъ, по отсутствію той возбуждающей силы, которую онъ долженъ представлять, заснули и другіе департаменты. Количество неконченныхъ, неразрѣшенныхъ дѣлъ возрасло по всему управленію въ ужасающей степени. Нѣтъ сомнѣнія, что департаменты продолжали бы спать, а количество неразрѣшенныхъ дѣлъ продолжало бы возрастать, если бы самъ государь не далъ всему управленію намѣстника возбудительнаго толчка. Однимъ словомъ, на одной изъ срочныхъ вѣдомостей, представленныхъ кавказскимъ комитетомъ государю, съ установленными подраздѣленіями и сравненіями, его величество собственноручно начерталъ высочайшее повелѣніе обратить вниманіе намѣстника на медленность и запущенность дѣлъ по кавказскому управленію. Князь, какъ ни мало былъ опытенъ въ гражданскихъ дѣлахъ, видѣлъ, однако, что, хотя К—нъ и отличный человѣкъ, но съ нимъ далеко не уѣдешь, и что получать подобные щелчки нѣтъ никакой пріятности. Съ свойственною ему быстротою и вѣрностью соображеній онъ увидѣлъ необходимость поручить департаментъ общихъ дѣлъ человѣку, болѣе энергичному, который бы, давъ жизнь и движеніе этому передовому департаменту, повелъ бы за собою всѣ другіе департаменты, а въ то же время подталкивалъ и самого апатичнаго К—на. Съ убѣжденіями о моихъ способностяхъ князь не могъ колебаться въ выборѣ такого человѣка и однажды, скоро послѣ моего возвращенія, совершенно неожиданно предложилъ мнѣ этотъ департаментъ. Собственно это предложеніе и послѣдующіе за нимъ переговоры и были причиною, съ одной стороны, неопредѣленныхъ моихъ намековъ въ письмахъ къ женѣ, а съ другой—ея энергическаго протеста.

Раздираемый, такъ сказать, на двѣ половины между княземъ и женою, я испытывалъ въ одно и то же время какое-то противоположное чувство, нѣчто въ родѣ мучительнаго наслажденія или отраднаго мученія. Сладчайшая часть этого чувства созидалась сознаніемъ, что я такъ дорогъ двумъ драгоцѣннѣйшимъ для меня существамъ въ мірѣ; мученія мои происходили отъ того, что именно эти существа, по странному капризу судьбы, стали въ такую борьбу за меня и что я никакъ не въ силахъ принести одного въ жертву другому. Я не могъ бросить князя и карьеру, которую онъ мнѣ положительно предвѣщалъ и обѣщалъ, въ то же время, цѣня любовь и привязанность ко мнѣ

жены, я не раздѣлялъ недовѣрія ея къ князю. Если я и замѣчалъ въ немъ черты и хитрости и эгоизма, на которыя жена постоянно нападала, то мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ эти черты когда-нибудь могли быть примѣнены ко мнѣ, во-первыхъ, по исключительнымъ нашимъ отношеніямъ, во-вторыхъ, по собственнымъ его словамъ, отъ которыхъ отступить, казалось мнѣ, рѣшительно невозможнымъ, и, въ-третьихъ, по свойственной самолюбію человѣческому слабости выгораживать себя изъ всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случаевъ, считая ихъ до насъ лично не относящимися.

Послѣдствія показали, однако, что я болѣе ошибался, чѣмъ жена моя съ ея женскою прозорливостью. Но факты, показавшіе, что правда была на ея сторонѣ, явились потомъ, а во время переписки нашей я былъ вполнѣ убѣжденъ, что она, неопытная въ высшихъ отношеніяхъ, рѣшительно заблуждалась, и въ этомъ убѣжденіи ничего не находилъ лучшимъ, какъ выжидать дальнѣйшаго хода обстоятельствъ, успокаивая волненія жены моими письмами.

III.

Вступленіе мое въ управленіе департаментомъ общихъ дѣлъ.—Мои отношенія къ лицамъ мѣстнаго управленія.—Замѣчательное письмо ко мнѣ „не мирнаго“ Колюбякина.—Переѣздъ мой на мою Каджорскую дачу.—Оригинальныя отношенія между туземцами.—„Варенька“ Тамамшіева другъ „Лизаньки“ Д—ой.

Между тѣмъ я вступилъ въ управленіе этимъ ненавистнымъ для жены моей департаментомъ общихъ дѣлъ, удержавъ въ своемъ вѣдѣніи отдѣленіе для дѣлъ гражданскаго устройства края и званіе директора походной канцеляріи. Такимъ образомъ, въ моихъ рукахъ сосредоточились, съ одной стороны, всѣ законодательныя работы по новымъ проектамъ, а съ другой самая живая и интересная часть текущихъ дѣлъ. О работахъ по отдѣленію я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Относительно департамента общихъ дѣлъ, безъ самохвальства могу сказать, что я живо повернулъ имъ къ совершенному удовольствію князя. Нечего и говорить, что въ мое управленіе департаментъ рѣшительно не зналъ нерѣшенныхъ, переходящихъ въ другой мѣсяцъ, дѣлъ, изъ числа тѣхъ, которыя въ него поступали. Облеченный довѣріемъ князя, я постоянно штурмовалъ отъ имени его настояніями, побужденіями, требованіями другіе департаменты и рѣшительно всѣ гражданскія учрежденія, смотрѣвшія сначала на мое назначеніе, сдѣланное совершенно помимо его, нѣсколько подозрительно, очень радъ

былъ кипучей моей дѣятельности, результаты которой украшали его управленіе. Однимъ словомъ, прежде истеченія года, я представилъ князю сравнительную вѣдомость о движеніи дѣлъ по всему гражданскому управленію, изъ которой не рѣшенныя дѣла совершенно исчезли. Для лучшаго объясненія, какъ до меня дѣйствовали и какъ я дѣйствовалъ, приведу слѣдующую черту.

Въ числѣ различныхъ новостей, введенныхъ княземъ, имъ испрошено было высочайшее соизволеніе, чтобы всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ Кавказскаго края, предварительно представленія государю, представлялись намѣстнику, который, сдѣлавъ на нихъ же съ своей стороны отмѣтки по тѣмъ статьямъ, которыя того требовали, долженъ уже отъ себя представлять ихъ государю. Основная мысль этого порядка казалась довольно дѣльною, ибо въ губернаторскомъ отчетѣ говорилось, напр., что такое-то предположеніе представлено намѣстнику и государь приказывалъ спрашивать намѣстника о послѣдствіяхъ этого представленія, тогда какъ, по системѣ князя, это отмѣчалось на самомъ отчетѣ; на практикѣ же все это обратилось въ пустую, но очень сложную формальность, потому что князь лично вовсе не интересовался ни губернаторскими отчетами, ни тѣми предположеніями, о которыхъ они говорили, ни тѣми, наконецъ, отмѣтками, которыя проектировались главнымъ управленіемъ въ отношеніи этихъ представленій и предположеній. Отъ этого происходило, что бакинскій, напр., губернаторъ, въ концѣ слѣдующаго за отчетнымъ годомъ, года представляетъ свой отчетъ въ главное управленіе. Главное управленіе, или лучше сказать, его столоначальники и начальники отдѣленій, придравшись къ какому-нибудь вздору, возвращаютъ его губернатору, для дополненія и исправленія. Чрезъ нѣсколько недѣль, а часто и мѣсяцевъ, отчетъ опять приходитъ въ главное управленіе, т. е. въ департаментъ общихъ дѣлъ. Тогда этотъ департаментъ дѣлаетъ выписки о разныхъ предположеніяхъ и предметахъ, въ отчетѣ упоминаемыхъ, и разсылаетъ эти выписки по другимъ департаментамъ, по принадлежности, для составленія объясненій, которыя должны служить основаніемъ для отмѣтокъ намѣстника. Все это тянулось безконечно медленно, такъ что отчеты эти отправлялись на третій годъ, послѣ того, за который они отдавались, когда уже большая часть того, что разсказывается въ отчетахъ, совершенно измѣнилась.

Такое положеніе дѣла я нашелъ невозможнымъ не столько въ смыслѣ хорошаго дѣлопроизводства, сколько въ смыслѣ самаго достоинства дѣла, въ которомъ водворилась такая непозволительная медленность. Меня удивляло даже, какъ государь, читая эти устарѣвшіе отчеты, не сдѣлалъ, по справедливости, жестокаго замѣчанія намѣстнику или его управленію. Едва вступивъ въ управленіе де-

партаментомъ, я сталъ осаждать губернаторовъ, большею частью моихъ пріятелей, разумѣется, подъ приличной и благовидной формой, самыми ядовитыми укорами за такую апатичность въ дѣлѣ, которое ставитъ ихъ, нѣкоторымъ образомъ, въ непосредственныя отношенія съ самимъ государемъ, и добился таки до того, что губернаторскіе отчеты стали доставляться въ первыхъ числахъ послѣдующаго года.

Если отчеты эти были нехороши въ отношеніи внѣшнемъ и внутреннемъ, я не возвращалъ ихъ для дополненій, объясненій и исправленій, на что уходило много времени, а самъ передѣлывалъ ихъ и приказывалъ переписывать въ департаментѣ лучшимъ писцамъ, за особую плату, разумѣется, на счетъ губернаторовъ, и эти, уже усовершенствованные, отчеты посылалъ имъ при дружескихъ письмахъ, для подписи. Точно также по предположеніямъ, представленіямъ, которыя упоминались въ этихъ отчетахъ, я не заводилъ оффиціальной переписки, на которую также уходило много времени, а избиралъ лучшаго изъ своихъ чиновниковъ и предоставлялъ ему по вопросамъ, относящимся до отчетовъ, рыться лично въ департаментахъ и объясняться частнымъ образомъ съ тамошними столоначальниками и начальниками отдѣленій. Справки, представляемыя мнѣ за обоюдною подписью моего чиновника и мѣстнаго производителя, я считалъ совершенно достаточнымъ основаніемъ для составленія отмѣтокъ намѣстника. Понятно, въ какой степени все это упростило, облегчило и ускорило дѣло. Тѣ же, или подобные имъ пріемы употреблялись мною и въ другихъ отношеніяхъ и, разумѣется, приводили къ такимъ же результатамъ.

Однако, чтобъ не сочли меня за Хлестакова, особенно тѣ застарѣвшіе на рутинѣ господа, которые малѣйшее отступленіе отъ установленнаго порядка считаютъ безпримѣрно дерзкимъ поступкомъ, я считаю не лишнимъ привести нѣкоторое доказательство справедливости моихъ словъ. Въ ряду губернаторовъ Закавказскаго края эриванскимъ губернаторомъ въ то время былъ Николай Колюбакинъ, тотъ „не мирный“ Колюбакинъ, о которомъ я выше говорилъ, который былъ потомъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ украшалъ ряды московскихъ сенаторовъ. Чтобъ обрисовать бурный характеръ этого господина, достаточно сказать, что онъ былъ разъ или два разжалованъ въ солдаты именно за столкновенія съ своими начальниками, изъ которыхъ однихъ ругалъ, а другихъ даже билъ. Самолюбивый, самоувѣренный, строптивый до крайности, онъ не допускалъ никакихъ возраженій противъ своихъ словъ и дѣйствій и тотчасъ шелъ на дерзость, такъ что большинство значительно его побаивалось и для избѣжанія скандаловъ ограничивалось однимъ поддакиваніемъ. Въ то же время Колюбакинъ, и не безъ основанія, считалъ себя замѣчательнымъ ораторомъ и замѣчательнѣйшимъ редакторомъ. И дѣй-

ствительно онъ имѣлъ безспорныя дарованія въ томъ и другомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе когда былъ полученъ его всеподданнѣйшій отчетъ, я нисколько не затруднился наложить и на него руку, которою я усовершалъ всѣ другіе отчеты. Передѣлавъ и исправивъ его отчетъ, какъ мнѣ казалось лучшимъ и приказавъ переписать его въ департаментѣ, я отправилъ этотъ новый отчетъ, вмѣстѣ съ старымъ, Колюбакину при письмѣ, которымъ предлагалъ ему: или подписать передѣланный отчетъ, если онъ найдетъ мою попытку удачною, или опредѣлить родъ оружія, если онъ найдетъ полезнымъ стрѣляться со мной за мою продерзость... Вотъ отвѣтъ Колюбакина:

„Многоуважаемый, добрѣйшій Василій Антоновичъ! Обнимаю, цѣлую васъ, кричу—ура! Вашъ поступокъ прекрасенъ, обнаруживая доброжелательство, братское участіе, диковинныя въ сферѣ канцелярской расправы. Говорю чистосердечно: вы жемчугъ департаментовъ! Русскій—русскому, прямикъ прямику—дайте руку!..

„Отчетъ мой не хорошъ; но въ нѣкоторое оправданіе прошу, во-первыхъ, обратить вниманіе на предшествовавшую переписку; во-вторыхъ, выслушать слѣдующій анекдотъ, разсказанный мнѣ чиновникомъ, адъюнктомъ камеральныхъ наукъ, который нѣсколько лѣтъ сряду занимался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пересмотромъ губернаторскихъ отчетностей. Въ отчетѣ за какой-то благополучный годъ петербургскаго гражданскаго губернатора обозначено было, что въ столицѣ живетъ 100.000 идолопоклонниковъ. Тревога въ министерствѣ!.. Всколыхнулся самъ министръ, самъ его высокопревосходительство и посылаетъ сказаннаго чиновника къ губернатору за объясненіями. Приходитъ молодой человѣкъ со всею важностью переговорщика о государственныхъ дѣлахъ и, раскрывъ отчетъ, налагаетъ перстъ указательный на обличительное мѣсто... Онъ убѣжденъ, что изъ его пальца вылетитъ перунъ и убьетъ начальника губерніи... Но каково было его удивленіе, когда губернаторъ (С.-Петербургскій! съ бабушкою! grand seigneur), сдѣлавъ камергерскую гримасу, сказалъ ему: какъ не стыдно министру и вамъ, милостивый государь, адъюнкту! читать такія глупости?.. Анекдотъ поучителенъ; но не хорошъ поступокъ губернатора; на его мѣстѣ я попытался бы доказать, что въ Петербургѣ живетъ 100.000 идолопоклонниковъ... поклонниковъ ложнымъ богамъ!.. Еще разъ, добрѣйшій Василій Антоновичъ, благодарю васъ, никогда не забуду... Посылаю калиграфу не 25, а 30 р. сер., посылаю вамъ отчетъ подписанный, новый и вдобавокъ—старый, негодный... Вы сдѣлали мнѣ одно большое одолженіе,—сдѣлайте другое: примите отъ меня присылаемую „абу“. Другая такая у намѣстника. Мнѣ хочется, чтобы она иногда, въ минуты домашняго досуга, служа халатомъ, напомнила вамъ человѣка, кото-

рый любитъ и уважаетъ васъ... Безъ церемоніи—прощаюсь съ вами, дружески пожимая вашу руку, и желаю всякаго благополучія, Н. Колюбакинъ 14 ноября 1860. Эривань".

О томъ, въ какихъ отношеніяхъ я находился съ сотрудниками своими, подчиненными мнѣ чиновниками и вообще со всѣмъ гражданскимъ міромъ, который соприкасался со мною въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ и именно по части мѣстъ, наградъ, пенсій, пособій и т. п., я говорить не буду, ибо никакихъ доказательствъ этихъ отношеній привесть не могу, кромѣ живущихъ въ Тифлисѣ воспоминаній объ этомъ періодѣ моего значенія и моей дѣятельности. Я имѣю много основаній думать, что эти воспоминанія мнѣ благопріятны. Самъ, обозрѣвая этотъ періодъ, могу сказать, что я старался быть достойнымъ проводникомъ великодушныхъ, роскошныхъ принциповъ князя. Зла не было сдѣлано никому. Дѣлать всѣмъ услуги—было моею гордостью. Я сознавалъ, что ничѣмъ лучше не могу заплатить Богу за милости, мнѣ дарованныя, какъ стремленіемъ быть полезнымъ другимъ, стремленіемъ, которое, къ величайшему моему счастію, не встрѣчало никакого противодѣйствія ни со стороны Кр—на, который былъ олицетворенною добротою, ни со стороны князя, въ великой душѣ котораго никогда не было отказа милостямъ...

Съ наступленіемъ лѣта 1860 г. князь опять переѣхалъ въ Боржомъ, взявъ съ собою Давыдовыхъ, какъ домашнихъ своихъ людей, и объявивъ, что онъ желаетъ провести это лѣто какъ можно уединеннѣе и давъ замѣтить, что наплывъ туда многихъ семействъ былъ бы ему не совсѣмъ пріятенъ. Затѣмъ, весь высшій административный міръ, поставленный своими служебными обязанностями въ необходимость находиться въ постоянныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Тифлисомъ, переселился, по обычаю, на Каджоры. Я также переѣхалъ на Каджоры, на свою собственную дачу, которую разными усиленными средствами успѣлъ привесть къ окончанію. Это было именно то единственное лѣто, которое я, какъ говорилъ уже, провелъ на своей дачѣ и провелъ великолѣпно. Я занялъ вверху четыре очень милыя комнаты, которыхъ мнѣ, въ моемъ одинокомъ положеніи, было слишкомъ достаточно; нижній этажъ, послѣ соперничества многихъ нанимателей, отданъ былъ Тамамшіевымъ за пятьсотъ руб.

Здѣсь я долженъ замѣтить одну, довольно странную, оригинальную, черту кавказскихъ нравовъ, кавказскаго быта. Изъ предъидущихъ моихъ разсказовъ видно, что туземцы чрезвычайно жадны къ почестямъ и наградамъ и имѣютъ азіатскую наклонность пресмыкаться предъ всякимъ значеніемъ, предъ всякою властью; но это пресмыкательство какъ-то относится собственно къ русскому значенію, къ рус-

ской власти собственно; напротивъ, туземцы, на какихъ бы различныхъ ступеняхъ общественнаго и оффиціальнаго положенія они ни стояли, поражаютъ просто безцеремонностью своихъ взаимныхъ отношеній. Напримѣръ, князь Григорій Орбеліани былъ полный генералъ, генералъ-адъютантъ, помощникъ намѣстника, весьма часто исправлявшій его должность; все это нисколько не мѣшало туземцамъ относиться къ нему совершенно запросто. Какой-нибудь бѣднякъ грузинъ зоветъ его, какъ своего пріятеля, запросто обѣдать, и князь ѣдетъ. Я самъ много разъ видѣлъ его окруженнымъ толпою простыхъ грузинъ и армянъ и отправляющимся въ ихъ не блестящей компаніи куда-нибудь. Когда я спрашивалъ, бывало: „куда князь ѣдетъ?“ мнѣ отвѣчали: „къ такому-то обѣдать“ или „къ такому-то въ садъ“. Этотъ такой-то оказывался совершенной дрянью и ничтожествомъ и повторяю, что такія отношенія поражали непривычный взглядъ.

Особенно странно и рельефно выступали эти отношенія, когда князь Григорій Дмитріевичъ исправлялъ должность намѣстника. Къ сожалѣнію или къ счастію, я не былъ свидѣтелемъ этихъ замѣчательныхъ періодовъ; по общимъ отзывамъ именно въ эти періоды туземные пріятели князя поднимали носъ и часто ставили втупикъ нашихъ русскихъ адъютантовъ, дежурившихъ при князѣ. Часто, во время доклада, съ шумомъ входитъ въ пріемную какой-нибудь грузинъ и громко спрашиваетъ: „а что князь Григорій дома?“ Адъютантъ говоритъ: „дома, но занятъ“.—„Э! что тамъ занятъ! Чего занятъ? Скажи князю Григорію, что я пришелъ. Князь Григорій знаетъ!“ Доложитъ или нѣтъ адъютантъ, но иногда онъ встанетъ предъ этимъ посѣтителемъ не столько по обязанности, сколько изъ вѣжливости. Тогда грузинъ, тоже по-пріятельски, положитъ ему руку на плечо и скажетъ: „чего встаешь? Сиди, братецъ, сиди!“

Перехожу къ другому явленію сходнаго содержанія. Я сказалъ, что нижній этажъ моей дачи наняли Тамамшіевы. Что такое Тамамшіевы? Тамамшіевыхъ было два брата, богатѣйшихъ армянъ. Одинъ изъ нихъ, какъ я говорилъ уже, между прочимъ, построилъ по предложенію князя Воронцова великолѣпное зданіе, гостиный дворъ или по-туземному „караванъ-сарай, а внутри его театръ. Этотъ Тамамшіевъ умеръ, а оставшійся послѣ него сынъ, котораго я много разъ видѣлъ, хотя и воспитывался въ Англіи, но имѣлъ видъ идіота или сумасшедшаго. Были ли у этого Тамамшіева другія дѣти, я не знаю. Другой братъ—былъ старый, сѣдой, скупой старикъ, съ которымъ я былъ знакомъ и которому потомъ продалъ свою дачу. У этого Тамамшіева былъ единственный сынъ Михаилъ Егоровичъ Тамамшіевъ, отправленный въ молодости въ одно изъ русскихъ воспитательныхъ

заведеній, но, какъ говорили, выгнанный оттуда за проявленіе „нѣкоторыхъ азіатскихъ привычекъ“...

Этотъ Тамамшіевъ, кажется, въ чинѣ губернскаго секретаря, принадлежалъ къ толпѣ чиновниковъ, причисленныхъ къ главному управленію и состоящихъ въ распоряженіи департамента общихъ дѣлъ. Женатъ онъ былъ на какой-то Каргановой, тоже армянкѣ, женщинѣ весьма некрасивой, но чрезвычайно умной и бойкой. Старикъ Тамамшіевъ, какъ говорили, былъ страшно богатъ, но по скупости своей давалъ сыну весьма не роскошныя средства къ жизни; тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи значительныхъ займовъ, которые безъ труда дѣлалъ молодой Тамамшіевъ въ виду громаднаго богатства и скорой смерти стараго Тамамшіева, и въ особенности при ловкости и умѣньѣ молодой Тамамшіевой, они жили прекрасно и домъ ихъ, вѣчно набитый гостями, былъ едва-ли не самымъ веселымъ домомъ въ Тифлисѣ. Этимъ широкимъ размѣрамъ жизни, съ одной стороны, а съ другой— опять таки необычайной ловкости г-жи Тамамшіевой, Тамамшіевы обязаны были тѣмъ, что стояли въ средѣ лучшаго тифлисскаго общества. Но тутъ еще не было ничего удивительнаго: богатство и нѣкоторое умѣнье распоряжаться имъ даетъ вездѣ одинаковые результаты. Кто не знаетъ или не зналъ въ Петербургѣ купца греческаго происхожденія Родоконаки! Купецъ и только! А между тѣмъ извѣстно, что на балахъ его бывали члены императорской фамиліи! Мнѣ случилось жить съ нимъ вмѣстѣ на дачахъ Черника у Каменноостровскаго моста. Я невольно видѣлъ, какъ пріѣзжали къ нему почти ежедневно лица дипломатическаго корпуса, начиная съ французскаго посланника Талейрана, какъ обѣдали у него наши государственные люди, начиная съ нашего милѣйшаго военнаго генералъ-губернатора князя Суворова... То же было и съ Тамамшіевыми въ Тифлисѣ, хотя старикъ Тамамшіевъ, который велъ, впрочемъ, отдѣльную жизнь, былъ неотесанный, скаредный армяшка, сынъ его былъ губернскій секретарь, рѣшительно не имѣвшій никакого значенія, а жена его была тоже некрасивая и незначительная армянка, да только умная и ловкая. Но дѣло въ томъ, что эта незначительная армянская пара постоянно приглашалась не только на большіе, но и на маленькіе вечера ко двору намѣстника, куда, вслѣдствіе страшно аристократическихъ принциповъ князя, попасть было едва-ли не труднѣе, чѣмъ въ Зимній дворецъ.

Это собственно явленіе объяснялось, впрочемъ, преимущественно, странною и непостижимой дружбою Тамамшіевой, которую называли въ Тифлисѣ „Варенькой“ съ Д., которую называли „Лизанькой“. Эта дружба была дѣйствительно непостижима, и о причинахъ ея ходило много разнообразныхъ толковъ, которыхъ я приводить не стану, по-

тому, что за достовѣрность ни одного изъ нихъ нельзя ручаться. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ Лизанька шла въ гору, она тащила за собой своего друга Вареньку и, упрочиваясь сама во дворцѣ намѣстника, проложила туда путь и Варенькѣ. Отъ этого происходило то же, что хотя Тамамшіевы не имѣли, какъ я сказалъ уже, никакого значенія, однако, они знали, прежде всѣхъ, всѣ значительныя новости и даже предположенія и намѣренія князя, потому что все это изъ дворца переходило чрезъ Лизаньку прежде всего въ домъ Вареньки. Какъ я ни былъ близокъ къ князю, однако, далеко не зналъ того, что знали Лизанька и Варенька.

Когда я переѣхалъ на мою Каджорскую дачу, Тамамшіевы, занявшіе нижній этажъ, употребляли всѣ усилія, чтобъ сдѣлать мое пребываніе тамъ веселымъ и пріятнымъ, и въ этомъ отношеніи я дѣйствительно много имъ обязанъ. „Варенька“ особенно мнѣ симпатизировала и не скрывала отъ меня никакихъ секретовъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ это же время нѣсколько раньше или нѣсколько позже, ужъ не помню, генералъ-интендантъ кавказской арміи Колоссовскій, по общему мнѣнію, нажившій уже громадное состояніе и продолжавшій получать громадные доходы, мѣсто котораго такъ жадно стремился получить Д., уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, и исправленіе его должности дѣйствительно поручено было Д. Увѣренный, что приблизился, наконецъ, къ цѣли, Д., съ полнѣйшею самоувѣренностью утверждалъ, что Колоссовскій или не вернется, а если и вернется—то не будетъ уже допущенъ къ своей должности; что мѣсто это окончательно останется за нимъ, и даже разсказывалъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя онъ полагаетъ ввести въ интендантскомъ управленіи. Но это ему не удалось.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Хотя я и предположилъ было покончить здѣсь всю романтическую исторію князя разомъ, но какъ она растянулась на нѣсколько лѣтъ, то я боюсь, слѣдуя за нею, слишкомъ забѣжать впередъ и потому предпочитаю вернуться въ Тифлисъ, чтобъ подобрать, такъ сказать, нѣкоторые предметы, чрезъ которые я перешагнулъ по милости этой исторіи.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IV.

Проводы Милютина съ Кавказа. — Безконечный рядъ прощальныхъ праздниковъ.—Спичи.—Неудачи и скандалы нѣкоторыхъ ораторовъ.—Отъѣздъ Милютина.—Замѣщеніе его Филипсономъ. — Замѣщеніе Филипсона Карцовымъ.— Пріѣздъ на Кавказъ моей жены.—Быстрота ея путешествія.—Болѣзни жены.

Главнѣйшимъ изъ этихъ предметовъ должно считать проводы въ Петербургъ Д. А. Милютина, назначеннаго товарищемъ военнаго министра. Исчислить всѣ подробности этой длинной исторіи рѣшительно невозможно, до такой степени она осложнилась; можно безошибочно сказать только то, что едва-ли когда-нибудь и кого-нибудь провожали такъ, какъ провожали Милютина...

Начать съ того, что Милютинъ былъ милый общественный человѣкъ, который умѣлъ привлекать къ себѣ всѣхъ своимъ плѣнительнымъ обхожденіемъ, потомъ Милютинъ былъ начальникомъ Главнаго Штаба кавказской арміи, слѣдовательно, человѣкомъ, имѣвшимъ громаднѣйшее оффиціальное значеніе на Кавказѣ; наконецъ, Милютинъ ѣхалъ занять мѣсто, съ котораго долженъ имѣть необъятное вліяніе на весь военный міръ всего государства. Всѣ эти условія не могли не придавать разставанью его съ Кавказомъ и особенныхъ размѣровъ, и особенной торжественности. Обѣды и пиры шли безпрерывной чередой. Часто казалось, что они кончились, какъ съ новымъ одушевленіемъ возникала новая череда, такъ что Милютинъ, постоянно назначая день своего отъѣзда, много разъ вынужденъ былъ измѣнять это назначеніе, и, побуждаемый служебными обязанностями, не зналъ, какъ вырваться изъ объятій радушнаго и искренно полюбившаго его Тифлиса. Всѣ эти праздники чрезвычайно рельефно выдвинули мою личность, какъ оратора. Сначала это льстило мнѣ, но потомъ ужъ стало стѣснять въ значительной степени.

Изъ огромнаго ряда праздниковъ припомню два или три. Начало

На второй доскѣ — неизвѣстное изображеніе женщины въ клѣтимъ положено Круз—омъ, который, вмѣстѣ съ семействомъ Милютиныхъ, пригласилъ самое ограниченное число ближайшихъ этому семейству личностей, на обѣдъ, устроенный гдѣ-то въ саду, за городомъ. Этотъ праздникъ, несмотря на ограниченность внѣшнихъ его размѣровъ, едва-ли не былъ самымъ великолѣпнымъ, по его задушевности и по его внутреннему содержанію. Тутъ, какъ говорится, „душа могла развернуться на распашку“, ничѣмъ не стѣсняемая. Въ самомъ началѣ обѣда я былъ единогласно выбранъ „толумбашемъ“, о правахъ и обязанностяхъ котораго я говорилъ выше, и безъ преувеличенія могу сказать, что никогда съ такимъ блескомъ не исполнялъ я этой высокой должности, какъ въ этомъ случаѣ. Когда наступило время тостовъ, мнѣ

удалось, на мотивъ предстоящей разлуки, сказать такую задушевную рѣчь, что жена и семейство Милютина положительно плакали и всѣхъ подергивало отъ волненія возбужденныхъ мною чувствъ...

Помню тоже прелестнѣйшій вечеръ, устроенный Милютинымъ въ загородномъ саду, носящемъ названіе „Муштандъ“, украшенный шумомъ бѣшеной Куры, по берегу которой расположенъ этотъ садъ, и сіяніемъ свѣтлой и чистой луны... Утромъ въ этотъ день нарочно пріѣзжалъ ко мнѣ „немирный“ Колюбакинъ показать мнѣ приготовленную имъ рѣчь и даже проговорить ее предо мной съ соотвѣтственными жестами... Колюбакинъ очень неравнодушенъ былъ къ ораторскому искусству, и мои успѣхи задѣли его за живое. Я, разумѣется, расхвалилъ его рѣчь и очень былъ радъ, что хоть на этотъ вечеръ буду свободенъ отъ обязанности, которая начинала меня стѣснять... Послѣ оживленныхъ танцевъ всѣ сѣли за ужинъ. Когда наступило время тостовъ, Колюбакинъ торжественно всталъ и торжественно произнесъ свою рѣчь, которая, впрочемъ, не произвела большаго эффекта и именно потому, что Колюбакинъ ужъ черезчуръ билъ на эффектъ и, желая выставить свои знанія, свою начитанность, набилъ ее историческими указаніями, приводилъ Мюрата и другихъ знатныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, казалось, эта длинная, серьезная рѣчь должна была насытить всѣхъ и отбить охоту слушать какую-либо другую рѣчь. Не тутъ-то было. Рѣчи лились.

Припоминаю еще одинъ громаднѣйшій праздникъ, устроенный Милютину тифлисскимъ Монтекристо-Мирзоевымъ, въ его загородномъ великолѣпномъ домѣ. Этотъ праздникъ имѣлъ уже характеръ народнаго. Тутъ сливались всѣ народности края: грузины, армяне, татары. Народу была бездна. Только почетнѣйшіе гости обѣдали въ домѣ; большинство расположилось на безчисленныхъ галлереяхъ и въ аллеяхъ сада. Уму непостижимо, какъ умудрился Мирзоевъ угостить такую массу народа. Только съ его страшнымъ богатствомъ и его тщеславіемъ и можно было это сдѣлать. Въ срединѣ обѣда начались тосты. Радушный хозяинъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, провозгласилъ здоровье Милютина. Громкое ура! прогремѣло по заламъ, галлереямъ и аллеямъ сада.

Что касается до оффиціальныхъ обѣдовъ, данныхъ Милютину отъ имени военнаго міра, то они отличались величайшею роскошью и великолѣпіемъ въ отношеніи своего устройства и странною бѣдностью по части спичей. Я, кажется, говорилъ уже, что въ Тифлисѣ есть прекрасный домъ князя Ивана Мухранскаго. Въ этомъ домѣ помѣщается и тифлисскій клубъ. Обѣденная или бальная зала этого клуба смѣло можетъ спорить, въ отношеніи размѣровъ и изящества, со всѣми подобными залами русскихъ городовъ. Въ этой именно залѣ,

роскошно убранной щитами, вензелями, цвѣтами, военными арматурами и дано было нѣсколько обѣдовъ Милютину.

Распорядителемъ перваго и едва-ли не самаго роскошнаго изъ этихъ обѣдовъ былъ Ольшевскій, въ то время дежурный генералъ кавказской арміи, человѣкъ, милый и простой, но далеко не блестящихъ дарованій и менѣе всего ораторъ.

Не столько жалко, сколько смѣшно было смотрѣть на другаго неудачнаго оратора. Надобно сказать, что при жандармскомъ округѣ, которымъ командовалъ Минквицъ, былъ дежурный штабъ-офицеръ Шишковъ, простой и пустой старичекъ, нѣчто въ родѣ бабы, рѣшительно со всѣмъ Тифлисомъ знакомый и всему Тифлису пріятный, именно своею безличностью. Этотъ старичекъ совался всюду; игралъ на домашнихъ спектакляхъ, пѣлъ въ хорахъ и даже танцовалъ. У многихъ барынь онъ былъ домашнимъ другомъ, однимъ изъ тѣхъ друзей, которыхъ ставятъ въ положеніе комнатной собачки. Если, напр., какая-нибудь барыня больна и, оставаясь въ постели, ни для кого не была доступна, Шишковъ навѣрно сидитъ у ея постели и подаетъ ей въ опредѣленные часы лѣкарство. Такъ точно, когда наступила эпоха спичей, и Шишковъ восхотѣлъ произнести свой спичъ.

Именно во время того обѣда, о которомъ я говорю, онъ подбѣгаетъ тихонько ко мнѣ и представляетъ мнѣ на одобреніе свое произведеніе. Небрежно пробѣжавъ его, я тоже небрежно сказалъ: „отлично! Катайте съ Богомъ“! „А чтобъ не сбиться“, замѣтилъ Шишковъ, „такъ какъ у меня память очень слаба, то я положу этотъ листокъ въ фуражку и буду посматривать незамѣтно на него“. Вотъ эта именно операція, чего мы оба никакъ не ожидали, и сгубила его! Въ извѣстный моментъ онъ всталъ съ своего мѣста и приблизился туда, гдѣ сидѣлъ Милютинъ, съ коварною фуражкою въ рукахъ. Какъ и у Ольшевскаго, послѣ словъ: „Ваше превосходительство!“ наступили столбнякъ и смятеніе. Шишковъ смотритъ въ фуражку—ничего не видно! Не разсчиталъ ли Шишковъ предстоящее разстояніе фуражки отъ его глазъ или новая мѣстность измѣнила условія свѣта, только Шишковъ смотритъ въ фуражку и ничего не видитъ. Само собою разумѣется, смущеніе и замѣшательство сего старца достигаютъ крайней степени. Онъ безпрерывно останавливается, начинаетъ въ отчаяніи подносить фуражку къ самому носу, произноситъ слово и опять останавливается. Эта постоянная борьба съ фуражкой, совершаемая на виду всѣхъ, производила въ однихъ сожалѣніе къ старцу, а въ другихъ, болѣе жестокосердыхъ, хохотъ, едва сдерживаемый приличіемъ и торжественностью минуты. Неизвѣстно, какъ бы выпутался Шишковъ изъ этой бѣды, въ которую попалъ единственно по любви къ искусству, если бы тотъ же благородный, умный и деликатный Милютинъ, видя его

мученія, не сталъ отвѣчать прежде, нежели дождался конца Шишковскаго спича, котораго по всѣмъ признакамъ и дождаться было не возможно.

Къ слову: Милютину приходилось отвѣчать милліоны разъ. Блестящимъ краснорѣчіемъ онъ не одаренъ; но всегда говоритъ умно, ясно и твердо, а это не бездѣлица, если принять во вниманіе, что онъ не имѣлъ возможности подготовляться въ своихъ отвѣтахъ по самой неизвѣстности, на что придется отвѣчать.

За исключеніемъ этихъ комическихъ эпизодовъ, обѣды эти, повторяю, были великолѣпны. Я помню, что именно на первомъ изъ нихъ рядомъ со мною сидѣлъ генералъ Кохановъ, начальникъ почтовой части на Кавказѣ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ по своимъ почтовымъ дѣламъ. На возвратномъ пути, кажется, въ Воронежѣ, онъ былъ приглашенъ тоже на какой-то парадный обѣдъ, по случаю встрѣчи новаго губернатора или по случаю проводовъ стараго. Сравнивая обѣдъ, за которымъ мы сидѣли, и всю обстановку его, съ воронежскимъ, онъ отзывался о послѣднемъ съ величайшимъ презрѣніемъ и называлъ его гадостью, совершенно невозможною въ роскошномъ Тифлисѣ.

Наконецъ, Милютинъ, постоянно задерживаемый безпрерывно возникавшими праздниками, назначилъ день рѣшительнаго своего отъѣзда. Въ этотъ день ближайшіе его друзья и большая часть свиты намѣстника съ ранняго утра забрались въ какой-то духанъ, расположенный за городомъ на дорогѣ, и приготовили тамъ совершенно туземный завтракъ съ тою цѣлью, чтобы въ окончательный моментъ разлуки его съ краемъ укрѣпить въ немъ воспоминаніе объ этомъ краѣ исключительно и ему только принадлежащею чертою. Въ полдень огромная вереница экипажей, частью только принадлежащихъ Милютину, а большею частію разнообразнымъ лицамъ, его провожающимъ, подкатилась къ этому духану... Всѣ вышли и приступили къ прощальной трапезѣ. Самъ Милютинъ былъ сильно разстроенъ; жена его положительно не осушала глазъ. Завтракъ, и по раннему времени и по своему содержанію, не могъ продолжаться долго; скоро наступило послѣднее, самое сердечное прощанье, а затѣмъ одна вереница экипажей помчалась далѣе отъ Тифлиса, а другая по направленію въ Тифлисъ... Такъ кончились проводы благороднаго и добраго Милютина, который, безъ сомнѣнія, долго будетъ жить въ памяти Тифлиса.

Мѣсто начальника главнаго штаба, какъ я говорилъ уже, замѣщено было генераломъ Филипсономъ, но замѣщено какъ-то временно, нескладно, искусственно... Князь, послѣ Абадзехскаго дѣла, видимо ему не симпатизировалъ и если предложилъ ему занять мѣсто на-

чальника главнаго штаба, то единственно съ тою цѣлью, чтобы очистить мѣсто начальника западнаго Кавказа, которое занималъ Филипсонъ, и отдать его тому же ловкому и искусному Евдокимову, который такъ блистательно покончилъ дѣла съ восточнымъ Кавказомъ. Филипсонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не видѣть причинъ этой искусственной перестановки, и потому, возненавидѣвъ Кавказъ, отбивался какъ отъ мѣста начальника главнаго штаба, такъ и отъ всѣхъ другихъ мѣстъ въ томъ краѣ и просилъ неотступно только сенаторства въ Москвѣ, сенаторства, которое, по его увѣренію, было завѣтною цѣлью его служебныхъ видовъ... Поэтому, если онъ замѣстилъ Милютина, то только на время и неохотно, и, переѣхавъ въ Тифлисъ, держался тамъ изолированно какъ-то, почти ни съ кѣмъ не знакомился и сохранялъ частныя отношенія только съ моимъ семействомъ.

Это натянутое положеніе, впрочемъ, продолжалось не долго. Филипсона замѣстилъ выписанный изъ Петербурга генералъ Карцовъ. Къ обоюдному счастью князя и Карцова, имъ пришлось дѣйствовать вмѣстѣ самое короткое время. Скоро по пріѣздѣ Карцова князь уѣхалъ изъ Тифлиса и ужъ болѣе туда не возвращался, и такимъ образомъ Карцовъ уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ, тогда какъ, при первыхъ же отношеніяхъ его къ князю, стали обнаруживаться зловѣщіе для Карцова признаки...

Человѣкъ безспорно умный, но съ грубыми, какими-то деревянными манерами и особенно жесткимъ и грубымъ голосомъ, онъ не могъ понравиться гордому князю, особенно послѣ почтительныхъ и пріятныхъ отношеній, въ которыхъ находились къ нему Милютинъ и Филипсонъ. Еще до отъѣзда князя изъ Тифлиса носились уже слухи, что Карцову дается другое назначеніе: то кутаисскаго генералъ-губернатора, то командующаго восточнымъ Кавказомъ, однимъ словомъ, ясно было видно, что князь желаетъ, такъ или иначе, избавиться отъ грубаго Карцова; но, какъ я сказалъ уже, отъѣздъ его изъ Тифлиса помѣшалъ осуществленію его видовъ... При новомъ же намѣстникѣ, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, личности безпримѣрно милѣйшей, но далеко не такъ самостоятельный, какъ князь Барятинскій, Карцовъ умѣлъ захватить особенную силу.

Разсказавъ о шумныхъ и торжественныхъ проводахъ Милютина, я долженъ упомянуть о скромной встрѣчѣ мною моей жены... Какъ ни сильно она ненавидѣла Кавказъ, однако, снѣдаемая тоскою разлуки со мною, она рѣшилась пріѣхать ко мнѣ осенью 1860 года, оставивъ дѣтей на попеченіе матери. Всѣ обстоятельства, относящіяся до этой поѣздки, условлены были предварительною нашею

перепискою. Между прочимъ я долженъ былъ выѣхать къ ней навстрѣчу въ Ставрополь, соображая свой отъѣздъ изъ Тифлиса съ днемъ ея отъѣзда изъ Москвы. Принимая въ расчетъ ея болѣзненное положеніе и во всякомъ случаѣ невозможность для женщины скакать по ночамъ, я расположилъ свой выѣздъ такимъ образомъ, чтобы, пріѣхавъ въ Ставрополь, провести тамъ нѣсколько дней въ ожиданіи жены, а потомъ, если окажется нужнымъ, ѣхать дальше навстрѣчу ей до границы Ставропольской губерніи, т. е. до станціи Средне-Егорлыцкой. Между тѣмъ всѣ эти расчеты и предположенія, которые мнѣ казались въ высшей степени основательными, были разрушены самымъ конфузнымъ для меня образомъ.

Едва перевалившись за Владикавказъ, я ѣхалъ, какъ теперь помню, съ какой-то станціи, погруженный въ различныя размышленія и безсознательно блуждая взорами по безконечнымъ степямъ, объявшимъ меня со всѣхъ сторонъ. Изъ этого задумчиваго состоянія я внезапно былъ выведенъ восклицаніемъ моего камердинера: „Барынъ! Кажется, наша барыня ѣдетъ!“ Можно было подумать, что онъ съ ума сошелъ! Какимъ образомъ подлѣ Владикавказа могла очутиться наша барыня, которая, по моимъ точнымъ расчетамъ, въ эту минуту должна находиться далеко за Ставрополемъ въ степныхъ пространствахъ Дона. Но никакимъ словопреніямъ здѣсь уже не было мѣста, потому что мой экипажъ и экипажъ, въ которомъ камердинеръ предполагалъ „нашу барыню“, быстро летѣли навстрѣчу другъ другу и сама дѣйствительность должна была разрѣшить всѣ недоумѣнія. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько секундъ, экипажи встрѣтились и остановились. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, встрѣтивъ такъ неожиданно жену мою! Оказалось, что, вмѣсто всякой прислуги, она вытребовала изъ московскаго почтамта одного почталіона и скакала съ нимъ день и ночь; что вслѣдствіе распоряженій нашего добраго друга Лаубе на всѣхъ станціяхъ ея торжественно встрѣчали и провожали, давая самыхъ отличныхъ лошадей, что при этихъ условіяхъ она дѣлала болѣе трехъ сотъ верстъ въ сутки. Пріѣхавъ ночью въ Ставрополь, она подняла на ноги весь городъ и вытребовала изъ театра губернатора и другихъ моихъ знакомыхъ, для разрѣшенія вопроса: пріѣхалъ ли я туда, по условію, чтобъ встрѣтить ее, а если нѣтъ, то что со мною сдѣлалось? Разумѣется, ей отвѣчали, что въ Ставрополѣ меня ожидаютъ, но я еще не пріѣзжалъ, и что, сколько извѣстно, со мною ничего особеннаго не сдѣлалось. Въ заключеніе ей совѣтовали выждать меня въ Ставрополѣ и по крайней мѣрѣ переночевать тамъ, ибо въ такую темную ночь пускаться въ путь вообще опасно, а для женщины еще болѣе. Впечатлительная, съ самымъ безпокойнымъ воображеніемъ, жена моя ни-

чего слушать не хотѣла. Зная мою непоколебимую точность во всѣхъ моихъ словахъ и дѣлахъ, она тотчасъ рѣшила, что если меня нѣтъ въ Ставрополѣ, значитъ, что я умеръ, или со мною случилось что-нибудь необычайное; несмотря ни на какія возраженія и представленія, она вытребовала курьерскихъ лошадей и въ глухую полночь помчалась далѣе. Когда первыя впечатлѣнія радостной встрѣчи поутихли, она передала мнѣ бумаги, которыми она была снабжена. Подъ видомъ открытыхъ и разныхъ другихъ предписаній бумаги эти были такъ могущественны, что предъ ними моя курьерская подорожная казалась блѣдною... Я пересѣлъ въ коляску жены, и мы вмѣстѣ совершили въѣздъ въ Тифлисъ.

Увы! радости этого свиданія были совершенно помрачены тотчасъ открывшимися вновь болѣзнями жены, принявшими усиленный и опасный характеръ. Доктора не выходили буквально изъ моей квартиры. Было много сценъ и обстоятельствъ самаго убійственнаго характера.

Хотя смертельная опасность миновалась, однако болѣзни и страданія не унимались и, наконецъ, сдѣлались предметомъ общаго сочувствія въ Тифлисѣ.

V.

Болѣзни князя.—Вліяніе на него предразсудковъ.—Страхъ смерти.—Дѣйствительно опасное положеніе князя.—Взглядъ его на поступокъ княжны „Анеты“ М—ской. — Имя „болтуна“, присвоенное мнѣ княземъ. — Рѣшимость князя разстаться со мной во вниманіе къ семейному моему положенію. — Крайне дурное поведеніе князя въ этомъ отношеніи. — Письмо мое Гулькевичу о положеніи князя, доведенное до свѣдѣнія государя.—Приказаніе государя князю ѣхать за границу лѣчиться.—Церемоніальныя прощанія съ княземъ.—Интимныя прощанія его съ нѣкоторыми.—Объясненіе князя со мною.

Между тѣмъ, какъ я томился подъ гнетомъ моего положенія, князь томился подъ гнетомъ недуговъ, вновь его атаковавшихъ. Никогда пароксизмы злодѣйки его подагры не были такъ сильны и продолжительны. Даже нравственное его состояніе сильно разстроилось. Нѣтъ сомнѣнія, что его романическая исторія съ Д—ой много тому содѣйствовала. Весьма естественно, что, навязавъ себѣ на шею скучную романическую исторію, онъ долженъ былъ имѣть въ это время много безпокойнаго въ своей головѣ. Какъ бы то ни было, онъ началъ думать и твердить о своей смерти. При всякомъ случаѣ онъ обѣщалъ своимъ приближеннымъ скорое и невиданное въ Тифлисѣ зрѣлище, какъ хоронятъ фельдмаршала!

Я помню, что однажды, войдя къ нему въ кабинетъ, я засталъ его погруженнымъ въ кресло и задумчиво перелистывавшимъ какую-то книгу. Кивнувъ мнѣ съ улыбкою головой, онъ продолжалъ свое занятіе. Я молчаливо стоялъ и смотрѣлъ на него. Внезапно вскинувъ на меня свои глаза, князь тревожно сказалъ: „выходитъ, что я тринадцатый главнокомандующій! Это очень скверно!“ Я тотчасъ пустился въ доказательство, всѣ примѣты вздоръ... Князь, снова погрузившись въ роковую книгу, слушалъ меня очень невнимательно и только изрѣдка произносилъ: „да, да, это правда! однако, все-таки скверно“, потомъ, послѣ нѣкоторой паузы, князь сказалъ: „давайте считать!“ Мы принялись считать и припомнили какого-то господина, который тоже былъ главнокомандующимъ или котораго мы признали справедливымъ отнести къ разряду главнокомандующихъ. Такимъ образомъ, выходило, что князь становился четырнадцатымъ главнокомандующимъ, чѣмъ онъ остался чрезвычайно доволенъ...

Дѣло, однако, шло все хуже и хуже. О необходимости какихъ-нибудь медицинскихъ средствъ предъ нимъ рѣшительно никто и заикнуться не смѣлъ: до такой степени онъ отвергалъ медицину и такъ сурово встрѣчалъ всѣ совѣты въ этомъ отношеніи. По справедливости можно сказать, что я былъ самый смѣлый человѣкъ въ сношеніяхъ съ княземъ и говорилъ ему такія вещи, которыхъ никто другой не рѣшался говорить. Но это происходило не отъ безразсудной моей храбрости, но отъ тщательнаго изученія характера князя, знанія его натуры, знанія, когда это можно сказать, и когда нельзя, а главное, какъ сказать. Я много разъ замѣчалъ, что самыя отчаянныя вещи, которыя я рѣшался ему говорить, не только не встрѣчали съ его стороны суроваго отпора, но нравились ему именно только вслѣдствіе формы, въ которую онѣ облекались. Такъ точно было и здѣсь. Всѣ приближенные князя охали, ахали, разсуждали о его положеніи, которое становилось почти безнадежнымъ, придумывали, что надо сдѣлать то и другое; однако никто не рѣшался сунуться къ нему съ результатами этихъ трусливыхъ соображеній.

Въ это время умеръ Рисъ, о которомъ я выше говорилъ. Чрезвычайно дѣльный и образованный господинъ, онъ былъ зачисленъ мною первоначально въ составъ моего временнаго отдѣленія и потомъ мною же рекомендованъ князю въ чиновники для порученій при немъ и, именно, для иностранной переписки. Князь былъ чрезвычайно имъ доволенъ и много разъ благодарилъ меня за него. Между тѣмъ въ Рисѣ сидѣло сто лихорадокъ, пріобрѣтенныхъ имъ на разныхъ концахъ Кавказскаго края, который онъ исходилъ во всѣхъ направленіяхъ, буквально исходилъ, пѣшкомъ... Это былъ ходокъ непостижимый, дѣлавшій цѣлые походы въ сотни верстъ такъ же легко

и свободно, какъ мы дѣлаемъ пріятныя прогулки по Невскому проспекту... Онъ вѣчно ходилъ и лѣчился, т. е. глоталъ страшнѣйшіе пріемы хины, потому, что на Кавказѣ, кажется, и нѣтъ другаго лѣченія. Лихорадки и хина сломали его, наконецъ, и онъ умеръ, окруженный толпою пріятелей и знакомыхъ, которые искренно его любили.

На другой день послѣ его смерти, когда я вошелъ въ кабинетъ къ больному князю, онъ встрѣтилъ меня словами: „умеръ нашъ больной Рисъ! Да и какъ не умереть? Три доктора лѣчили! Достаточно одного, чтобъ уморить человѣка!“ Я воспользовался моментомъ и энергически сказалъ: „страшно слушать, ваше сіятельство, что вы изволите говорить! Безъ сомнѣнія, медицина слаба и доктора, большею частью, невѣжды; но между ними, какъ и во всякой другой спеціальности, могутъ быть люди умные, способные, геніальные, наконецъ. Если не нужно слѣдованія всѣмъ докторскимъ совѣтамъ, то послушать ихъ весьма не безполезно. Во всякомъ случаѣ для больнаго человѣка лучше что-нибудь дѣлать, чѣмъ ничего не дѣлать“. Князь терпѣливо слушалъ мои доводы и въ заключеніе какъ-то неопредѣленно сказалъ: „да, конечно, отчего не послушать; послушать можно!“

Къ сожалѣнію, въ Тифлисѣ слушать было некого, тамошніе доктора, по преимуществу, были, такъ сказать, лихорадочные доктора; такая сложная болѣзнь, какая была у князя, была имъ не подъ силу. Болѣзнь эта затягивалась болѣе и болѣе, и становилась ожесточеннѣе. Долго державшись на ногахъ, князь, наконецъ, слегъ въ постель, гдѣ, по обыкновенію, устроенъ былъ навѣсъ надъ его опухшими и невыносившими никакого рѣшительно прикосновенія ногами; потерялъ сонъ и аппетитъ; наконецъ, сдалъ управленіе князю Орбеліани и сталъ возбуждать самыя тревожныя опасенія.

Во время этого продолжительнаго лежанія въ постели князь часто призывалъ меня къ себѣ, то утромъ, то вечеромъ, и не столько для дѣлъ какихъ-нибудь, сколько для того, чтобы, какъ говорится, поболтать съ человѣкомъ, хотя и маленькимъ, но отъ молодыхъ лѣтъ сочувствовавшимъ всѣми силами своей души всѣмъ его дѣламъ и успѣхамъ. Приведу главнѣйшія черты этихъ бесѣдъ, насколько могу ихъ припомнить.

Однажды вечеромъ, послѣ различныхъ интимныхъ разговоровъ, князь внезапно спрашиваетъ меня: „вы слышали, что сдѣлала со мною А—та М—ская?“ „Слышалъ“, отвѣчалъ я. „Какова?“ продолжалъ князь: „отъ кого вы слышали?“ „Не припомню, ваше сіятельство“, отвѣчалъ я. „Пожалуйста, скажите!“ настаивалъ князь. „Рѣшительно не припомню, ваше сіятельство“ уклонялся я, „если не ошибаюсь, между

посѣтителями Тамамшіевыхъ былъ какой-то говоръ въ этомъ отношеніи". „Да, батюшка, удружила!" продолжалъ князь.

Вотъ другая, дѣловая, черта. Какъ ни былъ боленъ князь, все-таки важнѣйшіе вопросы представлялись ему. Къ числу этихъ вопросовъ относился вопросъ объ устройствѣ межевой части въ краѣ. Надо замѣтить, что въ ряду высшихъ тифлисскихъ чиновниковъ былъ замѣчательный юристъ—Старицкій, родственникъ того генерала Старицкаго, о которомъ я выше говорилъ. Во время пріѣзда князя на Кавказъ, Старицкій былъ предсѣдателемъ тифлисскаго коммерческаго суда и поставилъ эту часть на высокую степень совершенства. Скоро по прибытіи князя въ Тифлисъ, Старицкій былъ отправленъ въ Петербургъ и за границу для изслѣдованія различныхъ матеріаловъ, по важнѣйшимъ юридическимъ вопросамъ, бывшимъ въ ходу въ кавказскомъ управленіи. Къ числу этихъ вопросовъ относился и вопросъ объ устройствѣ межевой части въ томъ краѣ. Возвратившись изъ довольно продолжительнаго путешествія по разнымъ государствамъ, Старицкій составилъ межевой проектъ, который, по простотѣ и ясности, встрѣтилъ общее и живое сочувствіе. Между тѣмъ учредились въ Тифлисѣ различные департаменты, и во главѣ судебнаго департамента, какъ я говорилъ уже, поставленъ былъ однокашникъ Старицкаго, такой же правовѣдъ, князь Георгій Мухранскій. Къ удивленію именно въ этомъ однокашникѣ Старицкій и его проектъ встрѣтили самую яростную оппозицію. Загорѣлась самая ожесточенная борьба.

Дѣйствовалъ ли Мухранскій по убѣжденію или только изъ чиновничьяго тщеславія, не допускавшаго, чтобы какая-нибудь отрасль судебной части получила жизнь и движеніе мимо его, какъ главнаго начальника и представителя этой части, только Мухранскій употреблялъ всемозможныя средства, чтобы не только затруднить успѣхъ проекта Старицкаго, но даже уничтожить его. Старицкій, разумѣется, сильно негодовалъ на эти интриги и, не имѣя прочнаго положенія, на которое онъ разсчитывалъ съ осуществленіемъ своего проекта, выражалъ уже рѣшимость оставить Тифлисъ.

Собственно межевой проектъ, какъ не имѣющій прямаго отношенія къ кругу моихъ дѣйствій, меня мало интересовалъ, но меня не могла не интересовать самая борьба партій, на этомъ проектѣ загорѣвшаяся, тѣмъ болѣе, что главные соперники, Старицкій и Мухранскій, оба выбрали меня повѣреннымъ своихъ сѣтованій и взглядовъ. Старицкій всегда мнѣ сочувствовалъ, точно такъ же, какъ и я ему. Мухранскій, послѣ битвъ нашихъ на полѣ преобразованія главнаго управленія, сблизился со мною, какъ я говорилъ уже, такъ же на дружескую ногу. Такимъ образомъ положеніе мое дѣлалось затруднительнымъ и нѣсколько фальшивымъ.

Я видѣлъ, однако, что Мухранскій дѣйствуетъ изъ одного тщеславія, тогда какъ для Старицкаго въ его проектѣ заключается все, и что съ дальнѣйшимъ замедленіемъ его—мы можемъ лишиться этого милаго и дѣльнаго господина, о которомъ петербургскіе юристы, Любощинскій, напр., и др., въ бытность мою съ княземъ въ Петербургѣ, отзывались мнѣ лично, какъ о человѣкѣ великихъ дарованій. Всѣ эти отзывы, соображенія и опасенія я рѣшился передать князю. Поблагодаривъ меня за эту услугу, князь приказалъ разсмотрѣть немедленно какъ проектъ Старицкаго, такъ и всѣ возраженія на него, въ своемъ Совѣтѣ и даже опредѣлилъ срокъ для этого разсмотрѣнія. Огромное большинство членовъ Совѣта, въ чемъ и сомнѣваться нельзя было, стало на сторонѣ Старицкаго; кажется, только одинъ баронъ Николаи присоединился къ Мухранскому. Князь, разумѣется, утвердилъ мнѣніе большинства.

Мухранскій, казалось, былъ окончательно побѣжденъ; но съ неслыханнымъ азіатскимъ упорствомъ, онъ все-таки не хотѣлъ сдаваться и сочинилъ князю такую записку, что Совѣтъ, разсматривавшій и одобрившій проектъ Старицкаго, не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ достаточныхъ свѣдѣній, а потому князю, всего лучше, отправить этотъ проектъ въ Петербургъ и, объяснивъ, что у него нѣтъ людей, способныхъ разсмотрѣть его, просить подвергнуть его разсмотрѣнію петербургскихъ знатоковъ. Удивительное дѣло: умный человѣкъ и предлагаетъ такую нелѣпость! Намѣстникъ, надѣлавшій кучу департаментовъ, имѣющій свой обширный Совѣтъ—долженъ заявить Петербургу, что у него нѣтъ людей, способныхъ разсмотрѣть и рѣшить межевой вопросъ. Вотъ именно нелѣпости такого рода со стороны Мухранскаго и были причиною нашихъ ожесточенныхъ столкновеній при преобразованіи главнаго управленія. Записку эту онъ прочиталъ мнѣ и послалъ князю. Я не счелъ нужнымъ разрушать его самоувѣренности въ достоинствѣ и практичности осѣнившей его мысли. Съ тою же самоувѣренностью онъ ожидалъ рѣшенія князя и каждый день заходилъ ко мнѣ въ департаментъ съ своими нетерпѣливыми ожиданіями по этой части.

Между тѣмъ именно во время этихъ ожиданій я былъ приглашенъ однажды утромъ къ князю. Онъ лежалъ въ постели. Въ кабинетѣ находилось нѣсколько приближенныхъ личностей,—Зиновьевъ и Тромповскій, если не ошибаюсь. Послѣ общихъ разговоровъ князь говоритъ мнѣ: „у меня накопилось нѣсколько важныхъ и секретныхъ дѣлъ. Они лежатъ на томъ столѣ, потрудитесь взять ихъ. Разсмотрите и доложите мнѣ“. Я пошелъ къ указанному столу, но прежде, нежели приблизился къ нему, князь вскричалъ: „однако, постойте постойте!“ Я обернулся къ князю. Онъ смотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ, улыбаясь: „знаете“, сказалъ онъ „какая у васъ репутація?“

Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на князя.—„Что вы болтунъ!“ продолжалъ князь. „Это почти правда, ваше сіятельство!“ бойко отвѣчалъ я. Князь, удивленный этимъ отвѣтомъ, весело обратился къ другимъ находившимся въ кабинетѣ лицамъ и сказалъ: „вотъ это оригинально! Я спрашиваю его, правда ли, что онъ болтунъ? Онъ отвѣчаетъ, что правда! Это замѣчательно!“ „Позвольте, ваше сіятельство“, замѣтилъ я“, сдѣлать два примѣчанія: болтовня моя происходитъ отъ величайшей искренности, которая составляетъ отличительный мой недостатокъ или, быть можетъ, мое достоинство и относится къ дѣламъ, не имѣющимъ ничего важнаго и государственнаго“... „Ну ужъ началъ хвалиться“, прервалъ меня князь. „Я говорю правду и дѣловыя тайны храню не хуже другихъ“, продолжалъ я. „То-то же“, сказалъ князь, „а то выйдетъ чепуха; я говорю одно, а вы другое... Возьмите же тамъ дѣла и разсмотрите!“

Необычайное искусство князя создавать и разсказывать анекдоты построило на этой коротенькой сценѣ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ разсказовъ, который онъ любилъ повторять при всякомъ случаѣ, разумѣется, придавъ ему значительную долю своихъ творческихъ прикрасъ. Такъ, напр., въ этихъ разсказахъ нашъ разговоръ начинался уже слѣдующимъ образомъ: „правда ли, Василій Антоновичъ“, спрашивалъ будто бы меня князь, „что вы ужаснѣйшій болтунъ?“—„Совершенная правда, ваше сіятельство“... отвѣчалъ будто бы я князю и т. д.

Въ этихъ дѣлахъ и бумагахъ, на которыя князь указывалъ мнѣ, находилась и знаменитая записка князя Мухранскаго, о которой я говорилъ. При докладѣ этой записки, я объяснилъ князю, что предлагаемое Мухранскимъ направленіе не соотвѣтствуетъ положенію и достоинству намѣстника. „Это правда“, сказалъ князь, „что же я долженъ написать на запискѣ?“—„Это самое и написать“, отвѣчалъ я. „Ну, диктуйте“, прибавилъ князь, и взявъ перо, подъ мою диктовку, написалъ: „такое направленіе не соотвѣтствуетъ положенію и достоинству намѣстника“. Вслѣдъ затѣмъ записка, съ этимъ отзывомъ, немедленно была возвращена Мухранскому.

Другихъ дѣлъ изъ числа переданныхъ мнѣ княземъ я не помню, да во всякомъ случаѣ и припоминать ихъ нѣтъ надобности, ибо и одно это дѣло, какъ мнѣ кажется, достаточно обрисовываетъ и взгляды князя, и мое положеніе при немъ, и мои отношенія къ оффиціальному кавказскому міру. На другой день, встревоженный и недовольный Мухранскій прибѣгаетъ ко мнѣ въ департаментъ, сердито показываетъ мнѣ резолюцію князя и послѣ разныхъ неблагопріятныхъ разсужденій и примѣчаній заключаетъ, что князь въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ. Несмотря, однако, на всевозможную оппозицію Мухран-

скаго, дѣло Старицкаго не только восторжествовало, но, перейдя изъ области теоретическихъ воззрѣній въ практику, принялось и дѣйствуетъ съ величайшимъ успѣхомъ...

Наконецъ, какъ ни тяжело мнѣ, но ради правды и искренности, я долженъ привести непріятный эпизодъ моихъ отношеній къ князю, принадлежащій къ этому же періоду, эпизодъ, сильно разочаровавшій меня и подтвердившій справедливость инстинктивныхъ, можно сказать, предреканій моей жены, на которыя я смотрѣлъ съ такимъ пренебреженіемъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда князь лежалъ въ постели, сваленный туда подагрою, болѣзненныя страданія моей жены не только не уменьшались, но возрастали съ ужасающею силой. Тифлисъ хоть и большой городъ, но городъ все-таки провинціальный, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что частная жизнь каждаго была, такъ сказать, у всѣхъ на виду. Я зналъ, что дѣлалось у другихъ; другіе знали, что дѣлалось у меня. Такъ точно всѣ знали, что положеніе моей жены дѣлалось все хуже и хуже и, само собою разумѣется, что общіе толки по этой части доходили до князя, независимо отъ ежедневныхъ почти личныхъ моихъ отвѣтовъ на вопросъ князя о здоровьѣ моей жены, отвѣтовъ, впрочемъ, всегда уклончивыхъ и сдержанныхъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что у князя явилось нѣкоторое опасеніе принять на свою отвѣтственность потерю этой женщины, такъ безуспѣшно боровшейся съ нимъ и, быть можетъ, именно это опасеніе было причиной его рѣшительности...

Я помню очень хорошо тотъ день, когда явился ко мнѣ одинъ изъ дежурныхъ казаковъ съ приглашеніемъ пожаловать теперь же къ князю. Когда, исполняя это приглашеніе, я отправился къ князю, тотъ же казакъ встрѣтилъ меня на дорогѣ и объявилъ, что князь извиняется и проситъ меня къ себѣ не теперь, а въ четыре часа. Потомъ, прежде чѣмъ наступило это условленное время, опять явился казакъ съ объявленіемъ, что князь снова извиняется и проситъ меня не въ четыре часа, а въ восемь часовъ вечера. Такое колебаніе, столь непривычное при простыхъ, безцеремонныхъ отношеніяхъ ко мнѣ князя, не могло не обратить моего вниманія. Мнѣ представилось, и не безъ основанія, что тутъ что-то не просто и что князь собирается мнѣ сказать, что-нибудь особенное...

Въ назначенное время я явился къ нему въ кабинетъ. Онъ, попрежнему, лежалъ въ постели, съ крышею надъ ногами. Встрѣтивъ меня съ обычною ласкою, князь быстро перешелъ къ какимъ-то общимъ разговорамъ... Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ: „знаете, зачѣмъ я пригласилъ васъ? Я хочу васъ обрадовать. Я вижу, что положеніе ваше невыносимо и какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ вами, но я рѣшился на это. Видно, такъ Богу угодно!

Давайте теперь думать, какъ лучше распредѣлить ваши обязанности. Помогите мнѣ вашими совѣтами“ [1])...

Я, прежде всего, принялся горячо благодарить князя, привыкнувъ думать, что потерять меня было для него, дѣйствительно, большимъ пожертвованіемъ, и, разумѣется, полагая, что онъ рѣшается на это пожертвованіе единственно ради моихъ пользъ. При этомъ я сказалъ ему, что я не желалъ только обременять его изложеніемъ затруднительнаго моего положенія, но что это положеніе дѣйствительно ужасно, потому что жена тоскуетъ о дѣтяхъ, болѣетъ и таетъ, какъ свѣча. При этомъ князь, считавшій, а можетъ быть считающій и теперь себя большимъ знатокомъ человѣческаго организма и различныхъ его проявленій, далъ мнѣ замѣтить, что, послѣ страшной потери крови, жена моя дѣйствительно жить не можетъ и что я долженъ быть готовъ потерять ее... Какъ ни жестоко было это предвѣщаніе, но я далъ ему видъ дружескаго участія...

Потомъ, перейдя къ вопросу о распредѣленіи моихъ должностей, я живо и бойко доказалъ князю, что съ моимъ отсутствіемъ ничто не измѣнится и все пойдетъ отлично, что управленіе дѣлами общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, которыя болѣе всего интересовали князя, можетъ быть возложено на Бартоломея, который, при содѣйствіи умнаго и дѣльнаго Пурцеладзе, поведетъ ихъ прекрасно, что департаментъ общихъ дѣлъ можетъ быть опять порученъ вице-директору, подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого Кру—на; что временное отдѣленіе,—самая капитальная часть моихъ обязанностей, можетъ быть поручено тому Старицкому, о которомъ я говорилъ и который не имѣетъ еще никакого опредѣленнаго положенія... Наконецъ, для исполненія обязанностей директора походной канцеляріи князь, по-прежнему, можетъ брать съ собою Булатова, дотолѣ, пока князь не найдетъ человѣка для окончательнаго назначенія въ эту должность. Князь внимательно слушалъ мой планъ, поддакивалъ моимъ предположеніямъ и, видимо, былъ доволенъ ими. Въ заключеніе онъ сказалъ: „очень вамъ благодаренъ! Прекрасно! Вы вывели меня изъ большихъ затрудненій. Теперь спѣшите обрадовать вашу бѣдную жену!“

Съ этими словами я всталъ и вышелъ.

Помню хорошо, что въ душѣ моей я вынесъ самое непріятное

---

[1]) Въ это время у меня были должности: управляющаго отдѣленіемъ для дѣлъ гражданскаго устройства Кавказскаго и Закавказскаго края, директора департамента общихъ дѣлъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго, директора походной канцеляріи намѣстника кавказскаго. Я не говорю уже объ участіи моемъ въ обществѣ возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и другихъ второстепенныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ.

чувство! Обрадовать жену! Чѣмъ же? Тѣмъ, что я могу ѣхать изъ Тифлиса? Да это право принадлежитъ послѣднему писцу. Всѣ вопросы въ томъ, какъ, куда и на какомъ положеніи я долженъ ѣхать? А этого вопроса князь не коснулся рѣшительно ни однимъ словомъ! Между тѣмъ вопросъ о томъ, какъ ему лучше устроиться, его сильно занималъ и разработкѣ его онъ посвятилъ самое живое участіе! Что же, однако, все это значитъ? Неужели ложь и лицемѣріе могутъ достигать такихъ ужасающихъ размѣровъ? Неужели существуетъ подобный эгоизмъ, не щадящій и не исключающій рѣшительно никого? Неужели женскія предчувствія должны стать выше моихъ личныхъ наблюденій и убѣжденій? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Князь можетъ быть холоднымъ, лицемѣрнымъ, эгоистическимъ для всѣхъ, но не для меня, который двадцать лѣтъ былъ искренно ему преданъ, котораго онъ самъ называлъ своимъ сыномъ, котораго увлекъ блистательными обѣщаніями изъ Петербурга и которому, еще такъ недавно, сулилъ карьеру Милютина и Евдокимова! Нѣтъ, этого не можетъ быть! Князь непремѣнно все рѣшилъ, обдумалъ и приготовилъ. Меня ожидаетъ придуманное имъ отличное положеніе въ Петербургѣ! А если онъ не сказалъ ничего въ этомъ отношеніи, такъ это потому, что разсчитываетъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ и ждетъ отвѣта на сдѣланное имъ государю представленіе! Всѣ эти переговоры съ княземъ, всѣ эти мысли, которыя они возбудили во мнѣ, я, возвратившись домой, тотчасъ передалъ женѣ моей... Она дѣйствительно обрадовалась возможности уѣхать изъ ненавистнаго ей Тифлиса и раздѣлаться съ столь же ненавистнымъ ей княземъ, а относительно моихъ иллюзій уподобила меня малому ребенку... Оставалось ожидать, что дальше будетъ?

Увы! дальше было то, о чемъ вспомнить отвратительно! Я уже говорилъ, что князь былъ величайшій лѣнтяй. Онъ готовъ былъ сдѣлать всякое добро, если только оно его не безпокоило. Онъ готовъ подписать всякую бумагу, хотя бы въ ней испрашивалось для васъ въ награду Китайское государство! Но подумать, позаботиться самому объ устройствѣ участи человѣка — это не было дѣломъ князя; это было просто его мученіемъ. Оттого-то онъ такъ ненавидѣлъ всѣ просьбы, лично къ нему обращаемыя, и такъ, можно сказать, неприлично для его сана, для его лѣтъ, для его имени, увертывался отъ всѣхъ тѣхъ, на лицѣ которыхъ читалъ эти просьбы. Эти достославные принципы такъ были сильны въ немъ, что онъ не посовѣстился придержаться ихъ, даже въ отношеніи ко мнѣ, котораго постоянно осыпалъ похвалами и обѣщаніями. Быть можетъ, впрочемъ, это отступленіе въ отношеніи ко мнѣ именно потому и было трудно для него, что едва-ли кому-нибудь другому онъ такъ много обѣщалъ,

какъ мнѣ. Въ отношеніи ко мнѣ онъ былъ въ положеніи неоплатнаго должника, и потому, какъ несостоятельный должникъ избѣгаетъ своихъ кредиторовъ, князь нашелъ лучшимъ примѣнить ту же штуку ко мнѣ.

Послѣ перваго свиданія, о которомъ я говорилъ, я имѣлъ глубокое убѣжденіе, что при слѣдующемъ свиданіи князь непремѣнно войдетъ въ ближайшее разсмотрѣніе моихъ интересовъ и раскроетъ планъ великолѣпнаго устройства моего въ Петербургѣ. Между тѣмъ, именно при этомъ слѣдующемъ свиданіи, я убѣдился положительно, что князь относительно меня принялъ то же унизительное, если не болѣе, положеніе, въ какое онъ становился всегда въ отношеніи тѣхъ, съ которыми приходилось разсчитываться съ глазу на глазъ. По слѣдующимъ обстоятельствамъ можно было заключить, что послѣ приведеннаго выше объясненія со мною, онъ былъ бы радъ окончательно избавиться отъ меня и не видѣться со мною, такъ же точно, какъ потомъ, при передачѣ управленія Кавказомъ великому князю Михаилу Николаевичу, находясь въ Вильнѣ, онъ разогналъ въ разныя стороны своихъ приближенныхъ и никакъ не допускалъ ихъ приблизиться къ нему въ этотъ моментъ, именно изъ опасенія разсчетовъ и даже хвалился мнѣ искусствомъ, съ которымъ онъ отдалилъ ихъ отъ себя. Но этотъ способъ, въ этотъ періодъ, о которомъ говорю, въ отношеніи меня не могъ быть примѣненъ, ибо на моихъ рукахъ лежали дѣла, требовавшія почти ежедневныхъ свиданій съ нимъ.

Князь пустилъ въ ходъ другой способъ, тоже употребляемый имъ въ подобныхъ случаяхъ и, по странности своей, также сдѣлавшійся общеизвѣстнымъ на Кавказѣ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что при свиданіи съ человѣкомъ, съ которымъ приходилось разсчитываться, князь ставилъ постороннее лицо, при которомъ никакая просьба, никакое интимное объясненіе становилось рѣшительно невозможными. Понятны чувства, которыя овладѣвали мною, когда я, при первомъ послѣдующемъ докладѣ, при первомъ свиданіи съ княземъ, ясно и положительно увидѣлъ, что сей достославный способъ пущенъ въ полный ходъ на мой счетъ. Бывало, по крайней мѣрѣ, большею частью бывало, что въ ожиданіи моего доклада или, правильнѣе сказать, въ ожиданіи моего прихода князь обыкновенно устранялъ всѣ другія дѣла и личности. Если же, иногда, я и заставалъ въ кабинетѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей, то князь старался немедленно спровадить ихъ и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: „ну, положите бумаги! Поговоримъ!“ Затѣмъ онъ пускался говорить и если во время этого говоренья докладывали о комъ-нибудь, князь сердито отзывался: „зачѣмъ не во-время приходитъ? Развѣ не знаетъ, что сегодня до-

кладной день Инсарскаго", а если и впускалъ кого-нибудь по случаю исключительной надобности, то послѣ двухъ-трехъ словъ опять-таки старался отдѣлаться отъ него. Теперь было не такъ.

Когда въ докладной свой день я, по обычаю, явился къ князю, я засталъ въ его кабинетѣ домашнихъ его, такъ называемыхъ, друзей: Тромповскаго и Зиновьева. Тутъ на первый взглядъ, впрочемъ, не было ничего удивительнаго: этихъ господъ я часто заставалъ въ кабинетѣ князя и зналъ, что они немедленно удалятся или по знаку князя, или по собственному соображенію, истекающему изъ продолжительной взаимной нашей практики. И дѣйствительно при моемъ приходѣ въ кабинетъ съ бумагами въ рукахъ — эти господа, какъ и всегда, поплелись было къ дверямъ; но князь остановилъ ихъ вопросомъ: „куда вы? Подождите!" Этотъ вопросъ, понятный мнѣ, а быть можетъ и этимъ господамъ, глубоко уязвилъ мое самолюбіе. Я началъ свой докладъ и, конечно, далеко не съ тѣмъ блескомъ, какъ всегда, ибо мысль, относящаяся къ докладу, затоплялась, такъ сказать, другими самыми отвратительными мыслями. Чрезъ нѣсколько минутъ эти господа, принявшіе невольно довольно глупое положеніе, опять закопошились. Князь опять крикнулъ на нихъ: „да подождите!" Зиновьевъ сталъ приводить какія-то надобности, которыя требуютъ его удаленія. Князь нетерпѣливо сказалъ: „ну, вы ступайте! а вы, Тромповскій, останьтесь!" Потомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ спросилъ: „вѣдь сегодня, вѣроятно, у васъ небольшой докладъ?" „Можно сейчасъ кончить, если вамъ угодно?" отвѣчалъ я. „Да!" продолжалъ князь „мнѣ нужно бы заняться сегодня письмами, которыхъ у меня накопилось множество". Я свернулъ свои бумаги, всталъ, поклонился и вышелъ.

Бездна самыхъ непріятныхъ мыслей наполнила мою голову. Главная изъ нихъ, конечно, была около превратности всего земнаго. Вчера я еще былъ первымъ любимцемъ князя, съ которымъ онъ любилъ дѣлить мысли о своихъ придворныхъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ къ царю, императрицѣ, объ отношеніяхъ къ врагамъ его: князю Горчакову, князю Долгорукову, князю Суворову и др., съ которымъ разбиралъ мизерныя достоинства и незлобивыя свойства всѣхъ этихъ К—овъ, З—хъ, Тр—кихъ и т. п., котораго признавалъ даровитѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ всѣхъ, кого онъ знаетъ, котораго, наконецъ, самъ называлъ „своимъ сыномъ"... Сегодня этотъ даровитѣйшій господинъ, этотъ старый другъ, этотъ „сынъ" становится, нежданно, негаданно, за линію этихъ ничтожныхъ лицъ. Какія же причины этого удивительнаго превращенія? Рѣшительно никакихъ! Рѣшительно не было никакого ни случая, ни обстоятельства, которые давали бы князю поводъ и право такъ неприлично, такъ недостойно

допустить это превращеніе. Все дѣло въ томъ, что, боясь принять на свою отвѣтственность смерть жены моей, онъ созналъ необходимость отпустить меня, а разсчитаться со мною, какъ прилично вельможѣ, государственному сановнику, не то, чтобы не хотѣлъ, а просто не умѣлъ. Онъ чувствовалъ, что послѣ блистательныхъ обѣщаній, которыми онъ постоянно осыпалъ меня, и вовсе безъ нужды, это дѣло довольно трудное и головоломное, а потрудиться—это было не по его части... Ясно, что для меня тяжело было видѣть такой печальный конецъ моихъ кавказскихъ похожденій, для которыхъ, единственно по настояніямъ и убѣжденіямъ князя, я разрушилъ свое петербургское, хотя неблестящее, но спокойное и прочное положеніе, и еще тяжелѣе было разочароваться въ князѣ, котораго, несмотря на нѣкоторые недостатки его лицемѣрнаго характера, именно того характера, который мнѣ пришлось на себѣ испытать, я все-таки считалъ совершеннѣйшимъ изъ людей.

Но человѣку такъ свойственно заблуждаться въ свою пользу и утѣшать себя разнообразными надеждами. Такъ точно и здѣсь, среди самыхъ отвратительныхъ думъ и соображеній, меня не оставляла надежда, что одного благопріятнаго момента достаточно, чтобъ разсѣять мои мрачныя мечтанія, истекающія, быть можетъ, не столько изъ существа дѣла, сколько изъ страшной мнительности, составляющей отличительную черту моего характера. Я припоминалъ многіе подобные случаи, гдѣ казалось тоже, что непостоянный князь сильно охладѣлъ ко мнѣ, а потомъ оказывалось, что подобное подозрѣніе не имѣло ни смысла, ни основанія. Мнѣ казалось, что больной князь просто отлагаетъ до будущаго окончательное объясненіе со мной и этимъ замедленіемъ старается подольше задержать меня при себѣ. Казалось и многое другое въ томъ же утѣшительномъ родѣ.. Но дѣйствительность шла рѣшительно наперекоръ этимъ утѣшительнымъ мечтаніямъ.

Дѣйствительность представляла тотъ гнуснѣйшій фактъ, что, какъ только я являлся къ князю—въ тотъ же моментъ являлся и добрый Т. Если самъ князь прислалъ за мною, то Т—аго я находилъ уже у него въ кабинетѣ. Если я самъ являлся къ князю, то за Т—имъ тотчасъ посылали. Ясно было, что толстое брюхо этого милаго господина въ этомъ случаѣ имѣло спеціальнымъ назначеніемъ душить во мнѣ всякіе порывы къ интимнымъ изліяніямъ.

Удивительное дѣло! Справедлива пословица: „на всякаго мудреца бываетъ простота!“ Прозорливый князь, особенно, какъ мнѣ казалось, способный читать въ сердцѣ человѣческомъ, хорошо зналъ меня, точно такъ же, какъ я хорошо зналъ его; между тѣмъ при этой способности, при этомъ значеніи, онъ выдѣлывалъ иногда предо мною

такіе, по его выраженію, „курбеты“, которые, по наивности своей, могли быть понятны даже ребенку. Многія хитрости его до такой степени были сшиты „бѣлыми нитками“, что на нихъ смѣшно было смотрѣть.

Не помню, говорилъ ли я выше, что однажды, по случаю смерти князя Бебутова, я пріѣхалъ къ князю ночью, чтобъ испросить нѣкоторыя указанія относительно церемоніала погребенія. При самомъ входѣ во дворецъ, я спросилъ по обычаю: „кто у князя?“ Камердинеръ просто-на-просто отвѣчалъ: „княгиня А. М. и Василій Васильевичъ (Зиновьевъ“). Приближаясь къ кабинету, я слышалъ тамъ веселый говоръ и хохотъ. Когда доложили обо мнѣ, въ кабинетѣ послышалось какое-то суетливое движеніе, перестановка стульевъ, шуршанье женскаго платья... Когда меня пригласили въ кабинетъ, я засталъ тамъ одного князя, задумчиво углубленнаго въ лежавшій предъ нимъ одинъ изъ представленныхъ мною проектовъ. Понятно, что я не могъ не смѣяться въ душѣ такому неудачному хитросплетенію и не подумать: куда это упряталъ князь своихъ веселыхъ собесѣдниковъ? Потомъ, трудно повѣрить, хотя это истинная правда, что князь мнѣ самому съ чувствомъ самодовольства разсказывалъ, какъ онъ передергивалъ своихъ племянниковъ графовъ О—хъ-Д—ыхъ изъ арміи въ гвардію, изъ гвардіи въ армію, а потомъ опять изъ арміи въ гвардію, для усиленнаго производства ихъ въ чины и наивно прибавлялъ, что „этой хитрости никто не замѣтилъ“.

Такъ точно было и здѣсь. Ставя Тромповскаго неизбѣжнымъ свидѣтелемъ нашихъ свиданій, князь, конечно, думалъ, что онъ дѣйствуетъ необычайно хитро, тогда какъ въ этой хитрости тоже свѣтились „бѣлыя нитки“; я, впрочемъ, не хотѣлъ оставлять князя въ заблужденіи, что я не понимаю этихъ продѣлокъ; напротивъ, сильно понизивъ мое къ нему уваженіе, я перемѣнилъ тонъ, манеру и при входѣ къ князю, и при выходѣ отъ него, улыбался Тромповскому такими улыбками, въ которыхъ старался сосредоточить какъ можно болѣе презрѣнія и сказать: „жалкая декорація неискуснаго декоратора!“ Эта ли перемѣна тона и манеръ, которымъ я старался придать какъ можно болѣе холодности, равнодушія, независимости и которыя не могли остаться не замѣченными княземъ по контрасту ихъ съ прежними нашими отношеніями, въ которыхъ я проявлялъ всегда любовь и почтительность, эти ли дерзкія, вызывающія улыбки Тромповскому были тому причиною, я не знаю; только интимное наше объясненіе состоялось.

Надо, предварительно, замѣтить, что, независимо отъ нашей оффиціальной переписки съ Петербургомъ, я велъ частную переписку съ вліятельнымъ лицомъ кавказскаго комитета, Гулькевичемъ, который

тогда былъ помощникомъ Буткова по званію управляющаго дѣлами этого комитета, а впослѣдствіи самъ занялъ это мѣсто. Письмами своими я подкрѣплялъ большею частію оффиціальныя наши представленія, но заключалъ ихъ обыкновенно частными извѣстіями о нашемъ кавказскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ одномъ изъ подобныхъ писемъ я особенно распространился о болѣзни князя, объяснилъ, что положеніе его вынуждаетъ живѣйшія опасенія, что всякія медицинскія пособія онъ отвергаетъ съ прежнимъ упорствомъ и что, при такихъ условіяхъ, надобно ожидать самаго печальнаго конца, если только какимъ-нибудь чудомъ самъ государь не узнаетъ истиннаго положенія князя и не прикажетъ ему своею высочайшею властію ѣхать за границу и непремѣнно лѣчиться. Впослѣдствіи обнаружилось, что̀ засвидѣтельствовали сами Гулькевичъ и Бутковъ, что мое письмо Гулькевичъ показалъ, какъ онъ дѣлалъ и со всѣми моими письмами, Буткову, а Бутковъ выписку изъ него, относительно болѣзни князя, представилъ государю. Его величество собственноручнымъ письмомъ князю дѣйствительно приказалъ князю ѣхать за границу лѣчиться, но предварительно заѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ государемъ.

Само собою разумѣется, что это высочайшее повелѣніе переполошило весь Тифлисъ. На князя оно произвело, видимо, хорошее впечатлѣніе. Съ одной стороны, такая заботливость государя, а съ другой, быть можетъ, открывающаяся возможность лично обдѣлать свои романическія дѣлишки за границей благотворно подѣйствовали на князя. Онъ повеселѣлъ и сталъ бодрѣе, хотя ходить не могъ и попрежнему былъ переносимъ съ постели на диванъ и обратно. Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ о предстоящемъ пути рѣшено было, что князь, въ его болѣзненномъ положеніи, не можетъ выдержать сухопутнаго пути въ Петербургъ, и потому онъ отправится туда черезъ Вѣну, чтобъ ѣхать большею частію моремъ и желѣзными дорогами. Наконецъ, настало время церемоніальныхъ прощапій съ княземъ, которыя длились какъ-то долго, нѣсколько дней, съ различными паузами и варіаціями, на которыя князь былъ такой мастеръ.

При этихъ-то церемоніальныхъ прощаніяхъ особенно рельефно выразились, съ одной стороны, страшное величіе, которымъ князь окружалъ себя, а съ другой—страшное подобострастіе, въ которомъ держали себя, въ отношеніи къ нему, его подчиненные. Я живо помню, какъ князь лежалъ на диванѣ, впрочемъ, въ гусарскомъ какомъ-то полумундирѣ, съ окутанными ногами, и какъ полукругомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, стояли мундирныя толпы высшаго военнаго и гражданскаго управленія. Само собою разумѣется, что впереди стояли самые могущественные представители этого управленія: доб-

рѣйшій князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, уже не въ первый разъ долженствовавшій замѣстить князя, милѣйшій Кру—нъ, грубый Карцевъ, церемонный Минквицъ и проч., и проч. Все это стояло, вытянувшись въ струнку, и почтительно ожидало прорицаній князя. Князь какъ-то неопредѣленно обводилъ взорами эти толпы и изрѣдка произносилъ кое-что, какъ будто изъ милости, тою лѣнивою манерою, которая такъ хорошо извѣстна всѣмъ, хоть разъ бывшимъ въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Изрѣдка тоже онъ говорилъ: „что-жъ вы не садитесь, господа! садитесь!“ Передовыя, наиболѣе знатныя, лица дѣйствительно присаживались на стульяхъ и креслахъ, стоявшихъ близъ дивана, на которомъ помѣщался князь; но черезъ нѣсколько минутъ, ужъ неизвѣстно какъ и почему, они снова были на ногахъ; еще черезъ нѣсколько минутъ, также неизвѣстно, какъ и почему, они ужъ примыкали и жались къ толпамъ, стоящимъ за ними. Такимъ образомъ, общая картина была слѣдующаго содержанія: по стѣнамъ стояли шпалерами благоговѣйныя толпы; между ними и княземъ лежало значительное пустое пространство; князь, какъ нѣкое божество, помѣщался у своей стѣны, на своемъ диванѣ. Всѣ взоры обращены были на него въ почтительномъ ожиданіи чего-то. Однимъ словомъ, зрѣлище представлялось величественное, но крайне натянутое! Казалось, каждый ожидалъ, когда же отпустятъ душу на покаяніе? Я много ужъ разъ говорилъ, а теперь снова повторяю, что князь имѣлъ въ своей личности дѣйствительно что-то такое непостижимое, что̀ подавляло всѣ другія личности, приходившія съ нимъ въ соотношенія. Привыкнуть къ нему было положительно невозможно. Адъютанты его сильнѣйшимъ образомъ трусили, хотя князь никогда никому изъ нихъ не сказалъ ни одного суроваго слова; трусилъ его положительно Кру—нъ, одинъ изъ самыхъ ближайшихъ къ нему лицъ и частно, и оффиціально. Я тоже постоянно его трусилъ, хотя въ теченіе двадцати лѣтъ считался любимцемъ его и домашнимъ его человѣкомъ. Въ немъ было что-то такое, облеченное, впрочемъ, въ самыя аристократическія деликатныя формы, что̀ давило васъ несравненно хуже, чѣмъ открытый гнѣвъ, положительные выговоры и т. п. Въ немъ было то, что́, какъ я говорилъ уже, заставляло трепетать передъ нимъ родныхъ его братьевъ. Въ немъ было то, что́, по моему убѣжденію, ясно говорило о предназначеніи его стоять высоко и управлять людьми...

Въ толпахъ, оффиціально и торжественно прощавшихся съ княземъ, было нѣсколько счастливыхъ личностей, которымъ предоставлено было проститься съ княземъ, кромѣ того, интимнымъ образомъ, для чего и былъ назначенъ каждому день и часъ. Въ число этихъ счастливцевъ попалъ и я. Сколько помню, мнѣ назначено было явиться

на другой день въ 6 часовъ вечера. Въ ожиданіи этого интимнаго свиданія я просилъ Бога сдержать порывы моего строптиваго характера, значительно раздраженнаго предыдущимъ поведеніемъ князя. Я предчувствовалъ, что тутъ произойдутъ объясненія, дѣйствительно интимныя. Князь былъ слишкомъ прозорливъ, чтобъ не читать на моемъ лицѣ и тяжелыхъ думъ, и глубокаго негодованія. Онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобъ не дать руку помощи человѣку, который такъ долго и такъ усердно ему служилъ. Въ назначенный часъ я отправился къ князю. На подъѣздѣ я встрѣтилъ Тромповскаго. Онъ, конечно, предполагалъ, что я иду, въ такой странный часъ, къ кому-нибудь изъ придворныхъ, живущихъ въ домѣ князя; но, не желая оставлять его въ этомъ заблужденіи, я самъ объявилъ ему, что иду къ князю. Надобно было видѣть смущеніе этого милаго господина. Покраснѣвъ и растерявшись, онъ не зналъ, что дѣлать? Для меня ясно было, съ одной стороны, что онъ дѣйствительно имѣетъ приказаніе присутствовать всенепремѣнно при моихъ свиданіяхъ съ княземъ, а съ другой, что онъ вовсе не предупрежденъ о томъ, что самъ князь назначилъ мнѣ этотъ часъ. Въ величайшемъ волненіи добрякъ этотъ нашелъ единственнымъ выходомъ изъ своего затруднительнаго положенія сказать мнѣ: „ахъ! я совершенно забылъ! И мнѣ надо непремѣнно сейчасъ видѣть князя!“ „Пойдемте вмѣстѣ“, сказалъ я, „Посмотримъ, что выйдетъ“? подумалъ я про себя.

Когда обо мнѣ доложили, я былъ тотчасъ принятъ. Когда при мнѣ уже доложили о Тромповскомъ, князь отвѣчалъ: „скажите, что я за нимъ пришлю послѣ“. „Доброе начало!“ подумалъ я. При моемъ входѣ въ кабинетъ, я засталъ тамъ какую-то женщину, которая его о чемъ-то просила. Князь, по обыкновенію, шутилъ съ нею и довольно свободно. Просительница, отшучиваясь, все возвращалась къ своему дѣлу. „На счетъ твоего дѣла“, сказалъ князь, „я тебѣ вотъ что скажу: во всемъ мірѣ нѣтъ другаго человѣка, который бы могъ его сдѣлать, кромѣ Василія Антоновича. Проси его!“ Женщина, ни слова не говоря, бросилась ко мнѣ и стала ловить мои руки, чтобъ цѣловать ихъ. Я, разумѣется, сталъ отбиваться, и между нами образовалась борьба, стѣснительная для меня, но забавная для князя. Онъ весело хохоталъ и подзадривалъ эту женщину, говоря: „цѣлуй, цѣлуй ему руки; онъ только одинъ и можетъ исполнить твою просьбу. Проси его, не отставай!“ Мнѣ, наконецъ, удалось угомонить неотвязную просительницу, объявленіемъ, что, если она не оставитъ меня въ покоѣ, я рѣшительно ничего не сдѣлаю, а въ противномъ случаѣ похлопочу, сколько могу. Успокоенная женщина удалилась, и мы остались вдвоемъ съ княземъ.

Пригласивъ меня, по обычаю, сѣсть подлѣ дивана, на которомъ

онъ помѣщался, князь началъ такимъ образомъ: „ну что, мой старый другъ, вы думаете теперь предпринять?“ Я отвѣчалъ: „ничего не думаю, потому что буду ли думать или нѣтъ, все-таки безъ вашей помощи я одинъ ничего не могу сдѣлать!“ Ну, вы не пропадете! Вы не такой человѣкъ, чтобъ пропасть!“ продолжалъ шутливо князь. „Ваше сіятельство, не въ первый разъ изволите говорить мнѣ эти слова“, замѣтилъ я: „они очень лестны для меня, тѣмъ не менѣе на нихъ построить ничего нельзя, если вы меня оставите“. „Съ чегоже вы взяли“, возразилъ князь, „что я васъ оставлю. Я васъ не оставлю никогда. Гдѣ бы вы ни были, всегда располагайте мной“. Тутъ князь снова сталъ говорить, какъ онъ цѣнитъ мои дарованія, какъ признателенъ за мои услуги, какъ привязанъ ко мнѣ, какъ сожалѣетъ, что мои семейныя обстоятельства разлучаютъ меня съ нимъ и т. п. Онъ говорилъ много на этотъ мотивъ. Потомъ прибавилъ: „но дѣло въ томъ, что здѣсь, на Кавказѣ, я дѣйствительно все могу сдѣлать, а тамъ, въ Петербургѣ, я самъ долженъ быть просителемъ“... Я замѣтилъ, что одно слово такого сильнаго просителя можетъ установить и обезпечить мое устройство въ Петербургѣ... „Посмотримъ, посмотримъ“, сказалъ князь, „а между тѣмъ возьмите отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ, поѣзжайте въ Петербургъ, присмотритесь и, если найдете что-нибудь удобное и выгодное, пишите мнѣ“...

Вотъ сущность нашей окончательной бесѣды съ княземъ, которая, если и не приводила еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе значительно утѣшала мое раздраженіе. Князь вновь очаровалъ меня. Я сознавалъ, что для него дѣйствительно трудно сдѣлать для меня сразу что-нибудь въ Петербургѣ, но мнѣ утѣшительно было думать, что если я подыщу тамъ что-нибудь подходящее, князь сильно меня поддержитъ. Кромѣ того, мнѣ весело было думать объ одиннадцати мѣсяцахъ свободной жизни въ Петербургѣ. Періодъ этотъ казался мнѣ такимъ длиннымъ, что въ теченіе его, по моимъ понятіямъ, все могло случиться, все можно было устроить. Отпуска я, впрочемъ, не бралъ, потому что и другія, меньшія меня лица на Кавказѣ, почти никогда не берутъ отпусковъ, а облекаютъ ихъ въ какое-нибудь порученіе. Такъ точно сдѣлалъ и я. Князь далъ мнѣ предписаніе отправиться въ Петербургъ и ожидать тамъ его приказаній...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

V [1]).

Разбои въ восточной Болгаріи.—Мусульманское вооруженное возстаніе.—Необходимость принятія энергичныхъ мѣръ для его подавленія, и препятствія, на этомъ пути встрѣченныя.—Несоотвѣтствіе организаціи войска для чисто военныхъ цѣлей.—Министерская декларація.—Объявленіе военнаго положенія, министерскій совѣтъ и дѣятельность министровъ.

Почти одновременно съ прибытіемъ князя въ Софію, только что сформированному правительству княжества пришлось вступить въ борьбу съ бѣдой, которая долгое время мѣшала правильному ходу внутренняго устроенія, заставила прибѣгнуть къ особымъ, экстреннымъ мѣропріятіямъ и привела къ кореннымъ перемѣнамъ въ организаціи болгарскаго войска.

По заключеніи мира турецкое правительство, сокративъ численность своей арміи въ европейской Турціи, уволило отъ службы всѣхъ, собранныхъ во время войны, низамовъ и редифовъ, уроженцевъ мѣстностей, отошедшихъ къ княжеству, которые вернулись въ Болгарію, вступивъ, такимъ образомъ, въ болгарское подданство.

Преобладающее большинство чисто турецкаго населенія было сосредоточено и до войны въ восточной Болгаріи, преимущественно между Рущукомъ, Разградомъ, Османъ-Базаромъ, Эски-Джумой, Шумлой и Варной. Значительная площадь этого пространства весьма пересѣчена, холмиста и лѣсиста, а въ Силистрійскомъ округѣ и частію Разградскомъ покрыта почти сплошнымъ, густымъ, Деліорманскимъ лѣсомъ, занимающимъ 950 кв. верстъ. Часть этой площади

---

[1]) См. „Русскую Старину“, Мартъ 1900 г.

богата ископаемой солью и носитъ названіе Тузлукъ. Рѣдкія поселенія болгаръ тонутъ среди преобладающаго большинства турецкаго населенія, всегда воинственнаго, особенно въ Деліорманскомъ лѣсу, который можно было считать, даже во времена турецкаго владычества, разбойничьимъ гнѣздомъ. Весьма естественно, что 9—10 тысячъ отпущенныхъ низамовъ и редифовъ, весьма распущенныхъ, вернувшись домой, значительно усилили количественно и качественно то турецкое населеніе, которое вошло въ подданство княжества и не могло примириться съ современно-новымъ положеніемъ подчиненности христіанамъ, и кому же, той безправной райѣ, которая, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, была безотвѣтнымъ слугой мусульманъ. Хаджи и именитые мусульмане, сохранивъ связь съ Константинополемъ, разжигали фанатизмъ темной массы и поддерживали вѣру въ возможность возвращенія къ старому строю. Грабежи христіанъ и разбои являлись какъ бы службой султану, дѣломъ ему угоднымъ. Многіе солдаты вернулись съ оружіемъ, большое количество котораго, припрятанное жителями во время пребыванія въ этой мѣстности русскихъ войскъ, теперь, съ уходомъ ихъ, выплыло на свѣтъ Божій; и очень скоро, вся указанная мѣстность, въ особенности же окрестности Османъ-Базара, Эски-Джумы и Деліорманскій лѣсъ были охвачены пламенемъ вооруженнаго возстанія, проявившагося въ формированіи вполнѣ организованныхъ шаекъ и нападеній на болгарскія села со всѣми атрибутами неудержимаго мусульманскаго фанатизма. Нельзя отрицать, конечно, что въ этихъ грабежахъ и насиліяхъ играла большую роль месть новымъ господамъ-болгарамъ, которые, не будучи ангелами, въ свою очередь, мстили туркамъ за старое, пользуясь присутствіемъ и охраной русскихъ войскъ, и, слѣдовательно, не могутъ быть освобождены отъ упрека въ насиліи надъ турками.

Всѣ эти явленія были вполнѣ естественны, ихъ можно было ожидать, и лучшимъ средствомъ удержанія порядка въ восточной Болгаріи, въ мѣстахъ съ преобладающимъ турецкимъ населеніемъ, было бы оставленіе тамъ, хотя небольшаго, русскаго отряда и при томъ на не особенно продолжительное время, лишь бы дать новому правительству княжества немножко оглядѣться и разобраться въ томъ хаосѣ, который, тоже естественно, воцарился по уходѣ русской администраціи и русскихъ войскъ. Къ сожалѣнію, мѣра эта не могла быть приведена въ исполненіе, такъ какъ берлинскій трактатъ и сопряженныя съ нимъ условія требовали абсолютнаго и скорѣйшаго вывода организованныхъ частей русскихъ войскъ, оставивъ для княжества только собственное „земское“ войско, съ нѣсколькими русскими „инструкторами“.

Вслѣдствіе мѣстныхъ условій, воинственности турецкаго населенія и преобладающей его численности возстаніе распространялось съ чрезвычайной быстротой, выражаясь въ разбояхъ, грабежахъ, пожарахъ и убійствахъ. Пришлось немедленно принять энергичныя мѣры для подавленія возстанія сразу, потребовались войска, и тутъ-то обнаружились всѣ недостатки милиціонной, территоріальной системы.

Устройство болгарскаго войска было уже, въ общихъ чертахъ, указано выше. Ко времени пріѣзда князя было заготовлено нѣсколько докладовъ, касавшихся неотложныхъ мѣропріятій, къ числу коихъ надо отнести соединеніе болгарскихъ войскъ въ три высшихъ командныхъ единицы, а не въ двѣ, какъ прежде; вмѣсто двухъ отдѣловъ: западнаго и восточнаго, образовано было три: Софійскій, западный и восточный, что вызывалось требованіями административными.

Главный недостатокъ территоріальной арміи, какъ вооруженной силы, заключался въ ея неподвижности, такъ какъ принципъ территоріальности примѣненъ былъ не только къ формированію и комплектованію, но и управленію ею. По нормальной дислокаціи каждая часть должна была квартировать въ центрѣ своего округа или губерніи, напр., софійская дружина въ Софіи, берковацкая въ Берковцѣ, систовская въ Систовѣ, тырновская конная сотня въ Тырновѣ и т. п. Передвиженій войскъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія не предвидѣлось, да и самая идея мѣстной милиціи противорѣчила идеѣ передвиженій и подвижности.

Сообразно основѣ территоріальности, было организовано и хозяйство войскъ. Для продовольствія ихъ отпускался, опредѣленный бюджетомъ, денежный окладъ въ 50 сантимовъ на человѣка въ день, но такъ какъ стоимость продуктовъ въ различныхъ мѣстностяхъ была не одинакова, то пришлось прибѣгнуть къ нормальной дачѣ натурой, т. е. раскладкамъ, опредѣливъ различные денежные оклады въ разныхъ частяхъ войскъ, съ условіемъ непревышенія бюджетнаго отпуска въ 50 сантимовъ. Денежное довольствіе частей приноровлено было къ русскимъ порядкамъ, но жалованія людямъ и вообще денежнаго пособія, потребнаго въ солдатскомъ обиходѣ, не полагалось. Обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе было казенное, но вещеваго довольствія почти не было, за исключеніемъ сапогъ; ни бѣлья, ни холста для его постройки отъ правительства не отпускалось. Предполагалось, что, квартируя въ своемъ округѣ, все будетъ доставляться изъ дому. Обозъ частей былъ весьма ограниченъ и могъ удовлетворять нуждамъ частей только при расположеніи на мѣстѣ. Правительство княжества было вынуждено побороть возстаніе и водворить порядокъ въ восточной Болгаріи силою оружія, намѣстныхъ войскъ, т. е. трехъ дружинъ: Варненской, Шумлинской и

Разградской для этой цѣли было недостаточно; явилась необходимость быстраго сосредоточенія значительныхъ силъ, а это приводило къ выводу ихъ изъ мѣстъ постояннаго квартированія, что̀ и встрѣчало препятствія: 1) въ законѣ о милиціи и 2) въ организаціи хозяйственной части войскъ.

Первое министерство княжества было сформировано изъ меньшинства бывшаго тырновскаго учредительнаго собранія и получило названіе консервативнаго. Всѣ правительственныя лица набраны были изъ единомышленниковъ консервативнаго министерства, либералы же частью не были приглашены къ участію въ государственной службѣ, частью же уклонились. Такъ, Каравеловъ отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему министерствомъ, вступить въ его среду.

Министерскій совѣтъ (т. е. кабинетъ) опубликовалъ слѣдующее обращеніе къ народу:

„Дорогіе соотечественники! Приглашенные его высочествомъ княземъ Александромъ I занять посты первыхъ министровъ въ нашемъ молодомъ княжествѣ, мы глубоко чувствуемъ тяжесть задачи, возложенной на насъ довѣріемъ любимаго нашего государя.

„Не безъ колебанія приняли мы предложеніе его высочества о составленіи перваго болгарскаго министерства.

„Обстоятельства, среди которыхъ народъ нашъ начинаетъ свою независимую политическую и гражданскую жизнь, очень важны, и затрудненія, являющіяся со всѣхъ сторонъ, очень велики. Но поэтому-то именно, патріотизмъ возлагаетъ нынѣ на всѣхъ насъ священный долгъ безусловной готовности служить князю и отечеству съ безграничной преданностью и полнымъ самоотверженіемъ.

„Чувство этого долга заставило и насъ не отрекаться отъ возложенной на насъ обязанности, какъ бы она тяжела ни была.

„Вполнѣ соблюдая великую важность дѣла, которое мы приняли, мы рѣшились не щадить трудовъ и употребить всѣ усилія для того, чтобы оправдать довѣріе къ намъ его высочества князя Александра I, чтобы помочь благоустройству нашего отечества и введенію въ немъ порядка.

„Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества, первою нашею заботою будетъ начать приспособленія и развитія началъ, положенныхъ въ нее. Для этого министерство позаботится, на сколько позволитъ ему короткій срокъ, о томъ, чтобы приготовить къ будущему народному собранію часть законопроектовъ, ведущихъ къ этой цѣли. Кромѣ того, министерство не забудетъ ввести уже теперь тѣ улучшенія по управленію страною, которыя не терпятъ отлагательства. Оно должно также заявить, что будетъ принимать всегда во-время необходимыя мѣры къ прекращенію смутъ

и охраненію порядка и спокойствія въ предѣлахъ княжества. Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ и спокойствіи княжества, министерство будетъ считать своею непремѣнною обязанностью, среди глубокой признательности, которою воодушевленъ весь болгарскій народъ къ державѣ, его благодѣтельницѣ и освободительницѣ отъ ига, поддерживать искренно-пріятельскія отношенія и почтеніе ко всѣмъ другимъ державамъ-покровительницамъ и прочимъ сосѣднимъ и не сосѣднимъ странамъ и стараться показать, что болгарскій народъ вполнѣ заслуживаетъ симпатіи всѣхъ европейскихъ правительствъ.

„Для исполненія этой задачи мы разсчитываемъ съ одной стороны на мудрое руководительство его высочества, а съ другой на патріотическое содѣйствіе всѣхъ нашихъ соотечественниковъ и твердо убѣждены, что они, отличаясь обыкновенно здравымъ смысломъ, усердно будутъ оказывать намъ это содѣйствіе.

„Да здравствуетъ его высочество болгарскій князь Александръ I! Да здравствуетъ болгарскій народъ! Подписали: предсѣдатель министръ внутреннихъ дѣлъ и временно просвѣщенія: Ѳ. Бурмовъ [1]), министръ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій М. Балабановъ, военный министръ ген.-м. Паренсовъ, министръ юстиціи Д. Грековъ, министръ финансовъ Г. Начовичъ“.

Документъ этотъ былъ внесенъ въ совѣтъ министровъ нашимъ премьеромъ, Ѳедоромъ Степановичемъ Бурмовымъ, но кѣмъ онъ именно былъ написанъ, въ точности сказать не могу, по крайней мѣрѣ многіе изъ моихъ коллегъ открещивались отъ участія въ его составленіи, что́ подтверждалось послѣдовавшими, по его прочтеніи, преніями. Вѣроятно, однако же, что составителями его были самъ Бурмовъ и въ особенности Стоиловъ, о которомъ я уже говорилъ выше, но теперь считаю нужнымъ кое-что добавить, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что при первомъ болгарскомъ министерствѣ Стоиловъ былъ силой. Не будучи членомъ кабинета, занимая должность политическаго и дипломатическаго секретаря князя, должность, не предусмотрѣнную закономъ, Стоиловъ, питомецъ Гейдельбергскаго университета, былъ человѣкъ не сомнѣнно умный, образованный и въ Болгаріи, съ большимъ апломбомъ. Князь, не любившій болгаръ вообще за ихъ демократичность, не выносилъ несалонныхъ манеръ

[1]) Въ скоромъ времени портфель министра просвѣщенія былъ врученъ доктору Атанасовичу, болгарину, давно уже проживавшему въ Румыніи, очень доброму, но совершенно безличному человѣку. Надо замѣтить, что въ первое время существованія княжества, особенно при первомъ, консервативномъ министерствѣ, свойства „добраго“, „милаго человѣка“ играли большую роль при назначеніяхъ. Либералы были разборчивѣе и строже.

большинства лицъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло лично. Стремясь придать имъ внѣшній, приличный, европейскій обликъ, князь, не пренебрегалъ и мелочами; такъ напримѣръ, желая видѣть въ своихъ министрахъ вполнѣ цивилизованныхъ людей, онъ, не скрывая своего отвращенія къ произвольному костюму министровъ, составилъ самъ проектъ мундирнаго фрака синяго сукна, украшеннаго металлическими пуговицами съ изображеніемъ государственнаго герба Болгаріи [1]), а когда явилось затрудненіе, гдѣ и на какія средства шить эти фраки, то князь заказалъ ихъ на свой счетъ, выписавъ необходимые предметы для ихъ шитья изъ Германіи. Стоиловъ, по внѣшности и благовоспитанности, въ смыслѣ манеръ, былъ вполнѣ европеецъ. Консерваторъ и даже деспотъ въ душѣ, Стоиловъ и по воззрѣніямъ своимъ былъ вполнѣ угоденъ князю. Присутствіе его въ засѣданіяхъ совѣта министровъ крайне стѣсняло насъ всѣхъ; министры-болгары боялись при немъ говорить, зная, что онъ „око“ и „ухо“ князя, а онъ велъ себя въ высшей степени безцеремонно во всѣхъ отношеніяхъ. Я пробовалъ возставать противъ такого неудобнаго свидѣтеля нашихъ засѣданій, но это ни къ чему не привело, такъ какъ, даже наиболѣе самостоятельный по характеру, изъ министровъ Начовичъ отвѣчалъ мнѣ: „que voulez vous c'est le désir de Prince“ [2]).

Но возвращаюсь къ документу министерской декларації.

Отмѣчу въ немъ два мѣста. Въ виду начавшагося уже вооруженнаго возстанія въ восточной Болгаріи, я предложилъ вставить то, что сказано о „принятіи необходимыхъ мѣръ къ прекращенію смутъ и охраненію порядка и спокойствія“. При этомъ выяснилось интересное обстоятельство. Еще въ февралѣ 1879 года, во время пребыванія императорскаго коммиссара кн. Долгорукова-Корсакова въ Тырновѣ, стало извѣстнымъ о существованіи тайнаго турецкаго плана: немедленно по выступленіи русскихъ войскъ начать вооруженное возстаніе мусульманъ въ Болгаріи; одновременно съ этимъ константинопольское правительство должно обратиться къ державамъ съ нотой о притѣсненіяхъ турокъ болгарами, чтобы оправдать въ глазахъ Европы начавшееся движеніе.

Другое мѣсто декларації, которое насъ занимало, заключалось въ желаніи обойти какъ-нибудь вопросъ о Турціи, какъ сюзеренѣ и о вассальномъ положеніи княжества, но однако жъ такъ, чтобы не возбудить неудовольствія Порты. Съ этой цѣлью употреблена была фраза: „поддерживать искренно пріятельскія отношенія ко всѣмъ

[1]) Левъ на заднихъ лапахъ. Отсюда и основная монета — левы.

[2]) Что прикажете дѣлать: это желаніе князя.

другимъ державамъ *покровительницамъ* и прочимъ сосѣднимъ и *не сосѣднимъ* странамъ“ [1]).

Появленіе министерской декларации произвело цѣлую бурю въ оппозиціонной, либеральной партіи, да и было изъ-за чего волноваться.

Въ посланіи было сказано: „Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества“... и тутъ же четыре раза этотъ основной законъ былъ нарушенъ, такъ какъ князь вопреки п. 6-го конституціи четыре раза былъ названъ высочествомъ. И это въ первомъ же оффиціальномъ министерскомъ актѣ! Я самымъ энергичнымъ образомъ возсталъ противъ такого незаконнаго, неудобнаго и нетактичнаго поступка, указывалъ моимъ коллегамъ, что уже однимъ этимъ, они при общемъ несочувствіи къ ихъ назначенію, предрѣшили свое паденіе, но это ни къ чему не привело. Министры отвѣчали мнѣ: nous avons promis [2]) и стояли на своемъ. Я упирался предложить свою отставку, и вопросъ перешелъ на усмотрѣніе нашего дипломатическаго агента Давыдова, въ томъ смыслѣ, что мои коллеги обратились къ нему за помощью, прося его уговорить меня не подавать въ отставку и подписать декларацію. Такъ какъ вопросъ о титулѣ и моемъ къ нему отношеніи уже разбирался однажды Давыдовымъ, то Александръ Петровичъ уговорилъ меня подписать документъ, чтобы не дѣлать скандала на первыхъ же порахъ, оставляя за мной право употреблять законный титулъ „свѣтлости“ въ войскѣ, а также во всякаго рода письменныхъ документахъ и сношеніяхъ, отъ меня исходящихъ.

Одновременно съ министерской декларацией въ оффиціальномъ органѣ, „Державномъ Вѣстникѣ“, появилась оффиціальная статья, служившая комментаріемъ къ декларации. Эта статья надѣлала тоже много шума, но уже въ другой средѣ,—въ русскомъ консульствѣ. Въ статьѣ говорилось, между прочимъ: „Предстоитъ создать новый міръ. Матерьялъ не въ большомъ обиліи“... „Народъ, избавленный отъ тяжелаго ига, но еще усталый отъ только-что окончившагося переходнаго положенія, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы его освободили изъ хаоса“... Изъ-за не вполнѣ корректнаго, но, по человѣческой слабости, понятнаго желанія придать себѣ значеніе и указать тяжесть выпавшаго на ихъ долю времени, министры немножко лягнули своихъ предшественниковъ, русскихъ дѣятелей: „Административное устройство, при *огромныхъ расходахъ, употребленныхъ на него* [3]), далеко еще не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ нуждамъ и средствамъ, полицейская часть совершенно недостаточна, нѣтъ почты, какъ слѣдуетъ устроен-

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*
[2]) „Мы обѣщали“.
[3]) Курсивъ мой. *П. П.*

ной, сообщенія изъ самыхъ трудныхъ". „Судебное устройство хромаетъ во многихъ отношеніяхъ и требуетъ *кореннаго преобразованія* [1]); для народнаго образованія необходимы выходящіе изъ обыкновеннаго уровня труды"... „По финансамъ необходимы великія и *коренныя реформы*... [2])" и т. д.

Я посмотрѣлъ на это философски. Во-первыхъ, общій парламентскій пріемъ во всѣхъ странахъ съ представительнымъ правленіемъ гласно и какъ можно эффектнѣе хулить предъидущихъ дѣятелей, какъ можно болѣе рекламировать тяжесть предстоящихъ трудовъ, обѣщать великія и богатыя милости въ будущемъ. Этотъ же пріемъ практикуется и при всякихъ выборахъ, въ предвыборной и выборной агитаціи, слѣдовательно, не представляетъ изъ себя чего-либо новаго. Во-вторыхъ, нельзя было отрицать фактовъ, свидѣтельствовавшихъ, что наше временное управленіе, при всемъ стараніи, многаго не могло не только закончить, но нѣкоторыхъ вопросовъ не могло и затронуть, хотя бы вслѣдствіе одного присутствія въ Болгаріи нашей огромной (подъ конецъ войны), дѣйствующей арміи съ ея многочисленными учрежденіями. Болѣе же всего тяготѣлъ надъ нашими дѣятелями тотъ краткій срокъ, въ который, благодаря берлинскому трактату, пришлось создавать сразу все изъ ничего, изъ дѣйствительнаго хаоса. Почты дѣйствительно не было, такъ какъ, во время нахожденія нашей арміи въ княжествѣ, устроена была военная почта, но и то только по тѣмъ направленіямъ, которыя нужны были для цѣлей арміи; по уходѣ нашихъ войскъ, русская военная почта была, понятно, снята. То же разсужденіе надо было приложить и къ путямъ сообщенія. Наконецъ, я, какъ военный министръ, отлично зналъ всѣ недочеты въ организаціи войска и самъ же, вслѣдствіе вспыхнувшаго возстанія въ восточной Болгаріи, вынужденъ былъ прибѣгнуть не къ простымъ „мѣропріятіямъ", а къ „кореннымъ реформамъ" въ войскѣ. Положимъ, деликатность должна была бы подсказать моимъ коллегамъ на необходимость соблюсти извѣстныя формы по отношенію къ дѣятельности сотрудниковъ императорскаго коммиссара [3]), но можно ли было толковать объ этикѣ, когда на первое мѣсто выступилъ шкурный вопросъ: провалится министерство при предстоящемъ въ октябрѣ народномъ собраніи или устоитъ? Для меня было ясно, что провалится, коллеги же мои думали иначе; они допускали мысль сильнаго противодѣйствія оппозиціи и въ результатѣ надѣялись на распущеніе собранія, даже, какъ увидимъ ниже, допускали переворотъ, но не вѣрили въ собственное свое паденіе.

---

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

[2]) Курсивъ мой. *П. П.*

[3]) Дѣятельность эта описана въ гл. II.

Желая польстить взглядамъ народной массы, въ декларацію была вставлена фраза: „при огромныхъ расходахъ, употребленныхъ на него“... Болгары очень нетребовательны въ жизненномъ обиходѣ, который во всѣхъ слояхъ населенія носилъ патріархальный характеръ, очень трезвенны, скопидомы, даже скупы; понятно, что наши огромные оклады по военному положенію являлись для болгаръ чѣмъ-то чудовищнымъ; кромѣ того, вызванное желаніемъ блага странѣ, стремленіе императорскаго коммиссара, поскорѣй и побольше сдѣлать, требовало расходовъ огромныхъ и хотя значительную долю этихъ расходовъ приняла на себя Россія (напр., все устройство и содержаніе войска), но все же извѣстная и даже большая ихъ часть производилась изъ доходовъ страны тѣхъ мѣстностей, которыя были уже очищены отъ турокъ.

Какъ бы то ни было русское дипломатическое агентство обидѣлось; обидѣлось оно въ особенности тѣмъ, что высказано все это было представителями партіи, поддерживаемой нашимъ дипломатическимъ агентомъ, его ставленниками. Тутъ, кажется, впервые было сказано слово: „неблагодарность“, слово, столь много и столь часто употреблявшееся впослѣдствіи, слово, къ которому я еще не разъ вернусь, такъ какъ никогда ни признавалъ его справедливости и теперь не признаю.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій совѣта министровъ обсуждался и былъ рѣшенъ вопросъ о мѣрахъ для подавленія возстанія. Извѣстія, получавшіяся изъ восточной Болгаріи, были весьма тревожны. Возстаніе усиливалось, распространялось и разбои не являлись уже въ видѣ нападеній на почту, проѣзжающихъ, работавшихъ на поляхъ, или на села, но затѣмъ въ Варненскомъ округѣ прекратилось все движеніе по дорогамъ, а въ ночь съ 27 на 28 іюня большой хорошо вооруженной и организованной и управляемой шайкой было произведено нападеніе на городъ Османъ-Базаръ. Бой длился три часа и хотя нападающіе были отбиты, тѣмъ не менѣе фактъ былъ крупный. Турки заявляли, что подчинялись, по волѣ Бога, своимъ побѣдителямъ, русскимъ, но болгарскаго правительства не признаютъ и будутъ съ нимъ бороться. Совѣтъ министровъ далъ мнѣ carte blanche. На основаніи § 47 конституціи [1]) я внесъ въ совѣтъ предложеніе объ объявленіи восточной Болгаріи на военномъ положеніи; вслѣдствіе этого

---

[1]) Въ этомъ § предусматриваются случаи, когда государству угрожаетъ опасность внѣшняя или внутренняя, а народное собраніе, по краткости времени, созвано быть не можетъ.

предложенія, одобреннаго совѣтомъ, составленъ былъ докладъ князю отъ совѣта министровъ подъ общею нашею отвѣтственностью и съ обязательствомъ, тоже согласно закона, внести это рѣшеніе на одобреніе перваго созваннаго затѣмъ народнаго собранія.

Князь представленіе наше утвердилъ; у меня были развязаны руки. Князь, въ то время еще ко мнѣ благоволившій, всѣ мои распоряженія одобрялъ, и я получилъ возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно.

Покуда войска направлялись къ указаннымъ имъ пунктамъ и работа въ военномъ министерствѣ кипѣла, остальныя министерства работали также чрезвычайно усердно.

Министры собирались каждый день. Засѣданія эти были весьма интересны и часто крайне оригинальны. По неимѣнію особаго помѣщенія, мы, по предложенію Бурмова, собирались у него на квартирѣ. Жара въ Софіи, расположенной въ котловинѣ безъ малѣйшаго движенія воздуха, стояла невыносимая, и потому понятно, что министры являлись на засѣданія не въ какихъ-нибудь форменныхъ одеждахъ [1]), а въ чемъ Богъ послалъ. Эта безформенность конечно не мѣшала ходу дѣла, но она постепенно пошла уже очень далеко. Такъ Бурмовъ, находясь дома, сталъ приходить въ туфляхъ, а затѣмъ скинулъ ихъ, оставшись въ однихъ носкахъ. Стоиловъ преспокойно разстегивалъ жилетъ, ложился на мягкій диванъ и, похлопывая себя по тогда уже толстенькому брюшку, изрекалъ: „le prince désire“ [2]), что̀ для моихъ коллегъ тотчасъ же облекалось въ законъ Эта безцеремонность начала мнѣ надоѣдать, и, согласившись съ Начовичемъ и Грековымъ, мы уговорили остальныхъ перенести наши засѣданія въ зданіе министерствъ, гдѣ нашелся очень помѣстительный и прохладный кабинетъ.

Поднялся у насъ вопросъ о формѣ сношеній между министрами и министерствъ съ другими правительственными учрежденіями. Рѣчь шла собственно о внѣшней формѣ письменныхъ сношеній. Я доложилъ совѣту, что, такъ какъ при управленіи императорскаго коммиссара всѣ органы управленія, въ томъ числѣ и министерства, уже существовали, хотя и подъ другими титулами [3]), и вся переписка велась постоянно и давно уже по русскимъ формамъ, то не будетъ ли удобнѣе продолжать вести переписку по этимъ формамъ и дальше. Дѣлая это предложеніе, я былъ далекъ отъ мысли о какой бы то ни было „руссификаціи“ болгаръ, а исходилъ изъ практическаго сообра-

---

[1]) Кромѣ меня, носившаго установленную военную форму.
[2]) Князь желаетъ.
[3]) Министерства назывались „отдѣлами“.

женія, что зачѣмъ же мѣнять то, къ чему всѣ уже привыкли. Но тутъ мнѣ пришлось выслушать отъ добрѣйшаго Бурмова прекурьезное возраженіе, высказанное, впрочемъ, въ наставительномъ тонѣ: „помилуйте, П. Д.; какъ же мы можемъ принять ваши формы. Вы— страна монархическаго неограниченнаго правленія, а мы— конституціоннаго!“ Я едва удержался отъ смѣха, но противорѣчить не стоило, и послѣ долгихъ дебатовъ мы приняли французскія формы, которыя были сложнѣе русскихъ, а именно ввели „письма“, которыя начинались: „господинъ министръ“, а кончались просьбой принять увѣреніе „въ высокомъ почитаніи“... [1]) Я выговорилъ для военнаго вѣдомства льготу: продолжать по-старому, т. е. по-нашему, ссылаясь на то, что въ войскѣ всѣ русскіе офицеры и унтеръ-офицеры, а также болгарскіе офицеры обучены этому дѣлу по русскимъ образцамъ и что въ войскѣ очень много заготовлено бланковъ, но при этомъ пообѣщалъ, когда бланки выйдутъ и когда русскихъ офицеровъ болѣе не будетъ, перейти тоже къ французскимъ формамъ.

Въ болгарскомъ войскѣ существовала должность главнаго доктора, нѣчто въ родѣ нашего главнаго военно-медицинскаго инспектора, исключительно административнаго характера. Должность эта, за уходомъ русскаго врача, болгарина по происхожденію, Бонева, временно не была занята, и я предполагалъ испросить у князя назначить на нее русскаго воспитанника, болгарина родомъ, военнаго доктора Миркова, лично мнѣ извѣстнаго съ самой научной стороны: подвижнаго, энергичнаго, весьма толковаго и продѣлавшаго въ русскихъ войскахъ всю кампанію. Въ это же время по министерству внутреннихъ дѣлъ разрабатывался вопросъ объ устройствѣ вообще медицинской и санитарной части въ княжествѣ. Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ внесенъ въ совѣтъ министровъ и, очень понятно, энергично поддерживался въ совѣтѣ самимъ творцомъ проекта, министромъ внутреннихъ дѣлъ Бурмовымъ, онъ же и премьеръ. Милѣйшему Ѳедору Степановичу захотѣлось выгадать въ денежномъ отношеніи, и онъ предложилъ мнѣ соединить двѣ должности: главнаго медицинскаго инспектора министерства внутреннихъ дѣлъ и главнаго врача арміи, съ тѣмъ, что каждый изъ насъ отпуститъ на содержаніе этого лица только часть той суммы, которая отпускается въ подлежащія министерства, остальную же часть употребимъ на что-нибудь другое. Я зналъ, что тутъ есть подкладка; Бурмовъ почему-то не хотѣлъ назначенія Миркова [2]), хотя это назначеніе совсѣмъ до

---

[1]) „Monsieur le Ministre“ и „Agréez l'assurance de ma parfaite considération“.

[2]) Кажется, потому, что онъ былъ молодъ.

него не касалось. Я наотрѣзъ отказался. Тогда меня стали упрашивать взять какого-то врача изъ Румеліи, расхваливая его, какъ отлично практикующаго доктора. Всѣ мои возраженія, что мнѣ нуженъ не удачно лѣчащій врачъ, а организаторъ, знакомый съ военной обстановкой и потребностями въ этомъ отношеніи войска, живущаго совсѣмъ особой жизнью, —не приводили ни къ чему. Бурмовъ, поддержанный министромъ народнаго просвѣщенія, докторомъ Атанасовичемъ, доказывалъ мнѣ, что если врачъ лѣчитъ хорошо, то онъ естественно (?) долженъ быть такимъ же хорошимъ администраторомъ и организаторомъ. Я не сдался и румелійскаго эскулапа не взялъ.

Самымъ важнымъ государственнымъ вопросомъ, занявшимъ очень много времени и вызвавшимъ горячіе споры, былъ вопросъ о проведеніи и постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ княжествѣ; но это дѣло настолько крупное, что я выдѣлю его въ другую главу.

Одновременно съ этими, въ высшей степени интересными и обширными работами министерствъ и вообще всѣхъ отраслей управленія, жизнь столицы княжества, Софіи, шла своимъ чередомъ.

Князь, еще довольный своимъ новымъ положеніемъ, отправилъ королямъ румынскому, сербскому, греческому и князю черногорскому весьма дружественныя письма съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ. Назначались пріемы представителей иностранныхъ государствъ, вручавшихъ, при извѣстномъ церемоніалѣ, свои вѣрительныя грамоты, сопровождая это соотвѣтственными рѣчами. Князь, понятно, приготовлялъ отвѣтныя рѣчи и произносилъ ихъ. Надо отдать справедливость князю Александру: когда онъ хотѣлъ, онъ былъ обворожительно милъ и любезенъ, особенно въ началѣ своего правленія, когда веселость, свойственная молодости, не была нарушена вѣчнымъ раздраженіемъ, наступившимъ послѣ. Во дворцѣ (бывшемъ конакѣ) давались завтраки, обѣды; бывали и балы. Въ началѣ у князя былъ отличный поваръ-французъ и отличныя вина. Князь ежедневно катался по городу и ѣздилъ за городъ купаться въ деревню Бали-Эфенди, славившуюся минеральными водами. Меня же эти ежедневныя поѣздки въ Бали-Эфенди, которыя впослѣдствіи производились два раза въ день, утромъ и послѣ обѣда, чрезвычайно разстраивали и вотъ почему. Софійская конная сотня получила значеніе княжескаго конвоя, и въ числѣ обязанностей ея состояло конвоированіе князя въ его поѣздкахъ. На бѣду этой сотни, да и на мою бѣду гессенскій тайный совѣтникъ Менгесъ, обучившій князя наукѣ управленія страной, внушилъ ему мысль, что на восточные народы надо дѣйствовать внѣшнимъ блескомъ, импонировать имъ наружными аттрибутами власти, и вотъ князь, совершенно игнорируя патріархаль-

ный строй народной болгарской жизни, не находя нужнымъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ характеромъ народа, тихаго, простаго, земледѣльческаго и нетребовательнаго, причисливъ его къ числу восточныхъ народовъ, утвердился въ мысли, что ему слѣдуетъ уподобиться по внѣшнему блеску какому-нибудь магараджѣ Лагора и этимъ вліять на народъ. Исходя изъ этого, конвой князя съ развернутымъ штандартомъ долженъ былъ сопровождать его экипажъ во всѣхъ выѣздахъ по городу, въ томъ числѣ и на купанье въ Бали-Эфенди; при этомъ князь ѣздилъ въ колескѣ, запряженной отличными венгерскими лошадьми, и ѣздилъ весьма быстро. Хотя конвой сопровождалъ князя не сразу весь, а по частямъ, тѣмъ не менѣе тройка была изрядная, лошади сотни были худы, а увеличить дачи я не могъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи суммъ, кромѣ тѣхъ, которыя были включены въ бюджетъ и о расходованіи которыхъ я долженъ былъ дать отчетъ народному собранію въ случаѣ запроса съ его стороны. Сколько я ни просилъ, самымъ деликатнымъ образомъ, бросить этотъ ни къ чему не нужный обычай, князь повторялъ стереотипную фразу: en orient il faut gouverner en frappant l'imagination des peuples [1]).

Въ результатѣ престижъ князя не увеличивался, а я, подумывая о бюджетѣ, долженъ былъ насколько можно спокойнѣе смотрѣть на исхудалыхъ лошадей.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) На востокѣ надо управлять народомъ, дѣйствуя на его воображеніе.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1875 — 1880.

Василій Марковичъ Флоринскій, воспоминанія котораго мы печатаемъ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей по народному просвѣщенію. Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, съ именемъ котораго неразрывно связано учрежденіе Сибирскаго университета.

Для ознакомленія читателей съ его личностью, мы, по желанію супруги покойнаго, пользуемся его некрологомъ [1]).

Томскій университетъ является лучшимъ памятникомъ его энергичной и многосторонней дѣятельности. Когда вопросъ объ открытіи университета въ Западной Сибири былъ рѣшенъ утвердительно, организація новаго университета была всецѣло поручена В. М. Флоринскому, и онъ блестяще исполнилъ порученіе. Ему принадлежитъ какъ избраніе Томска мѣстомъ для учрежденія университета, такъ и самое устройство послѣдняго. Медицинскій факультетъ Томскаго университета получилъ при немъ образцовую организацію. Главнымъ украшеніемъ университета служатъ клиники—дорогое дѣтище покойнаго,—сосредоточенныя въ особомъ зданіи съ примыкающими къ нему терапевтическимъ, акушерскимъ и хирургическими бараками и отдѣльнымъ павильономъ для заразныхъ больныхъ.

Всѣ постройки возводились подъ личнымъ наблюденіемъ покойнаго и по цѣлесообразности внутренняго устройства и соотвѣтственному приспособленію помѣщеній для врачебныхъ цѣлей удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ современной медицинской науки. Трудясь въ качествѣ попечителя Западной Сибири въ продолженіе послѣднихъ

[1]) „Новое Время“ 1899 года № 8210.

тринадцати лѣтъ, В. М. сдѣлалъ очень много не только для университета, душою котораго былъ до послѣднихъ дней, но и для дѣла народнаго образованія и развитія умственной жизни на далекой окраинѣ. Благодаря его заботамъ и стараніямъ, школьное дѣло въ Западной Сибири значительно развилось, въ Томскѣ открыта гимназія, приступлено къ сооруженію технологическаго института, устроены въ нѣсколькихъ городахъ общественныя библіотеки и музеи; въ Томскѣ явилось общество естествоиспытателей и врачей, въ Тобольскѣ—физико-медицинское общество. Занимаясь съ особенною любовью археологическими и антропологическими разысканіями, В. М. основалъ въ Томскѣ археологическій музей сибирскихъ древностей, въ которомъ собраны отчасти путемъ личныхъ раскопокъ покойнаго, отчасти пожертвованіями, весьма значительныя и цѣнныя коллекціи преимущественно бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій и образцовъ древней керамики. Кромѣ того, трудами покойнаго составлена цѣнная библіотека въ Томскѣ.

В. М. происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ родился въ 1833 году. Отецъ его былъ священникомъ Пермской епархіи. По окончаніи курса въ Пермской духовной семинаріи, покойный поступилъ въ 1853 году въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Блестяще кончивъ курсъ академіи, В. М. былъ прикомандированъ ко 2-му военному сухопутному госпиталю и занялся подготовленіемъ себя къ профессорскому званію. Онъ изучалъ спеціально акушерство и въ 1861 году защитилъ диссертацію на степень доктора медицины. Затѣмъ покойный провелъ два года за границей, занимаясь изученіемъ избранной имъ спеціальности въ акушерскихъ клиникахъ въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ и Эрлангенѣ и въ патологическихъ кабинетахъ Бишофа и Куссмауля. По возвращеніи въ Россію, В. М. былъ приглашенъ адъюнктъ-профессоромъ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ акушерства, затѣмъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ и занимался во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, въ качествѣ ординатора. Помимо научной дѣятельности, покойный имѣлъ обширную врачебную практику въ Петербургѣ и пользовался здѣсь репутаціей одного изъ лучшихъ акушеровъ. Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ дѣятельность В. М. Флоринскаго сосредоточилась въ Казани. Онъ былъ ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ акушерства и гинекологіи, врачемъ-практикомъ и однимъ изъ энергичныхъ изслѣдователей археологовъ мѣстнаго края. Съ спеціально археологическою цѣлью В. М. объѣхалъ Оренбургскую, Уфимскую и Пермскую губерніи и въ началѣ 80-хъ годовъ изучалъ древности Казанской губерніи вообще и памятники „камскихъ болгаръ“ въ особенности. Въ 1878 году покойный принялъ дѣятельное участіе въ организаціи Казанскаго

общества археологіи, исторіи и этнографіи. Въ 1884 году покойный переселился въ Томскъ.

Покойный, какъ авторъ, извѣстенъ не только своими спеціально медицинскими произведеніями, но и рядомъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и посвященныхъ разнообразнымъ темамъ. Наибольшею извѣстностью пользуется его „Домашняя медицина—лѣчебникъ для народнаго употребленія". Изъ медицинскихъ сочиненій покойнаго назовемъ наиболѣе крупныя: „Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней" (1868—70 гг., въ двухъ выпускахъ), „Курсъ акушерства—лекціи, читанныя въ Казанскомъ университетѣ" (1883 г.), „Историческій очеркъ чумныхъ эпидемій въ Россіи" и „Обзоръ трудовъ по акушерству и по частной патологіи и терапіи женскихъ болѣзней". Изъ историко-архивныхъ трудовъ покойнаго извѣстны: „Русскіе простонародные травники и лѣчебники; собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтій", „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россіей и Китайскимъ государствомъ съ 1619 по 1792 г.", „Экзаменъ въ аптекарскомъ приказѣ на медицинскую степень въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича", „Медицинскій бытъ въ Россіи по извѣстію врача-иностранца" и др. Изъ статей В. М. общаго характера цѣнны: „Башкирія и башкиры" (историко-географическое изслѣдованіе; журналъ „Слово" 1874 г.), „Усовершенствованія и вырожденіе человѣческаго рода" („Дѣло" 1866 г.), „Докторскій экзаменъ", „О характерѣ врачебной дѣятельности на сѣверѣ Россіи („Здоровье" 1874—75 гг.), „Свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ" и др. Результатомъ археологическихъ занятій покойнаго въ Сибири и Казани является цѣнный солидный трудъ „Первоботные славяне по памятникамъ ихъ до-исторической жизни", вышедшій въ срединѣ 90-хъ годовъ въ двухъ частяхъ и въ трехъ выпускахъ.

Какъ профессоръ, покойный пользовался горячими симпатіями студентовъ. Его лекціи всегда были содержательными и мастерски передаваемыми. Какъ у врача, у него была обширная практика. Отличаясь замѣчательнымъ природнымъ умомъ, любознательностью, доброжелательствомъ, внимательностью и доступностью, всѣми качествами, присущими истинному таланту, В. М. оставилъ по себѣ прекрасную память у всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зарожденіе идеи о Сибирскомъ университетѣ.—Пожертвованіе Демидова.—Начало мѣропріятій.—Моя предварительная служба.—Выборъ пункта для университета.—Вопросъ о медико-хирургической академіи.—Протестъ военнаго министра.—Пересмотръ университетскаго устава.—Мой выходъ изъ академіи.

Жизнь крупнаго организма обыкновенно принято считать со времени появленія его на свѣтъ. Такъ ведется лѣтосчисленіе людей и животныхъ, такъ начинается исторія долговѣчныхъ государственныхъ учрежденій и самихъ государствъ. Рожденіе сформированнаго тѣла, или открытіе дѣйствій учрежденія справедливо считается началомъ ихъ самостоятельной жизни; но эта послѣдняя стоитъ въ ближайшей связи съ эмбріональнымъ состояніемъ, когда формируются основы жизнеспособности и зачатки тѣхъ индивидуальныхъ силъ и функцій, какія рожденный организмъ долженъ проявлять по мѣрѣ своего возрастанія. Ознакомленіе съ эмбріональной жизнію нерѣдко уясняетъ намъ не только дальнѣйшее развитіе организма, но и его функціональныя способности, или прирожденные недостатки. Поэтому, предполагая изложить здѣсь извѣстныя мнѣ данныя о первыхъ годахъ жизни Томскаго университета, я считаю правильнымъ начать не со времени открытія его учебныхъ курсовъ, а съ момента зарожденія этого учрежденія.

Зачатіе Томскаго университета можно считать съ момента перваго высочайшаго соизволенія на представленіе проекта этого учрежденія, именно съ 25 апрѣля 1875 г. Идея объ особомъ университетѣ для восточной и западной Сибири неоднократно высказывалась въ правительственныхъ сферахъ и раньше, но это была лишь мечта для далекаго будущаго. Въ блестящую эпоху просвѣтительныхъ мѣропріятій императора Александра I, когда были задуманы и осуществлены университеты Казанскій (1804 г.), Харьковскій (1804 г.), Петербургскій (1818 г.), предполагалось со временемъ учредить ихъ также въ Кіевѣ, Тобольскѣ и Устюгѣ Великомъ „по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными“ [1]). Указъ Сенату, данный по этому поводу, заканчивался слѣдующими словами: „Мы удостовѣрены, говорилъ государь, что и всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать

[1]) Указъ Правительствующему Сенату отъ 24 января 1803 года о предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія.

нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ".

На этотъ просвѣтительный призывъ въ томъ же 1803 году откликнулся извѣстный ревнитель русскаго образованія Павелъ Григорьевичъ Демидовъ. Дѣлая свои знаменитыя пожертвованія въ пользу отечественнаго просвѣщенія, онъ тогда же внесъ свою крупную лепту въ 100 т. руб. для осуществленія университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. „Но пока приспѣетъ время образованія сихъ послѣднихъ, писалъ Демидовъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи, прошу ваше императорское величество, чтобы капиталъ, для нихъ назначенный также (т. е. подобно прочимъ его пожертвованіямъ), положенъ былъ въ государственное мѣсто, съ тѣмъ, чтобы обращеніемъ своимъ возросталъ въ пользу тѣхъ университетовъ, предоставляя дальнѣйшее распоряженіе онымъ благоразумію министра просвѣщенія".

Такимъ образомъ, пожертвованіемъ Демидова въ началѣ прошлаго столѣтія не только закрѣпляется мысль о Сибирскомъ университетѣ, но и кладется залогъ первыхъ матеріальныхъ средствъ на его осуществленіе. Съ тѣхъ поръ вопросъ объ университетѣ въ Сибири являлся не смутной мечтой или проблемой далекаго будущаго, подобно Устюгу Великому, а получилъ въ нѣкоторомъ родѣ реальную почву, на которую можно было опереться, когда „приспѣетъ къ тому время".

Тѣмъ не менѣе времени этого пришлось ждать очень долго. Сибирь представляла собой слишкомъ далекую, малолюдную, полузабытую окраину съ ничтожнымъ числомъ среднихъ учебныхъ заведеній [1]). Знаменитый нѣкогда Тобольскъ, именовавшійся въ прежніе годы сибирскою столицею, съ мѣстопребываніемъ намѣстниковъ и митрополитовъ, мало-по-малу превратился въ захудалый, глухой, заурядный городъ [2]). При такомъ положеніи, мысль о Тобольскомъ университетѣ не соотвѣтствовала значенію этого города и вскорѣ была оставлена. Осуществленіе ея казалось настолько отдаленнымъ и невѣроятнымъ, что министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ Демидовымъ, нашелъ возможнымъ ходатайствовать въ

---

[1]) Изъ среднихъ учебныхъ заведеній существовали въ Сибири: духовная семинарія—Тобольская, открытая въ 1748 г., и Иркутская, открытая въ 1779 г.; изъ гимназій Иркутская, основанная въ 1806 г., и Тобольская въ 1810 году; Томская гимназія была открыта въ 1838 г., Омская въ 1876 г., Вѣрненская въ 1876 г., въ составѣ четырехъ классовъ, въ 1879 году преобразована въ шестиклассную прогимназію, и лишь съ 1881 года въ полную восьмиклассную гимназію. Красноярская гимназія существуетъ съ 1869 года.

[2]) Причиною оскудѣнія Тобольска служило перенесеніе (въ 1824 г.) главнаго управленія западною Сибирью въ Омскъ. Мѣстопребываніе генералъ-губернаторовъ въ Омскѣ фактически началось съ 1837 года.

1810 году передъ государемъ императоромъ о томъ, чтобы часть демидовскаго капитала, предназначенная для Тобольскаго университета (50.000 р.; вторая половина назначалась для Кіевскаго университета), была обращена на потребности Тобольской гимназіи. На это ходатайство 5 августа 1810 года послѣдовало высочайшее соизволеніе, но оно не было исполнено до 1822 г. Въ этомъ году доля тобольскаго капитала Демидова, нароставшая процентами, составляла уже крупную сумму въ 121.000 р. Изъ этой суммы въ 1824 году было отдѣлено 60.000 руб. Тобольской гимназіи, остальныя 61 тыс. остались неприкосновеннымъ капиталомъ въ ожиданіи будущаго Сибирскаго университета. Ко времени постройки Томскаго университета, въ 1882 году, этотъ капиталъ возросъ до 182 т. руб., которые и были употреблены, согласно своему первоначальному назначенію, въ числѣ другихъ пожертвованныхъ суммъ, на сооруженіе университетскихъ зданій.

Спустя полстолѣтія послѣ перваго заявленія, мысль о Сибирскомъ университетѣ снова поднимается, именно въ 1856 году. Министръ народнаго просвѣщенія Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору Александру II, 5 марта названнаго года, заявилъ о значеніи этого учрежденія въ такихъ словахъ: „эта благодѣтельная мѣра обѣщаетъ великія послѣдствія для края, который ожидаетъ только животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды. Министерство займется начертаніемъ плана сего высшаго учебнаго заведенія, которое, не теряя своего университетскаго характера, должно быть числомъ, составомъ и направленіемъ своихъ факультетовъ приспособлено къ потребностямъ страны". Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II призналъ предположеніе министра Норова полезнымъ, но оно осталось въ теченіе болѣе 20 лѣтъ неосуществленнымъ, отчасти вслѣдствіе мѣстныхъ сибирскихъ условій, отчасти же потому, что министерство народнаго просвѣщенія было въ это время слишкомъ озабочено крупными преобразованіями по всѣмъ отраслямъ учебнаго дѣла въ Россіи. Отчасти можетъ быть тормозили вопросъ о Сибирскомъ университетѣ студенческія волненія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, зародившіяся съ 1862—63 гг. на почвѣ польскихъ смутъ и причинившія столько зла нашему учебному строю.

Съ 1875 года вопросъ о Сибирскомъ университетѣ переходитъ изъ области помысловъ и предположеній къ дѣйствительнымъ мѣропріятіямъ. Съ этого же времени начинается и мое активное участіе въ разработкѣ и осуществленіи всѣхъ связанныхъ съ этимъ вопросомъ проектовъ и подготовительныхъ дѣйствій, продолжавшееся

слишкомъ двадцать лѣтъ. Это увлекательное дѣло, къ которому я вначалѣ прикоснулся случайно и, казалось, мимолетно, впослѣдствіи, силою обстоятельствъ, втянуло меня въ совершенно иную сферу служебной дѣятельности, заставило посвятить ему лучшую половину моей жизни, разстаться съ столичнымъ комфортомъ и надеждами вѣрнаго обезпеченія въ будущемъ и переселиться въ далекую, холодную и некультурную Сибирь. Для того, чтобы понять, какимъ образомъ сложились такія обстоятельства, я долженъ предварительно коснуться моего служебнаго положенія въ Петербургѣ до 1875 года.

Основнымъ мѣстомъ моей службы съ 1858 года была медико-хирургическая академія, гдѣ я окончилъ курсъ, былъ оставленъ въ институтѣ молодыхъ врачей для приготовленія къ профессорскому званію, затѣмъ былъ командированъ на $2^1/_2$ года за границу для усовершенствованія и съ 1863 года занялъ при академіи профессорскую каѳедру. Это была моя коренная служебная дѣятельность, вполнѣ меня удовлетворявшая и духовно и матеріально, при сравнительно обширной врачебной практикѣ въ городѣ.

Въ 1873 году я былъ приглашенъ состоять членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, какъ единственный въ то время спеціалистъ въ комитетѣ по медицинскимъ вопросамъ, съ дополнительнымъ за это вознагражденіемъ по 1.000 руб. въ годъ. Эта новая должность вскорѣ сблизила меня со многими достойнѣйшими людьми названнаго министерства, въ томъ числѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ, княземъ Александромъ Прохоровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, бывшимъ директоромъ императорской публичной библіотеки, а потомъ министромъ просвѣщенія, графомъ Иваномъ Давыдовичемъ Делянovымъ, съ Аѳанасьемъ Ѳедоровичемъ Бычковымъ, съ бывшимъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія Мануиломъ Егоровичемъ Брадке и многими другими. Съ предсѣдателемъ ученаго комитета А. И. Георгіевскимъ и съ нѣкоторыми его членами, напр., Ходневымъ, Галаховымъ, Савваитовымъ, я былъ близко знакомъ еще раньше, по своей врачебной практикѣ.

Не помню хорошо, у А. И. Георгіевскаго, или у В. Г. Авсѣенко я въ первый разъ встрѣтился, въ мартѣ или апрѣлѣ 1875 г., съ Николаемъ Геннадьевичемъ Казнаковымъ, только-что назначеннымъ, или имѣвшимся въ виду къ назначенію на постъ генерала-губернатора Западной Сибири. Разговоръ шелъ о мѣстѣ предстоявшей ему дѣятельности и о насущныхъ потребностяхъ этого края, я напомнилъ о проектѣ Сибирскаго университета А. С. Норова, о которомъ мнѣ было извѣстно изъ дѣлъ министерства, и высказалъ при этомъ Николаю Геннадьевичу мысль, что онъ осчастливилъ бы Сибирь, если бы съ прибытіемъ въ Омскъ на предназначенный ему высокій

постъ снова возбудилъ вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для этого обездоленнаго края. Н. Г. принялъ живое участіе въ этихъ мечтахъ и разговорахъ по этому поводу, но замѣтилъ, что вопросъ объ организаціи университета слишкомъ сложенъ для того, чтобы его разработать въ Омскѣ, гдѣ въ числѣ чиновниковъ генералъ-губернатора едва-ли найдутся люди, достаточно компетентные для разработки такого проекта.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось снова случайно встрѣтиться съ Н. Г. Казнаковымъ вечеромъ у графа Д. А. Толстого. Здѣсь въ частной бесѣдѣ я опять коснулся того же вопроса, имѣя въ виду выслушать мнѣніе графа Дмитрія Андреевича, какъ министра народнаго просвѣщенія. Графъ отнесся къ высказанному предположенію не только сочувственно, но даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ: умноженіе числа высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи онъ всегда считалъ главной задачей своего министерства и, дѣйствительно, очень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Кознакову онъ обѣщалъ полное содѣйствіе, если государю императору будетъ угодно согласиться на возбужденіе такого вопроса, и тутъ же указалъ на меня, какъ на лицо, могущее дать черновой матеріалъ для проекта представленія (изъ Омска) о Сибирскомъ университетѣ. Меня почему-то графъ считалъ знатокомъ Сибири и чуть не сибирякомъ по рожденію, и въ этомъ была нѣкоторая доля правды. Дѣтство и отрочество свое я провелъ по ту сторону Урала, въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, а Уральскій хребетъ, по старой памяти, считался границею между Европейской Россіей и Сибирью, стало быть, съ нѣкоторой натяжкой меня можно было считать сибирякомъ. Сибирью я, дѣйствительно, интересовался всегда и по литературнымъ источникамъ зналъ ее довольно хорошо, можетъ быть лучше многихъ петербургскихъ администраторовъ, имѣвшихъ съ нею дѣло по бумажнымъ сношеніямъ. Но, самое главное, я искренне любилъ, по дѣтскимъ воспоминаніямъ свое милое Зауралье, какъ мѣсто второй родины, и переносилъ эти горячія симпатіи на всю Сибирскую страну, представляя ее такою же роскошною, богатою и привольною, какъ и Пермскій край, хорошо мнѣ извѣстный. Такъ или иначе, но я былъ очень радъ случаю принять участіе въ проектѣ Сибирскаго университета, никакъ не предполагая въ то время, что судьба свяжетъ меня съ этимъ вопросомъ на всю остальную мою жизнь. Николаю Геннадьевичу я, конечно, выразилъ полную готовность собрать въ самомъ непродолжительномъ времени нужный матеріалъ для предполагаемаго проекта и черезъ нѣсколько дней вручилъ ему записку такого содержанія [1]).

[1]) Черновая записка, изъ которой приводится здѣсь извлеченіе, хранится въ моихъ бумагахъ. Въ проектѣ, представленномъ Н. Г. Кознаковымъ, ею

„Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ I на второй годъ послѣ восшествія своего на Всероссійскій престолъ, 24-го января 1803 года, Высочайше утвердилъ начертанныя по его плану предварительныя правила народнаго просвѣщенія. Эти правила заключали въ себѣ полную и стройную систему всеобщаго народнаго образованія, начиная съ приходскихъ училищъ, предполагавшихся въ каждомъ церковномъ приходѣ, уѣздныхъ училищъ—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гимназій—въ каждомъ губернскомъ городѣ и, наконецъ, университетовъ—въ каждой области или учебномъ округѣ. Во исполненіе этихъ высокихъ предначертаній были устроены, кромѣ значительнаго по тому времени числа училищъ и гимназій, три новыхъ университета, —въ Казани и Харьковѣ въ 1804 г. и въ С.-Петербургѣ въ 1819 году. Не ограничиваясь этимъ, имѣлось въ виду при первой возможности устроить университеты въ Кіевѣ, въ Тобольскѣ, Устюгѣ Великомъ и другихъ городахъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, стран. 15). Такимъ образомъ, Кіевскій и Тобольскій университеты были уже предначертаны съ самаго начала текущаго столѣтія. Въ 1803 г. статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ въ благородномъ рвеніи къ скорѣйшему осуществленію этихъ высокихъ плановъ, пожертвовалъ 200.000 руб. на русскіе университеты, въ томъ числѣ по 50.000 руб. на имѣющіе открыться въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Пожертвованіе въ пользу Кіевскаго университета было употреблено согласно своему назначенію въ 1833 году, при открытіи сего университета, а сумма, предназначавшаяся на Тобольскій университетъ, въ 1810 году была обращена съ согласія жертвователя на пользу Тобольской гимназіи (Сборникъ постановленій, т. I, стран. 554). Такимъ образомъ, просвѣщенныя мѣропріятія государя императора Александра I-го относительно высшаго образованія въ Сибири остаются до сихъ поръ не осуществленными“. Сибирь, отдаленная на громадныя разстоянія отъ всѣхъ университетскихъ центровъ и въ настоящее время уже значительно населенная и подготовленная къ высшему образованію, не можетъ имѣть ни своихъ учителей, ни врачей, ни чиновниковъ, ни лицъ, способныхъ къ изученію и промышленному эксплоатированію этой богато одаренной страны. Весьма небольшое число сибиряковъ изъ достаточнаго класса имѣютъ возможность отправлять дѣтей своихъ въ университеты Европейской Россіи, но эти молодые люди обыкновенно остаются вне-

воспользовались только въ незначительной части, особенно по числу и распредѣленію факультетскихъ каѳедръ, чрезмѣрно сокращенныхъ. Проектъ генералъ-губернатора впослѣдствіи былъ совершенно переработанъ въ министерствѣ.

*

слѣдствіи на службѣ въ столицахъ, или вообще въ округахъ, гдѣ они получили высшее образованіе, ослабляя такимъ образомъ интеллектуальныя силы собственно сибирскаго населенія. Взамѣнъ ихъ правительство ежегодно высылаетъ въ Сибирь на службу сотни людей, не связанныхъ съ этимъ краемъ ни рожденіемъ, ни воспитаніемъ, не привычныхъ къ его климату и условіямъ жизни, стремящихся сюда не по призванію, а большею частію по матеріальнымъ побужденіямъ, въ видахъ усиленныхъ денежныхъ окладовъ и путевыхъ пособій отъ казны. Пришлые люди, не считая Сибирь мѣстомъ своего постояннаго пребыванія, нерѣдко при первой возможности возвращаются обратно въ Европейскую Россію, лишая сибирскія правительственныя учрежденія должной устойчивости въ личномъ служебномъ составѣ. Кромѣ другихъ побужденій возвратиться въ привычную обстановку европейскаго строя жизни ихъ понуждаетъ къ тому необходимость дать дѣтямъ высшее образованіе, такъ какъ въ Сибири нѣтъ ни одного соотвѣтствующаго тому учебнаго заведенія. Если бы было возможно сосчитать сумму путевыхъ пособій, пятилѣтнихъ прибавокъ къ содержанію и другихъ льготъ, коими пользуются пришлые сибирскіе чиновники (на мѣстѣ въ центральномъ управленіи можно приблизительно сдѣлать такое вычисленіе), то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что правительство ежегодно расходуетъ на этотъ предметъ сумму, равносильную той, какая потребовалась бы на содержаніе полнаго университета. Слѣдовательно, не считая многихъ другихъ благодѣтельныхъ послѣдствій для края отъ учреждаемаго университета, даже въ матеріальномъ отношеніи это учрежденіе не только не было бы для казны обременительно, а, вѣроятно, вызвало бы сокращеніе расходовъ по содержанію служащихъ въ Сибири чиновниковъ. Я уже не говорю о качествѣ послѣднихъ, о возможности выбирать лучшія силы изъ мѣстныхъ воспитанниковъ и о надлежащемъ запасѣ кандидатовъ на всѣ служебныя должности, что̀ можетъ дать только мѣстный университетъ, и въ чемъ въ настоящее время въ Сибири ощущаются существенные пробѣлы качественные и количественные. Наконецъ, независимо отъ служебныхъ интересовъ и потребностей правительства, Сибирь нуждается въ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія для поднятія интеллектуальнаго уровня всей страны, для изученія и изслѣдованія ея богатой природы и вообще для того, чтобы этотъ обширный край могъ по справедливости пользоваться отъ правительства тѣми же дарами просвѣщенія, какъ и остальныя русскія области.

Самымъ удобнымъ пунктомъ для основанія Сибирскаго университета могъ бы служить городъ Томскъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) По географическому своему положенію онъ расположенъ почти въ самомъ центрѣ Сибири, на границѣ между восточною и западною ея половиною. При этомъ наиболѣе значительные сибирскіе города, которымъ предстоитъ дальнѣйшее развитіе и гдѣ современемъ должны быть сосредоточены среднія учебныя заведенія края, размѣщены въ отношеніи къ Томску по линіи радіусовъ, именно: Тюмень въ разстояніи 1.506 вер., Тобольскъ 1.242 вер., Иркутскъ 1.569 вер., Омскъ 867 вер., Барнаулъ 387 вер., Красноярскъ 563 вер., Бійскъ 520 вер. и Семипалатинскъ 800 вер.

2) Томскъ представляетъ собою главный центръ всей сибирской торговли и промышленности и конечный узелъ пароходнаго сообщенія по сибирскимъ рѣкамъ. Эти условія даютъ городу возможность дальнѣйшаго экономическаго роста и предуспѣянія препочтительно передъ другими сибирскими городами, что̀ можетъ отразиться и на благосостояніи будущаго университета. Въ настоящее время въ Томскѣ числится 25.605 жителей, въ Иркутскѣ 32.789, въ Омскѣ 30.559, въ Тобольскѣ 18.481, въ Красноярскѣ 12.974, въ Тюмени 15.512, въ Барнаулѣ 13.529. Если принять во вниманіе, что въ Иркутскѣ и Омскѣ сосредоточено не только гражданское, но и военное управленія края и расположено значительное число казачьихъ и другихъ войскъ, включаемыхъ въ число жителей города, то гражданское населеніе трехъ названныхъ городовъ, т. е. Томска, Иркутска и Омска можно признать почти равносильнымъ. Тѣмъ не менѣе, какъ мѣсто пребыванія университета, Томскъ можетъ представлять въ этомъ отношеніи нѣкоторыя преимущества потому, что его населеніе, какъ торгово-промышленное, болѣе устойчиво, тогда какъ Омскъ и Иркутскъ поддерживаются, главнымъ образомъ, чиновными и военными элементами, въ связи съ мѣстопребываніемъ главнаго управленія края. Въ случаѣ упраздненія или перемѣщенія генералъ-губернаторскихъ резиденцій, какъ это имѣло мѣсто въ Тобольскѣ, названные города могли бы потерять значительную долю своихъ жизненныхъ силъ. Иркутскъ, какъ центръ золотопромышленности, въ этомъ отношеніи можно было бы считать болѣе благонадежнымъ, но онъ слишкомъ удаленъ отъ столицы и прочихъ городовъ Сибири и, вслѣдствіе того, въ этомъ отношеніи представлялъ бы большія неудобства для управленія университетомъ и для учащихся, особенно при нынѣшнихъ неблагоустроенныхъ путяхъ сообщенія. Зная, какую цѣну съ пуда берутъ транспортныя конторы за доставку грузовъ въ Иркутскъ и какой срокъ требуется для этой доставки, можно видѣть, что для университета это имѣетъ значеніе, такъ какъ онъ ежегодно будетъ получать изъ Европейской Россіи и изъ-за границы очень значительныя тяжести съ приборами, коллекціями, книгами и т. п. При очень

высокой пересылочной цѣнѣ университету пришлось бы непроизводительно затрачивать весьма значительныя суммы за доставку учебныхъ пособій, не говоря уже о затратѣ времени. Вслѣдствіе чрезмѣрной отдаленности Иркутска, трудно было бы подыскать сюда профессоровъ; многіе достойные люди, въ особенности семейные, едва-ли рѣшатся ѣхать сюда именно по причинѣ отдаленности, несмотря на привилегіи сибирской службы. Для студентовъ поѣздка въ Иркутскъ была бы еще труднѣе. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Иркутскомъ университетѣ не нашлось бы учащихся, кромѣ мѣстной и Красноярской гимназій, которыя выпускаютъ не болѣе 15—20 воспитанниковъ въ годъ. Изъ западно-сибирскихъ учебныхъ заведеній естественнѣе ожидать тяготѣнія къ Казани, чѣмъ къ Иркутску.

Такимъ образомъ объ Иркутскѣ, какъ мѣстопребываніи университета, едва-ли можетъ быть рѣчь. Выборъ остается только между Томскомъ и Омскомъ, но первый изъ нихъ, по моему мнѣнію, предпочтительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Ваше высокопревосходительство (Н. Г. Казнаковъ) вѣроятно, убѣдитесь въ этомъ по прибытіи на мѣсто вашего новаго назначенія, гдѣ яснѣе будутъ видны жизненныя условія того и другаго города. На мѣстѣ же не трудно будетъ собрать необходимыя статистическія свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ сооруженію и дальнѣйшему существованію университета, напр., о состояніи больничныхъ учрежденій, пригодныхъ для госпитальныхъ клиникъ, о цѣнахъ на строительные матеріалы, объ условіяхъ городской жизни и т. п. Вопросъ о выборѣ города для университета на столько важенъ, что его необходимо тщательно разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, ибо существованіе этого учебнаго заведенія разсчитывается не на десятки, а на сотни лѣтъ. Поэтому при разсмотрѣніи даннаго вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе не столько временныя (нынѣшнія) условія и обстоятельства, можетъ быть, случайныя и легко устраняемыя, сколько основные задатки жизненности города по его географическому и экономическому положенію.

Далѣе въ поданной мною запискѣ слѣдуетъ изложеніе самаго проекта устройства Сибирскаго университета съ четырьмя факультетами: филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ. Проектъ составленъ примѣнительно къ существующимъ русскимъ университетамъ, по уставу 1863 года съ нѣкоторымъ лишь сокращеніемъ числа каѳедръ. Штатные оклады служащихъ предполагались полуторные съ сохраненіемъ прочихъ привилегій сибирской службы (усиленныя путевыя пособія, пятилѣтнія прибавки къ окладамъ содержанія, сокращенный срокъ для выслуги пенсіи). Въ числѣ учащихся имѣлись въ виду, кромѣ гимназистовъ, воспитанники духов-

ныхъ семинарій, въ то время (до 1879 года) безпрепятственно допускавшіеся во всѣ русскіе университеты.

Въ запискѣ проводилась также мысль о допущеніи въ Сибирскій университетъ на медицинскій и физико-математическій факультеты воспитанниковъ реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ экзаменомъ изъ одного латинскаго языка.

Набросанная мною записка, какъ видно изъ ея содержанія—представляла собой не болѣе, какъ черновой матеріалъ для заготовки формальнаго представленія о Сибирскомъ университетѣ, которое, послѣ предварительнаго соизволенія государя, Н. Г. Казнаковъ долженъ былъ препроводить изъ Омска въ министерство просвѣщенія, а графъ Дмитрій Андреевичъ, по разсмотрѣніи проекта въ министерствѣ,—направить дальше въ Государственный Совѣтъ. Кромѣ Казнакова, экземпляръ моей записки я подалъ также графу Д. А. Толстому для предварительнаго ознакомленія съ даннымъ вопросомъ, поясняя ему на словахъ, что мои соображенія чисто теоретическаго свойства, такъ какъ лично я въ Сибири не бывалъ, о Томскѣ и Омскѣ знаю только по литературнымъ источникамъ, да по письмамъ и разсказамъ знакомыхъ, живущихъ въ этихъ городахъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, графъ Д. А. нашелъ мою записку основательной и вполнѣ соглашался съ моимъ мнѣніемъ о Томскѣ, какъ наиболѣе пригодномъ пунктѣ для университета. Также думалъ и Н. Г. Казнаковъ до 1877 года. Незадолго до отправленія Н. Г. Казнакова въ Омскъ на постъ генералъ-губернатора Западной Сибири имъ сдѣланъ былъ высочайшій докладъ о своевременности возбужденія вопроса о Сибирскомъ университетѣ. Государь императоръ Александръ Николаевичъ выразилъ на это свое высочайшее соизволеніе и 25 апрѣля 1875 года всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Казнакову: „Поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовить изъ сферы своей людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія и, по ближайшему и

---

[1]) Изъ Томска я получалъ ранѣе письма отъ служившаго тамъ предсѣдателя губернскаго правленія Александра Ипполитовича Дмитріева-Мамонова, съ которымъ я ранѣе былъ знакомъ въ Петербургѣ. Въ Омскѣ я переписывался съ Михаиломъ Григорьевичемъ Соколовымъ, медицинскимъ инспекторомъ Западной Сибири, тоже моимъ старымъ знакомымъ. Кромѣ того, про Сибирь мнѣ приходилось много бесѣдовать съ моимъ покойнымъ другомъ М. П. Тихменевымъ, большимъ поклонникомъ этой страны, долго служившимъ въ Уссурійской области при самомъ началѣ ея гражданскаго устройства, а съ 1880 г. бывшимъ здѣсь военнымъ губернаторомъ. Въ домѣ Тихменева я встрѣчался съ нѣкоторыми коренными сибиряками, преимущественно съ амурцами и иркутянами.

всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть, черезъ министерство народнаго просвѣщенія, на высочайшее его императорскаго величества воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета [1]).

Въ томъ же году, 3-го ноября, генералъ-адъютантъ Казнаковъ прислалъ изъ Омска въ министерство свои соображенія о Сибирскомъ университетѣ, въ формѣ проекта, отчасти только выработаннаго на основаніи данной мною записки. Не знаю, по какой причинѣ, тотъ отдѣлъ проекта, въ которомъ излагается организація учебной части (число и распредѣленіе каѳедръ по факультетамъ, размѣръ необходимѣйшихъ учебныхъ пособій, штаты ассистентовъ и другихъ помощниковъ профессоровъ и т. п.), былъ урѣзанъ и искаженъ до такой степени, что проектируемый по этому плану Сибирскій университетъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ профессіональной школы средняго разбора. О серьезной постановкѣ учебнаго, а тѣмъ болѣе ученаго дѣла въ Сибири при такой организаціи не могло быть рѣчи. Я до сихъ поръ затрудняюсь объяснить себѣ, подъ чьимъ вліяніемъ или давленіемъ Николай Геннадіевичъ согласился на такія урѣзки, но въ нихъ ясно проглядываетъ исключительно экономическая цѣль, чтобы новое высшее учебное учрежденіе не давало казнѣ большихъ расходовъ. При этомъ забывалось, что чрезмѣрными сокращеніями штатовъ компрометтировалось самое учебное заведеніе, становясь какимъ-то ублюдкомъ, и не достигалась цѣль правительства — приготовлять для Сибири равносильныхъ и равноправныхъ образованныхъ врачей, юристовъ и учителей. Первое мое впечатлѣніе по прочтеніи этого убогаго проекта было таково, что лица, его составлявшія, или имѣли слабое понятіе объ университетскомъ строѣ, или умышленно желали поставить Сибирскій университетъ въ такія неблагопріятныя условія, чтобы онъ на первыхъ же порахъ своего существованія фактически доказалъ свою несостоятельность, слѣдовательно, преждевременность и ненужность поднятаго о немъ вопроса. Эти мысли я выразилъ графу Д. А. Толстому, который утѣшилъ меня, что проектъ Казна-

---

[1]) Въ этомъ представленіи Казнакова университетъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, былъ названъ Томскимъ. Послѣ высочайшей аудіенціи Николай Геннадіевичъ передавалъ мнѣ, что его величеству угодно было обратить вниманіе на это наименованіе, замѣтивъ, что университетъ предназначается для всей Сибири, почему правильнѣе было бы именовать его не Томскимъ, а Сибирскимъ. Вслѣдствіе такого замѣчанія государя императора во всѣхъ дальнѣйшихъ бумагахъ и актахъ объ университетѣ, до 1887 года, онъ именовался Сибирскимъ университетомъ. Названіе Томскаго ему было окончательно присвоено только въ 1888 году въ высочайшемъ повелѣніи объ его открытіи.

кова будетъ переработанъ въ министерствѣ особою коммиссіею и всѣ недостатки его будутъ исправлены.

Для образчика проектировавшейся постановки преподаванія въ Сибирскомъ университетѣ привожу здѣсь выписку изъ представленія Н. Г. Казнакова о распредѣленіи каѳедръ по медицинскому факультету:

„На медицинскомъ факультетѣ на первое время полагаются нижеслѣдующія каѳедры при 11 профессорахъ и 9 доцентахъ, считая въ числѣ послѣднихъ и двухъ прозекторовъ:

1. Анатомія здороваго человѣка.
2. Физіологія съ гистологіей.
3. Фармакогнозія, фармація и фармакологія.
4. Общая патологія, патологическая анатомія и общая терапія съ врачебною діагностикой.
5. Спеціальная патологія и терапія и терапевтическая клиника.
6. Хирургія и хирургическая клиника.
7. Офтальмологія съ клиникой.
8. Акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни съ клиникой.
9. Судебная медицина съ таксикологіей, гигіена и медицинская полиція.

Примѣчаніе. Физика, химія, ботаника, зоологія съ сравнительной анатоміей и эмбріологіей и минералогія преподаются студентамъ медицинскаго факультета соотвѣтственными профессорами или доцентами физико-математическаго факультета.

Въ настоящемъ проектѣ полагаются въ видѣ особыхъ каѳедръ лишь клиники: госпитальная терапевтическая и госпитальная хирургическая. На первое время предполагается довольствоваться только госпитальными клиниками въ мѣстныхъ больницахъ, не учреждая параллельныхъ съ ними факультетскихъ, но назначивъ особую штатную сумму въ 2.000 руб. на лѣкарства болѣе дорогія, не полагаемыя по каталогамъ госпиталей военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, чѣмъ до нѣкоторой степени устранится неудобство неимѣнія особыхъ факультетскихъ клиникъ. Затѣмъ, сокращеніе числа каѳедръ противъ § 16 устава 1863 г. съ 17-ти до 9 достигнуто соединеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ въ одну каѳедру, съ порученіемъ профессорамъ спеціальной патологіи и хирургіи соотвѣтственныхъ клиникъ. Такимъ образомъ, и число профессоровъ и доцентовъ сокращается съ 16 и 17 до 11 и 9, при чемъ по 2 профессора предполагаются на каѳедру общей патологіи, патологической анатоміи и пр. и на каѳедру хирургіи и хирургической клиники, и по 1 доценту какъ на каждую изъ этихъ каѳедръ, такъ и на каѳедры: акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, фармакогнозіи и пр., судебной медицины и гигіены; 2 доцента

на каѳедры спеціальной патологіи и терапіи, съ порученіемъ одному изъ нихъ ученія о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, а другому—ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, и электротерапіи, и 2 прозектора на каѳедру анатоміи здороваго человѣка.

Мѣстомъ университета въ этомъ проектѣ указывался Томскъ, хотя данныя для избранія именно этого города, а не Омска, изложены весьма поверхностно. Не указаны даже тѣ основанія, какія были изложены въ моей запискѣ, не говоря уже о статистическихъ и другихъ дополнительныхъ данныхъ, которыя можно было собрать на мѣстѣ. Это можно было отчасти объяснить краткостью времени: Казнаковъ выѣхалъ изъ Петербурга въ маѣ мѣсяцѣ, въ Омскъ могъ прибыть только въ іюнѣ, а въ началѣ ноября 1875 г. проектъ его былъ уже въ министерствѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что не одна краткость времени была тому причиною, а до извѣстной степени нежеланіе безпристрастно отнестись къ этому вопросу, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ омскихъ совѣтниковъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

До весны 1875 года мои отношенія къ Сибирскому университету, равно какъ и къ министерству народнаго просвѣщенія были, можно сказать, случайными. Основною моею службою была—профессура въ медико-хирургической академіи, а занятія въ министерствѣ просвѣщенія по должности члена ученаго комитета могли имѣть мѣсто, какъ добавочныя, пока они не сталкивались съ академическими интересами и не мѣшали моимъ профессорскимъ занятіямъ. Въ 1875 году явились два обстоятельства, гдѣ обнаружилось нѣкоторое неудобство такой двойственной службы. Первое изъ нихъ касалось вопроса о передачѣ медико-хирургической академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, а второе относилось къ участію моему въ пересмотрѣ общаго университетскаго устава 1863 года.

Вопросъ о передачѣ медицинской академіи былъ возбужденъ графомъ Толстымъ еще въ 1874 г. на томъ основаніи, что въ Петербургскомъ университетѣ съ самаго его основанія не было медицинскаго факультета, вслѣдствіе чего министерство просвѣщенія, не имѣя въ столицѣ въ своемъ вѣдѣніи ни одного медицинскаго органа, было поставлено въ очень затруднительное положеніе при обсужденіи многихъ вопросовъ, касавшихся медицинскихъ каѳедръ. Спеціалистовъ по этой части не имѣлось ни въ совѣтѣ министра, ни въ ученомъ комитетѣ до моего туда назначенія въ 1873 году. Сверхъ того графу Толстому казалось не вполнѣ нормальнымъ, что русское медицинское образованіе находится въ рукахъ двухъ различныхъ вѣдомствъ (военнаго и народнаго просвѣщенія), не всегда гармонировавшихъ между собою во взглядахъ на этотъ предметъ. Медико-хирургическая академія, будучи по существу медицинскимъ факультетомъ и выпуская

наибольшую часть врачей для гражданскаго вѣдомства, существовала на основаніи своего собственнаго устава, руководилась своими правилами и взглядами на строй медицинскаго образованія. Эта двойственность факультетскихъ регламентацій и порядковъ, по мнѣнію графа Толстого, требовала объединительныхъ мѣръ. Поэтому онъ признавалъ желательнымъ, чтобы военное вѣдомство либо отказалось отъ академіи, управленіе которою ему непосильно, либо поставило ее въ такія условія, чтобы она служила исключительно военнымъ цѣлямъ, а для образованія гражданскихъ врачей министру просвѣщенія было бы разрѣшено открыть медицинскій факультетъ при Петербургскомъ университетѣ. Мнѣ лично взгляды на этотъ предметъ графа Дмитрія Андреевича казались вполнѣ основательными, чтб я и высказывалъ ему неоднократно въ частыхъ бесѣдахъ. Будучи самъ воспитанникомъ, а потомъ и профессоромъ академіи, я видѣлъ ясно крайнюю односторонность академическаго образованія, узкую спеціализацію нерѣдко безъ должнаго общаго гуманитарнаго развитія, чтб не могло не отражаться на научномъ уровнѣ нашихъ врачей и даже на направленіи самыхъ научныхъ работъ. Въ университетѣ студенты разныхъ факультетовъ имѣютъ постоянныя общенія между собой, дѣлятся другъ съ другомъ познаніями и интересами по разнымъ спеціальностямъ,—нерѣдко медики и натуралисты не обязательно посѣщаютъ лекціи любимыхъ профессоровъ филологическаго или юридическаго факультета и этимъ расширяютъ кругъ своихъ идей. Въ медицинской академіи они ничего не изучаютъ, кромѣ бездушной матеріи, ничего не видятъ, кромѣ человѣческихъ страданій [1]). Повто-

[1]) Въ мое время лучшіе профессора въ медико-хирургической академіи были университетскаго образованія. Таковы, напр., Н. И. Пироговъ, С. П. Боткинъ и И. М. Сѣченовъ, П. В. Склифасовскій Московскаго университета, Н. Н. Зининъ Казанскаго, Н. М. Якубовичъ Харьковскаго, А. П. Загорскій Дерптскаго, Груберъ Пражскаго. Въ послѣднее время медицинская академія стала не только комплектовать свои ученыя силы почти исключительно изъ собственныхъ воспитанниковъ, но въ большомъ числѣ снабжала ими и русскіе университеты. Это объясняется: 1) болѣе высокимъ благоустройствомъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій академіи, обязанныхъ главнымъ образомъ бывшему президенту ея П. А. Дубовицкому; 2) имъ же организованной съ 1860 года правильной системой посылки молодыхъ врачей для усовершенствованія за границу, и 3) тѣмъ, что академія существуетъ въ столицѣ, вблизи центровъ высшей учебной администраціи (гдѣ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ своего медицинскаго факультета). Но числомъ профессоровъ, вышедшихъ изъ академіи, и даже числомъ ихъ научныхъ работъ еще не измѣряется научный прогрессъ русской медицины. Необходимо принять во вниманіе также характеръ научнаго направленія. Въ наукѣ важны не столько отрывочные факты, добытые кропотливымъ механическимъ трудомъ, каково большинство нынѣшнихъ ученыхъ работъ, сколько обобщающія идеи, обыкновенно доступныя людямъ только съ широкимъ общимъ образованіемъ.

рію, въ принципѣ я сочувствовалъ тому, чтобы медики обучались не въ замкнутыхъ медицинскихъ институтахъ, а въ университетахъ. Вскорѣ мнѣ пришлось высказаться по этому вопросу не въ частной бесѣдѣ, а въ оффиціальной коммиссіи, куда я былъ командированъ въ качествѣ члена ученаго комитета и единственнаго представителя — спеціалиста отъ министерства народнаго просвѣщенія.

11 февраля 1875 года я получилъ отъ бывшаго государственнаго контролера Самуила Алексѣевича Грейга письмо слѣдующаго содержанія: „Милостивый государь Василій Марковичъ. На основаніи высочайше утвержденнаго 29 мая 1874 года положенія комитета министровъ образована, въ минувшемъ году, при семъ комитетѣ особая, подъ моимъ предсѣдательствомъ, коммиссія для предварительнаго разсмотрѣнія вопроса о передачѣ императорской медико-хирургической академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ предоставленіемъ мнѣ приглашать въ коммиссію, независимо отъ постоянныхъ ея членовъ, и другихъ свѣдущихъ лицъ, коихъ признается полезнымъ выслушать для подлежащихъ разъясненій. На этомъ основаніи я имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокородіе пожаловать въ засѣданіе коммиссіи (на Мойкѣ, въ зданіи государственнаго контроля) въ пятницу, 14 февраля въ 3 часа по полудни.

„Примите увѣреніе и проч. Грейгъ".

Отъ министерства просвѣщенія былъ приглашенъ, кромѣ меня, членъ совѣта министра Александръ Ивановичъ Георгіевскій, а отъ медико-хирургической академіи профессора Склифасовскій и Эйхвальдъ. Мое положеніе въ коммиссіи было не особенно удобно потому, что мнѣ приходилось говорить противъ учрежденія, гдѣ я состою на службѣ и несогласно со взглядомъ военнаго министра Милютина, моего главнаго начальника. Тѣмъ не менѣе я долженъ былъ высказать свои взгляды и доводы за передачу академіи, по искреннему моему убѣжденію. Всѣхъ засѣданій, помнится, было три или четыре. Вопросъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ довольно основательно. Мной были изложены, кромѣ общихъ соображеній, историческія справки (академія существовала въ разныхъ вѣдомствахъ, въ томъ числѣ и въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія) и ссылки на примѣры иностранныхъ учрежденій, подобныхъ медико-хирургической академіи, гдѣ приготовляются исключительно военные врачи-стипендіаты, и гдѣ рядомъ съ этимъ институтомъ существуютъ медицинскіе факультеты университетовъ (въ Австріи, Франціи и Англіи). Соглашенія между экспертами, конечно, не послѣдовало. Та и другая сторона осталась при мнѣніяхъ діаметрально противуположныхъ, и изъ составленнаго журнала ясно было видно, что болѣе убѣдительные и

раціональные доводы говорятъ въ пользу передачи академіи въ вѣдомство народнаго просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ былъ рѣшенъ вопросъ и въ комитетѣ министровъ, но при докладѣ государю, какъ передавалъ мнѣ графъ Дмитрій Андреевичъ, военный министръ поставилъ это рѣшеніе вопросомъ своего министерскаго портфеля. Такъ или иначе, но государь не утвердилъ постановленія комитета министровъ, и академія осталась въ прежнемъ положеніи. Дѣло, очевидно, сводилось на личную почву, и мое положеніе въ отношеніи къ своему прямому начальнику, военному министру, становилось очень не ловкимъ.

Въ томъ же 1875 году была учреждена съ высочайшаго соизволенія при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая коммиссія по пересмотру общаго университетскаго устава. Предсѣдателемъ ея назначенъ членъ Государственнаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Давыдовичъ Делянов. Иниціаторомъ этого дѣла, возбужденнаго графомъ Толстымъ, былъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, а его правою рукою въ Петербургѣ А. И. Георгіевскій, имѣвшій значительное вліяніе на графа Дмитрія Андреевича. Уставъ 1863 года почти съ первыхъ же лѣтъ послѣ его введенія признавался въ министерствѣ не вполнѣ удовлетворительнымъ. Дѣйствіе его случайно совпало съ самымъ разгаромъ прискорбныхъ университетскихъ смутъ, которыя отчасти и были приписаны слишкомъ либеральному строю нашихъ университетовъ. Профессора, которымъ ближе былъ извѣстенъ ходъ университетскихъ дѣлъ, справедливо не раздѣляли такого мнѣнія. Корень студенческихъ смутъ и безпорядковъ, дѣйствительно, нерѣдко переходившихъ всякія границы благоразумія, заключался не въ уставѣ, а въ общемъ либеральнымъ чадѣ русскаго общества того времени, охватившемъ всю Россію и естественно отражавшемся и на учебныхъ заведеніяхъ. Распущенность послѣднихъ поддерживалась не статутами ихъ, а скорѣе бездѣйствіемъ власти. Но при всемъ томъ университеты требовали и органическихъ улучшеній: расширенія штатовъ, измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ параграфовъ устава, болѣе правильнаго регулированія власти совѣта и попечителя, внимательной заботы о болѣе удовлетворительной постановкѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ большинствѣ случаевъ весьма убогихъ и скудныхъ—однимъ словомъ, университеты нуждались не въ ломкѣ старыхъ порядковъ, а лишь въ капитальномъ ремонтѣ, т. е. усовершенствованіи во всѣхъ частяхъ и лучшемъ приспособленіи къ современнымъ научнымъ требованіямъ. Такъ я понималъ это дѣло и въ этомъ смыслѣ относился къ задачамъ вышеназванной коммиссіи, когда мнѣ было предложено принять въ ней участіе.

По роду моей служебной дѣятельности университетскій вопросъ

всегда былъ близокъ моему сердцу. Я на практикѣ видалъ и хорошія и слабыя его стороны, былъ, что называется, въ курсѣ этого дѣла и, казалось мнѣ, могъ бы своимъ участіемъ въ немъ принести нѣкоторую пользу въ предстоящихъ преобразованіяхъ. Занятія подобнаго рода были по моему вкусу, поэтому я охотно принялъ предложеніе графа Толстого и Ивана Давыдовича Делянова включить меня въ число членовъ коммиссіи, какъ спеціалиста по вопросамъ медицинскихъ факультетовъ. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова, была составлена изъ слѣдующихъ лицъ: 1) А. И. Георгіевскаго; 2) генералъ-майора И. П. Новикова (помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа); 3) профессора московскаго университета Н. А. Любимова; 4) состоявшаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Г. А. Гезена, и 5) меня. Въ этомъ составѣ коммиссія должна была посѣтить всѣ русскіе университеты, на мѣстѣ ознакомиться съ ихъ нуждами и потребностями, выслушать мнѣніе профессоровъ по намѣченнымъ вопросамъ и, собравъ всѣ необходимыя данныя, приступить къ составленію проекта новаго университетскаго устава.

Объѣздъ коммиссіи по университетамъ долженъ былъ начаться съ 17 сентября и продолжиться два съ половиною мѣсяца, не считая Петербургскаго университета, которымъ заканчивались дѣйствія коммиссіи уже по возвращеніи изъ поѣздки. Такое продолжительное отсутствіе изъ столицы требовало для меня, какъ служащаго въ медицинской академіи, особаго разрѣшенія г. военнаго министра, который призналъ это несовмѣстимымъ съ моими профессорскими обязанностями. Поэтому я рѣшился вовсе оставить военно-медицинскую службу.

Скажу откровенно, разстаться съ медицинской академіей и профессурой для меня было большою потерею. Я такъ сроднился съ этою дѣятельностью и съ мѣстомъ своего воспитанія, такъ много былъ обязанъ академіи, выведшей меня на большую дорогу, давшей мнѣ средства основательно завершить образованіе въ чужихъ краяхъ, что безъ тяжелаго чувства не могъ смотрѣть на предстоящую перемѣну моей службы. Это былъ настоящій переломъ въ моей жизни. Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, я посовѣтовался съ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ и съ княземъ Александромъ Прохоровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (товарищемъ министра), съ которыми я былъ очень близокъ. Тотъ и другой вполнѣ участливо и сердечно поддержали меня въ этой мысли. Графъ сказалъ, что въ министерствѣ просвѣщенія для меня найдется гораздо больше дѣла по моему вкусу, чѣмъ въ военномъ министерствѣ, слѣдовательно, въ нравственномъ отношеніи я буду удовлетворенъ. Взамѣнъ профессорскаго содержанія, которое я получалъ въ медицинской академіи, графъ

предложилъ мнѣ новое мѣсто непремѣннаго члена въ медицинскомъ совѣтѣ, съ окладомъ въ 2.000 руб. въ годъ. Изъ этого я вижу, что меня хотятъ во что бы то ни стало привязать къ министерству просвѣщенія и вѣроятно, по миновапіи надобности, т. е. по заключеніи всѣхъ коммиссіонныхъ дѣлъ, не оставятъ на полпути. Такимъ образомъ, 17 іюня 1875 года я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы въ медико-хирургической академіи съ перечисленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія, чтб и было исполнено 11 іюля того же года.

Объ этомъ эпизодѣ я упоминаю потому, что съ нимъ связано дальнѣйшее мое участіе въ дѣлахъ Сибирскаго университета.

II.

Объѣздъ университетовъ.—Несостоятельность проекта Казнакова.—Борьба между Омскомъ и Томскомъ.—Дѣло университета въ Государственномъ Совѣтѣ.—Характеристика Омска, сдѣланная Ядринцевымъ.—Пожертвованіе Томскомъ 25 тысячъ рублей.

Разставаясь съ академіей, я могъ безъ всякаго стѣсненія посвящать все свое время министерскимъ вопросамъ, изъ коихъ на ближайшей очереди были новый университетскій уставъ и Сибирскій университетъ. О занятіяхъ по первой категоріи я не буду здѣсь распространяться, потому что по этому поводу пришлось бы говорить слишкомъ много. Окунувшись въ эту сферу, я на первыхъ же порахъ испыталъ не мало разочарованій, о чемъ не стоитъ вспоминать; но вмѣстѣ съ тѣмъ участіе мое въ поѣздкѣ коммиссіи по университетамъ дало мнѣ возможность подробно ознакомиться съ ихъ состояніемъ и потребностями, съ ихъ хорошими и слабыми сторонами и со всѣмъ личнымъ составомъ русскихъ университетовъ, чтб впослѣдствіи пригодилось мнѣ при организаціи новаго университета Сибирскаго [1]). Коммиссія начала свой объѣздъ съ Казани, потомъ была въ Дерптѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и въ Москвѣ. Каждый изъ этихъ городовъ давалъ новый цѣнный матеріалъ для разъясненія поднятыхъ вопросовъ. Лично мнѣ пришлось познакомиться со

[1]) Вынесенныя отсюда свѣдѣнія изложены мной въ особой книгѣ, подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ, представленныя въ высочайше утвержденную коммиссію для пересмотра нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава, членомъ коммиссіи В. Флоринскимъ". С.-Петербургъ 1876 г.

множествомъ достойнѣйшихъ профессоровъ и сравнить строй медицинскаго образованія въ университетахъ съ академическимъ. Все это было для меня весьма полезно и поучительно.

Въ Петербургъ коммиссія возвратилась около половины ноября. Въ теченіе той же зимы нужно было привести въ порядокъ, обработать и напечатать собранные во время поѣздки матеріалы по медицинскимъ факультетамъ, а съ декабря мѣсяца пришлось запяться разсмотрѣніемъ полученнаго отъ Казнакова изъ Омска проекта Сибирскаго университета. Для послѣдней цѣли была составлена особая коммиссія изъ члена совѣта министра Георгіевскаго, членовъ ученаго комитета Ходнева, Васильевскаго, меня и профессора Пахмана.

Проектъ Казнакова, какъ и было предположено, имѣлъ въ виду 4 факультета, но составъ каѳедръ каждаго изъ нихъ былъ чрезмѣрно урѣзанъ. Генералъ-губернаторъ очевидно задался мыслью, чтобы открытіе и содержаніе новаго университета не потребовало отъ казны почти никакихъ дополнительныхъ ассигнованій, а покрывалось бы на счетъ тѣхъ сбереженій, какія должны послѣдовать отъ предполагаемаго прекращенія привилегій сибирской службы (пятилѣтнихъ прибавокъ и путевыхъ пособій) послѣ приготовленія въ Сибирскомъ университетѣ мѣстныхъ учителей и чиновниковъ. Собранныя Казнаковымъ справки показываютъ, что въ Западной Сибири на прибавочное жалованье за сибирскую службу въ 1875 г. ассигновано 67.032 р. 81 к. и выдано пособій (окладовъ годоваго жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край въ 1874 г. 12.804 р.; въ Восточной Сибири на тотъ же предметъ по первой категоріи 65.440 р. 86 к., а по второй категоріи 21.687 р. 73 к. Такимъ образомъ, въ совокупности издержки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167.000 р. въ годъ. Стоимость же содержанія университета съ четырьмя факультетами по проекту штатовъ генералъ-губернатора должна составлять всего 212.220 р., т. е. въ среднемъ по 53.000 р. на факультетъ. Само собою разумѣется, что съ этими цифрами никакъ нельзя было помириться. Мнѣ въ особенности прискорбно было видѣть такое непониманіе дѣла по отношенію къ медицинскому факультету, о которомъ мною было и писано и говорено Н. Г—чу нѣсколько разъ. Въ экономическихъ поползновеніяхъ должна быть своя граница, переступить которую значитъ испортить все дѣло.

Достаточно сказать, что медицинскій факультетъ по проекту Казнакова предполагалось устроить безъ факультетскихъ клиникъ. Ихъ должна была замѣнить городская больница. По выведенной тутъ же справкѣ оказывается, что въ Томскѣ существуютъ только двѣ больницы, одна арестантская при пересыльной тюрьмѣ, на 15 кроватей, другая приказа общественнаго призрѣнія на 50 кроватей. Цер-

вая изъ нихъ для университетскихъ цѣлей совершенно непригодна какъ тюремная, а также потому, что она помѣщается внѣ города, въ очень далекомъ разстояніи отъ мѣста, предназначеннаго подъ университетъ. Равнымъ образомъ, не можетъ замѣнить собою факультетскихъ клиникъ и больница проказы, ни по своимъ размѣрамъ, ни по устройству, ни по свойству больныхъ, здѣсь призрѣваемыхъ. Клиническихъ каѳедръ по проекту полагалось всего двѣ—для внутреннихъ и хирургическихъ болѣзней, сюда же включалась и діагностика. Это былъ явный абсурдъ, такъ какъ въ двухъ клиническихъ отдѣленіяхъ (въ больницѣ) невозможно было вести занятія одновременно съ студентами III, IV и V курсовъ, не имѣя при томъ другихъ спеціальныхъ клиникъ, напримѣръ, акушерской, глазной, дѣтской. Такія же неумѣстныя сокращенія оказались въ проектѣ относительно штатовъ вспомогательнаго учебнаго персонала (ординаторовъ совсѣмъ нѣтъ, ассистентовъ и лаборантовъ тоже, сохранено изъ моихъ предположеній, данныхъ Казнакову, всего два прозектора и одинъ помощникъ прозектора). Подобныя же сокращенія оказались въ штатахъ прочихъ факультетовъ. Само собою разумѣется, что съ этой стороны проектъ Казнакова въ нашей коммиссіи былъ признанъ вполнѣ несостоятельнымъ. Пришлось передѣлать его заново, при чемъ я написалъ свои соображенія по медицинскому факультету, Пахманъ по юридическому, Ходневъ по физико-математическому, Васильевскій по филологическому. Эти соображенія цѣликомъ вошли въ печатную записку графа Толстого, заготовленную для внесенія въ Государственный Совѣтъ 29 мая 1876 года. Факультетскія клиники я проектировалъ на 80 кроватей: 20 хирургическихъ, 20 терапевтическихъ, 20 акушерско-гинекологическихъ, 10 глазныхъ и 10 дѣтскихъ. Для нихъ долженъ быть выстроенъ особый корпусъ отъ университета.

Для служащихъ въ университетѣ Казнаковымъ не испрашивалось никакихъ служебныхъ привилегій, кромѣ тѣхъ, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири чиновниковъ. Графъ Д. А. Толстой призналъ это недостаточнымъ и включилъ въ свой проектъ полуторные оклады содержанія для профессоровъ, что было вполнѣ основательно и справедливо.

Мѣстомъ для Сибирскаго университета, какъ въ проектѣ генералъ-губернатора, такъ и въ представленіи графа Толстого первоначально былъ указанъ городъ Томскъ, по тѣмъ соображеніямъ, какія были приведены выше; но намѣченные мною по этому вопросу мотивы не были развиты въ представленномъ проектѣ съ надлежащей полнотой, не были подкрѣплены ни статистическими цифрами, ни мѣстными, болѣе точными свѣдѣніями о состояніи Томска и условіяхъ, какія онъ представляетъ для университета вообще и для медицин-

скаго факультета въ частности. Томскъ указывался на основаніи общихъ соображеній, какія можно было дать, не видя этого города и не зная его внутренной жизни. Уже послѣ составленія проекта генералъ-адъютантъ Казнаковъ въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ, и онъ повидимому произвелъ на него удручающее впечатлѣніе. Вскорѣ послѣ того, именно въ концѣ 1876 г., Казнаковъ снова былъ въ Петербургѣ и сообщилъ графу Толстому свои взгляды на Томскъ и Омскъ, въ смыслѣ пригодности ихъ для учрежденія высшаго учебнаго заведенія. Симпатіи генералъ-губернатора въ это время были всецѣло на сторонѣ Омска, гдѣ онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе. Въ это же время долженъ былъ разсматриваться въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта вопросъ о Сибирскомъ университетѣ. Въ качествѣ свѣдущаго лица и главнаго начальника западно-сибирскаго края на это засѣданіе былъ приглашенъ и Николай Геннадіевичъ, мнѣніе котораго по данному вопросу не могло быть не признано вполнѣ компетентнымъ. Оно было рѣшительно высказано въ пользу Омска, на основаніи чего всѣ присутствовавшіе члены соединенныхъ департаментовъ, въ томъ числѣ и графъ Толстой, единогласно постановили, чтобы Сибирскому университету быть въ Омскѣ, а не въ Томскѣ. Въ этомъ смыслѣ нужно было исправить и записку министра народнаго просвѣщенія, которая по нормальному ходу дѣлопроизводства черезъ двѣ недѣли должна была поступить изъ соединенныхъ департаментовъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Небезъинтересно здѣсь отмѣтить, что послѣ такого рѣшенія министръ народнаго просвѣщенія приказалъ директору департамента М. Е. Брадке исправить внесенную имъ печатную записку о Сибирскомъ университетѣ, такимъ образомъ: на тѣхъ страницахъ, гдѣ стояло слово Томскъ, его замѣнили словомъ Омскъ,—разница оказалась ничтожная, только въ одной выброшенной буквѣ. Впрочемъ, страницу 9-ю записки пришлось вполнѣ перепечатать. Здѣсь были исчерпаны всѣ мотивы, приведенные въ пользу Омска. Они состояли въ слѣдующемъ: „Томскъ былъ бы удобнымъ мѣстомъ для университета, такъ какъ этотъ городъ съ значительнымъ населеніемъ, лежащій почти въ центрѣ Сибири, и при томъ связанный пароходнымъ сообщеніемъ съ Тобольскомъ, Тюменью и нѣкоторыми другими городами западной ея половины. Но этотъ городъ, по даннымъ мнѣ (министру просвѣщенія) впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ личнымъ разъясненіямъ, представляетъ съ другой стороны нѣкоторыя важныя неудобства; въ немъ весьма значительное число ссыльныхъ, контингентъ населенія, который нельзя считать выгоднымъ для преуспѣянія здоровой жизни университета. Посему вниманіе генералъ-губернатора остановилось на Омскѣ, который предста-

вляетъ весьма значительныя преимущества для университета какъ центръ главнаго мѣстнаго управленія и какъ постоянное мѣсто жительства генералъ-губернатора, сверхъ того въ Омскѣ гораздо легче будетъ найти мѣсто для университетскихъ зданій, чѣмъ въ Томскѣ, гдѣ возможное для сей цѣли мѣсто находится въ большомъ разстояніи отъ центра города; за симъ, а это самое важное, Томскъ безспорно болѣе центральное мѣсто въ отношеніи ко всей Сибири, чѣмъ Омскъ, но зато сей послѣдній городъ ближе къ губерніямъ, составляющимъ Оренбургскій учебный округъ, а также къ Туркестанскому краю, а потому можно ожидать съ полной увѣренностью, что университетъ въ Омскѣ привлечетъ къ себѣ часть оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ Оренбургскаго учебнаго округа, а также тѣхъ лицъ, которыя со временемъ окончатъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края, какъ скоро сіи послѣднія достигнутъ размѣра гимназій, что̀, безъ сомнѣнія, ееть только вопросъ времени.

Изъ приведенной выписки можно видѣть, какъ шатки и поверхностны были доводы, по которымъ Омскъ былъ предпочтенъ Томску. Они сводятся къ тому: 1) что въ Омскѣ живетъ самъ генералъ-губернаторъ, 2) что въ Томскѣ слишкомъ много ссыльныхъ (а въ Омскѣ?) и при томъ тамъ будто бы не оказывается вполнѣ соотвѣтствующаго мѣста для постройки университетскихъ зданій (?) и 3) что Омскъ ближе къ Оренбургскому и Туркестанскому краю, какъ будто бы эта близость такова, что отъ Ташкента и Оренбурга до Омска—рукой подать. Отъ Ташкента, какъ извѣстно, около 3.000 верстъ степнаго пути, отъ Оренбурга около полутора тысячъ. При томъ въ Туркестанскомъ краѣ нѣтъ еще ни одной гимназіи, а Оренбургская, Уфимская и Пермская губерніи естественно тяготѣютъ къ Казанскому университету. Въ самомъ Омскѣ въ это время гимназія еще не была открыта.

Въ то время, когда вопросъ о Томскѣ и Омскѣ разсматривался въ департаментахъ Государственнаго Совѣта, меня случайно не было въ Петербургѣ. Возвратившись и узнавъ о послѣдовавшей перемѣнѣ, я тотчасъ же отправился къ графу Дмитрію Андреевичу просить, нельзя ли этотъ вопросъ разсмотрѣть пообстоятельнѣе. Выборомъ города для университета опредѣляется его будущность, успѣхъ или неуспѣхъ задуманнаго предпріятія. Этотъ вопросъ существенно важенъ, между тѣмъ въ основаніе для его рѣшенія были приняты обстоятельства случайныя, временныя, могущія подлежать измѣненію или устраненію, напр., присутствіе ссыльныхъ и отношеніе къ университету генералъ-губернатора. Несмотря на мои доводы, графъ находилъ рѣшительно невозможнымъ измѣнить положеніе дѣла, ссылаясь на то, что въ соединенныхъ департаментахъ $^2/_3$ членовъ

Государственнаго Совѣта уже высказались въ пользу Омска и измѣнить свое мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта они не могутъ. Это было бы и неудобно, и непослѣдовательно. Съ своей стороны, графъ замѣтилъ, что онъ лично не знаетъ ни Томска, ни Омска, а долженъ довѣрять словамъ генералъ-губернатора.

При такомъ положеніи дѣла я рѣшился просить у графа Дмитрія Андреевича разрѣшенія лично объяснить вопросъ о выборѣ города для Сибирскаго университета августѣйшему предсѣдателю Государственнаго Совѣта, великому князю Константину Николаевичу. Съ его императорскимъ высочествомъ я имѣлъ счастье много разъ встрѣчаться раньше въ качествѣ приватнаго врача его высочества, что было не безъизвѣстно и графу Дмитрію Андреевичу. Великій князь всегда относился ко мнѣ весьма благосклонно и много разъ въ свободныя минуты удостоивалъ меня поучительными бесѣдами по разнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ и по вопросу о Сибирскомъ университетѣ послѣ его возникновенія. Графъ, хотя и неохотно, но все же уполномочилъ меня на этотъ шагъ, замѣтивъ, что практическихъ результатовъ отсюда едва-ли можно ожидать: черезъ двѣ недѣли вопросъ о Сибирскомъ университетѣ долженъ будетъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ, члены котораго, несомнѣнно, согласятся съ постановленіемъ департаментовъ.

На другой же день я былъ у его высочества, доложилъ ему вышеуказанную страницу о выборѣ между Томскомъ и Омскомъ, съ объясненіемъ дополнительныхъ данныхъ, какія у меня имѣлись въ рукахъ, и моихъ личныхъ соображеній по этому вопросу. Какъ и слѣдовало ожидать, его императорское высочество изволилъ признать доводы, помѣщенные въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія относительно Томска и Омска, слишкомъ краткими, не исчерпывающими всего вопроса и подлежащими новому болѣе обстоятельному обсужденію съ участіемъ лицъ, знающихъ оба эти города и вообще весь Сибирскій край. Съ такими инструкціями его высочество направилъ меня отъ своего имени къ его высокопревосходительству государственному секретарю Дмитрію Мартыновичу Сольскому. Послѣднему я объяснилъ желаніе его высочества, чтобы для обсужденія вопроса о мѣстопребываніи Сибирскаго университета было предложено министру народнаго просвѣщенія образовать особую коммиссію изъ свѣдущихъ людей, въ число которыхъ включили и меня.

Такимъ образомъ рѣшеніе въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о Сибирскомъ университетѣ было отложено почти на цѣлый годъ. Коммиссія учреждена, подъ предсѣдательствомъ товарища министра князя А. Прох. Ширинскаго-Шихматова, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) Тайнаго совѣтника А. И. Деспота-Зеновича, ранѣе бывшаго то-

Центральная Сибирская Библиотека-Читальня Московскаго ... Общества

больскимъ губернаторомъ, хорошо знакомаго съ Сибирью по прежней продолжительной службѣ въ этомъ краѣ, 2) меня, какъ принимавшаго въ этомъ вопросѣ живое участіе, 3) главнаго инспектора училищъ Западной Сибири Дзюбы и 4) омскаго вице-губернатора Курбановскаго. Послѣдніе два члена были назначены по указанію Н. Г. Казнакова.

По поводу моего назначенія я получилъ отъ графа Дмитрія Андреевича слѣдующее оффиціальное письмо, отъ 28-го мая 1877 года (№ 6495), изъ котораго отчасти виденъ разсказанный мною выше ходъ этого дѣла.

„Милостивый государь Василій Марковичъ.

„Соединенные департаменты государственной экономіи и законовъ, по разсмотрѣніи представленія моего объ учрежденіи въ Сибири университета, предположили, согласно съ мнѣніями: моимъ и главнаго начальника края, учредить сей университетъ въ г. Омскѣ. Между тѣмъ, его императорское высочество, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, принявъ во вниманіе, что избраніе пункта для Сибирскаго университета представляетъ особенную важность, доводы же, приводившіеся въ пользу Омска и другихъ сибирскихъ городовъ, въ качествѣ университетскихъ центровъ, не обставлены въ дѣлѣ достаточными данными, призналъ необходимымъ, чтобы, прежде окончательнаго обсужденія сего вопроса въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, оный подвергнутъ былъ болѣе подробному изученію. По всеподданнѣйшему о семъ докладу его императорскаго высочества, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, его императорское величество, въ 16-й день мая сего года, высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ теченіе каникулярнаго въ Государственномъ Совѣтѣ времени, по ближайшему распоряженію министра народнаго просвѣщенія, коммиссію изъ лицъ, практически знакомыхъ съ Сибирью, по службѣ или долговременному пребыванію въ томъ краѣ, съ тѣмъ, чтобы соображенія этой коммиссіи о томъ, въ какомъ изъ сибирскихъ городовъ предпочтительнѣе учредить предполагаемый университетъ, со всѣми необходимыми, для разрѣшенія сего вопроса, статистическими и другими свѣдѣніями, внесены были имъ, министромъ, съ его заключеніемъ, въ Государственный Совѣтъ, по окончаніи каникулярнаго времени.

„Учредивъ въ исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника князя Ширинскаго-Шихматова, для всесторонняго обсужденія вопроса о мѣстности, въ которой окажется болѣе полезнымъ основать Сибирскій университетъ, я нашелъ нужнымъ назначить

ваше превосходительство членомъ означенной коммиссіи, о чемъ имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Графъ Дмитрій Толстой".

Несмотря на то, что обращеніе мое къ великому князю Константину Николаевичу было съ вѣдома и согласія г. министра и что я вслѣдъ за симъ доложилъ его сіятельству о результатахъ моей просьбы, графъ очевидно остался недоволенъ моимъ поступкомъ. Это было видно по его сухому тону въ обращеніи со мной въ теченіе нѣкотораго времени. Но какъ человѣкъ въ сущности весьма правдивый и безпристрастный, онъ въ скоромъ времени убѣдился, что въ моихъ настойчивыхъ дѣйствіяхъ была доля основанія, что мною руководило исключительно желаніе избѣжать ошибки при рѣшеніи столь важнаго и безповоротнаго дѣла. Поэтому, по мѣрѣ его разъясненія, графъ первый сознался въ излишней поспѣшности своихъ заключеній, основанныхъ на словахъ генералъ губернатора, и во все дальнѣйшее время сохранилъ ко мнѣ искреннее расположеніе и довѣрчивость. Что же касается Н. Г. Казнакова, то онъ мое вмѣшательство, повидимому, принялъ за личную себѣ обиду и при дальнѣйшихъ встрѣчахъ со мной, правда довольно рѣдкихъ, старался держать себя исключительно на оффиціальной почвѣ. Это обстоятельство заставило меня впослѣдствіи, при составленіи инструкціи строительному комитету для возведенія зданій Сибирскаго университета, просить графа Дмитрія Андреевича подчинить Томскій комитетъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія, безъ передаточной инстанціи генералъ-губернатора, что̀ и было исполнено.

Вѣсть о назначеніи вышеназванной коммиссіи вскорѣ распространилась по всѣмъ сибирскимъ городамъ, узнавшимъ объ этомъ частью изъ столичныхъ газетъ, частью, вѣроятно, по письмамъ изъ Омска. Точно по наряду, но совершенно безъ всякаго, съ моей стороны, участія, не знаю по чьей иниціативѣ, почти одновременно поднимается тотъ же вопросъ въ думахъ не только губернскихъ и областныхъ, но даже многихъ уѣздныхъ городовъ Восточной и Западной Сибири. Составляются постановленія, посылаются петиціи на имя министра просвѣщенія, не рѣдко весьма дѣльныя и краснорѣчиво изложенныя. Всѣ они потомъ передавались въ мои руки, такъ какъ на меня была возложена предсѣдателемъ нашей коммиссіи обязанность докладчика, секретаря и редактора ея трудовъ. Мнѣнія городовъ раздѣлялись на двѣ категоріи: одни были за Томскъ, и этихъ весьма значительное большинство, другіе за Омскъ. За послѣдній городъ высказались только Омская, Тюменская и Тобольская городскія думы [1]). Этимъ разсужде-

[1]) Труды коммиссіи объ избраніи города для Сибирскаго университета. Спб. 1878 г., стр. 144.

ніямъ и голосованіямъ въ думахъ нельзя было придавать большаго значенія, потому что изъ участвовавшихъ въ этомъ гласныхъ едва-ли сотая доля имѣли надлежащія представленія объ университетѣ и его потребностяхъ. Только въ заявленіи одной Томской городской думы, въ особенности же въ отдѣльной запискѣ томскаго золотопромышленника Цибульскаго, оказываются болѣе или менѣе вѣскія данныя о состояніи города Томска и его пригодности для университета.

Желая собрать болѣе точныя свѣдѣнія о Томскѣ, я писалъ объ этомъ въ началѣ 1876 года моему доброму знакомому, служащему тамъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, Дмитріеву-Мамонову. Онъ былъ такъ любезенъ, что не замедлилъ сообщить не только характеристику города, но также многія оффиціальныя свѣдѣнія, которыя очень пригодились при обсужденіи вопроса въ нашей коммиссіи. Въ Омскѣ у меня также былъ одинъ молодой человѣкъ, урожденный сибирякъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправившійся туда на службу, нѣкто П. М. Ядринцевъ. Я недавно познакомился съ нимъ у А. Ив. Деспота-Зеновича. Это былъ увлекающійся юноша, не окончившій курса гимназіи, нѣкогда состоявшій вольнымъ слушателемъ Петербургскаго университета, замѣшанный въ какія-то студенческія исторіи и высланный административнымъ порядкомъ сначала на родину, а потомъ сосланный въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Нынѣ онъ прощенъ и съ назначеніемъ Казнакова, по рекомендаціи Деспота-Зеновича, отправился въ Омскъ искать для себя какихъ-либо подходящихъ занятій. Зная мои отношенія къ Сибирскому университету, онъ прислалъ мнѣ письмо, характеризующее Омскъ съ весьма неприглядной стороны. Приведу здѣсь извлеченіе изъ этого письма [1]): „1 августа 1876 г. Омскъ. М. Г. Многоуважаемый Вас. Марк. Только-что я пріѣхалъ въ Омскъ и съ перваго же дня началъ испытывать всѣ жизненныя удобства, представляемыя этимъ городомъ. Городъ этотъ небольшой, съ казенной постройкой и убогими одноэтажными домиками, принадлежащими отставнымъ чиновникамъ и солдатамъ. Служащія лица не могутъ пріобрѣтать дома и обстраиваться, ни по своимъ средствамъ, ни по временному положенію. Купцовъ здѣсь 7,8 живущихъ на заднихъ улицахъ и имѣющихъ дома только для себя, очень не завидные. Для генеральства существуютъ казенныя квартиры въ крѣпости, какъ и для нѣкоторыхъ штабныхъ чиновъ. Если бы для генералъ-губернатора не былъ построенъ особенный казенный домъ, ему не было гдѣ занять квартиру, какую занимаетъ въ губернскомъ городѣ губернаторъ. Большія квартиры на перечетъ и заняты совѣтниками глав-

[1]) Письмо это можетъ дать понятіе о состояніи Омска въ половинѣ 70-хъ годовъ.

наго правленія; въ большинствѣ онѣ блестятъ только внутренней обстановкой, въ сущности же расположены въ обыкновенныхъ неприглядныхъ одноэтажныхъ домикахъ. Нѣтъ ни одной улицы, уподобляющейся не только Томску, но даже Тюмени. Солдатскія и казачьи слободки съ кварталомъ Кучугуръ, наполненнымъ бродягами и разбойниками, раскинуты и отдѣлены обширными площадями, что̀ безъ надобности увеличиваетъ разстоянія, способствуетъ пустынности и увеличиваетъ опасность прохода и проѣзда. Осенью на этихъ площадяхъ происходятъ нападенія и грабежи солдатами мѣстныхъ батальоновъ и ссыльными, выпускаемыми изъ остроговъ, и бродягами, наполняющими Кучугуры. Это далеко не оправдываетъ сопоставленія, что Омскъ менѣе имѣетъ ссыльныхъ, чѣмъ Томскъ, и добродѣтельнѣе послѣдняго. Доказательствомъ служатъ дѣлаемыя здѣсь войсками каждую осень облавы на бродягъ въ городѣ. Вся разница съ Томскомъ, что здѣсь менѣе штатъ полиціи и болѣе безобразій. Нѣтъ возможности водворить какую-нибудь безопасность. Если въ Томскѣ совершаютъ преступленія ссыльные, то въ Омскѣ къ этому присоединяются еще солдаты и разный пролетаріатъ, не имѣющій средствъ и занятій въ казенномъ городѣ. Нѣсколько дней назадъ здѣсь убиты два семейства среди бѣла дня. При Хрущевѣ (предшественникъ Казнакова) солдаты разбивали кабаки, грабили дома и нападали на прохожихъ. Солдаты здѣсь хуже ссыльныхъ.

„Пріѣзжему здѣсь приходится прежде всего возиться съ квартирами. Выборъ крайне малъ. Можно найти хижину для холостаго чиновника, или какія-нибудь двѣ-три комнаты у отставнаго солдата. Пріѣзжіе люди захватываютъ, что попалось. Но кромѣ квартиръ, которыя при убогости домовъ все-таки дешевы, важна обстановка и пріобрѣтеніе мебели. На огромное количество чиновниковъ и офицерства нѣтъ магазиновъ мебели и мастеровъ, а дѣлаютъ ее арестанты, или приходится покупать какую-нибудь ломь и старье на толкучемъ у жидовъ. Видные чиновники привозятъ мебель изъ Петербурга, или покупаютъ при случаѣ отъ уѣзжающихъ чиновниковъ.

„Кругомъ Омска голая степь. Мѣстами въ городѣ посажены деревца, но худо принимаются. Это начало Киргизской степи. Лѣтомъ засуха и пыль, зимой бураны. Общественной жизни почти никакой. Преобладающее сословіе—военное. Можно подумать, что въ городѣ масса войска. Ничего не бывало!—Одинъ баталіонъ, но масса штабовъ: главный, регулярный, иррегулярный, артиллерійскій, инженерный и проч. Говорятъ, комическое зрѣлище представляютъ здѣшніе смотры. Свита у генералъ-губернатора изъ офицеровъ и штаба является точно у главнокомандующаго огромной арміей, а войска три роты (такъ какъ одна бываетъ въ караулахъ) и учебная сотня казаковъ.

Цѣлая масса чиновъ артиллерійскаго вѣдомства, а въ распоряженіи буквально одна пушка, бывающая на смотру представительницей мѣстной артиллеріи. Когда-то въ Омскѣ былъ еще баталіонъ и батарея, но давно ушли въ Туркестанъ. Въ Западной Сибири нѣтъ ни одной крѣпости, но живетъ инженерное начальство; нѣтъ лѣсовъ, но очень много лѣсничихъ: Омскъ есть собраніе всевозможнаго начальства, офицерства и чиновничества, но при отсутствіи подчиненныхъ. Это какой-то центръ безъ органовъ, голова безъ туловища. Мѣстнаго населенія въ городѣ почти нѣтъ, исключая полувоенныхъ казаковъ, какъ нѣтъ богатаго, торговаго и рабочаго класса.

„Городъ до того убогъ, что даже сторонники его надѣются только на отдаленное будущее. Многіе пріѣзжіе чиновники называютъ его „ловушкой“ въ томъ смыслѣ, что сюда завлекаютъ обѣщаніями разныхъ благъ, а по пріѣздѣ отсюда не такъ легко выбраться. Нигдѣ я не видалъ столько людей ожесточенныхъ, какъ въ Омскѣ; и это понятно, ибо горечь его, здѣсь живя, лучше измѣряется.

„Я слышалъ о (недавно построенномъ) хваленомъ Омскомъ госпиталѣ. Закладка его была съ закуской и пиромъ, пріемъ сопровождался обѣдомъ, при чемъ сердца пріемщиковъ были смягчены роскошью яствъ и елеемъ питій. На постройку его, какъ увѣряютъ, не было затрачено и половины ассигновки. Зданія его всѣ деревянныя, при морозахъ и вѣтрахъ продуваемыя, какъ сараи. Черезъ полгода полы, положенные прямо на землю, начали гнить, обнаружилась сырость, холодъ и другія неудобства. Гражданская больница еще хуже, старая, маленькая, грязная. Изъ этого вы видите, въ какую лужу и въ какое гнѣздо можетъ попасть Сибирскій университетъ. Больше прибавлять нечего. Если желательно его гибели, то, конечно, трудно найти лучшее мѣсто. Если вы можете что-либо сдѣлать къ разоблаченію этой чиновной мистификаціи, то Сибирь васъ никогда не забудетъ. Разочарованный человѣкъ можетъ оставить городъ, но учрежденіе нельзя перемѣстить въ другое мѣсто. Спасите же Сибирскій университетъ!“

Зная Ядринцева за человѣка увлекающагося и склоннаго къ пессимизму, я думалъ, что въ его характеристикѣ Омска наложены слишкомъ густыя тѣни. Но тѣмъ не менѣе письмо производило тяжелое впечатлѣніе. Что это за будущій университетскій городъ, въ которомъ открыто грабятъ на улицахъ среди бѣлаго дня, гдѣ почти невозможно найти порядочную квартиру, или пріобрѣсти мебель, гдѣ цехъ мастеровыхъ сосредоточивается только въ рукахъ арестантовъ, однимъ словомъ, гдѣ нѣтъ самыхъ элементарныхъ условій городской культурной жизни. Самъ я не былъ въ Омскѣ и не могу судить о немъ по личнымъ впечатлѣніямъ, но отовсюду слышу, что это не столько

городъ, сколько военная ставка. Такъ отзывается о немъ и А. И. Деспотъ-Зеновичъ, то же говорилъ и М. Гр. Соколовъ, омскій медицинскій инспекторъ, полковникъ Скерлетовъ, мой старый знакомый, долго служившій тамъ. Очевидно, есть въ Омскѣ что-то такое, что дѣлаетъ его мало пригоднымъ для университета, независимо отъ географическаго положенія. Необходимо разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ: семь разъ помѣрять и одинъ разъ отрѣзать, какъ гласитъ пословица. Назначеніе коммиссіи оказывается какъ нельзя болѣе кстати.

Получивъ оффиціальную бумагу о назначеніи меня членомъ коммиссіи, я тотчасъ же написалъ Дмитріеву-Мамонову, чтобы онъ собралъ и доставилъ мнѣ необходимыя для разсмотрѣнія вопроса точныя свѣдѣнія о Томскѣ. Вопросы были такого рода: 1) о числѣ жителей города по сословіямъ; 2) о торговыхъ оборотахъ, о городскихъ доходахъ; 3) о числѣ ссыльныхъ и распредѣленіи ихъ по городамъ Томской губерніи, въ частности о числѣ политическихъ и административныхъ ссыльныхъ въ самомъ городѣ Томскѣ, о числѣ поляковъ, водворенныхъ и оставшихся здѣсь послѣ 1863 года; 4) о числѣ каменныхъ и деревянныхъ домовъ и о цѣнахъ на квартиры; 5) о состояніи городской и другихъ больницъ Томска, о числѣ кроватей въ нихъ и положеніи медицинской части вообще. О состояніи мѣстной духовной семинаріи и о числѣ учащихся въ ней (о гимназіи имѣлись свѣдѣнія въ департаментѣ); 7) о справочныхъ цѣнахъ на строительные матеріалы и рабочія руки; 8) о пригодности мѣста, отведеннаго подъ университетъ,—если можно, прислать планъ этого мѣста и планъ города, если таковой имѣется въ продажѣ. 19 іюля я получилъ отъ Мамонова телеграмму: „Всѣ свѣдѣнія высылаются почтой, городъ предполагаетъ послать депутацію, телеграфируйте, нужна ли депутація отъ городскаго сословія и когда именно, въ настоящее время, или когда поступитъ дѣло въ Государственный Совѣтъ, отвѣчайте немедленно—Дмитріевъ-Мамоновъ“. Я отвѣтилъ, что депутація излишня, но за свѣдѣнія очень благодарю. Они были получены 6 августа и оказались на столько подробными и обстоятельными, съ оффиціальными скрѣпами, что лучшаго нельзя было желать, особенно въ такой короткій срокъ. Соотвѣтствующія свѣдѣнія изъ Омска должны были привезти съ собой члены коммиссіи, назначенные по указанію генералъ-губернатора (Дзюба и Курбановскій). Послѣ ознакомленія съ присланными документами, я послалъ Александру Ипполитовичу слѣдующее письмо:

„Присланныя свѣдѣнія болѣе чѣмъ удовлетворительны. Все, что нужно было намъ знать, все, что мы предполагали имѣть въ подтвержденіе нашихъ доводовъ въ пользу Томска, я нашелъ въ вашей

запискѣ и приложеніяхъ къ ней. Съ этимъ оружіемъ мы спокойно можемъ ждать предстоящаго сраженія съ депутатами города Омска. Я надѣюсь, что мы побѣдимъ, и было бы странно не имѣть успѣха въ дѣлѣ совершенно справедливомъ, ясномъ для всѣхъ знающихъ это дѣло... Очень радъ, что вы прислали и планъ отведенной университету земли. Онъ намъ нуженъ вдвойнѣ: 1) чтобы отпарировать одинъ изъ доводовъ Н. Г. Казнакова, будто бы въ Томскѣ не оказывается удобнаго мѣста для постройки университетскихъ зданій, (странный доводъ!), 2) для соображеній по проекту построекъ, который предполагаемъ выработать нынѣшней же осенью. Копіи съ мнѣній городовъ (постановленій городскихъ думъ) также будутъ не безполезны. На нихъ можно будетъ сослаться какъ на общій голосъ сибиряковъ, что тѣмъ болѣе важно, что Н. Г. Казнаковъ высказался, будто бы сибирскіе города въ этомъ отношеніи совершенно индифферентны. О ненужности депутаціи я уже васъ извѣщалъ. Я не думаю, чтобы онѣ имѣли какое-либо значеніе. Въ пользу дѣла будутъ говорить факты и цифры... Было бы гораздо полезнѣе пропагандировать между томскимъ купечествомъ мысль о дальнѣйшихъ пожертвованіяхъ въ пользу Томскаго университета, или на учрежденія ему пригодныя. Напримѣръ, въ вашей запискѣ я нашелъ свѣдѣніе о предполагаемомъ расширеніи больницы приказа общественнаго призрѣнія и что на это уже имѣются средства. Эта статья очень хорошая. Еще было бы лучше, если бы томское городское управленіе и вообще добрые сибиряки, послѣ утвержденія университета въ Томскѣ, рѣшились выстроить на свой счетъ хотя бы часть факультетскихъ клиникъ. Денегъ на постройку университетскихъ зданій у насъ очень мало; предполагаютъ разрѣшить не болѣе 600 т. руб., считая въ томъ числѣ и капиталы Демидова и Цибульскаго. На эту сумму, думается мнѣ, можно выстроить хорошій главный корпусъ и анатомическій институтъ, но врядъ ли много останется для клиникъ. Поэтому было бы очень хорошо, если бы городъ ассигновалъ на этотъ предметъ тысячъ 20—25, напримѣръ, спеціально на акушерскую, дѣтскую и глазную клиники. Ихъ можно выстроить особо, деревянными, по барачной системѣ, и онѣ обойдутся, при дешевизнѣ сибирскаго лѣса, едва-ли дороже указанной суммы. Между тѣмъ эта форма пожертвованія была бы очень полезна и для самаго города, въ которомъ нѣтъ спеціальныхъ больницъ этого рода, и рельефно выразила бы сочувствіе томскаго городскаго управленія къ университету именно въ ихъ городѣ...[1]) Точно также у насъ теперь въ большой модѣ жерт-

[1]) 25 сентября 1877 года томская городская дума дѣйствительно ассигновала 25 т. р. на постройку акушерской и дѣтской клиники и 5 т. р. на покупку

вовать на стипендіи учащимся. Вполнѣ этому сочувствуя, я тѣмъ не менѣе сказалъ бы, что вмѣсто денежныхъ стипендій гораздо было бы практичнѣе устроить для недостаточныхъ студентовъ даровое общежитіе. Съ этою цѣлью выстроенный домъ, обезпечивающій студентамъ здоровую и удобную квартиру вблизи университета, принесъ бы больше пользы, чѣмъ деньги, выдаваемыя на руки. Въ этой формѣ на ту же самую сумму можно было бы оказать гораздо больше помощи. Вообще я надѣюсь, что томское общество послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о Сибирскомъ университетѣ не оставитъ этотъ университетъ своимъ дальнѣйшимъ сочувствіемъ. Я ратую за Томскъ именно потому, что предвижу здѣсь широкое развитіе университетской жизни. Вздоръ говорятъ, что въ Сибири юный университетъ будетъ хромать. Напротивъ, я убѣжденъ, что онъ будетъ не только не хуже, а лучше многихъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. На первыхъ же порахъ онъ долженъ получить и высокій научный тонъ, и хорошій студенческій духъ. Все зависитъ отъ постановки дѣла. Что будетъ дальше—не знаю, но въ настоящее время мнѣ уже приходилось бесѣдовать со многими весьма солидными профессорами, которые не прочь были бы поработать въ Сибири надъ изученіемъ ея неисчерпаемыхъ научныхъ вопросовъ".

Одновременно съ этимъ Н. М. Ядринцевъ осаждалъ меня скорбными письмами изъ Омска. Въ нихъ повторялось одно и то же, а именно: что въ Омскѣ, подъ крыломъ генералъ-губернатора, университетъ погибнетъ, что нравственная атмосфера тамъ неудовлетворительная, ссыльныхъ почти столько же, какъ и въ Томскѣ, что помощи отъ города нельзя ждать никакой и что Омскій университетъ никогда не будетъ привлекать сочувствіе сибиряковъ. Правда это или нѣтъ, издали судить довольно трудно; но эти настойчивыя іереміады невольно заставляютъ подозрѣвать, что Ядринцевъ и Комп. боятся не столько города Омска, сколько военнаго генералъ-губернаторскаго режима.

Ссыльные, о которыхъ такъ много говоритъ г. Ядринцевъ въ своихъ письмахъ и на которыхъ ссылался Н. Г. Казнаковъ, говоря противъ Томска, по моему мнѣнію, не должны играть въ этомъ вопросѣ существенной роли. Сибирь вся населена ссыльными,—это ея злосчастная историческая доля. Въ какомъ городѣ ихъ больше или меньше, это безразлично, если считать ссыльныхъ всѣхъ категорій. Но къ университету дѣйствительно можетъ имѣть отношеніе политическая

книгъ для университетской библіотеки. Свѣдѣнія эти получены министерствомъ въ то время, какъ наша коммиссія, по выбору города, уже открыла свои дѣйствія.

ссылка. Эти люди, большею частью озлобленные противъ правительства, несочувствующіе данному русскому строю, нерѣдко сами бывшіе студенты, естественно могутъ пропагандировать свои утопіи въ средѣ будущихъ воспитанниковъ Томскаго университета, нарушая его нормальную жизнь. Чтобы охранить университетъ отъ этихъ элементовъ, нужно не городъ искать, гдѣ бы ихъ не было, а гораздо легче устранить самую ссылку, т. е. очистить отъ этихъ неблагонадежныхъ людей тотъ городъ, гдѣ будетъ рѣшено основать университетъ.

Изъ записокъ П. И. Степанова.

Петръ Ивановичъ Степановъ родился въ 1814 году, по происхожденію потомственный дворянинъ Костромской губерніи, образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ полный курсъ наукъ.

Службу свою началъ въ канцеляріи московскаго военнаго губернатора, генерала Закревскаго—помощникомъ столопачальника, перешелъ въ старшіе чиновники секретнаго отдѣленія, гдѣ, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, исполнялъ порученія губернатора по переразслѣдованію жалобъ на неправильное рѣшеніе суда. (Эти переразслѣдованія изданы имъ впослѣдствіи отдѣльнымъ сочиненіемъ „Правые и Виноватые“).

Затѣмъ принимаетъ должность судьи московскаго надворнаго суда, гдѣ пробылъ недолго, въ виду увольненія отъ должности судьи съ преданіемъ суду за растрату, произведенную казначеемъ суда, однофамильцемъ Степановымъ, о чемъ немедленно было сообщено губернаторомъ государю императору. Но когда было произведено подробное разслѣдованіе, выяснившее невинность судьи Степанова, губернаторъ Закревскій не пожелалъ измѣнить свой докладъ, почему и судья Степановъ былъ осужденъ съ лишеніемъ правъ и отдачею въ солдаты.

Въ 1854 и 1855 годахъ находился при защитѣ Севастополя безсмѣннымъ ординарцемъ у генералъ-лейтенанта Хрулева, гдѣ заслужилъ крестъ св. Георгія и производство въ прапорщики.

Въ 1856 состоялъ адъютантомъ при командующемъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ генералъ-лейтенантѣ Хрулевѣ и былъ назначенъ въ составъ коммиссіи по возвращеніи крѣпости Карса обратно туркамъ однимъ изъ главныхъ лицъ.

По расформированіи кавказскаго корпуса былъ переведенъ въ учебную гимнастическо-фехтовальную команду резервныхъ московскихъ войскъ.

Въ 1859 г. по домашнимъ обстоятельствамъ оставилъ военную службу и, переѣхавъ въ С.-Петербургъ, принялъ должность началь-

ника станціи только-что отстроенной французской компаніи С.-Петербурго-варшавской линіи. За отличную и распорядительную службу получилъ высочайшую благодарность и возстановленіе въ дворянскомъ достоинствѣ.

Въ 1869 году за свою службу былъ назначенъ на должность ревизора техническаго инспекторскаго комитета министерства путей сообщенія, гдѣ и умеръ въ 1876 году въ чинѣ коллежскаго совѣтника, не дослуживши нѣсколькихъ дней до пенсіи.

Въ свободное отъ занятій время посвящалъ свои досуги къ составленію описаній произведенныхъ переразслѣдованій, изданныхъ отдѣльною книгою „Правые и Виноватые“, событій подъ Севастополемъ и въ Малой Азіи, а также писалъ и драматическія произведенія; нѣкоторыя изъ нихъ были играны на императорскихъ театрахъ.

---

21 апрѣля 1856 г. генералу Хрулеву поручено командованіе войсками въ Азіатской Турціи; по его ходатайству я назначенъ высочайшимъ повелѣніемъ къ нему въ должность адъютанта.

И такъ, судьба меня передвинула изъ Севастополя въ Карсъ, мнѣ предстоитъ объѣхать Азовское море и ѣхать черезъ Кавказъ. Генералъ требуетъ, чтобъ я скорѣй ѣхалъ къ нему, а тутъ задержка въ разныхъ формальностяхъ; выручивъ всѣ нужныя бумаги, я распростился съ добрымъ семействомъ, въ средѣ котораго я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ у родныхъ. Въ среду на Святой недѣлѣ я выѣхалъ по тракту на Мелитополь черезъ Арбатскую стрѣлку и Чонгарскій мостъ; дорога хоть и грязна, но несравненно лучше Перекопской; я ѣхалъ къ сѣверу, куда стремился душой къ женѣ и дѣтямъ; но мнѣ еще не суждено было ихъ видѣть; изъ Ростова на Дону, или лучше сказать изъ Аксая я поворотилъ на югъ.

Изъ Ростова мнѣ предстояло ѣхать въ Аксай, въ 12 верстахъ можно было нанять одноконныя „дерендули“, въ родѣ дровней ломоваго извозчика, я предпочелъ сдѣлать 25 верстъ по почтовому тракту, на перекладной,—привыкъ я къ ней; однако, по глинистой почвѣ и горамъ не безъ труда мы добрались до Аксая.

Аксай, станица войска донскаго, вы это сейчасъ замѣтите; и типъ другой и одежда другая, особенно женская, длинныя шубы; весь строй жизни, языкъ другой—точно и не Россія.

Въ Аксаѣ меня навязчиво угостили баранками, а балыка ни здѣсь, ни въ Ростовѣ не могъ достать, или дрянь, или дороже московскаго; сапожникъ всегда безъ сапогъ. Донъ, выше дамбы, судоходенъ только верстъ на сто.

На концѣ дамбы станція; отъ нея начинается гладкая, плодородная, черноземная степь до Ставрополя, съ слободами-станицами—въ тысячи душъ. Шибко напоминаетъ Малороссію и говоръ, и костюмы, и постройки. Славятся казачки красотою, особенно Червленная станица; въ будни такія же грязныя бабы, какъ и вездѣ, въ праздники принарядятся, только вовсе не такъ, какъ на театрѣ. Червленныя красавицы точно хороши, а нравственностью не похвалятся; всѣ набѣлены и нарумянены, что твои коломенскія купчихи.

На этой станціи я засталъ суматоху; почтальонъ съ экстра-почтой—потерялъ сумку, его арестовали; приходилось его замѣнить станціонному смотрителю, а у него болѣли зубы, раздуло щеку, голова на сторону; онъ упросилъ меня взять два чемодана экстра-почты безъ всякой отвѣтственности, кромѣ того, чтобъ не позволять ямщикамъ заѣзжать въ кабаки. Зато и лошадей мнѣ далъ; слѣдующія станціи воспользовались его примѣромъ, давали мнѣ такія тощія горбоносыя тройки, что выведутъ подъ узцы изъ сарая, пустятъ во весь духъ и летимъ тридцать верстъ, только гляди, чтобы не выскочить; какія тутъ наблюденія, какія тутъ впечатлѣнія, все только мелькаетъ; я и не видалъ, какъ въ сутки доскакалъ до послѣдней станціи передъ Ставрополемъ; былъ вечеръ, вдали мелькали огоньки города, я ѣхалъ часа три; это значитъ я разстался съ экстра-почтою, смотритель не осмѣлился отпустить со мною въ городъ чемоданы; конечно, я и не могъ бы ихъ сдавать. Вотъ я и въ Ставрополѣ, сдѣлалъ въ 6-ть дней 1.450 верстъ отъ Симферополя. На дорогѣ мнѣ попалось Харьковское ополченіе, оно не дошло до Ставрополя и возвращается восвояси.

Ставрополь какъ и всѣ губернскіе города; главная улица длинная съ бульваромъ по серединѣ, при въѣздѣ въ городъ большой водоемъ, а въ городѣ воды нѣтъ, намѣреваются сдѣлать водопроводы; бульваръ графа Завадовскаго упирается въ зданіе какихъ-то присутственныхъ мѣстъ, гдѣ въ это время была сельская выставка, ничего особеннаго, кромѣ конской сбруи; сзади зданія крутая гора и на ней великолѣпный соборъ, съ паперти въ трубу виденъ Владикавказъ; воздухъ чистый и здоровый, городъ опрятенъ, есть хорошіе дома и зданія, лучшія конечно казенныя. Была суббота, я прогоновъ получить не успѣлъ и вынужденъ былъ остаться до понедѣльника; скука смертельная, шлялся по городу, знакомыхъ нѣтъ, только къ вечеру столкнулся съ адъютантомъ Муравьева—Башмаковымъ.

29 апрѣля. Были у обѣдни въ соборѣ, хорошіе пѣвчіе, особеннаго ничего, вечеромъ Башмаковъ повезъ меня въ госпитальную церковь, на край города, смотрѣть свадьбу. При госпиталѣ хоро-

шенькій садъ; госпиталь—нѣсколько каменныхъ корпусовъ, какъ всѣ госпитали. Вѣнчали офицера генеральнаго штаба Анучина съ дочерью управляющаго коммиссаріатскою коммиссіею Мейера, того самаго, который меня задержалъ; не до дѣлъ было, коли свадьба. Въ понедѣльникъ мнѣ опять хотѣли оттянуть, по той же уважительной причинѣ, но я уперся и требовалъ деньги, сослались, что управляющаго нѣтъ, я пошелъ къ нему на квартиру.

Въ передней никого не было, лежала кипа дѣлъ и бумагъ, за дверью раздавался стукъ тарелокъ, обѣдали. На докладъ человѣка г. управляющій громко и грубо отвѣчалъ: мнѣ некогда, можетъ подождать, но я такъ же громко отвѣчалъ, что я ждать не намѣренъ и буду жаловаться въ Тифлисѣ. Это подѣйствовало, попросили меня къ столу?... нѣтъ, отыскать на прилавкѣ мои бумаги; я нашелъ, онъ подписалъ, мнѣ были выданы прогоны до Тифлиса, я немедленно выѣхалъ [1]).

1 мая. Вотъ я и на Кавказѣ; до горъ еще далеко, цѣлая Кумысская плоскость, наносы земли во время потопа, задержанные кавказскими скалами; такъ и видно, какъ они ложились пластами къ подошвѣ горъ, и наслаивались выше и выше. Я выѣхалъ въ 3 часа и сдѣлалъ только до ночи четыре переѣзда.

Нынче утромъ 3-го мая переѣхалъ рѣчку Малку, границу жалованья; за нею получаютъ двойной окладъ; какой-то добрый казачій офицеръ научилъ меня взять у мѣстныхъ властей свидѣтельство о днѣ переѣзда чрезъ благодѣтельную Малку, непривѣтливую только во время чумы, тутъ карантинъ; я поглядѣлъ на эти низкія каменныя казармы за стѣнами и радъ былъ, что не было чумы; думалъ поспѣть ночевать въ Владикавказѣ. На одной станціи меня задержали 5 часовъ, за неимѣніемъ лошадей, а въ станицѣ Змѣйской, куда я пріѣхалъ часу въ 6-мъ вечера, вовсе не пустили; поэтому я сдѣлалъ только 140 верстъ. Бродяги-черкесы любятъ грабить съ вечера, чтобъ успѣть ускакать до разсвѣту, а то мѣстность открытая — далеко видно. Въ Змѣйской по такой причинѣ скопилось довольно проѣзжихъ всякаго сорта; что дѣлать—разумѣется, въ карты играть, занятіе сподручное всякому, особенно военному люду, однако, я улегся спать.

Какой чудный край! это еще не горы, нѣтъ; дорога чудесная, все плоскою покатостью поднимались выше и выше, мѣстами крутой спускъ или подъемъ, въ родѣ Мячковскаго подъ Москвою; дорога

[1]) У моей жены была двоюродная сестра, съ которой она была очень дружна, звала ее Сонничкой, но которой я никогда не видалъ. Оказалось послѣ, что я присутствовалъ на свадьбѣ ея дочери и помѣшалъ имъ обѣдать ни она, ни я тогда не догадались, что мы близкая родня.

суха и укатана, но въ грязь должно быть дурно; ѣдемъ привольными степями, почва плодородная, воздухъ превосходный; трактъ—чтобъ не сбиться – отмѣченъ частыми каменными столбами и земляными курганами, скаты срыты, мосты исправны, это опять какой-то особый уголокъ Россіи, населенный чисто русскими, а какъ будто не русскій. Это земля линейныхъ казаковъ, а какъ хороши ихъ станицы!—лучше чѣмъ у донцовъ; не вѣрится, что эти люди—не далѣе какъ за 70 лѣтъ стеклись сюда изъ разныхъ краевъ Россіи, почти въ однѣхъ рубашкахъ, бѣглецы, бродяги—такъ хорошо, привольно они живутъ; бѣлыя хаты, всѣ въ деревьяхъ, а деревья всѣ въ цвѣтахъ; прямыя, правильныя улицы, табуны скота и лошадей горной породы, въ поляхъ далеко отъ станицъ запашки, скирды хлѣба и сѣна; замѣчательно, что черкесы никогда не жгутъ и не истребляютъ скирдовъ. Конечно, казаки пашутъ, молотятъ—съ оружіемъ за поясомъ, съ винтовкой за плечами; они сами приняли совершенно кавказскій типъ, особенно, по одеждѣ не отличить отъ черкеса, правда, между ними много и черкесовъ осѣдлыхъ. Вездѣ разставлены вышки съ часовыми и осѣдланными лошадьми у коновязи, шесты съ соломою на верху, чтобъ сигналами предупредить станицы о набѣгѣ; пикеты и разъѣзды станицы окружены земляными валами съ засѣками, въ воротахъ пушки и вездѣ сторожевые! какой воинственный закалъ эта тревожная жизнь даетъ народу, всѣ молодцы. Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его пишутъ; набѣги стали рѣдки, край заселяется, буйныхъ сосѣдей загнали въ горы, да и окружили; случается, иногда убьютъ пастуха, угонятъ пару воловъ, да гдѣ жъ это не случается; мирнаго черкеса отъ немирнаго—не отличить, да и шалятъ больше шайки бродягъ нешалившихъ у себя, отверженныхъ свободными горцами, а не то, что настоящіе военные набѣги.

Вода не вездѣ хороша, поэтому я отдувался чихиремъ и молокомъ, кушаю фазановъ, какъ простую дворовую курицу, они здѣсь приручились, дѣлаются дворовою птицей.

Я мчался на тройкѣ одинъ, раздумью широкое поле, а тутъ передъ глазами раздольная степь; пасмурно и даль въ туманѣ, горъ не видать; къ вечеру вѣтеръ прогналъ и туманъ, и облака—точно поднялся театральный занавѣсъ; за степью, переливающейся зеленью и желтой жатвой—синѣютъ подошвы сплошныхъ утесовъ, острыя ледяныя верхушки, бѣлые снѣжные откосы — подъ лучами солнечнаго заката—блестятъ розовымъ, лиловымъ, всѣми радужными цвѣтами, на яркомъ бѣломъ фонѣ, изрѣзанномъ синѣющими полосами; это ущелья пропасти, все такъ громадно, величественно, великолѣпно; краски такъ тонки и ярки, переливы и тѣни такъ мягки, что никогда не передастъ ихъ кисть, никакое воображеніе не осуществитъ — можно

только видѣть въ природѣ. Такъ вотъ она цѣпь Кавказскихъ горъ, первый Кавказскій хребетъ, гдѣ гнѣздятся недружелюбные кабардинцы; кажется, рукой достанешь, Владикавказъ виденъ у подножья, а до горъ еще 100 верстъ, такъ обманчивъ чистый воздухъ. Какъ грязенъ, какъ ничтоженъ пресловутый Крымъ противъ этой могущественной и богатой страны. Между проѣзжими идетъ разговоръ, что восточная война возобновляется; невѣроятно всѣ разбиты.

Обѣдаю въ Владикавказѣ; онъ сторожитъ славно ущелье, крѣпость не всегда пугаетъ черкесовъ, они нынче ночью почти подъ стѣнами—вырѣзали патруль или секретъ не знаю,—таятъ!!!

Городъ смотритъ хорошимъ губернскимъ городомъ, округъ или губернія носитъ его имя; оглядѣть нѣкогда, черезъ Терекъ хорошіе мосты, здѣсь Терекъ усталый разлился и течетъ мелко и тихо, до поры до времени; растаютъ снѣга, и онъ забушуетъ; вообще городъ стоитъ на сыромъ мѣстѣ. За валами—укрѣпленіе, я въѣхалъ въ горы и скоро очутился между скалъ; дорога идетъ, возвышаясь по лѣвому берегу Терека. Думалъ ночевать въ Кабіи и на разсвѣтѣ перейти опасныя мѣста перевала, но пошелъ дождь, дорога осклизла, это самая скверная мостовая, лѣпится на высѣченномъ въ горахъ уступѣ, мѣстами суживается чуть не въ сажень, а все то подъемы, то спуски вокругъ скалъ; Терекъ все углубляется, т. е. самъ подымается на горы; Терекъ все бурливѣе, берега уже, онъ рвется, падаетъ водопадами, ворочаетъ громадныя глыбы; гулъ, шумъ, трескъ, а ущелье суживается, внизу Терекъ, по бокамъ мрачныя скалы покрыты мѣстами зеленоватымъ мхомъ, какъ могильные памятники и только на верху далеко, далеко—узкая лента синяго неба. Громадныя сосны на хребтѣ кажутся снизу кустами можжевельника. Какъ ничтоженъ тутъ человѣкъ, какъ убиваетъ его эта громадная природа... грустно, душно, а тутъ еще вѣтеръ и дождь.

Станція всего 16½ верстъ, а ѣхалъ 3 часа. Это казармы инженерныхъ солдатъ; поселены въ общихъ и особыхъ домикахъ—семьями, завелись хозяйствомъ.

Черезъ рѣку, противъ нихъ выбралась покатая долина и сейчасъ заселилась саклями мирныхъ черкесовъ, видно два или три аула.

Вторая станція хуже первой, а матеріалъ для превосходнаго шоссе, кажется, подъ руками,—я запоздалъ, обмокъ и потому остановился въ Ларсѣ ночевать. Ларсъ—солдатская слободка, на скатѣ—казармы; въѣздъ вырубленъ въ скалѣ и нависла совершенно громадная полуарка; на верху этой скалы развалины древняго укрѣпленнаго замка, о немъ есть какая-то легенда, но толку добиться не могъ, осматривать было темно. Впрочемъ, это не путешествіе туриста, это замѣтки и впечатлѣнія проѣзжаго на курьерскихъ.

*

Опять насилу проѣхалъ двѣ станціи и остановился ночевать въ Коби; завтра черезъ перевалъ, есть обвалы и еще много снѣгу, на колесахъ ѣхать нельзя, а на ночь и не пытайся, къ Коби все подъемъ, природа грозная, мрачная; нѣтъ мягкихъ, нѣжныхъ цвѣтовъ; сзади Коби обрывъ голыхъ скалъ стѣной, на вершинѣ лѣсъ, богатый звѣрями; охотники, цѣпляясь крючьями, взбираются на эту отвѣсную стѣну; въ ущельяхъ раскиданы огромныя глыбы, когда-то слетѣвшія съ горъ; величественный безпорядокъ и при разнообразіи—утомительное однообразіе! Дорога безопасна отъ черкесъ, однако, частые казацкіе посты, безопасные отъ черкесовъ, но не отъ природы; земляной обвалъ, оторвавшійся камень—могутъ сбросить валъ—въ пропасть, а тамъ камни и Терекъ, дорога все выше и выше. Надъ нею еще выше ведутъ другую дорогу; боятся, что съ Казбека спустятся льды, они нѣсколько лѣтъ назадъ дали трещины и трещины увеличиваются; если кора отдѣлится, она рухнетъ въ Терекъ и запрудитъ на время, а потомъ хлынутъ воды, увлекутъ льдины и глыбы, зальютъ дорогу, смоютъ крѣпостцу Гуріель, но кора еще крѣпко держится,—на другой горѣ монастырь, славное будетъ зрѣлище монахамъ, они такъ уединенно живутъ. Я еще не видалъ прославленной красоты черкешенокъ; первые экземпляры чеченокъ встрѣтилъ въ Коби, старуха, мать и дочка, вдова русскаго офицера, недурна, кавказскій типъ, но нарядъ уже искаженъ.

По ущельямъ, на скатахъ аулы мирныхъ и смирныхъ осетинъ, странное у нихъ понятіе о честности, довѣрьте имъ золото, будетъ цѣло, а платокъ изъ кармана украдутъ, около ауловъ, гдѣ можетъ лѣпиться человѣкъ, расчищенные клочки пашни, грязно, мертво, нѣтъ зелени.

6 мая.—Я поднялся досвѣту, но не скоро добился лошадей, къ 6 часамъ одну навьючили моими вещами, другую дали мнѣ, на 3-ю сѣлъ ямщикъ—по силѣ подорожной тройка; надо было надѣть полушубокъ, начинается поясъ вѣчныхъ снѣговъ, дороги нѣтъ, по обрыву тропинка, лошади проваливаются, скользятъ, того и гляди, сорвутся въ пропасть, я пошелъ пѣшкомъ, мѣстами снѣжные завалы, восемь верстъ все въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ дорога хуже и опаснѣе, а проводникъ разсказываетъ разные ужасы, какъ погибли проѣзжіе, но это большею частію преданія, они живучи въ народѣ. Впрочемъ, поднявшись на Крестовую гору, гдѣ построенъ какой-то караванъ-сарай, чтобъ отдохнуть, обогрѣться, подкрѣпиться путнику, въ немъ нѣтъ ни дровъ, ничего съѣстнаго, кромѣ сторожа и водки. Начинается подъемъ на Гутъ-гору, опять завалы и преданія, лошади обрываются, мѣсяцъ назадъ большой обвалъ завалилъ караванъ съ казенной монетой, 11 вьючныхъ животныхъ и 2 проводника погибли,

чуть не верста отвѣснаго паденья, внизу ущелье расходится далѣе въ зеленую долину, сотня рабочихъ расчищаетъ снѣгъ и собираетъ разсыпанные рубли. Не позволяютъ громко говорить, о выстрѣлѣ не думай, сотрясеніе воздуха—произведетъ новые обвалы, снѣгъ чуть держится на крутыхъ ребрахъ, и горе путнику, увлечетъ въ пропасть; наконецъ, достигли вершины и стали спускаться по южному скату Гутъ-горы. Проѣзжихъ много, на горахъ разъѣхаться трудно, на площадкахъ ожидаютъ встрѣчныхъ; пошли встрѣчаться осетины на салазкахъ, караваны товаровъ, вьюки на лошакахъ съ бубенчиками. Южный скатъ круче, потомъ унесло землю, воздухъ быстро измѣняется, дорога обнажилась, грязь, ручьи, грузинскія сторожевыя башни, горы расходятся шире, больше зелени, отраднѣе, не такъ давитъ душу, не такъ мертво, послѣ крупнаго поворота, наконецъ, черезъ 7 часовъ, пройдя пѣшкомъ 16 верстъ, мы на станціи Кайшауръ, я совсѣмъ разбилъ сапоги, усталъ, да еще лошадь ушибла ногу, ничего не замѣтилъ и радъ былъ въ порядочной гостиницѣ напиться чаю и растянуться на постели, кстати и лошадей нѣтъ.

Выспавшись вдоволь—я вышелъ на балконъ; налѣво дикія, мрачныя горы, не то туманъ, не то облака, вершины, снѣгъ и ледъ; обдаетъ холодомъ, на всемъ синій цвѣтъ мертвеца; оборачиваюсь въ другую сторону—южная весна это Грузія, яркое солнце, тепло и отрадно; осетинскія сакли, на крышахъ женщины, на пашняхъ—пахари, вездѣ стада съ бубенчиками, здѣсь жизнь, а тамъ смерть. Горы живописны, но не угрюмы; около бѣлыхъ саклей—зелень, луга, деревья въ зелени, внизу мирно течетъ какая-то рѣчка, я не узналъ Куры; бѣленькая дача князя Казбека; все это напомнило мнѣ картины Гропіуса, въ Москвѣ, возлѣ Страстного монастыря показывались; теперь вижу, что движеніе природы Гропіусъ передалъ вѣрно; онъ рисовалъ ихъ лучами свѣта. Предстоитъ крутой спускъ въ 4 версты, а тамъ 100 верстъ до Тифлиса, опасности миновались,—но три ночи я ждалъ лошадей и взялъ ихъ съ бою. Съ попутчикомъ землемѣромъ мы предпочли спуститься прямо въ духанъ—телѣги не дали, верхомъ не хотѣлось; вещи понесли осетины и оправдали свою репутацію, все, что я имъ сдалъ, принесено исправно, а плащъ, забытый на лошади, исчезъ безслѣдно.

Чѣмъ эти виды хуже Швейцаріи? здѣсь природа разнообразнѣе и богаче. Едва мы спустились къ духану и поѣхали по прекрасному шоссе вдоль рѣки. Горы приняли совсѣмъ другой видъ; въ самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ очертаніяхъ, въ самыхъ разныхъ переходахъ красокъ и тѣней—онѣ смѣются надъ живописью, на холстѣ будетъ безобразно, а тутъ въ природѣ очаровательно; грузинскіе аулы въ очаровательныхъ мѣстахъ, всѣ въ зелени, а зелень вся въ цвѣ-

тахъ, и все это облито золотыми лучами солнца; только сзади отходятъ прочь грозныя скалы.

Но по горамъ ѣзда не спора, не то что по донской глади; я только къ вечеру добрался до Тифлиса. Въ одномъ мѣстѣ—много смѣялся надъ усиліями грузинъ: отпряженные черные буйволы, толстокожія, почти безъ шерсти животныя, отъ жары забрались въ воду, и выжить ихъ оттуда дѣло мудреное, только голова и внизъ загнутые рога торчатъ изъ воды; вылѣзутъ, когда прозябнутъ, если не унесетъ быстрая Кура. Эта буйная рѣка при впаденіи Горнахъ, притока, никакъ не хотѣла дозволить устроить черезъ нее мостъ; какъ ни бились, сколько ни тратили усилій и денегъ—придетъ весна—моста какъ не бывало, сообщеніе прервано. Говорятъ, одинъ рядовой, изъ разжалованныхъ инженеровъ—разсѣкъ Гордіевъ узелъ, но прежде за идею выторговалъ себѣ у Воронцова прощеніе; рѣка, вырываясь изъ ущелій, дѣлаетъ крутой изгибъ всею силою воды ударяетъ въ непоколебимую основу горъ, и заворачивая за уголъ, теряетъ свою силу въ круговоротѣ; черезъ это мѣсто перекинули въ двѣ арка мостъ и онъ стоитъ и будетъ стоять; только объѣздъ версты въ двѣ, да что это за бѣда.

Я поздно въѣхалъ въ Тифлисъ; онъ въ горахъ и на горахъ расширяется, ползетъ все выше и выше; на поворотѣ дороги памятникъ: покойнаго императора понесли съ горы лошади прямо въ пропасть, на этомъ мѣстѣ онъ смѣло выпрыгнулъ изъ экипажа и этимъ себя спасъ. Самый городъ на ровной площади, строенія носятъ особый характеръ смѣсь азіатскаго съ европейскимъ, большею частью безъ крышъ, съ террасами, балконами, галлереями, причудливыми окнами; пестрота и разнообразіе, много новыхъ построекъ, казенныя строенія по формѣ. Вдоль главной улицы—бульваръ, вотъ первое впечатлѣніе, надо оглядѣться. Въ гостиницѣ цѣны московскія, чисто русскій поваръ; пили за общимъ столомъ за здоровье севастопольцевъ. Завтра являться по начальству, опять хлопотать о прогонахъ; не знаю, долго ли продержатъ. Толки, что Н. Н. Муравьевъ посланникомъ въ Вѣну, а на его мѣсто князь Барятинскій; не совсѣмъ ладно, онъ съ Хрулевымъ, говорятъ, не хорошъ.

Утро 8 мая по начальству; извозчики здѣсь 20 коп. конецъ, пролетка съ пристяжкой; послѣ обѣда ходилъ по городу, за Курой—предмѣстья, черезъ рѣку красивый мостъ; вообще городъ имѣетъ свою особенную физіономію, не похожъ съ виду на обычное устройство губернскихъ городовъ, самая мѣстность этому способствуетъ; параллельно главной улицѣ, прекрасно и разнообразно обстроенной, идетъ высокая почти отвѣсная гора; на половинѣ ея часовня, памятникъ Грибоѣдову, каменная лѣстница высѣчена въ утесѣ; много магазиновъ

русскихъ; хорошая книжная лавка, но однѣми книгами вѣрно торговля не выгодна, лавка дополняется разнымъ товаромъ. Торговля и въ рядахъ, а на площадяхъ въ рукахъ армянъ, они скопомъ подрываютъ русскую торговлю; этому помогаетъ своя особенность—учрежденіе въ родѣ ремесленныхъ цеховъ—ланкарствъ.

Это тѣ же цехи на торговлю, каждая отрасль, самая дробная, начиная отъ оптовой продажи хлѣба до корзинъ зелени—особыя ланкарства; староста учреждаетъ цѣны, и горе тому, 25 руб. штрафа, кто осмѣлится продать дешевле поставленной имъ таксы; иногда цѣны поднимаются до невѣроятія; Муравьевъ хотѣлъ уничтожить; поднялись въ цѣнѣ свѣчи, онъ назначилъ таксу,—всѣ свѣчныя лавки заперлись и городъ былъ безъ свѣчей; то же было съ сѣномъ, но когда принудили понизить цѣны на муку, армяне взбунтовались, перебили стекла и потребовались штыки. Захотѣлось испытать турецкія бани, весьма красивой архитектуры; первая комната это нашъ передбанникъ, съ трубками и кофеемъ; вамъ даютъ деревянные башмаки, полъ горячій, нагрѣвается съ низу, другая комната съ ванной, большая и нѣсколько маленькихъ; надъ большой комнатой, открытой съ боковъ, стеклянный куполъ; полки каменные и очень горячи, подстилаютъ тростниковую рогожку; парильщикъ набиваетъ въ пузырѣ мыло до пѣны и обдаетъ васъ горячей пылью; третъ суконкой, ладонями, ловко растираетъ и расправляетъ члены, дѣйствительно, возбуждается нѣга; окончивъ омовеніе, накидываютъ чистую простыню, и вы, стукая башмачками, возвращаетесь въ передбанникъ, гдѣ нельзя не полежать; трубки, кофей и бородобреи къ вашимъ услугамъ; за стѣной голоса женщинъ. Публичный садъ съ музыкой, уступами, густая зелень, но дурно содержанъ, общество русское, по преимуществу военное. Театра не было, я осмотрѣлъ зданіе; снаружи галлереи лавокъ, театръ внутри очень похожъ на малый московскій, но очень хорошо расположенъ и прекрасно росписанъ графомъ Толстымъ; акустика какъ нельзя лучше. Есть публичная библіотека, очень хорошая мѣстная газета „Кавказъ“; получаются петербургскія и московскія, а общество скучаетъ, никто не доволенъ.

12 мая меня отпустили и то потому, что надо было послать курьера съ депешами и деньгами въ дѣйствующій корпусъ. Поэтому я получилъ курьерскую подорожную и конвой. Привели отчаянную тройку бурыхъ; я въ Тифлисѣ кой-чего накупилъ, да казенные чемоданы—все это убѣдило меня, что неудобно на перекладныхъ имѣть много вещей, сидишь на торчкѣ и толчекъ можетъ скинуть съ телѣги. У таможенной заставы—казачій постъ; вмѣсто 12 конвойныхъ, мнѣ дали 7. Я выбрался часовъ въ 5-ть; за городомъ весьма дурная дорога на полу-горѣ, по берегу рѣки, а лошади такъ и рвутъ, русскій

ямщикъ насилу держитъ; заворотили направо и понеслись по ровному скату внизъ.

Казаки стали оттягивать, пропадать и къ слѣдующей станціи со мной пріѣхали двое; тутъ мнѣ дали 4-хъ, которыхъ я потерялъ на полдорогѣ, а на слѣдующемъ посту—ни одного; всѣ оказались въ лихорадкѣ; а ночь—темная, урядникъ высказалъ такое убѣжденіе, что въ случаѣ нападенія шайки—два или три казака не помогутъ, а если встрѣтится одинъ или два черкеса, они не нападутъ и на одного проѣзжаго; „вѣрно у него пистолетъ есть, ѣдетъ одинъ, должно быть взять нечего", а конвой изобличитъ, что есть что-нибудь, коли охраняютъ",—я разсудилъ, что это логично, и поѣхалъ одинъ, депеши задерживать было нельзя. Всю ночь мы ѣхали долинами, темнота страшная—только бѣлѣется полоска дороги, а звѣзды не даютъ свѣту, да тутъ еще заволокло, кое-гдѣ слышны звуки жизни, блеянье стадъ, а ничего не видно, рѣдко попадется всадникъ. Къ разсвѣту я въѣхалъ въ горы, это второй Кавказскій хребетъ, но ничего нѣтъ похожаго на первый: холмистыя горы одѣты роскошною зеленью, лѣсовъ мало, долины обработаны, вездѣ система орошеній изъ горъ по желобамъ, водопады, быстрыя рѣчки чудной воды; природа сильная и веселая. Это ужъ Арменія! дорога хороша, казачьи посты и пикеты черезъ нѣсколько верстъ.

Живописная дорога оживляется таборами горцевъ; жары ужъ высушили долины, они переселяются со всѣмъ имуществомъ и стадами въ горы; и богатые, и бѣдные—они бросаютъ свои земляпки на лѣто и перекочевываютъ на высоты. Впереди гонятъ стада барановъ, лошаковъ, воловъ, буйволовъ, коней; всѣ навьючены, кромѣ лошадей, это въ ихъ обычаяхъ, благородное животное достойно только возить человѣка. Тюки, ковры, полотна—все на вьюнахъ, даже на телятахъ—иногда люлька съ ребенкомъ, на лошачкѣ пѣтухъ съ супругой или слабый ягненокъ; сзади женщины въ красныхъ шароварахъ, яркомъ тюникѣ; голова повязана платкомъ, на шеѣ до носу—платокъ, такъ что видно только черные глаза, тоненькій носъ и иногда какъ смоль черные волосы, лицо бронзовое. Богатыя верхомъ, по-мужски, бѣдныя и рабы—пѣхтурой. На хвостѣ каравана гарцуютъ вооруженные, статные красавцы-всадники, нарядная одежда, драгоцѣнное оружіе, щегольская сбруя—все это выставлено на показъ; сѣдобородый старикъ важно ѣдетъ въ серединѣ, на лучшемъ конѣ. Перекочевка—праздникъ, а мнѣ это представилось чѣмъ-то древнимъ, патріархальнымъ; это было при обстановкѣ живописной природы,—что-то эффектно театральное.

Передъ вечеромъ я выѣхалъ изъ горъ въ Александропольскую долину, кругомъ живописныя горы, плоскость верстъ 30; вдали видна

одинокая вершина Арарата, другая обрушилась и погребла нѣсколько армянскихъ деревень, курды налетѣли поживиться и тоже поплатились жизнью; городъ Гумри (Александрополь) на концѣ долины, подъ нимъ Араксъ; на скалистомъ берегу крѣпость, съ этой стороны неприступная; отъ города подходъ тоже невозможенъ; долина имѣетъ вулканическую почву, болѣе 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря, покрыта небольшимъ слоемъ земли, стало быть траншей вести нельзя, одинъ только холмъ въ уровень съ крѣпостью и не знаю, почему на немъ нѣтъ редута; за Аркасомъ уже турецкая Арменія, Карскій пашалыкъ, еще занятый нашими. Подъѣзжая къ Александрополю, подумалось, что городъ сгорѣлъ, онъ безъ крышъ—съ террасами, торчатъ трубы точно послѣ пожара; дома одноэтажные сложены узорами изъ разноцвѣтнаго камня дикаго, бѣлаго, краснаго цвѣта; городъ, говорятъ, очень обстроился во время войны; кругомъ виднѣются лагери и самъ городъ похожъ на лагерь, все на военную ногу. Въ 20 часовъ я сдѣлалъ слишкомъ 270 верстъ по гористой дорогѣ и пріѣхалъ безъ конвоя; Хрулевъ встрѣтилъ меня дружески, но на первыхъ же порахъ распекъ, какъ я осмѣлился ночью съ депешами и деньгами ѣхать безъ конвоя, у меня и оружія-то, кромѣ хоть и хорошей, но форменной сабли, ничего не было; въ квартирѣ генерала въ Александрополѣ былъ главный штабъ, мнѣ уже была приготовлена комната, я забрался и славно выспался.

Три недѣли я почти не раздѣвался и спалъ только въ Ставрополѣ, Кайшаурѣ и Тифлисѣ, т. е. разъ въ недѣлю. Если выключить остановки въ этихъ городахъ, то я въ 12 дней сдѣлалъ 2.000 верстъ на курьерскихъ!

Представленіе по начальству. Генералъ меня спросилъ, отчего я долго не ѣхалъ, что я ему нуженъ, на первыхъ порахъ заставилъ разобрать весьма щекотливое дѣло; денежный разсчетъ, за арбную перевозку хлѣба; оказалось—докладъ не вѣренъ; генералъ по своей прямотѣ—поставилъ меня сразу въ враждебное положеніе съ генераломъ Ольшевскимъ, начальникомъ штаба, сказалъ ему въ глаза: „что вы за галиматью мнѣ напороли? вонъ онъ дѣло-то иначе разобралъ“. Говорили, что это дѣлалось изъ-за трехъ тысячъ рублей; подрядчикъ Тапровъ не далъ, такъ хотѣли запутать и задержать выдачу 150.000 р.

Ѣздили объѣзжать лагери. Генералъ вездѣ пробовалъ пищу не изъ образцовой чаши, а изъ котла, съ самаго дна, такъ, правда, и любятъ же за это солдатики своего Хрулева; поѣздка кончилась неблагополучно для меня, лошадь меня занесла, я потерялъ стремена и соскочилъ, генералъ расхохотался; виною оказались шпоры, казацкія лошади ихъ не знаютъ—нѣтъ, не быть мнѣ джигитомъ! Генералъ

это очень хорошо понималъ и засадилъ меня за перо. Завѣтная, любимая мысль Хрулева была походъ въ Индію, завоеваніе Средней Азіи; изучивъ проектъ Наполеона Перваго, онъ вычиталъ все, что только могъ найти объ этомъ предметѣ, съ нимъ повсюду ѣздила цѣлая библіотека, а топографы, по его указанію, постоянно чертили карты, писались маршруты.

Передъ началомъ восточной войны онъ подавалъ полный проектъ похода въ Гератъ, чтобъ поднять афганцевъ и возмутить всю Индію, онъ просилъ 30.000 войска, это отвлекло бы и ослабило Англію и могло измѣнить всѣ замыслы Наполеона III; эти проекты еще въ Севастополѣ онъ читалъ капитану Черняеву, цѣня его мнѣніе. Ему отказали. Онъ повторилъ представленіе Александру II, поздно, былъ заключенъ миръ; теперь въ бездѣйствіи за Кавказомъ не оставляя задней мысли,—онъ хотѣлъ представить проектъ—мирными путями, слѣдуя примѣру Англіи, завладѣть ханствами Средней Азіи, черезъ торговлю, укрѣпленными факторіями; на меня возложенъ былъ этотъ трудъ; многому надо было учиться, много надо было читать; я былъ доволенъ, бивачныя забавы юныхъ офицеровъ, карты и кутежи—не могли мнѣ доставить удовольствія. Было получено свѣдѣніе, что Муравьевъ смѣненъ и назначенъ князь Барятинскій; генералъ сталъ писать проектъ окончательной и рѣшительной войны съ черкесами, многія статьи я редактировалъ; въ такомъ разнообразномъ трудѣ проводилъ я время далеко отъ родины, отъ всего, что было дорого сердцу. Вѣкъ живи, вѣкъ учись... мои столы завалены книгами, картами, вездѣ разбросаны выписки, замѣтки—повторяю географію Азіи и Индіи, составляю военно-дипломатическія ноты, изучаю край, обычаи, чуть не языки, генералъ торопитъ; спасибо ему—далъ пищу уму, а онъ давно не работалъ, я такъ освоился съ проектами Хрулева, что ужъ они и мнѣ не кажутся хитрыми; а все прежде дальняго интереснаго путешествія по Азіи хотѣлось бы отдохнуть въ Европѣ—отогрѣться въ семьѣ! жадно ждемъ извѣстія объ исполненіи мирнаго договора, гдѣ-то проведешь зиму, куда опять кинетъ прихотливая судьба.

Много интереснаго случилось въ это время, не успѣлъ даже накидать воспоминаній. Пріѣзжалъ флигель-адъютантъ Рылѣевъ, и мы ѣздили до границъ нашихъ временныхъ владѣній. Я былъ въ Карсѣ; безобразный, мрачный городъ на полугорѣ, обнесенъ прямыми стѣнами—вродѣ древнихъ русскихъ, цитадель (на половину взорванная) въ серединѣ; это крѣпость только по названію, безъ всякой системы обороны; три высоты ею командуютъ. Но англичане (Вилліамсъ) укрѣпили Карсъ такъ же, какъ мы укрѣпили подъ носомъ у французовъ Севастополь; на горахъ построили редуты, съ открытой стороны—зе-

мляныя обширныя укрѣпленія, по новой системѣ; ихъ-то и штурмовалъ Муравьевъ, они-то намъ и стоили десяти тысячъ жизней. Теперь они повреждены весенней водой, часть цитадели въ развалинахъ; англичане подбиваютъ турокъ требовать за это милліоны вознагражденія; они забыли, что такъ же во время перемирія взорвали севастопольскіе доки! и какъ взорвали, поправить нельзя. О взрывѣ Карса по газетамъ идетъ уже дипломатическая переписка у Валевскаго съ Горчаковымъ.

Край разоренъ войною, да и безъ того это умершій край, Арменія не воскреснетъ, народъ нравственно упалъ—это восточные евреи. Архитектуры нѣтъ никакой, дома съ безобразными пристройками и надстройками, улицы—грязныя, узкій лабиринтъ, ходятъ въ гости по крышамъ; вонючіе, открытые базары, отлично вооруженные азіатцы, женщины подъ простынями-чадрами, безъ чадръ только отвратительныя старухи, безъ покрывалъ вѣдьмы, борода касается носу, макбетовскія вѣдьмы, да все это тысячу разъ описано, извѣстно. Карскій губернаторъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ, образованный, умный, хитрый армянинъ, принялъ насъ и угостилъ на сколько могъ лучше. Оттуда осмотрѣли Араратъ, было два пика, одинъ разрушенъ недавно землетрясеніемъ; и ничего особеннаго, восхожденіе насъ не заманило, гораздо были интереснѣе развалины древней армянской столицы Вани или Ани; ѣздили съ сильнымъ конвоемъ; тамъ обитаютъ дикіе татары и великолѣпныя кошки-ангора; тоже дикія, но скоро дѣлаются совершенно ручными, татарята за абазъ дерутся съ кошками и отбиваютъ у нихъ котятъ; городъ разрушенный говорятъ землетрясеніемъ, обширенъ и большою частью уже заросъ землею, но стоятъ обломки стѣнъ, сводовъ, валяются колонны, архитравы; кое-гдѣ на смѣлыхъ сводахъ, на обломкахъ стѣнъ уцѣлѣли фрески, христіанскіе образа; архитектурныя украшенія, капители колоннъ высѣчены изъ камня; кусокъ такой древней работы Рылѣевъ взялъ съ собой. Великолѣпенъ, но грустенъ этотъ остатокъ города, обращающійся въ безобразныя груды. Такія мѣста всегда имѣютъ много легендъ; вотъ одна, которую проводники разсказали на мѣстѣ.

Армянинъ влюбился въ турчанку. Преступленіе! похитилъ ее изъ гарема и увезъ въ развалины! второе преступленіе; черезъ нѣсколько дней голодъ заставилъ его идти искать пищи въ ближнихъ селеніяхъ; возлюбленная осталась беззащитною въ пещерѣ; туда приползаетъ удавъ, обхватываетъ свою жертву и начинаетъ втягивать въ себя—съ ногъ! напрасно защищается несчастная, тѣло ея измято и въ гортани чудовища, распростертыя руки препятствуютъ только проглотить голову! Въ эту минуту возвращается любовникъ! онъ остолбенѣлъ отъ ужаса! „Спаси меня!“ кричитъ она. У него повисли руки, кин-

жалъ, шашка остаются въ ножнахъ! „Я слабѣю“... стонетъ она. Онъ не смѣетъ. „Трусъ!“ кричитъ она, „будь же ты женщиной!“—срываетъ съ себя повязку и опускаетъ руки: ея не стало! Пораженный армянинъ надѣваетъ женскую повязку на себя и не можетъ уже ее снять: она приросла, до смерти обреченъ носить ее. Старики говорятъ, что его помнятъ.

Мы на стѣнѣ, подъ именемъ Вилльямса записали свои имена; поспѣшили до ночи выѣхать изъ степи, не насытились зрѣлищемъ этихъ памятниковъ, а оно стоило бы внимательнаго разслѣдованія, скоро они вовсе исчезнутъ.

По возвращеніи въ Александрополь, мнѣ пришлось не спать и слѣдующую ночь; Рылѣевъ торопился въ Петербургъ и упросилъ меня редактировать осмотръ по дорогѣ изъ Россіи рекрутскихъ партій, возложенный на него государемъ.

6 іюня памятный намъ севастопольцамъ день (всѣ адъютанты Хрулева были севастопольцы: Самаринъ, Сикорскій, Владыкинъ); это день торжества, день славы Хрулева, мы отбили штурмъ. Годовщину этого дня мы хотѣли отпраздновать семейно и сюрпризомъ для генерала; но насъ не допустили—намъ всѣмъ задали военный праздникъ!

Праздникъ удался и имѣлъ общій характеръ лагерныхъ праздниковъ; я написалъ наскоро двѣ солдатскія пѣсни, одна очень понравилась князю Бебутову и осталась въ полковомъ репертуарѣ, но настоящимъ сюрпризомъ для Хрулева былъ финалъ; на мѣстности схожей съ батареей Жерве, съ фейерверкомъ и пальбой—была представлена знаменитая сцена отбитія штурма сѣвцами: „благодѣтели земной“. Генерала на бѣлой лошади въ папахѣ разыгралъ Сикорскій, участникъ дѣйствительной сцены! Съѣдено и выпито много, были танцы писарей, Богъ знаетъ съ кѣмъ и солдатскій театръ въ костюмахъ по всѣмъ извѣстной программѣ. Хорошо бы изслѣдовать, какъ попали эти сцены въ репертуаръ солдатъ, эти безсмыслицы переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и исполняются съ удивительнымъ однообразіемъ. Надо бы написать что-нибудь подходящее—посмысленнѣе.

Я въ сельцѣ Никитинѣ, подумаешь подъ Москвой въ Россіи, великорусскія избы, мужики, жизнь, вся обстановка, обычаи, это деревня молокановъ, ихъ на Кавказѣ не мало.

Пріѣзжалъ къ Хрулеву Назаровъ, эриванскій губернаторъ, и упросилъ генерала пріѣхать къ нему крестить верстъ за 200, на дачу (изъ Эривани во время жаровъ всѣ выѣзжаютъ), и вотъ генералъ, докторъ Владыкинъ и я—ѣдемъ въ Эривань въ тарантасѣ; отъѣхали 80 верстъ и застряли. Дорогой я разговорился съ докторомъ объ от-

личной мѣстности близъ Никитина (Ганзичиманъ), гдѣ всѣ красоты природы и три разные минеральные источника; докторъ сказалъ, что воды были бы полезны генералу послѣ лихорадки. Хрулевъ ругнулъ меня, зачѣмъ я раньше не сказалъ; у него сказано—сдѣлано; осмотрѣли, понравилось, домикъ инженерный есть: воротитесь въ Александрополь и переведите сюда штабъ лагеремъ! Я возразилъ, что главную квартиру безъ позволенія Муравьева передвинуть нельзя; онъ разсердился, однако, велѣлъ написать и послать письмо къ Муравьеву, а между тѣмъ все-таки перевести его личный штабъ и часть писарей! Генералъ ускакалъ въ Эривань, я отправилъ гонца въ Тифлисъ и пью чай у коммиссіонера. Жена и свояченица дежурнаго штабъ-офицера Девеля, честнѣйшаго датчанина, ѣдутъ въ Гумри и берутъ меня съ собой.

Хрулевъ любилъ, чтобъ все исполнялось быстро, я умѣлъ ему угождать; въ тотъ же вечеръ весь багажъ генеральскій и нашъ, писаря и лазаретныя палатки, все уложено на арбы, въ тарантасѣ адъютанты и таинственная Вѣра, крещеная жидовочка, и все это къ утру ужъ было на пути въ Ганзичиманъ, я остался для окончательныхъ распоряженій.

Утромъ, когда я пилъ у Девеля чай, Девель мнѣ сказалъ, что я напрасно тружусь, генералу нельзя уѣхать! Почему? Развѣ Ольшевскій ничего не говорилъ? нѣтъ. Получено предписаніе Муравьева сдать 18 іюня Карсъ и завоеванныя области туркамъ и отступить въ наши границы! Я удивился, молчаніе Ольшевскаго было болѣе чѣмъ странно, пользуясь отсутствіемъ Хрулева, онъ, очевидно, хотѣлъ ему повредить!... Входитъ онъ, на мой вопросъ отвѣчаетъ: „да, я ужъ написалъ муширу и Лорисъ-Меликову!“ Я обомлѣлъ—Ольшевскій написалъ муширу, генералъ-маіору муширу, да вѣдь муширъ главнокомандующій всѣми войсками, намѣстникъ Анатоліи, да вѣдь онъ сочтетъ это за оскорбленіе; при спорѣ о взрывѣ Карса это предлогъ къ новой войнѣ! „Какъ же вы не дали знать генералу? позвольте прочесть!“—„Возьмите въ канцеляріи“. Я побѣжалъ въ штабъ, прочелъ бумаги и поскакалъ на курьерскихъ къ генералу; обозъ остановилъ на второй станціи и въ Никитовкѣ заѣхалъ къ коммиссіонеру выпить чаю. До Эривани по шоссе 150 верстъ, прямо черезъ горы 30, но опасно; въ эту минуту я получилъ отвѣтъ изъ Тифлиса; отказъ и выговоръ; по совѣту коммиссіонера, я написалъ письмо Хрулеву, вложилъ всѣ бумаги и отправилъ гонца, черезъ горы, съ конвоемъ, а самъ остался ночевать; уже вечерѣло.

На разсвѣтѣ отправилась Вѣра въ тарантасѣ; а въ 5-мъ часу, когда мы пили чай, одинъ съ казакомъ, въ ночь черезъ горы пріѣхалъ верхомъ Хрулевъ! „Скорѣе лошадей, въ Александрополь!“

тарантасъ пригодился, генералъ едва согласился выпить чаю, такъ онъ былъ взволнованъ. Мы поскакали, дорогой порѣшили написать муравьеву, что сдать Карсъ и области меджису, какъ онъ писалъ, нельзя, поелику меджисъ—ратуша, городская дума не болѣе и что съ муширомъ надо обойтись учтивѣе и осторожнѣе. Прискакали въ Александрополь, весь вечеръ писали бумаги и въ часъ ночи отправили курьеромъ Сикорскаго въ Тифлисъ. Съ Ольшевскимъ генералъ не хотѣлъ говорить.

Когда кончили, генералъ приказалъ мнѣ все приготовить къ поѣздкѣ въ Карсъ и черезъ два часа его разбудить; вотъ те и отдыхъ! До Карса 70 верстъ, степью, дорога исправлена, русскія почтовыя станціи. Лорисъ-Меликовъ встрѣтилъ насъ возгласомъ: „за что вы меня, ваше превосходительство, въ солдаты ведете, какъ я сдамъ меджису провинціи, запасы! Муширъ Измаилъ-паша взбунтуется, мы погибли!“ онъ подалъ рапортъ, генералъ улыбнулся и далъ ему черновое донесеніе Муравьеву, обѣ бумаги были совершенно тождественны.

По совѣту Лориса было рѣшено написать муширу льстивое письмо, испрашивать его распоряженія и форменное отношеніе Ольшевскаго объяснить ошибкой. Фигурное, въ арабскомъ стилѣ письмо сочинено, переведено и переписано по-турецки. Письмо послалъ съ нарочнымъ; избрали меня; какъ я ни радъ былъ проѣхаться въ Арзерумъ, но боялся взять на себя такое щекотливое порученіе, не зная вовсе турецкаго языка и обычаевъ; мнѣ назначили переводчика, дипломатическаго агента, свиту и приказали со свѣтомъ выѣхать; Лорисъ, опасаясь, чтобъ муширъ не послалъ жалобы въ Константинополь, призвалъ мудира (исправника) и приказалъ распорядиться, чтобъ для посольства къ муширу были заготовлены почтовыя лошади. Онъ зналъ, что мудиръ донесетъ въ Арзерумъ, что ѣдетъ посланный.

Однако, вывѣдавъ, что Лорисъ самъ желаетъ ѣхать, какъ лично заинтересованный—я это уладилъ, и онъ собрался съ нами, я отошелъ на второй планъ, но на мнѣ лежала дипломатическая сторона, т. е. прекращеніе распри за Карсъ, угрожавшей Россіи такимъ же унизительнымъ принужденіемъ, какъ отдача Змѣинаго острова и Бѣлграда; турки требовали милліоны за взрывъ Карса, за вырубку лѣсовъ, за сборъ податей, да хотѣли перенести границу подъ самый Александрополь, а это значило отрѣзать нѣсколько селеній, похерить значеніе крѣпости. Дѣло не шуточное; мы изъ газетъ знали, что англичане и французы на ихъ сторонѣ.

Съ восходомъ солнца 17 іюля ямскія тройки были готовы; сорокъ верстъ на почтовыхъ, а тамъ путешествіе верхомъ. Въ турецкой Арменіи и во всей Малой Азіи нѣтъ колесной ѣзды; мѣстность позво-

ляла бы устроить дороги, да видно вѣковой обычай не сшибешь; почты, чиновники—совершаютъ свои переѣзды верхомъ; товары, сельскія произведенія перевозятся на вьюкахъ; двухъ-колесныя арбы—только для домашняго обихода; въ нихъ впрягаются неповоротливые буйволы или волы, очень мелкой породы; ихъ рано пускаютъ въ работу, 2-хъ-лѣтокъ, а скотъ и безъ того мелокъ; для казенныхъ перевозокъ—тоже почтовыя лошади, несчастнѣе нашихъ; у насъ ямщикъ хоть кормъ даетъ своимъ кормильцамъ, а у армянъ—питайся подножнымъ кормомъ. Для насъ Мудиръ-Мадатъ-Бекъ поѣхалъ заготовлять лошадей; надо было поспѣшить въ Арзерумъ, да и любопытно было въ главномъ городѣ Малой Азіи, въ центрѣ полюбоваться восточною роскошью азіятцевъ; преданія, путешествія, газеты даже, столько накричали объ этой роскоши.

Видны часто развалины, кромѣ Вани, армяне говорятъ, что здѣсь когда-то царствовало христіанство, процвѣтало искусство; обвалившаяся бѣлая стѣна, среди поля, дополните по грудамъ очертаніе, и вы убѣдитесь, что армяне говорятъ правду: когда-то здѣсь кипѣла жизнь. Теперь только печальные армянскіе турецкіе аулы красуются на низменныхъ мѣстахъ, подъ скатами; умершая страна, не воскреснуть ей. Эти аулы полуземлянки, крыша—земляная насыпь, едва замѣтенъ каменный входъ. А тутъ еще прошла война, покинутые жителями аулы въ развалинахъ; не по чувству мести и жажды опустошенія—разорены, по необходимости, горькая необходимость! лѣсу нѣтъ, жгли постройки мирнаго народа. Жители укрылись въ горы, бросили поля и только привлеченные русскою обходительностью—начинаютъ возвращаться, а все недовѣрчиво. Безъ нихъ хозяйничали башибузуки. Неживописенъ край, ни кусточка, ни дерева, поля необработаны, трава выжжена солнцемъ, жилища разорены и пусты, а небо темно-синее все облито жгучимъ солнцемъ, вдали кайма горъ, надъ ними величаво поднимается одинокая вершина Арарата; изъ-подъ колесъ пыль, сверху жара, душно, грустно; но вотъ жилая турецкая деревня, тамъ насъ ожидаетъ Мадатъ-Бекъ. Землянки въ безпорядкѣ раскиданы по полугорѣ, легче рыть и всѣ обращены выходами къ фонтану, попросту къ богатому водой ключу, грубо обложенному камнями. Люди оживили природу, внизу зеленѣется влажный лугъ, по немъ вилась дорожка и исчезала въ горахъ, одѣтыхъ лѣсомъ.

Мѣстные жители въ азіатскихъ одеждахъ грязны и оборваны, а Мадатъ-Бекъ уже претендуетъ на европеизмъ, онъ въ однобортномъ сюртукѣ, съ золотыми погонами, кабы не феска, и не узнать бы, что турокъ. Около ключа камни накрыли коврами, навѣсили пологъ, приготовили опрятный завтракъ или по-ихнему обѣдъ.

Турки обѣдаютъ послѣ заката солнца и всякій день ставятъ

стрѣлку часовъ, у кого они есть, на 5 часовъ, на нуль и отъ него считаютъ 24 часа; они не сознаютъ, что солнце измѣняетъ періодически время восхода и заката; въ полдень они завтракаютъ, но какъ кушанье одно и то же, то и выходитъ, что въ полдень они обѣдаютъ, а вечеромъ ужинаютъ; мы такъ неожиданно и поспѣшно выѣхали, что почти ничѣмъ не запаслись. Пыль насъ заставила вымыться, это соблюденіе ихъ обычая, видимо, понравилось правовѣрнымъ; въ этомъ климатѣ частыя омовенія—необходимость, Магометъ это зналъ и поставилъ обязательнымъ закономъ. Когда мы усѣлись на коврахъ, намъ подали крѣпкій, вкусный кофе въ маленькихъ, фарфоровыхъ чашечкахъ, съ мѣдными рюмками вмѣсто блюдечекъ, потомъ принесли огромный круглый подносъ, на немъ въ серединѣ грудой лежали чуреки; лепешки или блины прѣсные, безъ масла, это ихъ хлѣбъ; печей нѣтъ, жарятъ тѣсто на сковородкѣ; вокругъ на тарелочкахъ—разложены яичницы, овечій сыръ; жареная баранина, пловъ, катышки изъ фаршу, все это страшно приправлено корицей и перцемъ; не знаю, откуда услужливый Мадатъ-Бекъ досталъ для насъ ложки, и мы усердно опустошали подносъ; опять явился кофе; съ нами было кахетинское, выпили по стакану и затянули трубки; солнце было высоко, а намъ до ночлега 10 фарсинговъ (около 60 верстъ), лошади готовы, на копя, да въ путь.

Но какіе кони! измученные, мелкіе! чтобъ опротивила верховая ѣзда—надо проскакать 60 верстъ, на турецкомъ ободранномъ сѣдлѣ съ высокимъ арчакомъ, безъ подушки; на короткихъ стременахъ, такъ что колѣнки подъ носомъ; стремена широкія, загнутые углы замѣняютъ шпоры; бѣдные огневые турецкіе кони забыли ужъ всю энергію породы, изорванная уздечка достаточна, чтобъ ихъ сдерживать. Мучительно, а надо ѣхать на рысяхъ, иначе захватитъ ночь и можно наткнуться на курдовъ. Хоть насъ человѣкъ 15 и турецкій чиновникъ, да за него-то перваго и возьмутся курды. Переваливъ черезъ горы, мы спустились въ долину и поѣхали цѣликомъ, трава высокая и густая, усталыя лошади едва пробираются, хватаютъ и жрутъ верхушки, но вотъ долина съуживается, ущелье, тропинка около рѣчки, довольно густой сосновый лѣсъ, яркозеленый кустарникъ, ключи превосходной воды, но вода разжигаетъ только жажду; мы опять подымаемся въ гору, все круче и круче, сучья хлещутъ по лицу, но вотъ мы взобрались на вершину, дичь, пустыня—только щебечутъ всемірные воробьи, да безпощадно кусаютъ мухи. По горной тропинкѣ — караванъ растянулся, надо было дождаться вьюковъ, рады были растянуться на травѣ, такъ насъ разбило, а еще половина пути.

Какъ мы не поспѣшали, а все-таки запоздали, сумерекъ почти не

было; настигла ночь; блеснули огоньки, мы обрадовались, но лошади не прибавили шагу.

Онѣ знали, что это еще не станція, стоялъ какой-то караванъ; потирая колѣна, мы во тьмѣ отправились далѣе, боль въ колѣнахъ стала нестерпима, мы ѣхали по какому-то обрыву, внизу бурлила рѣка, ни зги не видно. Наконецъ-то, послышался дальній говоръ, лай собакъ, ревъ скота, замелькали огоньки. Большой турецкій аулъ Караурчай. Не безъ труда отыскали мы въ лабиринтѣ земляпки, назначенныя для ночлега Мадитъ-Бекомъ. Какая-то конюшня—со стойлами—сажени въ четыре, накидана солома, покрыта коврами; еще такая же комната, а за ними обширное подземелье для скота, съ отдушинами въ крышѣ; на эту ночь мы были вѣрными стражниками хозяйскихъ буйволовъ, лошаковъ, ословъ, овецъ; ихъ вывести надо было черезъ насъ; вѣтеръ дулъ, еслибъ пошелъ дождь—навѣрное, насъ бы промочило, прибавьте къ этому сырость, вонь, насѣкомыхъ; пріятный ночлегъ, но усталость брала свое, и, напившись чаю, мы стали засыпать. Вдругъ въ тишинѣ раздались стоны, кого-то душатъ; мы всѣ вскочили, потребовали хозяина, оказалось, что возлѣ насъ оканчивалъ жизнь престарѣлый оселъ, покончить насильно его жизнь запрещаетъ корапъ. Но этимъ не кончилось, его вопли заманили волка, волкъ провалился въ отверстіе и переполошилъ все населеніе скотскаго двора, всѣхъ собакъ, а всѣмъ извѣстно, сколько ихъ въ турецкихъ деревняхъ. Почуявъ волка, онѣ съ воемъ и лаемъ собрались надъ нашими головами; какой тутъ сонъ. Волкъ самъ ошалѣлъ, его убили, но мы спать не могли, напились чаю и пустились въ путь, лошади перемѣнныя, прогоны ничтожные, около полукопѣйки съ версты и лошади.

Мѣстность опять гористая, ни одного селенія, ни одного деревца, палящій зной, переѣздъ 6 фарсинговъ; мы не щадили ни себя, ни лошадей, чтобъ скорѣй подъ крышу.

Въ большой деревнѣ Зарсъ станція; мы были встрѣчены мудиромъ другаго уѣзда Гулейнъ-Бекъ, изъ черкесъ, но Мадитъ-Бекъ ѣхалъ съ нами въ Эрзерумъ. Помѣщикъ Зара Мардекъ пригласилъ насъ къ себѣ. Двухъ-этажный хорошенькій деревянный домикъ вокругъ галлерея съ навѣсомъ, весь испещренъ, разукрашенъ рѣзьбой, ярко отдѣляется отъ густой зелени; главная комната аршинъ въ семь, окружена низкими диванами, устлана коврами, отдѣлена вся рѣзьбой по дереву съ стеклушками и фольгою. Мѣстность живописна, вокругъ дома садъ, но растительность для юга бѣдна. Вездѣ высокіе столбы—съ гнѣздами аистовъ; у турокъ повѣрье, что они приносятъ счастье ихъ хозяину; ихъ не трогаютъ, берегутъ, нарочно столбы ставятъ, какъ у насъ ласточекъ; если судить по числу гнѣздъ—хозяинъ

долженъ быть очень счастливъ. Меня поразило равнодушіе жителей; если бы въ русскую деревню заѣхали турки—отъ мала до велика всѣ бы высыпали, а тутъ ни души не было видно, точно всѣ вымерли. Или они ужъ такъ загнаны, что не смѣютъ носа показать изъ своихъ подземелій. Радушный хозяинъ угостилъ насъ чаемъ, кофеемъ и полдникомъ изъ самыхъ разнообразныхъ яствъ и жирныхъ, и сладкихъ, и кислыхъ, съ неизбѣжными чуреками. Мы сидѣли на подушкахъ, вокругъ низенькаго круглаго стола, и одно длинное полотенце служило всѣмъ салфеткою.

Послѣ безконечнаго числа перемѣнъ кушанья, намъ подали умыться; право, это приличнѣе того, какъ у насъ подаютъ полоскать ротъ—ничего противнѣе быть не можетъ. Умывальники мѣдные, изящной формы, тазъ имѣетъ крышку съ дырочками, такъ что грязная вода стекаетъ и не брызгаетъ. Затѣмъ на трехъ-аршинныхъ чубукахъ стамбулки съ табакомъ и кофей; чубукчиръ подаетъ трубку и даетъ закуривать раскаленнымъ углемъ, а не свѣчкой или бумагой; чтобъ не портить ковровъ, подъ трубку подставляется мѣдный тазикъ. Или у нихъ деспотизмъ такъ великъ, что каждый шагъ слуги—заученъ или его вовсе нѣтъ; слуги почтительны, но нераболѣпны, свободно отвѣчаютъ, смотрятъ весело, неужели и это по приказу?

Дружественно поблагодаривъ хозяина, мы поѣхали далѣе, надо было поспѣть ночевать въ крѣпость Гасанъ-Кале, 10 или 12 фарсинговъ (60—70 верстъ). Однообразіе, пустынность—удлиняютъ дорогу; на пути намъ Медатъ-Бекъ указалъ ключи минеральной воды желѣзистой. Спускаясь съ горы, намъ обрисовались на свѣтломъ небѣ башни крѣпости, мы удивились, что скоро пріѣхали; оказалось, что еще верстъ 30, такъ обманчива была чистота вечерняго воздуха. Налѣво мы осмотрѣли слѣды укрѣпленнаго лагеря; тутъ стоялъ авангардомъ во время войны генералъ Сусловъ, который шелъ на Эрзерумъ, а требовалъ подкрѣпленій; еслибъ онъ взялъ Эрзерумъ, Карсъ сейчасъ бы сдался безъ штурма.

Съ закатомъ солнца насъ окуталъ туманъ и промочилъ насквозь; ощупью, поздно доѣхали мы до Гасанъ-Кале. Насъ порадовала внимательность мушира, у воротъ крѣпости насъ встрѣтило начальство съ факелами и отрекомендовался присланный для сопровожденія насъ офицеръ генеральнаго штаба, воспитанный въ Константинополѣ, Сулейманъ-Ефенди, молодой человѣкъ, изрядно образованный, говоритъ по-французски и даже по-нѣмецки, что у нихъ рѣдко. Между нами планъ дѣйствія былъ составленъ, роли розданы, представителемъ былъ Лорисъ-Меликовъ; я сошелся съ Сулейманомъ. Ночуемъ у мудира Мустафы-Бека, грубаго бородача. Роскоши далеко не видно, лѣстницы какъ на чердакъ, полы такъ и пляшутъ, насквозь внизу видны ко-

нюшни, стѣны выбѣлены известкой, сальные диваны. Едва мы разобрались, какъ намъ сдѣлалъ визитъ Али-Паша, комендантъ крѣпости и бригадный командиръ; онъ откровенно разсказывалъ, что Суслову вовсе не нужно было подкрѣпленій; Али стоялъ противъ него съ двумя батальонами и баши-бузуками; двинься Сусловъ, и онъ бы сошелъ съ дороги, но Суслова испугала гора, которую завтра увидимъ, а отъ него узналъ, что стоило оставить половину отряда у крѣпости, а съ другою съ развернутыми знаменами идти въ Эрзерумъ боковою долиною, всего верстъ 20 лишнихъ, чтобъ занять Эрзерумъ: въ немъ одинъ баталіонъ. Возьми Сусловъ Эрзерумъ, сообщенія Карса прерваны, турки бы сложили оружіе и 10 тысячъ русскихъ не погибли бы подъ Карсомъ. Намъ постлали на диванахъ мягкіе пуховики, дали по два пышныхъ стеганыхъ одѣяла, одно вмѣсто простыни, другое для покрышки. Утромъ вѣжливость требовала отдать визитъ коменданту, это насъ задержало. Крѣпость Гасанъ-Кале много ничтожнѣе Карса, и турки ей не даютъ значенія; неправильныя, полуразваленныя стѣны съ башнями—стоятъ на полугорѣ, заднія высоты ими командуютъ; впереди широкая равнина, перерѣзанная рѣкой; въ крѣпости улицы такъ узки и неправильны, что всякое движеніе войскъ и артиллеріи невозможно. Эта крѣпость по преданію временъ Саладина. Бездна аистовъ, впрочемъ, мѣстоположеніе крѣпости, съ свѣтлымъ небомъ, зелеными горами—для рисунка живописно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Студенческія волненія въ Московскомъ университетѣ въ 1887 году.

Никогда еще студенческія волненія не привлекали къ себѣ въ такой степени вниманія нашего общества и администраціи, какъ это наблюдается теперь. Никогда еще наши высшія учебныя заведенія не переживали столь тяжелаго кризиса, какъ въ настоящій моментъ. Дѣйствительно, высшее образованіе въ Россіи теперь совершенно прервалось, и никому не извѣстно, долго ли будетъ продолжаться этотъ перерывъ.

Прекращеніе высшаго образованія является громаднымъ несчастіемъ для страны, въ особенности теперь для изстрадавшейся и безъ того Россіи, которую тяготитъ война и которой угрожаетъ грозная эпидемія холеры. Нужны дѣятели, нужны борцы въ усиленномъ противъ обыкновеннаго составѣ, а ихъ кадръ не только не увеличился обычнымъ ежегоднымъ притокомъ, но и не пополнился вмѣсто выбывшихъ членовъ его.

Кто же виновникъ этого несчастія?... Неужели виновата въ этомъ симпатичная, всегда отзывчивая ко всему доброму учащаяся молодежь, добровольно прекратившая занятія или, какъ говорятъ „забастовавшая“?... Такое обвиненіе могутъ предъявить, по нашему мнѣнію, или безсовѣстные люди, или лица, не внимательно относящіяся къ условіямъ существованія нашего студенчества и потому самому не могущія понять, что данное явленіе есть явленіе естественное, стихійное. Къ сожалѣнію, общество подъ вліяніемъ гнета администраціи всегда относилось къ студенческимъ волненіямъ съ недостаточнымъ вниманіемъ и не считало нужнымъ разобраться въ нихъ. Администрація же смотрѣла на студенческія волненія, какъ на результатъ дѣятельности злонамѣренныхъ людей, почему въ своихъ дѣйствіяхъ по устраненію волненій стремилась не къ выясненію дѣйствительныхъ причинъ волненій, а къ розыску какихъ-то агитаторовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ удалить изъ университетовъ. Мнимые агитаторы и зачинщики всегда находились, ихъ изгоняли изъ университетовъ, тѣмъ временемъ жизнь въ послѣднихъ опять приходила

въ прежній, однако, не продолжительный порядокъ. Черезъ два—три года опять поднимались волненія, опять учинялись розыски, опять изгонялись жертвы административнаго произвола. Сколько такимъ образомъ погибло даровитыхъ лицъ, которыя могли бы быть очень полезными для страны, едва-ли кто въ состояніи перечесть. Этого, дѣйствительно, не возможно сдѣлать, хотя бы потому одному, что мы до сихъ поръ не имѣемъ подробныхъ описаній ни однихъ студенческихъ волненій, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ, составляемыхъ обычно съ извѣстной тенденціей. А между тѣмъ, очень возможно, что если бы къ студенческимъ волненіямъ относились болѣе внимательно, чѣмъ это дѣлалось, если бы на нихъ не смотрѣли, какъ на результатъ дѣйствія зловредныхъ лицъ, если бы въ каждыхъ волненіяхъ были бы выясняемы истинныя причины ихъ, наши высшія учебныя заведенія теперь, вѣроятно, не прервали бы своей дѣятельности.

Студенческія волненія 1887 года, собственно, назрѣвали уже съ 1885 года, т. е. со времени введенія въ университеты новаго устава 1884 года. Проводникомъ этого устава въ Москвѣ явился инспекторъ, теперь уже умершій, Брызгаловъ. Отъ его фамиліи данныя волненія называются „брызгаловскими“. Но это названіе волненій 1887 года даетъ совершенно не точную характеристику ихъ. Дѣло заключалось не въ Брызгаловѣ, а въ уставѣ 1884 года. Дѣйствительно, если бы причиною волненій студентовъ былъ бы Брызгаловъ, то волненія ограничились бы однимъ Московскимъ университетомъ, а они быстро распространились на всѣ университеты, значитъ, для всѣхъ нихъ была общая причина, и этою послѣднею былъ новый университетскій уставъ. Въ настоящее время хотя и считается, что въ университетахъ дѣйствуетъ уставъ 1884 года, но это не вполнѣ вѣрно, такъ какъ въ немъ съ теченіемъ времени сдѣлано много измѣненій и дополненій. Только студентамъ-восьмидесятникамъ приходилось на самихъ себѣ испытывать всѣ прелести устава 1884 года.

Въ моей памяти живо рисуются грандіозныя студенческія волненія 1887-го года въ Москвѣ, повлекшія за собою закрытіе всѣхъ русскихъ университетовъ, кромѣ Кіевскаго. Явленіе, безспорно, важное. А много ли объ этомъ говорилось въ печати?... да ровно ничего, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ. Впрочемъ, недавно въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за прошлый годъ напечатана объ этихъ волненіяхъ статья „князя Б. А. Щетинина“, подъ заглавіемъ „Первые шаги“. Однако, сообщаемыя г. Щетининымъ свѣдѣнія настолько противорѣчатъ дѣйствительности, что читающій „Первые шаги“ составитъ себѣ только извращенное представленіе о событіяхъ въ Московскомъ университетѣ въ 1887-мъ году. Тѣмъ болѣе,

что авторъ описываетъ эти событія, какъ бы очевидецъ (на что указываетъ, напр., описаніе говорящаго на сходкѣ ректора и др.); однако, если это такъ, то значитъ автору измѣнила память; если же нѣтъ,—то, слѣдовательно, авторъ сообщаетъ непровѣренные слухи. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ хотя бы на такіе факты: г. Щетининъ утверждаетъ, что на первой сходкѣ ректоръ Н. П. Боголѣповъ „невозмутимо спокойнымъ голосомъ, точь-въ-точь, какимъ онъ читалъ о римскихъ преторахъ и эдилахъ, сталъ убѣждать студентовъ разойтись, предупреждая и т. д... Его рѣчь была заглушена свистками и крикомъ, принудившими его удалиться". Все это съ перваго слова до послѣдняго не правда; ничего подобнаго не могло быть уже потому, что въ 1887-мъ году ректоромъ въ Московскомъ университетѣ былъ не покойный Н. П. Боголѣповъ, а филологъ Ивановъ, который вовсе не убѣждалъ студентовъ расходиться, не кричалъ на нихъ, и послѣдніе, въ свою очередь, обходились съ ректоромъ очень деликатно. Извращены г. Щетининымъ факты и объ арестѣ студентовъ, собравшихся на первую сходку: наоборотъ, здѣсь никто не былъ задержанъ. Вообще воспоминанія г-на Щетинина даютъ совершенно невѣрное представленіе о волненіяхъ студентовъ въ 1887-мъ году въ Москвѣ, о чемъ я считаю долгомъ заявить, чтобы предостеречь читателей.

Соотвѣтственно требованію этого устава студенты были подчинены строго разграниченнымъ двумъ властямъ: полицейской (инспекціи) и учебной (ректоръ, деканъ, профессора). При этомъ особеннымъ престижемъ пользовалась полицейская часть: она преслѣдовала студентовъ всюду: и на дому, и на улицахъ, и въ театрѣ, и въ лабораторіяхъ, и въ аудиторіяхъ; словомъ, студентъ не могъ дышать безъ университетской полиціи. Ближайшимъ полицейскимъ начальствомъ надъ студентомъ былъ педель, обычно невѣжественный человѣкъ. Много горя могъ сдѣлать и дѣлалъ этотъ агентъ университетской полиціи: отъ его отмѣтокъ зависѣло все: студента карали, наказывали, не зачитывали полугодій, сажали въ карцеръ, лишали стипендій и пособій и т. д., и т. д. Для избѣжанія этого нужно было каждому студенту вести себя подобающимъ—по воззрѣнію педеля-сыщика—образомъ. Молодая гордость студента съ этимъ, конечно, не мирилась и вотъ почва для недоразумѣній. Что касается учебной части по уставу 1884 года, то и она не могла удовлетворить студентовъ. Послѣдніе постоянно чувствовали, что профессоръ скованъ какою-то детальною программою; они чувствовали, что на лекціяхъ слышатъ не живую рѣчь, а какое-то казенное прочитываніе положеннаго. Въ своихъ занятіяхъ студентъ положительно растерывался; вмѣсто экзаменовъ явились какіе-то зачеты полугодій. Студентъ не могъ по-

нять (не понимали также и профессора), что требуется этими зачетами и что нужно для ихъ полученія. Это не экзаменъ, знаніе курса не требовалось, а требовалось что-то неопредѣленное; именно—доказательство, что студентъ занимался даннымъ предметомъ. Но въ чемъ могло выразиться доказательство прилежанія студента?.. Это понималось различно; одни профессора удовлетворялись посѣщаемостью студентами лекцій, для чего иногда пользовались отмѣтками педелей; другіе просили студентовъ писать рефераты; но это дѣлалось только для формы, такъ какъ сами же профессора, требовавшіе это, не считали писаніе рефератовъ серьезнымъ дѣломъ. Помню, напримѣръ, какъ покойный проф. Богдановъ просилъ студентовъ въ свои рефераты не списывать романовъ и повѣстей, но только относящееся къ зоологіи; иные профессора назначали семинаріи для рѣшенія тѣхъ или другихъ задачъ, при чемъ предоставили студентамъ полную свободу для переговоровъ, да иначе и нельзя было сдѣлать; иные дѣлали для зачета полугодій „перекличку“, производя ее сами или поручая своимъ помощникамъ и даже служителямъ; только немногіе основывали зачетъ полугодій на серьезныхъ данныхъ, но это они большею частью дѣлали и до введенія новаго университетскаго устава. Такъ прошло два года дѣйствія новаго устава. Первые результаты устава въ учебномъ отношеніи ясно сказались уже въ концѣ втораго. Въ этомъ году медики должны были сдавать экзаменъ за два года, такъ называемый полукурсовой или полулекарскій экзаменъ. Результаты экзаменовъ оказались весьма плачевными, знанія студентовъ явно пали; многіе студенты вовсе не сдали экзаменовъ. Явился трудный вопросъ, что дѣлать съ этими студентами? Оставлять ихъ на второй годъ уставъ не дозволяетъ, да и на какомъ курсѣ ихъ оставить? на первомъ или на второмъ, рѣшить было совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что зачеты полугодій у нихъ были сдѣланы; исключать изъ университета такихъ студентовъ тоже было нельзя, такъ какъ по уставу исключились изъ университета только тѣ студенты, у которыхъ не было зачтено подъ рядъ три полугодія. Въ Москвѣ придумали сдѣлать такихъ студентовъ „внѣ семестра“, предоставляя имъ въ теченіе 5-го семестра держать экзамены, по выдержаніи же ихъ, студентовъ опредѣляли, минуя 5-ый семестръ, прямо на 6-ой семестръ. Конечно, это было крайне неудобно въ учебномъ отношеніи. Вотъ съ какими обстоятельствами встрѣтились студенты благодаря новому уставу. Конечно, эти обстоятельства не могли дѣйствовать на студентовъ успокаивающимъ образомъ.

За послѣднее время рѣже стали говорить, что студенты должны только учиться и ни въ какомъ случаѣ не проявлять активности въ политикѣ, хотя бы послѣдняя касалась исключительно академической

жизни. Но ранѣе это были обычныя рѣчи, въ особенности въ періоды студенческаго возбужденія. Но если бы говорящіе такъ подумали о томъ, какія неудобства приходилось да и приходится теперь испытывать молодымъ людямъ для нормальныхъ, спокойныхъ своихъ научныхъ занятій, то они, можетъ быть, поняли бы, что студенты именно и стремились достигнуть, если не всегда, то большею частью, благопріятныхъ для этого условій. Волненія 1887 года въ сущности представляютъ страстное желаніе студентовъ устранить тѣ препятствія, которыя создалъ для ихъ научныхъ занятій университетскій уставъ 1884 г.

Выше только-что была изображена та почва, которая обусловливала волненія студентовъ 1887 года. Посмотримъ теперь, въ какую форму они вылились.

Уже съ начала 1887 года въ атмосферѣ студенческой жизни чувствовалось какое-то напряженіе; съ быстротою молніи распространялись среди студенчества тѣ или другіе факты единоличнаго или групповаго протеста противъ распоряженій инспекціи. Сообщалась масса свѣдѣній о дикихъ поступкахъ инспектора Брызгалова, поступкахъ, часто анекдотическаго характера. Эта личность, дѣйствительно, была любопытная. Это былъ не простой исполнительный чиновникъ, не только человѣкъ, проникнутый духомъ новаго полицейскаго университетскаго устава, но и фанатикъ своего дѣла. Будучи же по уму человѣкомъ ограниченнымъ, онъ часто становился въ нелѣпыя положенія, которыми, однако, онъ не стѣснялся. Да и почему бы ему было конфузиться этихъ нелѣпостей, если его непосредственное начальство не только извиняло ихъ, но даже поощряло своимъ молчаніемъ и покровительствомъ.

Чтобы показать читателю, въ какой степени Брызгаловъ могъ раздражать студентовъ, въ какой степени онъ мѣшалъ имъ учиться, сообщимъ здѣсь нѣсколько фактовъ изъ его дѣятельности. При этомъ предупреждаю читателя, что, несмотря на анекдотичность нижеслѣдующихъ сообщеній, они все-таки имѣли свое время и мѣсто, они факты.

Особенное вниманіе Брызгаловымъ было обращено на форму одежды студентовъ; въ случаѣ нарушенія ея, онъ былъ безпощаденъ. Но въ чемъ же могли обнаруживаться нарушенія студентами формы одежды?.. Это студенты не всегда могли угадать. По Брызгалову оказывалось, что ношеніе подъ сюртукомъ русской рубашки есть нарушеніе формы, хожденіе по улицамъ безъ шпаги—тоже; потеря одеждою нормальнаго цвѣта сукна отъ дѣйствія свѣта—тоже. На все это обращалось самое строгое вниманіе, и всякое такое нарушеніе формы жестоко преслѣдовалось. Вотъ, напримѣръ, педель „поймалъ“ одного студента, у котораго подъ сюртукомъ была русская рубашка; сейчасъ его тащатъ къ инспектору; этотъ долго объясняетъ тяжесть про-

ступка студента, доказывая ему, что онъ является революціонеромъ, ослушникомъ царя, такъ какъ нарушилъ высочайше утвержденный уставъ. Такого студента садятъ въ карцеръ. Идетъ, бывало, студентъ на лекцію въ жаркіе дни безъ пальто, вдругъ у дверей аудиторіи педель загораживаетъ ему входъ: оказывается студентъ, не прицѣпилъ шпаги, а ее будто бы необходимо носить, разъ вы не одѣли пальто; изъ-за отсутствія шпаги входъ въ аудиторію студенту закрытъ! Выгорѣла у васъ на солнцѣ фуражка — вы получаете замѣчаніе отъ инспектора. Брызгаловъ очень любилъ, чтобы ему оказывали почтеніе, при встрѣчахъ кланялись. Но не всякій же студентъ могъ знать Брызгалова, хотя этотъ послѣдній обязательно устраивалъ для вновь поступающихъ студентовъ нѣчто вродѣ представленія себѣ, выдавая лично входные въ университетъ билеты. Если встрѣченный Брызгаловымъ студентъ проходилъ мимо него безъ поклона, тотъ обязательно дѣлалъ ему замѣчанія по поводу этого тутъ же на мѣстѣ преступленія.

При такомъ пониманіи Брызгаловымъ своихъ обязанностей, при такихъ отношеніяхъ его къ студентамъ, конечно, создавалась весьма благопріятная почва для разнаго рода недоразумѣній, послужившихъ, какъ уже упомянуто было, матеріаломъ для комичныхъ анекдотовъ, въ которыхъ Брызгаловъ выставлялся какимъ-то маніакомъ, чтб и соотвѣтствовало дѣйствительности. Пересказывать здѣсь эти анекдоты, несмотря на интересъ ихъ фабулы, я не считаю, однако, нужнымъ, и безъ того уже посвящено достаточно мѣста покойному Брызгалову, который въ сущности былъ ничтожностью, не заслуживающею того, чтобы его именемъ назывались столь интересныя студенческія волненія, оставившія по себѣ наиболѣе интенсивную память въ студенчествѣ.

Итакъ, новый университетскій уставъ, уставъ 1884 г., задѣвая своею административно-полицейскою стороною личность впечатлительныхъ студентовъ, оскорбляя ихъ честь и надругаясь надъ ихъ „зрѣлостью“, вселялъ въ студенчество раздраженіе противъ установленнаго имъ режима. Своею же учебною частью онъ выбилъ студентовъ изъ колеи регулярныхъ, правильныхъ занятій. Два года его дѣйствія настолько сильно подѣйствовали на студенчество, что приходилось слышать отъ бывшихъ студентовъ мнѣніе о деморализаціи студенчества. Едва-ли можно отрицать справедливость этого мнѣнія; вѣдь это были несчастные восьмидесятые года, года упадка общественности и пылкихъ стремленій къ свѣтлымъ идеаламъ; вѣдь въ эти годы особенно былъ популяренъ афоризмъ: „наше время не время широкихъ задачъ“, тогда же особенно было развито пренебреженіе къ теоріи, господствовалъ нравственный аскетизмъ и т. д., и т. д. Конечно, процвѣтанію всего

этого въ средѣ учащейся молодежи не мало способствовалъ и университетскій уставъ 1884 года. Однако, едва-ли справедливо мнѣніе, такъ низко ставящее студенчество восьмидесятыхъ годовъ. Въ средѣ этой молодежи все же были живы и въ эти мрачные годы идеалы, завѣщанные предшественниками; молодежь болѣе, чѣмъ другіе слои обществъ, стремилась къ нимъ; молодежь старалась устранить тѣ путы, которыя сковывали развитіе его духовныхъ силъ, но увы, его борьба не встрѣчала ни поддержки, ни даже должной оцѣнки, правильнаго пониманія ни въ обществѣ, ни въ наиболѣе близкостоящихъ къ студенчеству профессорскихъ кругахъ.

Если въ настоящій моментъ мы видимъ, что студенческія „забастовки", по открытому заявленію профессорскихъ корпорацій и отдѣльныхъ профессоровъ, объясняются какъ результатъ общаго нестроенія государства, то въ то время такихъ рѣчей слышать не приходилось. Наоборотъ, какъ увидимъ ниже, даже профессора участвовали въ отысканіи и опредѣленіи кары агитаторамъ, даже они старались объяснить происхожденіе волненій не общими фактами, а какою-либо конкретною, но въ сущности маловажною причиною, въ родѣ инспектора Брызгалова. Да, мрачная была эта эпоха, и она рисуется въ воображеніи еще мрачнѣе при воспоминаніи, какъ общество оставалось индифферентнымъ къ протестующимъ взрывамъ молодежи противъ духовнаго гнета того времени.

Начало студенческому движенію 1887 года было положено въ Москвѣ на „студенческомъ" концертѣ 22-го ноября въ залѣ „благороднаго" собранія. Я нарочно поставилъ слово студенческомъ въ кавычкахъ. Эти концерты только оффиціально считались студенческими, громадная же масса студентовъ ихъ не считала своими; многіе изъ студентовъ даже считали для себя позоромъ присутствовать на этихъ концертахъ, и вотъ почему. Душою, организаторомъ и главнымъ распорядителемъ концертовъ былъ Брызгаловъ. На нихъ онъ устраивалъ выставку студентовъ высшему московскому обществу. Студенты на концерты допускались въ парадной формѣ: съ золотомъ и шпагами; студенты—участники концерта, т. е. хоръ и оркестръ, блистали своими бѣлыми подкладками и особыми жетонами, придуманными Брызгаловымъ, какъ эмблема любви и преданности студентовъ къ престолу: жетоны изображали какіе-то цвѣты, поднесенные или любимые кѣмъ-то изъ царствовавшихъ особъ. Распорядителями концертовъ были студенты (конечно, тоже по выбору Брызгалова), обычно франтоватые типы. Словомъ, студенчество представлялось обществу во всемъ блескѣ извѣстной части его. Надо къ этому прибавить, что и самый хоръ и оркестръ были подъ непосредственнымъ покровительствомъ Брызгалова; они и собирались-то у него на квартирѣ. По-

нятно, что хористы и оркестранты пользовались среди студентовъ презрѣніемъ, нося позорную кличку „Брызгаловцы“.

На такомъ блестящемъ вечерѣ былъ данъ студентамъ сигналъ къ волненіямъ. Въ этотъ вечеръ инспектору Брызгалову публично, въ концертномъ залѣ, была нанесена пощечина студентомъ юридическаго факультета 3-го курса г. Синявскимъ. Г. Щетининъ въ своей выше упомянутой статьѣ утверждаетъ, что г. Синявскій дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ по жребію. Оставляемъ это утвержденіе на совѣсти г. Щетинина; объ этомъ, дѣйствительно, были разговоры въ то время, но убѣдиться въ основательности ихъ я не имѣлъ случая, и думаю, что слухи эти не основательны. Дѣйствительно, душевное напряженіе студентовъ въ то время было на столько сильно, что нашлось бы не мало охотниковъ и на болѣе рѣшительныя дѣйствія. Конечно, поступокъ г. Синявскаго былъ сдѣланъ, какъ выражаются въ судѣ „съ заранѣе обдуманною цѣлью“ [1]), несомнѣнно, что рѣшеніе, быть можетъ, обсуждалось гдѣ-либо; во всякомъ случаѣ оно было извѣстно многимъ, и уже наканунѣ концерта въ нѣкоторыхъ студенческихъ кружкахъ знали, что на концертѣ произойдетъ то, что произошло. Но во всемъ этомъ не было организаціи; волненія вовсе не вызывались какими-то агитаторами, какъ хотѣла думать администрація, считая всѣ эти волненія дѣломъ рукъ какой-то небольшой шайки злодѣевъ. Что это такъ, показываетъ дальнѣйшій ходъ событій, въ которыхъ особенно не выдѣлялся никто, даже не было распространяемо среди студентовъ какихъ-либо воззваній, бюллетеней, чтб обычно наблюдается теперь.

И такъ г. Синявскимъ было нанесено „оскорбленіе дѣйствіемъ“ инспектору Брызгалову въ блестящей обстановкѣ „студенческаго“ концерта, въ присутствіи высшаго столичнаго общества. Г. Синявскій былъ тутъ же арестованъ. Сначала, какъ говорили тогда, была попытка объяснить поступокъ г. Синявскаго личными счетами съ Брызгаловымъ. Но тутъ же опредѣленно выяснилось, что такихъ личныхъ отношеній между ними рѣшительно не было, и все дѣло было исключительно принципіальнымъ общестуденческимъ, цѣлью котораго было обратить вниманіе общества на тотъ гнетъ, въ которомъ студенты находились. Суда надъ г. Синявскимъ не было; онъ, какъ и студентъ Казанскаго университета г. Алексѣевъ и за то же дѣйствіе, по повелѣнію Александра III были отданы въ арестантскія роты на три года. Г. Щетининъ говоритъ, что судьба г. Синявскому „благоволила“. Но какъ можно за одну скобку ставить благоволеніе судьбы

[1]) Нахожу возможнымъ и нескромнымъ объ этомъ говорить открыто, такъ какъ г. Синявскій претерпѣлъ уже жестокое наказаніе за это.

и арестантскія роты! Какія бы облеченія тамъ ни были сдѣланы для г. Синявскаго (а они ему, дѣйствительно, дѣлались), арестантскія роты все-таки арестантскія роты, и человѣкъ, попавшій въ нихъ, все-таки арестантъ, лишенный правъ и свободы. Другое же указаніе г-на Щетинина на благоволеніе судьбы къ г. Синявскому именно, что онъ былъ принятъ въ одинъ изъ нашихъ университетовъ, уже прямо не вѣрно. Насколько мнѣ извѣстно, по отбытіи арестантскихъ ротъ г. Синявскій пріѣзжалъ въ Москву хлопотать о пріемѣ въ университетъ, но хлопоты его не имѣли надежды на успѣхъ, и г. Синявскій поѣхалъ обучаться медицинѣ въ Берлинскій университетъ.

Произшедшее на концертѣ быстро распространилось по Москвѣ, студенты на слѣдующій день уже утромъ всѣ знали объ этомъ событіи. Какъ же они восприняли свѣдѣнія о немъ?... Вотъ, если бы была какая-либо основательная организація волненій, вотъ если бы были агитаторы, то они, конечно, озаботились бы распространить среди студенчества прокламаціи, воззванія, сообщенія плана дѣйствій и т. д., и т. д. Ничего этого, однако, не было. 23-го ноября только кое-гдѣ ходили по аудиторіямъ жалкія записочки съ сообщеніемъ о часѣ и мѣстѣ назначенной сходки, да кое-гдѣ въ аудиторіяхъ объ этомъ объявлялось вслухъ. И вотъ на эту сходку 23-го ноября (во внутреннимъ дворѣ стараго университета) явилось только человѣкъ 30—40, не болѣе. Собравшіеся рѣшили разойтись и позвать товарищей на сходку въ слѣдующій день—24-го ноября на наружный дворъ стараго университета, что выходитъ на Моховую улицу. На эту сходку пришло тоже не много студентовъ, но все же собралось человѣкъ около 300 съ разныхъ факультетовъ и курсовъ, но по преимуществу съ первыхъ трехъ. На Моховой быстро собралась громадная толпа любопытныхъ, въ числѣ которыхъ было не мало студентовъ. Присутствіе послѣднихъ въ толпѣ любопытствующаго народа, конечно, дѣйствовало непріятно на демонстрантовъ, и послѣдніе дѣлали не лестныя замѣчанія по адресу любопытствующихъ студентовъ.

Сходка желала оффиціально сдѣлать свои заявленія и послала депутацію къ ректору, прося его придти на сходку. Между тѣмъ явилась полиція и охотники-добровольцы, укротители студентовъ (въ то время въ этомъ отличались охотнорядцы; теперь, говорятъ, они, къ счастью, измѣнили своимъ традиціямъ). Стали запирать калитки и ворота, студенты не допускали этого, почему и произошла небольшая свалка; ворота и калитки все-таки были заперты, чѣмъ уменьшился притокъ студентовъ на сходку. Вдругъ къ воротамъ подкатила карета, изъ которой стремительно вышелъ возбужденный и раскраснѣвшійся попечитель округа, теперь уже умершій П. Кап-

нистъ. Говорили, что онъ пріѣхалъ съ завтрака изъ Екатерининскаго института, справлявшаго свой актъ. Попечитель приказалъ открыть ворота, и, ставъ у нихъ въ картинную позу, повелительно потребовалъ отъ студентовъ расходиться; при этомъ назначилъ срокъ въ три минуты; досталъ часы и отсчитывалъ эти три минуты; послѣ третьей минуты вышелъ со сходки только одинъ какой-то студентъ. Попечитель приказалъ закрыть ворота; не много ранѣе передъ этимъ явился на сходку ректоръ университета, теперь тоже умершій профессоръ Ивановъ; студенты попросили его объясниться съ ними въ актовой залѣ, куда и направились съ ректоромъ, все время оказывая ему вниманіе и уваженіе. Разумѣется, студенты при описанномъ положеніи вещей вошли въ залъ не раздѣваясь: въ пальто и калошахъ такъ же, какъ и ректоръ; его, однако, студенты предупредительно раздѣли уже въ самой залѣ. Началось объясненіе сходки съ ректоромъ въ вполнѣ корректной формѣ; ректоръ тоже разговаривалъ со студентами ласково, мягко, безъ повышенія голоса.

Когда всѣ собрались въ залу, изъ среды студентовъ выдѣлился студентъ Г. и отчетливымъ голосомъ заявилъ ректору приблизительно слѣдующее: собравшіеся студенты заявляютъ, во-первыхъ, что поступокъ студента Синявскаго на концертѣ не есть личное его дѣло, а дѣло всего московскаго студенчества. Далѣе студенты требуютъ отмѣну новаго устава и возвращеніе устава 1863 года въ полномъ объемѣ. Наконецъ, студенты требуютъ немедленнаго увольненія Брызгалова. На это заявленіе ректоръ сталъ говорить, что Брызгаловъ, по существу, добрый человѣкъ, и не разъ ходатайствовалъ передъ нимъ за многихъ студентовъ; на это ректору отвѣтило нѣсколько голосовъ, что это онъ ходатайствовалъ за своихъ клевретовъ „брызгаловцевъ“. Ректоръ сталъ что-то еще говорить, но въ этотъ моментъ взошелъ на каѳедру попечитель Капнистъ, взялъ ректора за плечо, сказалъ ему: „мы сюда пришли не для разговоровъ“ и сталъ кричать на студентовъ, что они своимъ поведеніемъ (въ верхней одеждѣ и калошахъ въ актовой залѣ) оскорбляютъ университетъ (крики „вы оскорбляете его, введя въ него полицію“: въ дверяхъ показались полицейскіе), попечитель сталъ кричать еще болѣе громко, требуя тишины, когда онъ говоритъ. Послѣ такого вызова поднялся шумъ. Въ концѣ концовъ попечитель сказалъ, что собравшіеся сюда студенты нарушили правила университета и до разбора дѣла лишаются права посѣщенія лекцій, почему и должны выдать свои входные въ университетъ билеты; это студенты охотно сдѣлали и затѣмъ разошлись по домамъ. Арестовъ въ этотъ день не было вовсе, вопреки увѣренію г. Щетинина. Но на слѣдующій день изъ бывшихъ на сходкѣ студентовъ человѣкъ около 30 (кажется 27) получили приглашеніе

явиться въ правленіе университета. Утромъ вызванные отправились, но ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе дни уже не возвращались домой. Только на четвертый или пятый день они были выпущены изъ бутырской тюрьмы для отправки въ тотъ же день на родину.

Впослѣдствіи оказалось, что эти 30 человѣкъ или около того были приглашены въ правленіе университета на судъ. Что же это былъ за судъ? Если уже попечитель обнаружилъ громадный произволъ, запретивъ участникамъ первой сходки посѣщать лекціи (отборъ входныхъ билетовъ), но не меньше произвола обнаружилъ этотъ судъ правленія. Прошло уже около двадцати лѣтъ со времени этихъ событій, и у многихъ участниковъ ихъ уже появилась въ большой степени сѣдина, слѣдовательно, можно довольно хладнокровно обсудить это дѣло. Авторъ этихъ воспоминаній лично зналъ многихъ изъ вызванныхъ студентовъ, про другихъ хорошо былъ освѣдомленъ, почему могъ судить о степени ихъ виновности въ данныхъ событіяхъ. Среди этихъ вызванныхъ особенно выдѣлявшихся въ данномъ движеніи отмѣтить было совершенно нельзя, развѣ только говорившаго на сходкѣ студента Г., и то только за то, что онъ говорилъ, но что это за преступленіе, вѣдь, можетъ быть, это онъ сдѣлалъ потому, что обладалъ большимъ голосомъ.

Вслѣдствіе этого мы, студенты, предполагали, что получившіе повѣстку явиться въ правленіе были вызваны только какъ первая партія, за которою послѣдуютъ вторая, третья и т. д. Но оказалось, что это не такъ; всѣ эти лица были вызваны какъ наиболѣе виновныя изъ бывшихъ на сходкѣ (агитаторы?). Спрашивается теперь, если о данныхъ лицахъ составилось такое мнѣніе, къ чему же правленію было вызывать ихъ „на судъ“? Чѣмъ руководствовалось правленіе, сочтя этихъ лицъ за наиболѣе виновныхъ; чѣмъ оно руководствовалось, произнося надъ ними жестокій приговоръ, это осталось тайною правленія; даже приговоренные не могли себѣ уяснить этого. Наказаніе было раздѣлено на двѣ категоріи; самое большее наказаніе понесли 4 лица: ихъ исключили изъ университета безъ права поступленія въ какое бы то ни было учебное заведеніе, прочихъ уволили съ правомъ поступленія въ другіе университеты (оправданныхъ не было).

О результатахъ этого суда нѣкоторое время студенты вовсе не знали, ни товарищи, ни ближайшіе родственники вызванныхъ на судъ не только не могли узнать этого, но даже не знали, куда дѣвали несчастныхъ страдальцевъ. Утромъ эти лица отправились въ университетъ и уже ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе четыре—пять ихъ не видѣли, и свѣдѣній о нихъ никто не получалъ. Дѣло въ томъ, что по окончаніи судбища при выходѣ изъ правленія на дворѣ всѣ безъ исключенія осужденные были окружены казаками или полицейскими

(точно не помню) и отведены въ бутырскую тюрьму. Такимъ образомъ, въ данномъ фактѣ нельзя не видѣть большой солидарности и согласованности дѣйствій университетскаго начальства и полицейскаго.

Когда стало извѣстнымъ, какъ правленіе университета расправилось съ несчастными жертвами, то это сильно возмутило студенчество. Дѣйствительно, послѣднимъ нельзя было не возмущаться; вѣдь оно знало прекрасно виновность вызванныхъ на судъ, знало степень ихъ участія во всей исторіи, какъ и другихъ, не попавшихъ въ данный списокъ, почему и могло объяснить дѣйствіе правленія исключительно только какъ произволъ, нарушеніе элементарныхъ требованій справедливости. Въ особенности возмущалъ студентовъ тотъ фактъ, что въ судѣ правленія участвовали профессора, студенты негодовали, что эти послѣдніе могли на основаніи данныхъ, собранныхъ исключительно инспекціей (при этомъ Брызгаловской), подписывать вердиктъ надъ жертвами. Я не буду называть фамилій этихъ профессоровъ: нѣкоторые изъ нихъ живы, пусть имъ будетъ хоть теперь совѣстно при воспоминаніи, что при ихъ участіи загублено нѣсколько молодыхъ силъ. Укажу, напримѣръ, на одного близко мнѣ знакомаго, тогдашняго пріятеля студента П., который попалъ въ первую категорію виновныхъ и былъ исключенъ изъ университета. Какое же было его особенное участіе въ этомъ дѣлѣ? Да особеннаго никакого; онъ зналъ о готовящейся пощечинѣ Брызгалову (что едва-ли правленію было извѣстнымъ), но вѣдь это знали многіе—и составляетъ ли это выдающуюся роль въ волненіяхъ, онъ былъ на концертѣ, но тамъ ничего не дѣлалъ, на сходкѣ не говорилъ, воззваній не распространялъ и т. д., и т. д. И вотъ, однако, его приговорили къ самому строгому наказанію... за что, съ возмущеніемъ спрашивали мы тогда?.. за что? спрашиваю я теперь, спустя почти двадцать лѣтъ. За что правленіе и профессора погубили этого юношу? Дѣйствительно, вы его погубили: какъ онъ ни стремился попасть въ университетъ—его съ волчьимъ билетомъ никуда не принимали. Попытался онъ учиться за границей, но и это ему не удалось.

Конечно, такихъ случаевъ было много. Возмущенное несправедливостью и крайнимъ произволомъ правленія, выразившимся въ вышеизложенномъ приговорѣ послѣдняго, студенчество заволновалось еще болѣе, сходки стали устраиваться по нѣскольку разъ въ день и въ разныхъ мѣстахъ. Являлись на сходки профессора, но какое дѣйствіе могли они оказать на студентовъ, когда ихъ же товарищи участвовали въ судѣ правленія, такъ жестоко и несправедливо раздѣлавшемся съ первыми жертвами своего произвола. Да профессора и не понимали условій и причинъ студенческихъ волненій. Вспоминаю объясненіе на сходкѣ уважаемаго студентами пр. А. И. Чупрова, ко-

торый, убѣждалъ студентовъ успокоиться и приводилъ тотъ мотивъ, что Брызгаловъ не стоитъ столькихъ жертвъ, какъ будто бы въ Брызгаловѣ было дѣло. Даже А. И. Чупровъ не понялъ, что студенческія волненія 1887 года были выраженіемъ недовольства режимомъ новаго устава. Даже онъ не понялъ, что все увеличивающееся студенческое движеніе обусловливалось произволомъ и безтактностью университетской администраціи. При такихъ обстоятельствахъ студентамъ нечего было ждать отъ профессоровъ чего-либо могущаго ихъ удовлетворить; поэтому попытки (впрочемъ, только единичныя) профессоровъ внести успокоеніе въ среду студенчества потерпѣли полное фіаско. Студенты знали, что профессора, какъ корпорація, совершенно не реагировали на событія, а событія, какъ увидимъ сейчасъ, были дѣйствительно таковы, что должны были вызвать активное вмѣшательство лицъ близко, стоящихъ къ студенчеству и университету, т. е. профессоровъ, но они молчали, и въ этомъ ихъ преступленіе.

Считая рѣшеніе правленія несправедливымъ и произвольнымъ, студенты стали явно выражать свою солидарность съ пострадавшими. Съ этою цѣлью устраивались сходки, на которыхъ собирались входные билеты для передачи инспекціи, какъ доказательство присоединенія къ участникамъ первой сходки, у которыхъ, какъ указано выше, были отобраны инспекціей билеты. Однако, инспекція билетовъ не принимала. Это, конечно, странно, но понятно. Администраціи университета не хотѣлось, чтобы заявленное на первой сходкѣ было мнѣніемъ всего студенчества.

Сначала послѣ суда, сходки устраивались для выраженія негодованія противъ правленія и выраженія солидарности съ пострадавшими. Кѣмъ и какъ устраивались эти сходки? Университетская полиція, вѣроятно, искала организаторовъ, а между тѣмъ они устраивались сами собою. Замѣтитъ ли кто-либо толпу студентовъ, какъ уже предполагается, что это сходка, и толпа все увеличивается и увеличивается. Вообще сходокъ было много. Но большихъ было только нѣсколько. Перечислимъ ихъ. На слѣдующій день послѣ суда правленія, какимъ-то образомъ распространился слухъ (устный, прокламацій не было), что студенты собираются на Нарышкинскомъ скверѣ противъ новой Екатерининской больницы, гдѣ занимаются медики 5-го курса. Здѣсь собралось человѣкъ 300—400. Стали собирать входные билеты для передачи ихъ инспекціи съ выше указанной цѣлью. Вдругъ со стороны Каретнаго ряда показывается отрядъ полицейскихъ, который пошелъ прямо на студентовъ. Послѣдніе, не сопротивляясь, стали расходиться, направляясь къ выходу. Полицейскіе устремились на отступающихъ студентовъ, стали ихъ бить, студенты побѣжали къ

выходамъ, но всѣ выходы съ боковъ были заняты конными жандармами; студентамъ оставалось перейти на Страстной бульваръ, что они и сдѣлали, понуждаемые ударами полицейскихъ сзади. Дойдя до выхода со Страстнаго бульвара на Тверскую площадь, студенты нашли и этотъ выходъ запертымъ. Такимъ образомъ они попали въ ловушку. Идти имъ было уже некуда, а ихъ полицейскіе все били и били. Околодочные и пристава только смотрѣли на побоище. Студенты не защищались, не дрались. Такъ продолжалось минутъ пять. Когда всѣхъ студентовъ изрядно поколотили—у многихъ текла кровь,—выходы съ бульвара освободили, и студенты ринулись на площадь, гдѣ конными жандармами были разсѣяны въ разныя стороны обычнымъ пріемомъ. „Страстное“ побоище возмутило все студенчество, тѣмъ болѣе, что распространился слухъ о двухъ убитыхъ—слухъ не подтвердившійся. Студенты возмущались, но ни общество, ни печать, ни профессорская коллегія не отзывались на эту дикую расправу съ молодежью.

На слѣдующій день или въ тотъ же день, точно не помню, вечеромъ распространился слухъ (опять таки черезъ устную передачу), что профессора хотятъ говорить со студентами у зданія новой химической лабораторіи. Несмотря на вечеръ, сюда быстро собралось человѣкъ 500, собралось бы еще больше, но ворота вскорѣ были заперты и человѣкъ 200—300 не попали во дворъ университета. Явились казаки и отвели этихъ въ Бутырки. Собравшіеся же во дворѣ собирали билеты. Конечно, никто изъ профессоровъ къ нимъ не выходилъ, а вышелъ субъинспекторъ Добровъ, который заявилъ, что онъ назначается вмѣсто Брызгалова инспекторомъ. Брызгаловъ пока увольняется въ отпускъ, а затѣмъ будетъ совсѣмъ уволенъ.

Вотъ если бы причиною волненій былъ Брызгаловъ, послѣ заявленія Доброва волненія должны бы успокоиться, но этого не только не произошло, но они все болѣе и болѣе разгорались. Въ университетѣ занятій собственно уже не происходило. Сходки устраивались во многихъ мѣстахъ, очень многолюдныя.

Въ послѣдній разъ сходки устраивались, если не ошибаюсь, 27-го ноября. Самыя многолюдныя были въ большой словесной аудиторіи и въ актовомъ залѣ. На нихъ студенты требовали разслѣдованія дѣла о „Страстномъ“ побоищѣ, но ни отъ кого помощи въ этомъ не встрѣтили. Былъ на сходкѣ пр. А. И. Чупровъ, но когда его студенты стали просить научить ихъ привлечь полицію къ судебной отвѣтственности, онъ ничего другаго не нашелъ сказать, какъ, что не занимается судебными дѣлами и не знаетъ, какъ удовлетворить просьбу студентовъ [1]).

[1]) А. И. Чупровъ, кромѣ этого, говорилъ, что онъ былъ у генералъ-губернатора (покойнаго Долгорукова) по поводу избіенія студентовъ, но ничего студентамъ существеннаго по этому поводу не сообщилъ.

На этой сходкѣ было рѣшено лекцій не посѣщать, а на слѣдующій день собраться на общую сходку всѣхъ студентовъ. Но утромъ университетъ былъ объявленъ закрытымъ, студентовъ въ университетъ не пускали, и предложили имъ разъѣзжаться, кто куда хочетъ. Послѣ Рождественскихъ каникулъ занятія возобновились спокойно. Инспекторъ Брызгаловъ такъ и не возвращался „изъ отпуска“, въ теченіе котораго онъ вскорѣ и умеръ. Его мѣсто заступилъ субъинспекторъ Добровъ. Волненія студентовъ улеглись, но недовольство университетскимъ режимомъ осталось и продолжаетъ оставаться до сихъ поръ.

Г. Ростовцевъ.

Несомнѣнные признаки древняго православія въ Привисляньи.

Историческая справка.

Въ польской періодической печати появились за послѣднее время историческія замѣтки о прошломъ плоцкаго римско-католическаго каѳедральнаго костела.

Въ виду допущенныхъ авторами этихъ замѣтокъ нѣкоторыхъ историческихъ неточностей и погрѣшностей, мы для возстановленія картины давно прошедшихъ временъ и имѣя подъ рукой болѣе обширный историческій матеріалъ, считаемъ умѣстнымъ познакомить съ таковымъ, въ настоящей исторической справкѣ, интересующихся лицъ.

Христіанство въ Россіи и Польшѣ принято отдѣльными лицами и цѣлыми поселками далеко еще до княженія св. Владиміра на Руси и польскаго князя Мѣшка I, неправильно лишь называемаго королемъ по имени Мечиславомъ.

По изслѣдованіямъ чешскаго лѣтописца Гайка, современникъ Земовита Пястовича, князя польскаго, жившаго и княжившаго до Мѣшка I, равно и князь русско-хорватскій Бугаринъ, владѣнія котораго простирались по Бугу и Вислѣ [1]), были уже христіане. Главнымъ толчкомъ для принятія христіанства упомянутыми владѣтельными князьями послужила славянская политика великоморавскаго князя Святополка, который враждовалъ съ нѣмецкими императорами изъ-за вліянія на славянъ. Нѣмцы, желая расширить свои области и распространить вліяніе на славянъ съ конечною цѣлью племеннаго поглощенія, стали это дѣлать при помощи западнаго или латинскаго обряда. Святополкъ-Моравскій, считая себя представителемъ византійскихъ началъ и ученій, т. е. византійскаго православія, и видя тогда еще опаснаго врага для славянства и его идей въ западѣ

[1]) Рѣка Висла въ древности называлась Бѣлая рѣка.

съ его латинскимъ обрядомъ и нѣмецкими тенденціями и въ предупрежденіе этого явленія, образовалъ союзъ изъ владѣтельныхъ славянскихъ князей. Въ составъ этого союза вошли: велико-моравскій, польскій и русско-хорватскій князья. Союзъ могъ быть заключенъ только при условіи единовѣрія союзниковъ, поэтому тогдашніе владѣтельные князья и приняли христіанство черезъ христіанскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Въ виду отказа князя польскаго Попеля, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ жены-нѣмки, принять христіанство, союзъ лишилъ его княжескаго достоинства и способствовалъ выбору княземъ польскимъ Земовита Пястовича, принявшаго христіанство въ Гнѣзнѣ по восточному обряду. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ слѣдуетъ непреложное заключеніе, что христіанство по православному обряду существовало въ Польшѣ раньше княженія въ ней Мѣшка I.

Свѣтомъ христіанской вѣры просвѣтили славянъ, а именно: болгаръ, сербовъ, русскихъ, чеховъ, моравовъ и поляковъ, равноапостольные святые Кириллъ и Меѳодій. Меѳодій по смерти брата своего Кирилла въ продолженіе 16-лѣтней своей миссіонерской дѣятельности, какъ лично, такъ и черезъ своихъ учениковъ-миссіонеровъ и проповѣдниковъ, рукоположенныхъ имъ въ священническій санъ, обратили въ христіанство много народа, живущаго въ Панноніи, Моравіи, Польшѣ и другихъ мѣстахъ своей громадной епархіи, въ составъ которой входили русскія и русско-хорватскія земли. Эти проповѣдники возвѣщали слово Божіе народу на родномъ языкѣ, каковое обстоятельство засвидѣтельствовано въ лѣтописи преподобнаго Нестора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „И рады быша словены, слышаще величія Божія своимъ языкомъ“. Послѣдующіе изслѣдователи этого вопроса, высокопреосвященный Модестъ, протоіерей Хойнацкій, Будинъ и другіе [1]) приводятъ на основаніи уцѣлѣвшихъ древнихъ документовъ подтвержденіе этого обстоятельства, въ слѣдующихъ выраженіяхъ лѣтописи: „Яко они (т. е. священники-проповѣдники, высылаемые архіепископомъ Меѳодіемъ) всюду христіанство по ученію греческія церкви основаху и утверждаху, свидѣтельствуетъ образъ церквей, иже сооружени быша въ Силезіи, Польшѣ, Россіи“. Имена нѣкоторыхъ миссіонеровъ, высылаемыхъ св. Меѳодіемъ для проповѣди, извѣстны изъ историческихъ матеріаловъ, какъ, напр., Висногъ и Наврогъ. Новрогъ проповѣдывалъ въ Россіи и въ родственной ей красной и бѣлой Хорватіи, а Висногъ—въ Польшѣ. Оба эти пропо-

[1]) Лѣтопись пр. Нестора, стран. 13.

Очерки изъ исторіи правосл. церкви и благочестія на Волыни протоіер. Хойнацкаго. Житомиръ, 1878 г.

Христіанство въ Богеміи и Моравіи. Будина, 1724 г.

вѣдника дѣйствовали совмѣстно и вполнѣ солидарно: каждый въ своемъ районѣ, не мѣшая, а напротивъ способствуя другъ другу во всемъ, что касалось насажденія христіанства.

Большой знатокъ и изслѣдователь вопроса о православіи и русской народности въ Привислянскомъ краѣ, недавно умершій высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ волынскій и житомирскій, въ своихъ сочиненіяхъ по изслѣдованію вѣры и народности Привислянья приводитъ цѣлый рядъ, съ ссылкой на первоисточники, неоспоримыхъ данныхъ, доказывающихъ русскую коренную народность цѣлыхъ мѣстностей Привислянья и вѣковое въ немъ существованіе православнаго обряда, которое смывалось и уничтожалось, постепенно съ усердіемъ достойнымъ лучшей доли, польскими заблужденіями, подъ вліяніемъ запада, а въ особенности нѣмецкихъ интригъ, ведущихъ къ уничтоженію польскую народность въ частности и порывающихся на все славянство вообще.

Ниже и вкратцѣ мы приводимъ рядъ этихъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ сочиненій высокопреосвященнаго Модеста.

Когда Попель II, приверженецъ нѣмцевъ, отвергъ проповѣдь славянскихъ миссіонеровъ, то союзъ князей и поляки сочли это измѣною народности и прогнали его въ чужую страну, гдѣ онъ и умеръ, а княземъ избрали сперва Пяста, принявшаго проповѣдниковъ, а потомъ Земовита, крещенаго проповѣдниками по восточному обряду. Земовитъ нравился полякамъ, потому, что онъ защищалъ славянскіе обычаи и народную самостоятельность и былъ врагомъ нѣмцевъ. Земовитъ возвышался въ глазахъ народа и тѣмъ, что принялъ христіанство не изъ рукъ нѣмцевъ, а отъ славянскихъ проповѣдниковъ, совершившихъ постриженіе или крещеніе его [1]). Достойно вниманія, что посольство къ славянамъ и въ Польшу греческихъ миссіонеровъ Мартинъ Бѣльскій полагаетъ при Земовитѣ [2]). Около 913 года правитель Польши Земомыслъ или Земиславъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя провинціи великаго княжества Моравскаго и, желая болѣе привязать къ себѣ жителей его, уже христіанъ, оказывалъ уваженіе къ ихъ вѣрѣ, и чрезъ это далъ христіанству возможность еще болѣе распространиться въ Польшѣ. Чрезъ нѣсколько времени многіе знатные люди переселились изъ Моравіи въ Польшу и потомъ вызвали оттуда для себя священнослужителей [3]). Къ сему времени Гозій относитъ и построеніе православной церкви въ Кра-

[1]) Encyklopedja Powszechna. Tom XXI, слово: Пястъ.

[2]) Петрушевичъ. Холмская епархія и ея святители. Львовъ, 1867 г. стран. 2—5.

[3]) Triese. Kirchengeschichte des Polen, p. 33 и Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ на 1866 г., стран. 105.

ковѣ во имя Пресвятыя Дѣвы Маріи [1]). Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что гораздо прежде обращенія Мѣшко I, христіанство, а именно по восточно-православному исповѣданію, уже существовало въ Польшѣ и многія тысячи христіанъ находились въ Польшѣ и въ сосѣдней съ ней Руси [2]). Въ началѣ X вѣка, многія моравскія фамиліи, убѣгая свирѣпства угровъ, владѣвшихъ частью Моравіи, поселились въ Польшѣ и, какъ сказано выше, многія духовныя лица перешли съ ними и въ русскую Хорватію. Они построили для себя въ Краковѣ церковь Св. Креста, гдѣ отправлялось богослуженіе для переселившихся моравцевъ. Эти люди духовные и свѣтскіе, а особенно находившіеся въ княжеской службѣ, или приходившіе въ край для торговли, имѣя свободный доступъ къ Мѣшку I, разъясняли ему заблужденія язычества и величіе христіанской религіи, которая одна можетъ доставить истинное счастіе. Убѣжденія подѣйствовали на Мѣшка, и онъ, склонившись къ принятію христіанства, пожелалъ взять въ замужество Дубравку, дочь чешскаго князя Болеслава I. Дубравка не иначе согласилась вступить въ бракъ съ Мѣшкомъ, какъ если онъ самъ и народъ польскій примутъ христіанство. По свидѣтельству моравскихъ и чешскихъ писателей, Дубравка прибыла въ Польшу въ сопровожденіи многихъ славянскихъ священниковъ для преподанія полякамъ вѣры на родномъ языкѣ. Мѣшко принялъ святое крещеніе отъ чешскаго священника Боговида или Ѳеофана въ 965 году, по восточному греко-славянскому или православному обряду и съ этихъ поръ и только послѣ крещенія его можно называть княземъ. Народъ, слѣдуя примѣру своего князя, во множествѣ принималъ св. православную вѣру [3]). Въ то время, какъ Кириллъ и Меѳодій распространяли православіе и славяно-восточный обрядъ богослуженія, на западѣ вовсе не было въ обычаѣ совершать богослуженія для вновь обращаемыхъ народовъ на ихъ родномъ нарѣчіи.

Распространеніе грекославянскаго обряда въ Болгаріи, Моравіи и Польшѣ встрѣчено западными миссіонерами крайне враждебно и сравнивалось съ распространеніемъ ереси. И, наоборотъ, восточные проповѣдники обвиняли римлянъ (латинянъ) того времени въ треязычной ереси, потому что, по ихъ мнѣнію, славить Бога можно только на трехъ языкахъ—еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. Подобнаго мнѣ-

---

[1]) У Triese, p. 34.

[2]) Холмскій мѣсяцесловъ 1866 г., стран. 105—106.

[3]) Historja narodu Polskiego, Naruczewicz. Tom IV, Lipsk, 1836 г., стран. 17—19.

Maciejowski. Pierwotne Dzieje Polski i Litwy. Warszawa, 1846 г., стран. 119—120.

Bandkie. Dzieje Królewstwa Polskiego. Tom I, 1820, стран. 140—150.

нія не было въ православной восточной церкви. Слѣдовательно, грекославянскій обрядъ, распространенный Кирилломъ и Меѳодіемъ, есть доказательство православія того обряда. Далѣе извѣстно, что обрядъ заключаетъ въ себѣ и ученіе. Богослуженіе православной восточной церкви есть сокровищница православнаго богословія. Какое ученіе заключаетъ въ себѣ славянскій обрядъ? Ученіе не западной, а православно-восточной церкви, то же самое ученіе и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ состоитъ и теперь богослужебный чинъ церкви. Для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить богослужебныя книги, переведенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ на славянскій языкъ, съ богослужебными книгами греческой церкви, чтобы видѣть ихъ внутреннее согласіе и сходство. Напримѣръ, св. Кириллъ и Меѳодій перевели съ греческаго на славянскій языкъ книгу октоихъ, а книги октоиха вовсе нѣтъ въ западной церкви. Поэтому нельзя сказать, чтобы славянскій обрядъ былъ признакомъ римскаго католичества, а не восточнаго православія. А если принять во вниманіе, что въ IX вѣкѣ на западѣ стало распространяться ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына и что въ богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, и въ самомъ исповѣданіи вѣры Кирилла и Меѳодія ясно возвѣщалось, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, то не останется мѣста сомнѣнію, что св. Кириллъ и Меѳодій, греки по происхожденію, православные по вѣрѣ, ввели славянскій обрядъ и съ нимъ православную вѣру между славянами.

Римскіе епископы или папы усиливались истребить между славянами грекославянскій обрядъ вмѣстѣ съ православіемъ. Такое желаніе они могли осуществить посредствомъ преданныхъ имъ епископовъ и нѣмецкихъ императоровъ, для чего пользовались обстоятельствами, переживаемыми славянскими княжествами. Польское княжество находилось тогда въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны къ ней примыкала Русь. Св. Владиміръ послѣ Олега былъ дѣятельнымъ собирателемъ Руси, не любилъ запада и его обычаевъ, старался сдѣлать Русь великою. Мѣшко I, къ сожалѣнію, держался другой политики. Такъ какъ со всѣхъ другихъ сторонъ Польша окружена была нѣмцами, или приверженцами папизма и нѣмецкихъ обычаевъ, то подъ ихъ напоромъ Мѣшку приходилось сперва лавировать и даже заискивать у ненавистниковъ славянскихъ идей и элемента: нѣмцевъ—папы и добиваться даже у нихъ милости и покровительства. Нѣмецкій императоръ имѣлъ надъ польскимъ княземъ господство, потому Мѣшко I платилъ ему дань. Онъ долженъ былъ слушать императорскаго приказа, давать ему войско для войны. А нѣмецкіе епископы старались совершенно подчинить его папѣ и для этого льстили обѣщаніемъ исходатайствовать для него у папы королевскій титулъ.

А папа не торопился давать этотъ титулъ Мѣшку, какъ еретику, державшемуся славянскаго обряда и греческаго православія. Нужно было со стороны Мѣшка опровергнуть это и въ угожденіе папѣ измѣнить православію. Но пока жила дочь чешскаго короля Дубравка, это трудно было сдѣлать. Дубравка защищала православіе и славянскій обрядъ. Бывшіе при ней чешскіе священники и польскій народъ противились введенію латинскаго обряда и римско-католичества. Но по смерти Дубравки, слабохарактерный Мѣшко I женился на католической монахинѣ Одѣ, родомъ нѣмкѣ, украденной имъ изъ монастыря, и по ея вліянію, особенно послѣ смерти Мѣшка I, славянскій обрядъ въ Польшѣ, приверженицѣ папства и въ угоду нѣмцамъ, стали насильственно измѣнять на обрядъ латинскій и православіе на римскую вѣру [1]).

Явленія эти вызвали сильное упорство въ населеніи, съ которымъ пришлось вести католикамъ продолжительную борьбу. Еще въ концѣ 17-го столѣтія, потребовалось учрежденіе, напр., въ Плоцкѣ земскаго, обширнаго и богато обставленнаго монастыря Норбертанокъ, равно и въ другихъ мѣстностяхъ Привислянья монашескихъ орденовъ въ цѣляхъ борьбы съ упорствующими, а въ особенности съ консервативнымъ женскимъ элементомъ. Сохранилось преданіе о существованіи духовнаго застѣнка на Съѣздѣ, что̀ нынѣ домъ Магенты въ г. Плоцкѣ, который, вѣроятно, былъ построенъ въ цѣляхъ далеко не гуманныхъ, но способствующихъ уничтоженію упорства.

Послѣ всего сказаннаго, естественно, что князь Мѣшко при постройкѣ христіанскихъ храмовъ, какъ въ своемъ княжествѣ, такъ и на окраинахъ онаго и въ смежныхъ славянскихъ земляхъ, которыя были или въ ленной зависимости, или предполагались къ присоединенію къ владѣніямъ Мѣшка, строилъ храмы по образцу востока [2]). Обстоя-

---

[1]) Голосъ правды, переводъ съ польскаго. Кіевъ, 1870 г. Подолянина.

Bronisław Trçtowski. Cbowanna czyli systemat pedagogyi. Poznań, 1842 г. Томъ II, poszyt II.

[2]) Ссылка польскихъ современныхъ авторовъ въ историческихъ газетныхъ замѣткахъ о построеніи Мѣшкомъ костеловъ въ 9-ти названныхъ ими пунктахъ — неточна. Строились церкви, при чемъ построенная въ Холмѣ, а не Хелмѣ, церковь не могла быть тамъ выстроена, такъ какъ основаніе Холма относится къ XII столѣтію. Обстоятельство это не исключаетъ возможности построенія церкви въ дер. Столпьѣ,около Холма. Построеніе церкви въ Краковѣ тоже не подлежитъ оспариванію, если только авторы не смѣшиваютъ Мѣшковской церкви съ церквами во имя Пресвятой Дѣвы Маріи и Св. Креста, построенными до княженія Мѣшка.

Недоумѣніе авторовъ историческихъ замѣтокъ по поводу указанія на отсутствіе герба у плоцкаго епископа Стефана объясняется очень просто и тѣмъ, что установленіе названія фамилій и гербовъ относится къ XIV столѣтію.

тельству этому способствовали священнослужители, прибывшіе съ женой Мѣшка, Дубравкой. Конечно, по ихъ планамъ и совѣтамъ были выписаны распорядители работъ, которые строили храмы, въ чисто византійскомъ стилѣ, безъ примѣси романизма. Такимъ образомъ плоцкій храмъ, построенный при Мѣшкѣ, по всѣмъ даннымъ, имѣющимся на лицо и замѣтнымъ по формѣ крестообразнаго зданія, построенъ былъ въ выдержанномъ византійскомъ стилѣ. Конечно, наслоенія послѣдующихъ религіозныхъ и политическихъ событій много повліяли на его форму и нынѣшній видъ, исказивъ первоначальный византійскій стиль до неузнаваемости. И такъ: наружныя стѣны, каменной кладки, были гораздо выше. Середина, выведенная въ кирпичной кладкѣ и возвышающаяся надъ уровнемъ каменной, явленіе послѣдующихъ вѣковъ, равно какъ и новѣйшая и сильно замѣтная кирпичная кладка алтарной части. Пристройка эта повышена непомѣрно и удлинена противъ первоначальнаго вида. Характерной особенностью этого памятника сѣдой славянской старины являются двѣ пристройки, прямоугольной формы каменной кладки у алтарной части. Всѣ древніе храмы восточной церкви имѣютъ такой именно видъ, такъ какъ въ былое время рядомъ съ алтаремъ (святая-святыхъ) съ лѣвой стороны устраивался жертвенникъ, а съ правой—діаконикъ. Оба эти помѣщенія соединялись непосредственно съ алтаремъ. Упоминаемая авторами историческихъ замѣтокъ желѣзная золоченая рѣшетка съ подсвѣчниками, отдѣляющая алтарь отъ храма ни болѣе, ни менѣе, какъ остатки, слѣды и доказательство существованія иконостаса. Строгое направленіе алтаря на востокъ, равно наличные признаки сѣверныхъ и южныхъ вратъ, хотя и задѣланныхъ, но существованіе которыхъ неоспоримо по имѣющимся полукруглымъ выступамъ, изобличаютъ въ цѣлости храма чисто византійскій стиль безъ примѣси какого бы то ни было романизма. Размѣры и цѣль настоящей исторической справки лишаютъ насъ возможности въ частностяхъ и деталяхъ разсмотрѣть этотъ вопросъ, но и сказанное, въ связи съ историческими данными о прошломъ, первоначально княжества, а впослѣдствіи королевства Польскаго и принятія въ немъ христіанства, говорятъ и убѣждаютъ въ томъ, что плоцкій храмъ построенъ былъ въ выдержанномъ византійскомъ стилѣ.

Что же касается металлическихъ дверей, ведущихъ изъ притвора въ самый храмъ, а не снаружи [1]), то авторы „историче-

[1]) Неизвѣстный, но усердный, а главное пылкій корреспондентъ, одной изъ польскихъ газетъ предлагаетъ выкупить (sic!) двери, при чемъ видно, что авторъ письма что-то слышалъ про какія-то двери, но, повидимому, не читалъ ничего печатающагося по этому поводу въ польскихъ газетахъ. Указанія нѣтъ: одного изъ авторовъ на событія при Августѣ II и неумѣстны и неосторожны:

скихъ замѣтокъ" недостаточно провѣрили это обстоятельство, придавъ ему не точную окраску. Ссылка авторовъ на историческіе матеріалы очень скромна и не убѣдительна, а высказываемыя догадки требуютъ строгой провѣрки. Благодаря любезности недавно скончавшагося каѳедральнаго протоіерея Софійскаго собора въ Новгородѣ, почтеннаго отца Орнатскаго, предоставившаго въ наше распоряженіе историческій матеріалъ, собранный ключаремъ Софійскаго собора священникомъ Конкординымъ относительно дверей Софійскаго собора, которыя носятъ названіе Корсунскихъ, мы можемъ дать точное таковыхъ описаніе. Раньше, однакожъ, этого описанія, справедливость требуетъ сказать, что точное происхожденіе дверей, въ Новгородѣ, неизвѣстно, хотя существуетъ предположеніе, что двери пріобрѣтены во время торговыхъ сношеній господина великаго Новгорода съ Ганзейскимъ союзомъ. Предположеніе это не исключаетъ и другаго предположенія, что двери эти могли быть пріобрѣтены, какъ военная добыча во время веденія войнъ тѣмъ же великимъ Новгородомъ или со шведами, или съ ливонцами, или съ Литвой. Личный нашъ взглядъ, по этому поводу, слѣдующій. Если и допустить, что двери эти были, не ранѣе XIII столѣтія, въ Плоцкомъ храмѣ, то исчезновеніе ихъ, на совершенно мирныхъ основаніяхъ, мы способны приписать тѣмъ же явленіямъ, примѣняемымъ раньше, которыя въ полной мѣрѣ и степени слѣдовали за 1566 годомъ, послѣ призыва Гозіемъ, епископомъ вармійскимъ, ордена іезуитовъ [1]). Въ этотъ періодъ погибло очень много памятниковъ славянства и польской старины, библіотеки очищены до неузнаваемости. Къ этому же времени надо отнести сожженіе св. библіи, переведенной въ Гданскѣ въ 1532 году на польскій языкъ, а также хроники Мартина Бѣльскаго, переведенной съ польскаго на русскій и можетъ быть писанной по-русски [2]). Вѣроятнѣе всего, что

такъ можетъ говорить человѣкъ, не изучавшій исторіи, а только умѣющій таковую дѣлать. Такая замѣтка могла быть допущена къ печати, только по недосмотру, такъ какъ содержаніе ея прямо противорѣчитъ изслѣдованіямъ, хотя и тенденціознымъ, но все же одного изъ польскихъ современныхъ историографовъ.

[1]) Encyklopedja Koscielna, томъ IX, Варшава, стран. 65, 66.

[2]) 1. Вѣстникъ западной Россіи, кн. III. Вильно, 1866 г., отд. III, стран. 27, 28.

2. O Zakladach naukowych i o shutkach oswiaty u Slowian przez Maciejowskiego, стран. 332, 333.

3. Encyklopedja Powszecwna. Tom XIII, стран. 330, 331.

4. Церковно-историческое описаніе Варшавской епархіи. Почаевъ, 1862 г., стран. 109, 120.

5. Вѣстникъ югозападной и западной Россіи, ноябрь, 1862 г., стран. 217.

6. Тоже, февраль, 1863 г., стран. 60.

7. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, 1865 г., стран. 370—405.

печальной участи—экстракціи, путемъ ли продажи, или мѣны, подвержены были своевременно и двери, какъ нѣмой свидѣтель прошлаго, нежелательнаго для послѣдователей запада и Рима. Во всякомъ случаѣ двери эти, если и были въ Плоцкѣ, то очень недолго, такъ какъ Новгородская лѣтопись (по Софійскому списку) подъ 1336 г. говоритъ: „св. Софіи соборъ тыномъ новымъ отынили и двери мѣдныя золоченыя устроили у паперти церковной". Подъ 1450 г. въ той же лѣтописи передается объ исправленіи притвора св. Софіи, при чемъ врата эти называютъ „Корсунскими". Надо полагать, что лѣтопись, передавая о постановкѣ вратъ въ 1336 г., не преминула бы упомянуть о томъ, что таковыя пріобрѣтены на войнѣ, или отобраны силой. Фактъ не маловажный для лѣтописца [1]). Изъ сказаннаго истекаетъ заключеніе, что двери, вѣрнѣе врата, или пріобрѣтены Новгородомъ у Ганзейскаго союза или, что вѣрнѣе, ганзейцы сами привезли ихъ въ Новгородъ [2]).

Допуская предположеніе, что̀ двери Софійскаго каѳедральнаго собора были когда-нибудь въ Плоцкѣ и разсуждая логически, безъ примѣси, въ данномъ случаѣ, какихъ бы то ни было историческихъ справокъ, невольно зарождается вопросъ: зачѣмъ для мѣстности съ кореннымъ, какъ будто польскимъ населеніемъ и исповѣдующимъ какъ будто римско-католическую вѣру, понадобились бы въ храмѣ Божіемъ двери съ надписями на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ? Мы полагаемъ, что только мѣстныя, чисто національныя условія вызвали эту необходимость; что же касается латинскихъ надписей, то это было, если можно такъ выразиться, пробнымъ шаромъ для постепеннаго пріученія, а затѣмъ и поглощенія вѣры и народности, что̀ послѣдующая, упорная и усиленная, вѣковая работа и нынѣшнее положеніе, блестяще доказываютъ.

Исходя изъ того же предположенія о принадлежности дверей Плоцкому храму и объясняя ихъ изготовленіе въ Магдебургѣ, можно заключить слѣдующее: двери могли быть заказаны въ Магдебургѣ, такъ какъ тамошніе архіепископы хотѣли и распространяли свою юрисдикцію и на земли славянъ. Хотя въ 1000 году польскій князь, а впослѣдствіи самокоронованный король Болеславъ заключилъ съ германскимъ императоромъ Оттономъ III договоръ, на основаніи котораго зависимость польской церкви отъ магдебургскихъ архіепископовъ прекращена, но тѣмъ не менѣе духовный Магдебургъ не дремалъ и такъ или иначе дѣйствовалъ черезъ дружелюбное духовенство на польскій, русскій и хорватско-русскій элементъ.

[1]) Данныя эти сообщилъ Ф. А. Ушаковъ, ссылающійся на изданія археографической комисс. 1879 г., Спб.

[2]) По сообщенію Н. П. Авенаріуса.

Корсунскія врата, находящіяся у западнаго входа въ Софійскій соборъ, по своей древности и устройству имѣютъ не малое значеніе въ археологическомъ отношеніи. Высота ихъ 5 аршинъ, а ширина $1^3/_4$ арш. Они состоятъ изъ двухъ половинокъ, на которыхъ 48 разной величины бронзовыхъ литыхъ пластинокъ или дощечекъ, прикрѣпленныхъ къ дереву винтами [1]). Предметы, изображенные на вратахъ (бронзовыхъ пластинкахъ), взяты большею частью изъ Священнаго Писанія (4 изъ ветхаго завѣта и 22—изъ жизни Іисуса Христа, на остальныхъ дощечкахъ разныя аллегорическія и миѳологическія фигуры). По краямъ обѣ половины обложены выпуклою бронзовою каймою съ разными украшеніями, и каждая въ отдѣльности раздѣляется поперечною каймою на 7 отдѣленій съ вычеканенными изображеніями или фигурами, при которыхъ въ большинствѣ случаевъ вырѣзаны и надписи на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

На одной половинѣ вратъ (правой, если смотрѣть отъ собора) въ верхнемъ отдѣленіи, въ срединѣ Спаситель, сидящій на престолѣ, правою рукою благословляющій, а въ лѣвой держитъ Евангеліе. Возлѣ главы Спасителя надпись ΪC. ΧC., а надъ главою α и ω; другія надписи по сторонамъ этого изображенія относятся къ слѣдующему. Вблизи Спасителя стоятъ два мужа (апостолы Петръ и Павелъ), у одного въ рукѣ ключъ, а у другаго — свитокъ.

По правую сторону Спасителя на особой доскѣ, другіе шесть апостоловъ и впереди ихъ Богоматерь, у главы которой надпись: ΑΠΪΛΙ, относящаяся несомнѣнно къ апостоламъ.

По лѣвую сторону Спасителя, на особой доскѣ, другіе шесть апостоловъ, изъ коихъ видны четыре, а у двухъ — только однѣ головы, впереди апостоловъ стоитъ ап. Петръ съ ключемъ, здѣсь надпись: DUODECIM APLI.

Во 2-мъ отдѣленіи: на первой доскѣ — крещеніе Господне; мѣстомъ событія здѣсь представленъ не Іорданъ, а какой-то домъ, или храмъ; Предтеча, у котораго правая рука лежитъ на груди Спасителя, лѣвою рукою касается самой главы Спасителя; выше главы Спасителя надпись: ΪΠC BABTIZATUR.

На второй доскѣ изображено Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ. Архангелъ стоитъ на какомъ-то животномъ, въ родѣ агнца, указательный палецъ правой руки приподнятъ вверхъ, а въ лѣвой — свитокъ. Дѣва Марія съ пряслицею въ лѣвой рукѣ, сложенной къ сердцу,

---

[1]) Ранѣе деревянная рама была еловаго дерева, мѣстами попортившаяся, пластинки не всѣ были на винтахъ, поэтому въ послѣднюю раставрацію онѣ привинчены на дубовую раму винтами той формы, какая на иныхъ сохранилась съ исправленіемъ недостающихъ мелкихъ частей; съ исподней стороны дубовая доска обита мѣдными листами.

правою рукою оперлась на поясъ; Духъ Святый въ видѣ голубя клювомъ касается главы Пресвятой Дѣвы. Надъ главами архангела и Дѣвы надпись: + AVE MARIA GRACIA PLENA DNS TECUM + GABRIEL. На поперечной перекладинѣ небольшая фигура человѣка, держащаго что-то въ рукахъ.

На третьей доскѣ изображено Рождество Христово; Богоматерь представлена лежащею на ложѣ, покрытая покрываломъ; у изголовья Ея сидитъ праведный Іосифъ; въ углу надъ Богоматерью виденъ младенецъ — Іисусъ Христосъ, повитый пеленами въ ясляхъ, предъ Нимъ стоятъ волъ и оселъ.

Въ третьемъ отдѣленіи четыре доски:

На первой (крайней) — изображена неизвѣстная фигура стоящаго человѣка въ пестрой одеждѣ, держащаго у груди раскрытую книгу, фигура этого человѣка не имѣетъ никакого отношенія къ другимъ изображеніямъ.

На другой доскѣ — три волхва; въ рукахъ у одного волхва чаша съ дарами, надъ другой фигурой волхва находится корона, а въ правой рукѣ сосудъ съ дарами; подъ ногами третьей фигуры какое-то животное, вродѣ собаки или агнца, и въ рукахъ тоже сосудъ съ дарами, надъ головами фигуръ русская надпись: ВОЛСВИ ПЕРСИСТІ ИДУ^{т} КЪ ХР̑У З ДАРЫ.

На третьей доскѣ — Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ сидитъ на престолѣ съ низкою спинкою и тремя ступенями, правая рука Божественнаго Младенца простерта для благословенья; по лѣвую сторону отъ Богоматери стоитъ ангелъ, правою рукой подаетъ Богомладенцу шаръ, какъ символъ владычества, а въ лѣвой — держитъ свитокъ; съ правой стороны, выше престола, — звѣзда, надъ главою Богоматери надпись: ПРЧТАѦ.

На четвертой доскѣ изображена женщина съ младенцемъ, выше ея латинская и русская надпись: RACHEL, РАГХИЛЪ.

Въ четвертомъ отдѣленіи три доски:

На первой — Срѣтеніе Господне. Богоматерь стоитъ у стола и держитъ двухъ птенцовъ, предъ Нею старецъ, подающій младенца стоящей у колонны женщинѣ (вѣроятно, Аннѣ пророчицѣ), на доскѣ четыре надписи: СРѢТЕНІЕ ГНЕ, направо выше — $\frac{\text{ПРЧСТА}}{\text{І̑С. Х̑С.}}$, лѣвѣе — СВЯТЫХЪ СВЯТІЯ.

На второй доскѣ — діаконъ въ римской церковной одеждѣ съ остриженными волосами, въ правой рукѣ его кадило, въ лѣвой — свитокъ, надъ нимъ надпись: ДІАКОНЪ.

На третьей — дверная ручка, имѣющая видъ двухъ змѣй, прикрѣпленныхъ къ львиной головѣ, въ зубахъ которой человѣческія головы, вверху надпись: АДЪ ЦОЖИРАЕ ГРѢШНЫХ.

Въ пятомъ отдѣленіи четыре доски:

На первой изображено: посѣщеніе св. Дѣвою Елисаветы, надъ ними двѣ надписи — русская и латинская: МАРІЯ И ЕЛИСАВЕѲЬ ЧЕЛОВЯСТАСЯ, другая — MARIA ET ELISABET.

На второй — бѣгство св. Семейства въ Египетъ. Богоматерь сидитъ на животномъ, въ рукахъ Ея Младенецъ, у котораго раскрытая книга, — праведный Іосифъ одною рукою ведетъ впереди животное, а другою — держитъ что-то въ родѣ опахала; выше изображеній двѣ надписи: русская — МАРІЯ МТ҃И ІОВА СНИДЕ ВЬ ЕГИПЕГ СО ІѠСИФМ, въ латинской — + MARIA MATER IHU DESCNDIT IEGBTУ CU IOSEPH.

На третьей — діаконъ римской церкви съ книгою, надъ нимъ надпись: ДІАКОНЪ.

На четвертой доскѣ—католическій епископъ въ церковной одеждѣ, на немъ шапка острымъ треугольникомъ кверху, правая рука поднята для благословенія, по римскому обряду, въ лѣвой посохъ, вверху нѣсколько загнутый, по сторонамъ два діакона, одинъ изъ коихъ (правый) держитъ свитокъ, а другой — сосудъ; надъ діаконами надпись: ДІАКОНЫ, у головы епископа латинская и русская надписи: + ALEXANDER EPS DE BLUCICH и АЛЕКСАНDРЪ ЕПКПЪ.

Въ шестомъ отдѣленіи двѣ доски:

На первой — взятіе Иліи на небо. Илія сидитъ на колесницѣ, запряженной двумя конями, взоръ его устремленъ вверхъ на облака, откуда видна рука благословляющая, правой рукой держитъ одежду, чтобы сбросить ее Елисею, лежащему на землѣ и смотрящему вслѣдъ уносящемуся на облака учителю. Выше надпись:

ВЗЯТЄ ИЛІИ ПРОРК Ѿ ЗЄМЛЯ В РАИ.

На второй доскѣ — два аллегорическія изображенія — крѣпость и убожество, не имѣющія отношенія къ прочимъ изображеніямъ. Здѣсь изображенъ юный воинъ съ мечемъ въ рукѣ, стоящій на туловищѣ согбеннаго другаго человѣка, у головы воина надпись: КРѢПОСТЬ; рядомъ съ первымъ воиномъ стоитъ другой, старый, вооруженный щитомъ и копьемъ, одною ногою онъ стоитъ на спинѣ, а другою — на бедрѣ лежащаго человѣка, у головы воина надпись, отчасти закрытая каймою, которую можно принять за FORTITUDO, а внизу у лежащаго человѣка PAUPERTAS УБОЖЕСТВО.

Въ седьмомъ отдѣленіи пять досокъ:

На первой—мастеръ Риквинъ, съ вѣсами въ правой рукѣ и клещами въ лѣвой, вокругъ головы надпись: RIQVIN ME FEC, подъ ногами русская надпись: МАСТЕРЪ НИКВНЪ МЕ ПЕГИ.

На второй доскѣ — грѣхопаденіе Адама и Евы, которые пред-

ставлены стоящими у дерева, въ одной рукѣ у нихъ по яблоку, въ лѣвой — листья, которыми они закрываютъ свою наготу; вокругъ дерева обвился змѣй, устремляющій свое жало на Еву; вверху противъ Адама русская надпись: АДАМЪ, а противъ Евы — ЕВГА; у головы Адама другая надпись:

АДАМЪ СНѢДОСТ ОТЪ ПЛОДА ДРЕВУ.

На третьей доскѣ, въ рядъ съ каймою, изображенъ художникъ, въ надписи названный Авраамомъ; на шеѣ у него крестъ, въ лѣвой рукѣ клещи, а въ правой — молотокъ.

На четвертой — сотвореніе Евы; Творецъ изъ бедра Адамова вынимаетъ руками Еву, сверху спускаются два ангела, между ангелами надпись: СОТВОРЕНІЄ АДАМЛЄ И ЄВГІІІО.

На пятой доскѣ — художникъ Войзмутъ, держащій въ рукахъ клещи, надъ главою латинская надпись: WAISMUTH, а у ногъ русская — ВОИЗМУТЪ.

Вторая (лѣвая) половина вратъ.

Верхняя доска занимаетъ всю ширину этой половины, на ней изображенъ Христосъ, Царь славы, въ кругѣ, поддерживаемомъ ангелами, сидящій на радугѣ со звѣздами; правою рукою Онъ благословляетъ, въ лѣвой Евангеліе, ноги Христа положены на животныхъ, правая — на львѣ, лѣвая — на крылатомъ драконѣ, по бокамъ Спасителя солнце и луна, а въ углахъ символы евангелистовъ: вверху лѣваго угла орелъ, на немъ надпись: IOHANES, внизу — крылатый левъ, у котораго написано S. MARC, внизу праваго угла — телецъ, надъ нимъ надпись — S. LUCAS, а вверху — ангелъ, на книгѣ коего написано — SCS. MATHEUS; у головы Спасителя по верхнему кругу надпись — DOMINUS VIRTUTUS, внизу круга другая надпись: IPSE CESTREX GLE.

Во второмъ отдѣленіи четыре доски:

На первой — человѣкъ, на груди его щитъ, въ правой рукѣ ножъ, надъ нимъ надпись: SIGERE.

На второй доскѣ — входъ Господень въ Іерусалимъ; Спаситель сидитъ на ослѣ, возлѣ котораго бѣжитъ осленокъ, въ лѣвой рукѣ держитъ пальмовую вѣтвь, правая рука приподнята для благословенія; три апостола идутъ позади осла, изъ коихъ одинъ оперся на крестецъ осла; въ рукахъ апостоловъ вѣтки пальмъ. На перекладинѣ, гдѣ поставленъ оселъ, написано: IN ASINO XPS. VEH.

На третьей — неизвѣстный молодой человѣкъ, въ короткой одеждѣ, пальцемъ правой руки указывающій на свитокъ, который онъ держитъ въ лѣвой рукѣ.

На каймѣ, отдѣляющей 2-ую доску отъ третьей — изображенъ человѣкъ со щитомъ и мечемъ, въ ногахъ его распростертая собака.

На четвертой доскѣ—Срѣтеніе Господне; здѣсь стоятъ въ городскихъ воротахъ нѣсколько лицъ съ пальмами въ рукахъ, ниже на землѣ видно какое-то растеніе въ родѣ лилій, выше—въ рукахъ юноши, надпись—IHERUZA-MEL, а противъ него другой юноша—указываетъ пальцами путь.

Въ третьемъ отдѣленіи четыре доски:

На первой доскѣ изображеніе какой-то женщины съ собакою въ рукахъ.

На второй—преданіе Іудою Господа. Предатель обнялъ обѣими руками Спасителя, чтобы облобызать Его; по одну сторону Спасителя стоитъ апостолъ Петръ въ печальномъ видѣ, а по другую—два воина въ колпакахъ, кверху заостренныхъ, и съ веревкой въ рукахъ. Мѣсто событія окружено 2-мя витыми столбами съ аркою, на которой написано: S.-PETRUS + IUDAS TRADIDIT X—PM.

На каймѣ—неизвѣстный, малаго роста, человѣкъ, со сложенными у груди руками, въ которыхъ держитъ палку, подъ ногами этого человѣка другой неизвѣстный, со щитомъ и палкою, стоящій на ногахъ другаго человѣка, въ рукахъ котораго свитокъ.

На третьей доскѣ—неизвѣстный молодой человѣкъ, въ рукахъ котораго змѣя съ открытою пастью.

На четвертой—Христосъ въ темницѣ. Спаситель, согнувшись подъ низкимъ сводомъ, сидитъ на каменномъ сѣдалищѣ, руки Его привязаны къ столбу; предъ Спасителемъ ангелъ-утѣшитель; по краямъ свода—двѣ башни, надъ аркою свода видны три воина, два—въ острыхъ колпакахъ, со щитами и мечами. Подъ изображеніемъ надпись: БЕИЕНИЕ IC XBO У СТОЛПА.

Четвертое отдѣленіе:

Дверная ручка въ видѣ львиной головы съ открытой пастью, въ которой видна одна человѣческая голова.

На второмъ мѣстѣ—мужчина въ коронѣ, въ правой рукѣ у него мечъ, а лѣвою держитъ ножны, подъ нимъ написано—КОРОЛЬ.

На каймѣ—воинъ съ копьемъ въ правой рукѣ, подъ нимъ распростертая собака.

На слѣдующей доскѣ—царь Иродъ въ порфирѣ и на тронѣ, на головѣ у него корона, въ лѣвой рукѣ скипетръ, надъ головою надпись—HIERODES IMP.

На четвертой доскѣ изображено бичеваніе Христа, Который привязанъ къ столбу, сверху Спаситель обнаженъ, надъ Нимъ ангелъ съ книгою въ рукахъ, а на столбѣ Духъ Святый въ видѣ голубя; спереди и сзади Христа два воина въ остроконечныхъ шапкахъ. Недалеко отъ главы Спасителя надпись: + ИИС.

Пятое отдѣленіе:

На первой доскѣ — распятіе Христа; крестъ состоитъ изъ паль-

новыхъ вѣтвей, на поперечной перекладинѣ, въ концахъ прибита дощечка, нижней части креста не видно, а ноги Божественнаго Страдальца пригвождены къ подножію; Спаситель съ креста подаетъ руку Своей Матери, которая обнимаетъ эту руку; по другую сторону стоитъ Іоаннъ Богословъ съ книгою въ рукѣ; у главы Спасителя склонились два ангела. На верхнемъ концѣ креста прибита доска съ надписью: RNE.

На второй доскѣ — неизвѣстное изображеніе женщины въ клѣтчатой одеждѣ съ какимъ-то закрытымъ сосудомъ въ рукѣ.

На третьей — неизвѣстное изображеніе молодаго мужчины въ такой же клѣтчатой одеждѣ, онъ опирается руками въ поясъ, одна рука обломана.

На четвертой — три мироносицы у гроба Спасителя, въ рукахъ каждой сосудъ съ ароматами, а одна — стоящая съ лѣвой стороны, держитъ еще въ правой рукѣ кадило, опущенное въ гробъ; у послѣдняго съ правой стороны сидитъ ангелъ, перстомъ указующій на гробъ.

Шестое отдѣленіе:

На первой доскѣ изображено сошествіе Іисуса Христа во адъ; у Спасителя въ рукахъ копье, обращенное въ преисподнюю, откуда виденъ сосудъ съ человѣческими головами. Надъ Спасителемъ надпись: + DESCENDIT AD IFEROS.

На второй—Вихманъ, епископъ Магдебургскій, въ полномъ облаченіи; правая рука сложена для благословенія, въ лѣвой — посохъ, кругомъ головы надпись: WICMANUS MEGIDEBURVRGESIS EPC.

На третьей доскѣ — Воскресшій Христосъ среди двухъ ангеловъ, правой рукой благословляетъ, въ лѣвой—крестъ, по сторонамъ Спасителя написано: Іс. Хс., надъ ангелами: АРХНГЛЪ [1]).

На четвертой доскѣ — неизвѣстное изображеніе пожилаго человѣка въ пестрой одеждѣ, въ правой рукѣ — мечъ, а въ лѣвой — ножны, прикрѣпленныя къ поясу.

Седьмое отдѣленіе:

На первой доскѣ—три вооруженныхъ воина, на головахъ двухъ—остроконечные шлемы, на тѣлѣ панцыри, у груди треугольные щиты и у одного въ рукѣ мечъ; средній воинъ стоитъ на драконѣ или змѣѣ.

На второй доскѣ—неизвѣстное изображеніе мужчины, лѣвою рукою онъ держитъ за волосы другаго небольшаго роста человѣка, чтобы поразить его мечомъ, оба они стоятъ на множествѣ дѣтскихъ тѣлъ.

---

[1]) Изъ этого описанія явствуетъ, что надписи сдѣланы вовсе не такъ хорошо по-латыни и не такъ плохо по-русски, о чемъ одинъ изъ польскихъ авторовъ предупредительно заявляетъ въ одной изъ историческихъ замѣтокъ.

На третьей—центавръ, у котораго верхняя половина тѣла человѣческая, а нижняя — лошадиная.

Мѣсто и время устройства Корсунскихъ вратъ въ точности не извѣстно, хотя большинство ученыхъ считаютъ эти врата произведеніемъ нѣмецкимъ и что они устроены въ Магдебургѣ, подтвержденіемъ чему служатъ слѣдующія обстоятельства: что на вратахъ этихъ изображены нѣмецкіе художники, западные епископы и діаконы въ нѣмецкой церковной одеждѣ среднихъ вѣковъ, что на нихъ же изображенъ и магдебургскій епископъ Вихманъ, умершій въ 1192 году, что самая архитектура и украшенія чисто западнаго характера, напримѣръ, тонкія башни съ остроконечными верхами, витыя колонны и что Новгородъ, который велъ постоянныя торговыя сношенія съ Ганзейскими городами, имѣлъ болѣе возможности пріобрѣсти эти врата на западѣ, нежели въ Корсуни, съ которымъ новгородцы не имѣли особыхъ сношеній, или, быть можетъ, эти врата достались Новгороду, какъ военная добыча во время походовъ противъ ливонцевъ.

Во всякомъ случаѣ, по работѣ и изображенію на вратахъ магдебургскаго епископа Вихмана (1152—1192) нужно полагать, что Корсунскія врата устроены не ранѣе второй половины XII вѣка, или даже начала XIII вѣка. Названіе же—„Корсунскій“ означало въ то время то же, что рѣдкій, отличный, и употреблялось для выраженія понятія объ изящномъ, прекрасномъ, безъ всякаго отношенія къ мѣсту устроенія [1]). Заканчивая настоящую историческую замѣтку, которую мы назвали исторической справкой, считаемъ долгомъ предупредить, что таковая преслѣдуетъ и имѣетъ единственную цѣль—возстановленіе исторической истины, безъ примѣси какой бы то ни было тенденціи и желанія полемизировать по этому поводу. Для желающихъ навести точныя справки по первоисточникамъ, мы дали въ ссылкахъ указанія на историческій матеріалъ, послужившій основаніемъ при составленіи настоящей исторической справки. Въ заключеніе, слѣдуя вѣковому духу православія, шедшаго неизмѣнно по избранной и указанной Спасителемъ стезѣ въ христіанскомъ, миролюбивомъ и всепрощающемъ направленіи, закончимъ статью эту словами тропаря Свв. Кириллу и Меѳодію:

„Яко Апостоловъ единоправніи и Словенскихъ странъ учителіе, Кирилле и Меѳодіе Богомудріи, Владыку всѣхъ молите, вся языки Словенскія утвердити въ Православіи и единомысліи, умирити міръ и спасти души наша“.

Вкн. Райковскій.

[1]) Археолог. опис. древн. архим. Макарія, стран. 274.

Эпизодъ изъ временъ крѣпостнаго права.

(Изъ мемуаровъ помѣщика Т—ской губерніи).

Недавно я посѣтилъ одну старинную барскую усадьбу Т—ской губерніи. Благодаря любезности владѣльцевъ имѣнія, осмотру моему была предоставлена обширная библіотека, книги которой въ настоящее время уже составляютъ библіографическую рѣдкость. Много я тамъ встрѣтилъ любопытнаго въ области сѣдой старины; но болѣе всего меня заинтересовалъ семейный архивъ. Тамъ также я нашелъ много интересныхъ документовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ: отъ 1812 года до 1877 и 78 гг. Но на одно письмо я обратилъ особенное вниманіе. Въ немъ разсказывалось о прискорбномъ инцидентѣ, бывшемъ съ извѣстной богачкой, помѣщицей Маріей Алексѣевной Х—вой. Въ 40-хъ годахъ эта особа занимала видное мѣсто среди помѣщиковъ А—скаго уѣзда. Х—ва была старая дѣва, 45 лѣтъ отъ роду, высокая, плотная, съ жиденькими русыми волосами, одутлыми щеками и маленькимъ ртомъ, съ тонкими губами. Марья Алексѣевна отличалась своей строгостью съ крѣпостными, строгостью, доходившей до жестокости. Всего больше доставалось отъ нея многочисленной дворнѣ. За малѣйшій проступокъ, не взирая на полъ и возрастъ виновнаго, его раскладывали предъ парадnымъ крыльцомъ и истязали самымъ жестокимъ образомъ. Сначала били отъ затылка по спинѣ и до пятокъ, потомъ перевертывали грудью кверху и производили то же самое — отъ горла до ступени. При истязаніи всегда присутствовала сама Х—ва. Бывали и такіе случаи, что жертву клали на бокъ, сначала одинъ, потомъ на другой и сѣкли. Такимъ образомъ у истязуемаго не оставалось уже ни одной части не изсѣченной. Барышня Марья Алексѣевна, всегда присутствовавшая при подобныхъ экзекуціяхъ, прекращала ихъ лишь тогда, когда жертва уже переставала не только кричать, но даже стонать. Долго терпѣли крѣпостные Х—вой этотъ страшный лютый гнетъ помѣщицы; наконецъ

*

терпѣніе дворовыхъ, которые болѣе крестьянъ подвергались пыткамъ,— лопнуло, и произошелъ, какъ я сказалъ выше, самый прискорбный инцидентъ. Одинъ разъ въ маѣ мѣсяцѣ 1842 года Х—ва отправилась въ гости верстъ за 30 къ сосѣдямъ. Для этого, разумѣется, была запряжена коляска четверкой лошадей, которыми правилъ молодой парень-кучеръ, Антипъ Осиповъ; около него на козлахъ помѣстился лакей, Тихонъ Ивановъ, также молодой парень, въ коляску сѣли барышня, Марья Алексѣевна и ея горничная, Марѳа Петровна или, какъ Х—ва называла ее, „Марѳутка“, несмотря на то, что въ эту эпоху Марѳуткѣ было уже за 50 лѣтъ. Кстати замѣтимъ, что на обязанности послѣдней лежало поить барышню Марью Алексѣевну квасомъ, который имѣлся всегда въ бутылкѣ, засунутой въ карманъ дверцы. Если Марѳа Петрова не скоро исполняла эту процедуру наливанія кваса въ стаканъ, барышня Марья Алексѣевна тутъ же своеручно награждала ее пощечинами. Такимъ образомъ, въ сказанный день коляска помѣщицы выѣхала изъ усадьбы. Нѣкоторое время экипажъ катился среди полей, потомъ въѣхалъ въ березовую рощу, роща эта была очень густая. Проѣхавъ версты $1^1/_2$, Антипъ Осиповъ вдругъ остановилъ лошадей.

— Это что значитъ? грозно вскричала барышня.

— А вотъ сама увидишь, что значитъ... дерзко отвѣчалъ лакей, спрыгивая съ козелъ.

— А ножикъ-то у тебя есть? обратился къ послѣднему кучеръ.

— Есть. У меня въ карманѣ лежитъ, складной, отвѣчалъ Тихонъ.

Дѣвица Х—ва, слыша эти рѣчи, обмерла отъ ужаса. Она вообразила, что ее хотятъ зарѣзать. Однако вышло совсѣмъ иное, именно то, чего ужъ никакъ не могла ожидать строгая помѣщица. Лакей Тихонъ Ивановъ досталъ изъ кармана складной ножъ и направилъ свои шаги къ развѣсистымъ березамъ. Выбравъ самыя длинныя вѣтви, онъ нарѣзалъ нѣсколько пучковъ розогъ, которыя тщательно связалъ лычками, очистивъ розги отъ листьевъ, потомъ подошелъ къ коляскѣ и обратился къ Х—вой съ такой рѣчью:

— Ну, матушка-барышня, выходи на расправу! долго мы терпѣли твою лютость, пора и тебѣ отвѣдать березовой каши.

Х—ва, разумѣется, не трогалась съ мѣста. У нея отъ страха языкъ отнялся. „Слѣзай, Антипъ“, обратился лакей къ кучеру, „лошади будутъ стоять смирно, а то такъ вотъ привяжемъ коренниковъ къ березѣ“...

— Зачѣмъ? лошади и такъ не тронутся съ мѣста, отвѣчалъ Антипъ, спрыгивая на землю. Такимъ образомъ злосчастную барышню Марію Алексѣевну кучеръ и лакей вытащили изъ коляски

и разложили посреди луга. Тихонъ Ивановъ весь робронтъ и юбки Х—вой завернулъ ей подъ голову, обнажилъ, сѣлъ на грудь, и сѣченіе началось. Его производилъ кучеръ Антипъ Осиповъ. При первыхъ ударахъ барышня завизжала на весь лѣсъ и стала дрыгать ногами.

— Да не дрыгай ногами-то, чортъ тебя забери, говорилъ Антипъ Осиповъ, придерживая лѣвой рукой ноги барышни, а правой нанося ей розгами удары по обнаженному тѣлу.

Сѣченіе продолжалось долго. Марья Алексѣевна кричала все громче и громче. Наконецъ крики ея стали слабѣе и затѣмъ совсѣмъ уже стихли.

— Будетъ, провалиться ей, смѣясь, сказалъ кучеръ; я ужъ и руку всю отмахалъ, смѣясь, говорилъ Антипъ.

Лакей освободилъ свою жертву, оправилъ насколько возможно ея туалетъ и полуживую „барышню“ Х—ву уложили въ коляску. Экипажъ, разумѣется, повернулъ обратно въ усадьбу. Такое неожиданное возвращеніе помѣщицы привело въ великое недоумѣніе дворню. Всѣ шопотомъ спрашивали другъ друга, что это значитъ.

— Барышнѣ маленько не поздоровилось, смѣясь, говорилъ Тихонъ Ивановъ: несите ее на постель...

Горничныя бросились къ колескѣ, вынули оттуда полуживую Х—ву, отнесли ее въ спальню и положили на постель. Не болѣе, какъ черезъ четверть часа барышня слабымъ голосомъ отдала приказаніе тотчасъ же позвать къ ней старосту Егора Самсонова. Приказаніе это помѣщицы, само собой разумѣется, тотчасъ же было исполнено, и староста Егоръ Самсоновъ вошелъ въ спальню барышни.

— Тотчасъ же заковать Тишку и Антипку и завтра рано утромъ отправить ихъ со стариками въ Т., гдѣ сдать въ солдаты въ счетъ будущихъ наборовъ.

— Слушаюсь, почтительно отвѣчалъ староста: приказаніе вашей милости будетъ исполнено.

Между тѣмъ герои этого происшествія—лакей Тихонъ Ивановъ и кучеръ Антипъ Осиповъ уже пришли въ застольную, гдѣ мало-помалу стала собираться многочисленная дворня: садовники, разные мастера, лакеи, повара, конюхи, кружевницы и прочій людъ. Когда застольная уже достаточно была наполнена домочадцами, лакей Тихонъ Ивановъ, какъ видно было, большой балагуръ и остроумникъ, повелъ къ присутствующимъ такую рѣчь:

— Вы, православные, на себѣ испытали всю лютость нашей помѣщицы барышни Марьи Алексѣевны Х—вой, а потому вы должны понять, что мой съ кучеромъ поступокъ съ ней вполнѣ законный.

Дѣло въ томъ, что сегодня часу въ 1-мъ утра, въ березовой рощѣ, близъ села Масалова мы отодрали Марію Алексѣевну, какъ говорится, на всѣ корки. Простите, православные, прибавилъ Тихонъ, терпѣнью нашему пришелъ конецъ. Я и мой товарищъ Антипъ не думаемъ отрицать совершившагося и готовы принять наказаніе: Сибирь такъ Сибирь!

Всѣ съ нѣмымъ ужасомъ слушали эту рѣчь лакея. Въ это время въ застольную отворилась дверь, и вошелъ староста Егоръ Самсоновъ въ сопровожденіи двухъ крестьянъ Забродина и Пехтерева. Выраженіе лица старосты было какое-то неопредѣленое: не то грусть выражало его лицо, не то ироническую улыбку: увидавъ старосту съ кандалами въ рукахъ, Тихонъ Ивановъ вскричалъ:

— Что, Самсонъ, знать, велѣла отправить насъ въ губернскій острогъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ, продолжая грустно улыбаться, Егоръ Самсоновъ:—приказала на зарѣ отправить васъ въ Т. и сдать въ солдаты въ зачетъ будущихъ наборовъ.

— Ай, радостно вскричалъ Тихонъ Ивановъ: первый сортъ. Стало быть, матушка барышня даетъ намъ вольную. Что же, будемъ служить царю-батюшкѣ, все же не хуже, чѣмъ рабствовать помѣщицѣ Х—вой. Куй, милый человѣкъ, продолжалъ Тихонъ Ивановъ, засучивая шаравары и протягивая ноги.

Оба парня были закованы въ желѣзо.

— А что, Егоръ Самсонычъ, не унимался Тихонъ Ивановъ, надо бы на радостяхъ-то пропустить по маленькой.

— Ну, парень, на этотъ счетъ ты не взыщи, отвѣчалъ староста: на вино ничего не дала.

— Эхъ, куда ни шло, у меня завелся билетикъ,—балагурилъ Тихонъ Ивановъ: слетай, миляга, въ кабакъ, обратился онъ къ казачку Алексѣю, купи штофикъ зелена вина.

— Это уже дѣло твое,—сказалъ староста и вышелъ изъ застольной.

Вскорѣ казачекъ Алеша принесъ вино, и попойка началась. Откуда-то явилась гармоника, на которой очень искусно Гаврило-садовникъ наигрывалъ „барыню“ и „плясовую“. Балагуръ и острякъ Тихонъ Ивановъ, приподнявъ желѣзо пояснымъ ремнемъ, ударился въ плясъ. Многіе изъ присутствовавшихъ запѣли пѣсню. Въ это самое время въ застольную вошла горничная Марѳа Петрова.

— Что вы черти!.. вскричала она: такой садомъ подняли, аль очумѣли? Помилуй Богъ, еще услышитъ барышня, намъ всѣмъ не миновать бѣды.

Но горничную никто не хотѣлъ слушать; пляска и пѣніе про-

должались. Угрюмый кучеръ Антипъ Осиповъ также развеселился, припѣвая

„ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь“

Самъ музыкантъ заигралъ барыню: „Ахъ барыня, барыня, сударыня барыня, по печкѣ елозила и т. д.“. Оргія продолжалась до самаго разсвѣта, когда пріѣхали подводы и вошли старики, назначенные въ проводники и сдатчики. На одну изъ подводъ сѣлъ лакей Тихонъ Ивановъ, рядомъ съ нимъ помѣстился сдатчикъ, а на другую подводу посадили Антипа Осипова также съ проводникомъ. На этотъ разъ не было воя и плача, всѣ дворовые точно на праздникъ провожали рекрутъ. Никто изъ дворовыхъ не печалился, что лакей и кучеръ будутъ отданы въ солдаты на 25 лѣтъ. Каждый изъ провожавшихъ въ душѣ былъ убѣжденъ, что военная служба не въ примѣръ лучше ярма крѣпостничества. Обѣ подводы затрусили мелкой рысью по пыльной дорогѣ, лежащей по Т—скому тракту, и на другой день рано утромъ были уже на постояломъ дворѣ губернскаго города Т., отстоявшаго отъ селенія помѣщицы Х—вой въ 60 верстахъ. Часу въ 9-мъ утра сдатчики повезли рекрутъ въ палату. Тамъ дальнѣйшая процедура была неособенно сложная. Тихона Иванова и Антипа Осипова въ пріемной комнатѣ раздѣли до-нага, сняли съ нихъ желѣзо и, сдавъ инвалидному унтеръ-офицеру, остались въ первой комнатѣ. Рекрутъ къ сдачѣ было весьма мало, а потому пріемъ Тихона Иванова и Антипа Осипова, молодыхъ, здоровыхъ парней, совершился весьма быстро. Когда раздался роковой крикъ: „лобъ!“ Тихонъ Ивановъ обратился къ доктору, осматривавшему его, и другимъ чиновникамъ съ заявленіемъ, что онъ Тихонъ Ивановъ и его товарищъ кучеръ Антипъ Осиповъ сданы въ солдаты за то, что они больно высѣкли свою помѣщицу, дѣвицу Марью Алексѣевну Х—ву. Докторъ и чиновники, хотя и весьма многозначительно улыбнулись, выслушавъ это заявленіе Тихона Иванова, но отвѣчали ему, что это къ дѣлу не относится. Обоимъ принятымъ парнямъ въ первой комнатѣ забрили лбы, и они были отправлены въ общую партію рекрутъ. Хотя докторъ и присутствовавшіе чиновники и замѣтили Тихону Иванову, что его заявленіе къ дѣлу не относится, но тѣмъ не менѣе вѣсть о сѣкуціи богатой помѣщицы Х—вой быстро распространилась по городу. Вѣсть эту разнесли главнымъ образомъ чиновницы: жена доктора по секрету сообщила о ней женѣ стряпчаго, послѣдняя въ свою очередь сообщила по секрету исправничихѣ и, какъ выразился Гоголь, „пошла писать губернія“. Къ вечеру уже весь городъ зналъ всѣ подробности этой исторіи съ Х—вой. Почтеннѣйшая дѣвица Марья Алексѣевна не ожидала, чтобы ея крѣпостные осмѣлились

разсказать въ ректурскомъ присутствіи о печальномъ инцидентѣ въ березовой рощѣ. Она до послѣдней крайности хотѣла скрыть исторію этого позорнаго инцидента. Крѣпилась, сколько могла, врачевала спину домашними средствами, но ничего не помогло. Спина стала гнить. Волей неволей пришлось обратиться къ помощи врача. Въ то время въ А—скомъ уѣздѣ былъ лекаремъ нѣкто Д—скій. Призванный къ дѣвицѣ Х—вой и осмотрѣвъ ея спину, врачъ прописалъ ей лѣкарство и уѣхалъ обратно въ городъ. Само собой разумѣется, Д—скій узналъ и причину болѣзни барышни Х—вой. Отъ природы онъ былъ большой весельчакъ и говорунъ. На другой день, бывшій на вечерѣ у судьи лекарь Д—скій очень остроумно съ многими прибавленіями разсказалъ, какъ крѣпостные люди: лакей и кучеръ, „отдѣлали“ строгую помѣщицу Марью Алексѣевну Х—ву. Въ это время у судьи было многочисленное общество, кавалеровъ и дамъ. Всѣ съ большимъ любопытствомъ слушали разсказъ уѣзднаго лекаря. Конечно не обошлось дѣло безъ комментаріевъ и самыхъ нелѣпыхъ прибавленій. Изъ прочтеннаго мною письма я узналъ, что помѣщица Х—ва, послѣ случившаго съ нею инцидента въ березовой рощѣ и вылечивъ спину, уѣхала на жительство въ Москву въ собственный домъ на Остоженку. Тамъ, какъ гласитъ повѣствователь, дѣвица Марья Алексѣевна не могла уже производить экзекуцію передъ парадным крыльцомъ, какъ она дѣлала это въ своемъ имѣніи, такъ какъ парадный подъѣздъ дома выходилъ на улицу; виновныхъ барышня приказывала растягивать при дѣвичьемъ крыльцѣ. Такіе порядки или, правильнѣе сказать, звѣрства существовали еще 19 лѣтъ до 1861 г.

Н. П.

Изъ прошлаго.

Записано со словъ генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева, въ январѣ 1900 г. въ Петербургѣ.

Весной 1878 г., по заключеніи „прелиминарнаго“ С.-Стефанскаго договора, мы были наканунѣ войны съ Австріей. Предполагалось двинуть одновременно двѣ арміи: южную подъ начальствомъ ген.-ад. Гурко изъ войскъ нашихъ, находившихся еще въ сѣверной Болгаріи, а также въ Румыніи, направляя ее на сѣверъ, въ Трансильванію, и армію восточную, формируемую на Волыни, долженствовавшую наступать въ Галицію. Командованіе этой послѣдней арміей предполагалось возложить на фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго. Ген.-ад. Обручевъ долженъ былъ быть начальникомъ штаба восточной арміи и уже занимался съ княземъ, жившимъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ то же время мы готовились и къ Берлинскому конгрессу, на которомъ главнымъ нашимъ уполномоченнымъ долженъ былъ быть канцлеръ князь А. М. Горчаковъ.

У князя Барятинскаго была тайная мысль: командовать обѣими арміями; въ качествѣ главнаго руководителя операцій, въ роли генералиссимуса; въ описываемое время онъ страдалъ подагрой и не выѣзжалъ изъ отведенныхъ ему въ Зимнемъ дворцѣ покоевъ.

Однажды, когда ген.-ад. Обручевъ, покончивъ докладъ, собирался уходить, князь Барятинскій, любившій говорить по-французски, сказалъ: „mon cher Николай Николаевичъ, demain Vous viendrez chez moi un peu plus tard; l'Empereur vient en ville [1]), il descendra certainement chez moi pour déjeuner et nos occupations sont forcement retardées“. На другой день Обручевъ пошелъ во дворецъ позже, около 2-хъ часовъ дня, но узналъ, что государь только-что пріѣхалъ, а потому въ этотъ день доклада не состоялось; когда же онъ при-

[1]) Изъ Царскаго Села.

шелъ въ слѣдующій разъ, то князь Барятинскій встрѣтилъ его словами: mon cher Николай Николаевичъ, nous ne travaillerons plus ensemble; l'Empereur ne désire pas que je commande l'armée. Далѣе князь разсказалъ, что государь пріѣхалъ въ Петербургъ позже предположеннаго, пришелъ къ князю и, увидѣвъ его въ полулежачемъ положеніи съ ногой, окутанной и протянутой на подушкахъ, сказалъ слѣдующее: „такъ ты дѣйствительно боленъ, князь; я думалъ, что ты только притворяешься, чтобы не ѣздить въ Царское. Ну, въ такомъ случаѣ я не могу взять на себя отвѣтственности передъ Богомъ и Россіей и не могу ввѣрить тебѣ командованіе арміей".

Такъ назначеніе князя Барятинскаго и не состоялось, а затѣмъ и войны не было.

Впослѣдствіи выяснилось, что государь, выѣзжая въ этотъ день изъ Царскаго въ Петербургъ, сказалъ нѣкоторымъ приближеннымъ: „я ѣду сегодня сдѣлать два дѣла: отговорить князя Барятинскаго отъ командованія арміей, а князя Горчакова отъ поѣздки въ Берлинъ".

Какъ видно изъ вышенаписаннаго, первое удалось государю вполнѣ, второе же—не удалось. Ген.-ад. Обручевъ прибавилъ: „Горчаковъ оказался хитрѣе; перехитрилъ государя и поѣхалъ въ Берлинъ",—но, прибавимъ отъ себя, поѣхалъ не на радость, а на позоръ Берлинскаго конгресса.

Записано въ январѣ 1900 г. въ Петербургѣ со словъ кн. Грузинскаго, бывшаго въ 1870—1878 гг. свидѣтелемъ всего ниже описаннаго.

Берлинскій конгрессъ долженъ былъ скоро открыться, наши уполномоченные: князь Горчаковъ и графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ [1]) собирались ѣхать въ Берлинъ; назначенъ былъ день и часъ отъѣзда. Въ этотъ самый день, незадолго до отхода поѣзда, гр. Шуваловъ былъ внезапно потребованъ къ государю въ Зимній дворецъ. Въ виду спѣшности гр. Шуваловъ пріѣхалъ въ сюртукѣ и, покончивъ бесѣду въ кабинетѣ, глазъ на глазъ съ государемъ, вышелъ въ галлерею, попрощался съ бывшими въ ней лицами и началъ спускаться по боковой лѣстницѣ. Въ это время изъ кабинета стремительно вышелъ государь, имѣя очки поднятыми на лобъ и торопясь спрашивалъ, гдѣ гр. Шуваловъ, а когда присутствующіе доложили, что графъ уже на лѣстницѣ, то государь направился туда. Гр. Шуваловъ, спустившійся уже на второе колѣно лѣстницы, узнавъ, что

[1]) Третій уполномоченный Убри былъ посломъ въ Берлинѣ.

государь его спрашиваетъ, поднялся нѣсколько ступеней, но былъ еще на второмъ поворотѣ лѣстницы, когда государь, выйдя на верхнюю ея площадку, стуча пальцемъ по периламъ, сказалъ громко, по-французски: comte Schouvaloff souvenez vous que vous me répondez sur votre tête pour la paix.

Это слышали многіе и въ томъ числѣ кн. Грузинскій, находившійся въ галлереѣ, у площадки лѣстницы.

Тотъ же разсказъ, съ буквальной точностью, повторенъ былъ при мнѣ П. М. фонъ К., разсказывавшимъ этотъ эпизодъ одному лицу, но съ прибавленіемъ, что слова государя были въ тотъ же день извѣстны въ германскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

Записано въ январѣ 1900 г. въ Петербургѣ, со словъ кн. Грузинскаго.

Въ 1870 году нѣмцы обложили Парижъ, заняли Версаль, но король Вильгельмъ не былъ еще провозглашенъ императоромъ. Однажды гр. Адлербергъ сказалъ мнѣ [1]), что меня отправляютъ курьеромъ въ Версаль и что я долженъ на другой день, рано утромъ, представиться государю въ Зимнемъ дворцѣ. Я пришелъ очень рано, и камердинеръ сказалъ мнѣ, что государь „еще въ уборной, изволятъ кофе кушать“. Тѣмъ не менѣе меня скоро потребовали.

Государь взялъ какую-то коробку со стола и, отдавая ее мнѣ, сказалъ: „Тутъ четыре георгіевскихъ креста. Поѣзжай въ Версаль и доложи королю, что я жалую эти кресты наслѣдному принцу, принцу Фридриху-Карлу, Мантейфелю и Мольтке, а тутъ“, сказалъ государь, взявъ другой ящикъ, гораздо больше перваго, „тутъ 100 солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ. Передай ихъ королю и доложи, что я счастливъ буду, когда мои кресты украсятъ грудь храбрыхъ прусскихъ гренадеръ. Понялъ?“ Всѣ, кому случалось получать приказанія лично отъ государя Александра II, знали, что послѣ этого вопроса: „понялъ“, никогда не слѣдуетъ говорить обычныя въ такомъ случаѣ: понимаю, понялъ, точно такъ и т. п., а надо сейчасъ же повторить все, сказанное государемъ. — Я такъ и сдѣлалъ. Государь остался доволенъ и прибавилъ: „а кромѣ того зайди къ князю Горчакову и получи у него письмо къ королю. Помни, что за цѣлость этого письма ты отвѣчаешь головой“.

---

[1]) Т. е. кн. Грузинскому.

Явившись къ Горчакову, я получилъ конвертъ, при чемъ князь сказалъ мнѣ: „помните, что нѣтъ того золота въ мірѣ, которое бы не дали Англія съ Франціей для того, чтобы узнать содержаніе этого письма“.

Въ письмѣ этомъ было заявленіе государя, что онъ, въ виду измѣнившагося политическаго положенія Европы, не считаетъ болѣе себя связаннымъ Парижскимъ трактатомъ 1856 года въ нѣкоторыхъ его частяхъ и главнымъ образомъ въ томъ, что касается судоходства по Черному морю [1]).

Окончивъ эти дѣла, я, передъ отъѣздомъ, явился къ графу Адлербергу, который, выслушавъ мой докладъ, потребовалъ, чтобы я въ точности повторилъ слова государя. Я это исполнилъ. Вдругъ графъ говоритъ мнѣ: „Вы ослышались; государь вамъ не говорилъ: я счастливъ буду и т. д.“. Я стоялъ, недоумѣвая, отлично помня, что государь именно сказалъ такъ, какъ я докладывалъ. Графъ продолжалъ: „да, вы ослышались; государь вамъ не сказалъ: я счастливъ буду... государь вамъ сказалъ: доложи королю, что я буду очень радъ, когда мои кресты украсятъ грудь храбрыхъ прусскихъ гренадеръ“. Тутъ я, зная уже давно графа, понялъ въ чемъ дѣло и сказалъ: „да; должно быть, я ослышался“; на что графъ, прощаясь со мной, повторилъ: „да, да, вы ослышались; государь не говорилъ, что онъ будетъ счастливъ, а сказалъ, что онъ будетъ очень радъ“....

Сообщилъ **П. Паренсовъ.**

Не мѣшаетъ къ сообщенному г. Паренсовымъ добавить нѣкоторыя подробности о томъ способѣ и о тѣхъ удобствахъ, которые встрѣтилъ посланецъ царскій, везшій въ Версаль секретную бумагу.

По словамъ князя Грузинскаго, отъ графа Адлерберга, бывшаго въ то время министромъ двора, онъ отправился на поѣздъ. Несмотря на то, что онъ везъ документъ государственной важности, для него не было сдѣлано никакихъ распоряженій, чтобы онъ могъ совершенно спокойно доѣхать до мѣста назначенія. При пособіи кондуктора ему удалось кое-какъ получить купэ, въ которомъ онъ доѣхалъ до Вержболова, гдѣ его подвергли всѣмъ формальностямъ таможеннаго досмотра.

Но едва князь Грузинскій попалъ въ Эйдкуненъ, какъ картина его путешествія совершенно измѣнилась. Тотчасъ по прибытіи на

---

[1]) Статья 11-я.

станцію къ готовому уже для него вагону явилось какое-то желѣзнодорожное начальство, а на всемъ пути до Версаля на каждой станціи къ его вагону для охраны становились солдаты: со стороны платформы безоружный, а съ противоположной—съ ружьемъ. Такъ различно въ Россіи и Германіи охраняется документъ, за знакомство съ содержаніемъ котораго Франція и Англія, по словамъ князя Горчакова, не пожалѣли бы никакихъ денегъ.

Припомнимъ, что въ 1797 году послѣ неудачнаго конгресса въ Раштадтѣ два французскихъ уполномоченныхъ Робержо и Бенье были убиты, чтобы австрійцы могли получить ихъ секретныя бумаги.

Редакція.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Дневникъ Краковскаго возстанія

въ 1794 г. [1]).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Львовѣ найденъ случайно дневникъ Людовика Цѣшковскаго, вице-бригадира польскихъ войскъ, во время польскаго возстанія 1794 года. Дневникъ этотъ напечатанъ въ дополненіе къ издаваемой на средства львовскаго народнаго дома „Сводной галицко-русской лѣтописи“.

Издатель этого сборника, каноникъ Антоній Петрушевичъ, скрывающійся большею частью подъ псевдонимомъ „А. С. П.“, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ дѣятелей современной Галиціи.

„Занятый исключительно научными изслѣдованіями, онъ стоитъ въ сторонѣ отъ партійной борьбы, которой увлекаются многіе ученые современной Галиціи. Его квартира вся завалена книгами, для которыхъ не хватаетъ стоящихъ вдоль всѣхъ стѣнъ шкафовъ и которыми завалены подоконники, столы, стулья, диваны и даже кровать о. каноника. Между этими книгами не мало рѣдкихъ библіографическихъ изданій, а также имѣются цѣлыя рукописи и предметы старины. Самъ владѣлецъ этой библіотеки вѣчно въ работѣ и отъ времени до времени обогащаетъ науку своими вкладами. Несмотря на массу напечатаннаго, у него есть много научнаго матеріала, который еще ожидаетъ своего появленія на свѣтъ. Между этимъ матеріаломъ первое и самое главное мѣсто занимаетъ его, извѣстный всей Галиціи, филологическій словарь, цѣлая энциклопедія, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ такую массу филологическаго матеріала, которая

[1]) Свѣдѣнія о личности о. Петрушевича находимъ въ ст. „Новыя данныя къ исторіи польскаго возстанія 1794 г.“ о. Крыжановскаго.

едва-ли когда-либо умѣщалась въ издававшихся прежде словаряхъ. Надъ этимъ словаремъ онъ работалъ почти всю жизнь. Расходы, которые понадобились для его изданія, настолько велики, что ни одинъ изъ издателей не рѣшается взять на себя это дѣло и если не явится какой-либо меценатъ, то колоссальный трудъ о. Петрушевича едва-ли увидитъ свѣтъ".

„Петрушевичъ помѣщаетъ свои труды какъ въ галицкихъ, такъ и въ нѣмецкихъ изданіяхъ; его работы, за исключеніемъ развѣ, упомянутой выше „Сводной галицко-русской лѣтописи", большею частію невелики объемомъ, но свидѣтельствуютъ о большой эрудиціи и замѣчательномъ критическомъ талантѣ".

Изданный о. Петрушевичемъ дневникъ Цѣшковскаго, бывшаго членомъ польскаго патріотическаго клуба, образовавшагося въ 1794 г. въ г. Дубно Волынской губ. въ которомъ онъ не игралъ впрочемъ видной роли, повѣствуетъ о смутной эпохѣ 1794 г. и проливаетъ новый свѣтъ па нѣкоторыя описываемыя имъ событія. Онъ озаглавленъ: „Diariusz powstania Krakowskiego w roku 1794 г." и начинается съ 22 января 1794 г. [1]).

I.

22 января 1794 г., въ гор. Дубно, по почину доблестныхъ пановъ изъ дома князей Чарторыйскихъ, возникъ патріотическій клубъ, членовъ котораго выбирали съ большой осторожностью и которые добровольно присягали хранить все происходящее въ немъ въ тайнѣ.

Когда пасъ увѣдомили, что кабинеты двухъ союзныхъ державъ выработали проектъ окончательнаго раздѣла Польши послѣ смерти польскаго короля Станислава-Августа, то было рѣшено взяться за оружіе, чтобы доказать Европѣ нашу готовность обороняться и сохранить преданія нашей народной славы, тѣмъ болѣе, что Австрія была раздражена тѣмъ, что берлинскій и петербургскій дворы совершили второй раздѣлъ Польши безъ ея участія.

Король саксонскій, побуждаемый своекорыстными цѣлями, вошелъ въ сношеніе съ Вѣной и, въ случаѣ окончательнаго принятія конституціи третьяго мая, дочь саксонскаго короля, объявленная польской инфантой, будетъ выдана замужъ за одного изъ братьевъ австрійскаго императора и польскій престолъ перейдетъ къ австрійскому дому. Въ Вѣнѣ отнеслись къ этому плану сочувственно.

---

[1]) Всѣ даты по новому стилю.

Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Дубно чрезъ Пулавы, резиденцію князей Чарторыйскихъ, куда ее сообщили польскіе патріоты, проживавшіе въ Дрезденѣ, то мы немедленно рѣшили дѣйствовать и составить конфедерацію. Долго колебались, кого выбрать маршаломъ конфедераціи: Малаховскаго, Закревскаго или Коллонтая. Наибольшее число сторонниковъ было у Игнатія Потоцкаго; предлагали также избрать Ржевусскаго; Ксаверій Богушъ предложилъ, примѣнительно къ господствовавшему духу времени, вызванному французской революціей, отмѣнить названіе конфедераціи и маршалковъ (которое стало непріятно и противно народу, неоднократно обманутому), переименовавъ первое въ инсуррекцію, а названіе маршалка замѣнить словомъ начальникъ и дѣйствовать подъ знаменемъ: вольности, равенства и независимости.

При обнародованіи акта о возстаніи, было рѣшено дать крестьянамъ право и вольности, сравнять мѣщанъ въ правахъ съ дворянами, польстить духовенству, выразивъ глубокое уваженіе къ религіи, обѣщая поддержать власть и неприкосновенность церкви, и этимъ объединить всѣ сословія.

Такимъ образомъ, нами былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями планъ, выработанный въ Дрезденѣ. Сообразуясь съ принципомъ равенства, было рѣшено выбрать на постъ начальника не изъ богатыхъ и родовитыхъ пановъ, а простаго шляхтича, безъ имѣній и титуловъ, извѣстнаго лишь своими талантами; намъ подали мысль избрать на этотъ постъ Косцюшко, прославившагося своими боевыми подвигами въ Америкѣ и доказавшаго свои способности и свою отвагу подъ Дубенкой, снискавъ этимъ любовь и довѣріе войска. Мы избрали его единогласно. Этого избранія желали и въ Пулавахъ, гдѣ относительно Косцюшки имѣли особые виды [1]). Возстаніе рѣшено было произвести 3-го мая, чтобы ознаменовать этотъ день великимъ для страны дѣломъ. Для каждаго воеводства были назначены особые инсуррекціонные агенты, какъ изъ чиновъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Коменданту Каменца, Орловскому, было поручено учредить военный клубъ. Всѣ эти постановленія и протоколы (засѣданій патріотическаго клуба) были переданы черезъ Пулавы въ Дрезденъ, послѣ чего Косцюшко выѣхалъ немедленно изъ Пулавъ и, пробывъ нѣкоторое время въ Сенявѣ, отправился въ Львовъ, чтобы ознакомиться съ жителями Галиціи. Эмиссарами для агитаціи въ Галицію

[1]) „Въ случаѣ удачнаго исхода возстанія", говоритъ Цѣшковскій въ примѣчаніи къ своему Дневнику, „предполагалось выдать княжну Виртембергскую, бывшую изъ рода Чарторыйскихъ, за Косцюшку, чтобы такимъ образомъ кн. Чарторыйскіе могли распространить свое вліяніе и на демократическіе слои польскаго общества.

были избраны Викентій Гржимайло и Францискъ Стралковскій; Михаилъ Стадницкій дѣйствовалъ въ Пршемысльскомъ воеводствѣ, Мокроновскій въ Варшавѣ, Скаржевскій и Кенжицкій въ Пруссіи. Разумѣется, ихъ дѣйствія не долго могли оставаться въ тайнѣ. Россія, содержавшая въ Польшѣ довольно многочисленную и щедро вознаграждаемую полицію, начала въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдить за нами. Игельстромъ (русскій уполномоченный въ Варшавѣ) взялъ на себя роль великаго инквизитора испанскаго; онъ заявилъ королю, что въ краѣ завелся якобинизмъ и что его нужно преслѣдовать; Станиславъ-Августъ, движимый любовью къ отечеству или быть можетъ боязнію подвергнуться участи Людовика XVI, со своей стороны старался раскрыть тайные происки, но, по обыкновенію, велъ себя двусмысленно и не могъ скрыть своего расположенія къ намъ и даже предостерегалъ нѣкоторыхъ польскихъ патріотовъ, находившихся въ Варшавѣ, и совѣтовалъ Косцюшкѣ немедленно выѣхать изъ Польши въ Лейпцигъ.

Между тѣмъ, Игельстромъ дѣятельно совѣщался съ гетманомъ Ожаровскимъ, и ими, совмѣстно съ военнымъ совѣтомъ, былъ выработанъ планъ распредѣленія оставшагося въ Польшѣ войска небольшими отрядами въ воеводствахъ подольскомъ, брацлавскомъ, волынскомъ и кіевскомъ. Польскія войска склоняли къ принятію русской службы. Генералъ Любовицкій получилъ отъ Кречетникова извѣстную сумму денегъ, чтобы склонить ихъ къ этому; ему удалось повліять въ этомъ смыслѣ на нѣкоторые отряды, но такъ какъ они не сдержали впослѣдствіи своего слова, то это очень повредило Любовицкому. Игельстромъ рѣшилъ обезоружить непокорное польское войско. Наканунѣ назначеннаго для этого дня, бригадиръ Антонъ Мадалинскій (бывшій барскій конфедератъ, которому хорошо были извѣстны всѣ наши планы) былъ предупрежденъ о намѣреніи Игельстрома анонимнымъ письмомъ и тотчасъ послалъ маіора Гуссаревскаго предупредить о томъ дивизіи Заіончека и Домбровскаго. Посланный ловко выполнилъ данное ему порученіе; сговорившись сначала съ младшими офицерами, онъ передалъ, затѣмъ, то, что ему было поручено, командовавшимъ дивизіями генераламъ, и замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ колебался, сказалъ ему: „я ручаюсь, что солдаты не будутъ повиноваться вашимъ приказаніямъ, и предостерегаю васъ, что вы покроете себя позоромъ и вамъ быть можетъ будетъ даже угрожать опасность“. Слова Гуссаревскаго подѣйствовали такъ, что всѣ три корпуса рѣшили дѣйствовать единодушно. Мадалинскій первый отказался повиноваться предписанію военнаго совѣта, его примѣру послѣдовали всѣ прочіе. Игельстромъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, но поспѣшилъ послать курьера въ Петербургъ, о чемъ король сообщилъ гене-

ралу Мокроновскому, которому онъ еще ранѣе высказалъ свое желаніе, чтобы народъ польскій не впалъ, наконецъ, въ отчаяніе. Король и впредь передавалъ Мокроновскому всѣ секретныя сообщенія, дѣлаемыя ему Игельстремомъ, а Мокроновскій въ свою очередь сообщалъ все это польскимъ патріотамъ въ Дрезденъ [1]).

Въ виду такихъ извѣстій было рѣшено поспѣшить съ его возстаніемъ. Казиміръ Сапѣга былъ посланъ для переговоровъ въ Вѣну (гдѣ онъ и скончался), а Косцюшко тѣмъ временемъ ожидалъ извѣстій въ Лейпцигѣ, а по полученіи письма отъ Коловрата [2]) въ первыхъ числахъ марта поспѣшно выѣхалъ изъ Вѣны въ Краковъ [3]), гдѣ его уже поджидали патріоты и куда стянулось войско.

24 марта 1794 г. былъ объявленъ актъ краковскаго возстанія. Главнокомандующимъ войскъ былъ назначенъ Костюшко; всѣ выразившіе желаніе участвовать въ оборонѣ подписывались и присягали. Подъ актомъ возстанія подписывались многіе изъ обывателей г. Кракова: Валевскій, Водзицкій, Ѳаддей Чацкій [4]), Велепольскій, Дембинскій и т. д. Актъ былъ обнародованъ въ заграничныхъ газетахъ.

Узнавъ объ этомъ 26 августа, Игельстромъ приказалъ вызвать Косцюшку въ судъ. Тогда почтенный и всѣми уважаемый королевскій прокуроръ Краевскій сложилъ съ себя обязанности прокурора; его мѣсто заступилъ Матвѣй Рогузскій, за подписью котораго и по-

---

[1]) По словамъ Цѣшковскаго (примѣчанія къ дневнику), король въ разговорѣ съ Мокроновскимъ говорилъ, что онъ искренно желаетъ счастія отечеству, съ которымъ тѣсно связана его судьба, и однажды прямо заявилъ, что „нужна революція“. Цѣшковскій прибавляетъ къ этому, что „переходъ короля на сторону революціонеровъ и былъ причиною того, что Екатерина II лишила его престола, не дождавшись его смерти, и считала его измѣнникомъ“.

Приведенныя Цѣшковскимъ слова короля свидѣтельствуютъ, что „Станиславъ-Августъ былъ далеко не такимъ исполнителемъ русской воли, какимъ его стараются выставить нѣкоторые польскіе историки“.

[2]) Въ этомъ письмѣ Коловратъ увѣрялъ его въ покровительствѣ Австріи, совѣтовалъ начать дѣйствовать въ Краковѣ, чтобы, въ случаѣ первоначальной неудачи, онъ могъ бы укрыться со своими сторонниками на австрійской землѣ, гдѣ они были бы приняты подъ покровительство австрійскаго правительства; далѣе Коловратъ заявлялъ, что вице-губернаторъ во Львовѣ, Калембергъ, получилъ отъ двора настоятельный приказъ сохранять нейтралитетъ, не мѣшать переходу польскихъ войскъ черезъ Галицію, не требовать паспортовъ отъ желающихъ примкнуть къ инсуррекціоннымъ войскамъ галичанъ и per bona officia помогать полякамъ, что̀ въ началѣ и исполнялось.

[3]) Въ Гамбургской газетѣ по этому поводу писали: генералъ американскихъ и польскихъ войскъ, хорошій гражданинъ и республиканецъ, но бѣдный литовскій шляхтичъ, пріѣхалъ 20 марта въ Краковъ въ бричкѣ, запряженной тройкой лошадей, а 24 марта объявилъ войну тремъ державамъ.

[4]) Бывшій впослѣдствіи визитаторомъ училищъ въ виленскомъ учебномъ округѣ.

явилось въ „Народовой Газетѣ“ объявленіе о томъ, что Косцюшко, какъ бунтовщикъ, вызывается въ судъ. Вскорѣ разнесся слухъ, что хотя Игельстромъ не получилъ изъ Цетербурга никакого извѣстія, тѣмъ не менѣе онъ поспѣшилъ вновь сообщить о случившемся, но поляки задержали курьеровъ, ѣхавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Денисовъ и Ферзенъ, посланные противъ Косцюшко, встрѣтились съ нимъ: Косцюшко, имѣя 2.500 чел. войска, не считая краковскихъ коссиньеровъ, смѣло далъ сраженіе 12-тысячному русскому отряду; русскіе были разбиты подъ Полоннымъ и Рацлавицами, потеряли нѣсколько орудій и амуницію и должны были отступить. Потерпѣвшіе пораженіе русскіе избѣгали вторичнаго сраженія и, отступая, грабили и жгли по пути мѣстныхъ жителей. Я получилъ письмо отъ Косцюшки, которое комендантъ Каменца Злотницкій получилъ за меня на почтѣ и препроводилъ Шереметеву. Мнѣ было приказано отправиться немедленно въ Житоміръ, откуда я былъ посланъ въ Несвижъ къ генералъ-губернатору Тутолмину, и благополучно возвратился, удачно исполнивъ возложенное на меня порученіе. Одержанная побѣда оживила духъ поляковъ; число повстанцевъ ежедневно увеличивалось. Игельстромъ, опасаясь мщенія и возстанія въ самой Варшавѣ и не получая никакого отвѣта изъ Петербурга, рѣшилъ послать своихъ курьеровъ черезъ Пруссію, а между тѣмъ составилъ смѣлый планъ захватить въ Варшавѣ арсеналъ, но король по своему обыкновенію извѣстилъ объ этомъ Мокроновскаго. Чтобы предупредить осуществленіе этого плана, рѣшено было поспѣшить съ возстаніемъ, и 18 апрѣля совершилась достопамятная въ лѣтописяхъ народа революція. Королю было извѣстно о томъ, что она должна была вскорѣ произойти, но ему не было извѣстно, въ какой именно день. Игельстромъ провѣдалъ о томъ, и, по его приказанію, въ Варшаву прибыло 17 апрѣля изъ лагеря 5.000 чел. войска. Это послужило сигналомъ ускорить возстаніе. Варшавскіе патріоты избрали мѣщанина Килинскаго, человѣка состоятельнаго и умнаго, подъ руководствомъ котораго они начали дѣйствовать. Простой народъ болѣе довѣрялъ ему; особенно разжигало страсти духовенство, которое на исповѣди внушило народу мысль о возстаніи, а для большаго страха распускало слухъ, будто „москали“ втащатъ во время заутрени въ костелы орудія, заберутъ изъ арсенала оружіе и произведутъ въ городѣ рѣзню, разграбя Варшаву. Слыша это изъ устъ духовенства, народъ вѣрилъ этому. Вступленіе 17 апрѣля въ Варшаву 5.000 русскихъ какъ бы подтвердило справедливость этого слуха. Польское войско, полкъ Дзялинскаго, Мѣровскаго, артиллерія, королевская гвардія, всѣ солдаты били москалей, народу было роздано изъ арсенала оружіе, словомъ, вся Варшава уподобилась военному лагерю (припоминали сицилійскую вечерню и Варѳо-

ломеевскую ночь въ Парижѣ). Русскіе защищались упорно, но пали жертвою справедливой мести, потерявъ 10 тысячъ убитыми и ранеными и взятыми въ плѣнъ. Наши взяли множество аммуниціи, но поляки понесли почти столь же значительныя потери; низкіе люди старались воспользоваться революціей въ своихъ выгодахъ; они грабили частныхъ лицъ. Домъ, въ которомъ жилъ Игельстромъ, былъ разнесенъ и разграбленъ чернью. Дипломатическая переписка посольства была спасена отъ утраты и досталась въ наши руки; мы нашли въ ней доказательство происковъ измѣнниковъ отечества и списокъ истинныхъ виновниковъ, найденъ былъ также списокъ лицъ, получавшихъ отъ Москвы постоянныя пенсіи, и были обнаружены тайные измѣнники отечества. Самъ Игельстромъ только при помощи Шидловскаго избѣгнулъ позорной смерти, которая угрожала ему въ отмщеніе за дурное отношеніе къ полякамъ.

Во время такого всеобщаго возбужденія поляки сохранили, однако, вполнѣ лойяльныя отношенія къ личности короля, что̀ доказываетъ благородство ихъ души и говоритъ въ пользу народа. Когда храбрый маіоръ Стралковскій вывелъ лейбъ-гвардію изъ дворца на поле битвы, вопреки приказанію короля, то Станиславъ-Августъ вышелъ на крыльцо дворца и, взявъ въ руки штандартъ, оставался въ такомъ положеніи нѣсколько часовъ, окруженный лишь небольшой стражей, подвергая себя явной опасности; генералъ Бышевскій, выѣхавъ передъ толпой, сталъ убѣждать народъ успокоиться, но народъ озлобился на него за это и бросился на него. Бышевскій бѣжалъ передъ толпою въ замокъ, а народъ преслѣдовалъ его до воротъ замка, гдѣ, увидавъ короля, остановился и не посмѣлъ войти во дворъ; комендантъ Варшавы Мокроновскій и Закржевскій назначили изъ членовъ муниципалитета стражу для короля, и въ замкѣ нашли убѣжище и безопасность женщины и иностранные послы. Большая часть свиты королевской также примкнула къ возстанію, которое едва затихло къ утру субботы.

Въ субботу цѣлый день возили трупы и бросали ихъ въ Вислу вмѣсто того, чтобы предавать землѣ. Мокроновскій, съ помощью Циковскаго, вполнѣ водворилъ порядокъ. Башмачникъ Килинскій игралъ роль римскаго трибуна. Былъ учрежденъ революціонный судъ, который не могъ противустоять требованіямъ разъяреннаго народа, введеннаго въ обманъ интригами и происками; самые вліятельные сторонники Россіи были арестованы, и народъ требовалъ немедленнаго приговора ихъ къ повѣшенію. Къ лишенію жизни были приговорены, какъ измѣнники, епископы Массальскій и Косаковскій, гетманъ Ожаровскій, каштелянъ Анквичъ, которые и были повѣшены передъ костеломъ Бернардиновъ на краковскомъ предмѣстьѣ. Рачин-

скій и Билинскій избѣжали висѣлицы, получивъ предостереженіе отъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Рогожинскій, служившій Игельстрому шпіономъ, былъ повѣшенъ по заслугамъ, а Матѳей Рогузскій былъ повѣшенъ за то, что, занимая должность королевскаго прокурора, подписалъ нѣсколько дней передъ тѣмъ указъ о вызовѣ Косцюшки въ судъ.

Подъ предсѣдательствомъ графа Казиміра Красинскаго, коронnаго обознаго, открылись засѣданія совѣта. Польскія войска, услыхавъ о начавшемся возстаніи и о варшавской революціи, шли разными путями изъ Червонной Руси; пинскую бригаду привелъ поручикъ Колышко; Вышковскій, стоявшій надъ Днѣстромъ, и Карвицкій со своимъ полкомъ подошли къ границѣ Польши, но этотъ послѣдній былъ окруженъ русскими и не могъ дойти до мѣста; другіе между тѣмъ были обезоружены; весьма многіе съ большой опосностью присоединились къ мятежнымъ войскамъ; многихъ русскіе преслѣдовали. Генералъ Гроховскій повелъ эти отряды къ Косцюшкѣ и, остановивъ по пути русскій арьергардъ, захватилъ понтоны и иныя военныя принадлежности.

Господь благословилъ первыя дѣйствія поляковъ. Отряды, проходившіе черезъ Галицію, встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны населенія, и само правительство оказывало имъ всяческія льготы; они получили отъ жителей Галиціи даромъ не мало лошадей, полотенъ и денегъ, а ряды ихъ пополнились людьми.

10 мая, подъ предводительствомъ полковника Ясинскаго, началось возстаніе въ Вильнѣ, которое обошлось менѣе кровопролитно. Тамъ были повѣшены гетманъ Коссаковскій и Забѣлло, генералъ Арсеньевъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Варшаву. Подобное же возстаніе началось въ Курляндіи, гдѣ во главѣ его стоялъ Гедройцъ, и на Жмуди.

11 мая я переправился съ 65 чел. солдатъ чрезъ р. Збручъ [1]) нѣсколько выше Збрижа [2]); въ самый полдень мы ранили нѣсколько казаковъ; у насъ была убита всего одна лошадь, но насъ не преслѣдовали, полагая, что въ лѣсу, откуда мы ѣхали, была засада и что мы тамъ оставили возы съ оружіемъ и т. п. Я шелъ спокойно чрезъ Галицію, отдохнувъ въ окрестностяхъ Львова въ домѣ воеводы Гоздскаго, который далъ намъ 15 человѣкъ вполнѣ обмундированныхъ съ лошадьми, написалъ письмо къ Косцюшкѣ и послалъ ему со мною 5.000 п. зл. Въ Красномъ ставѣ я встрѣтилъ отрядъ польскаго войска подъ начальствомъ генерала Гауфмана; въ Пяскахъ [3]) былъ дру-

[1]) Лѣвый притокъ Днѣстра.
[2]) Мѣст. Подольской губ.
[3]) Пос. Люблинской губ.

гой отрядъ, коимъ командовалъ генералъ Ведельштедъ, получившій образованіе въ Пруссіи. Староста Венглинскій донесъ о моихъ дѣйствіяхъ въ Россію, за что́ лишился мѣста.

25 мая, начальникъ повстанцевъ, узнавъ о моемъ приходѣ, выслалъ мнѣ навстрѣчу маіора Іосифа Цѣшковскаго съ эскадрономъ полка Карвицкаго, который эскортировалъ меня какъ делегата подольскаго воеводства. Я передалъ командующему актъ о присоединеніи къ возстанію подолянъ [1]).

Въ приказѣ по полку было объявлено о моемъ приходѣ. Получивъ патентъ на чинъ вице-бригадира повстанческаго отряда подъ командою Косцюшко, я отправился въ Варшаву, увѣдомивъ совѣтъ о томъ, что подоляне обязались при появленіи польскихъ войскъ въ Подоліи выставить 10 тысячъ человѣкъ солдатъ, обмундировавъ ихъ на свои средства [2]). Совѣтъ приказалъ опубликовать объ этомъ въ газетахъ, для поощренія къ таковымъ жертвамъ прочихъ обывателей; но я не обнародовалъ этого приказа, дабы не подвергнуть подолянъ преслѣдованію со стороны русскихъ.

Во время моей бытности въ Варшавѣ пріѣхали изъ Дрездена Игнатій Потоцкій и Коллонтай; народъ, выпрягши лошадей изъ ихъ каретъ, самъ повезъ ихъ къ дому. Напрасно оказывались Коллонтаю эти почести, ибо онъ захватилъ себѣ въ совѣтѣ всю власть, сдѣлавшись почти диктаторомъ. По его наущенію вспыхнула вторая революція, коей руководилъ его слуга Конопка. Во время ея погибло не мало людей и между прочимъ князь Антонъ Четвертинскій [3]).

---

[1]) Въ примѣчаніяхъ къ „Дневнику“ Цѣшковскій говоритъ, что по взятіи подъ Маціовицами въ плѣнъ начальника возстанцевъ (т. е. Косцюшки), онъ употребилъ все стараніе, чтобы добыть оригиналъ этого акта изъ архива повстанья. „Мнѣ пришлось, разсказываетъ онъ, дать за это одному человѣку 80 п. зл., но по крайней мѣрѣ я спасъ этимъ обывателей Подоліи отъ преслѣдованія, такъ какъ москали, взявъ архивъ, нашли только въ протоколѣ слѣдующую помѣтку: „мая 25 дня, обыватель Людовикъ Цѣшковскій, депутатъ Подоліи, доставилъ оригиналъ акта о присоединеніи (къ возстанію) подолянъ, зарегистрованный подъ № 1125, но его въ архивѣ не оказалось; онъ предупредилъ несчастье, но самъ сдѣлался жертвою преслѣдованія и т. д.

[2]) Въ данной мнѣ инструкціи, читаемъ въ „примѣчаніяхъ къ дневнику“, было сказано, чтобы я не отдавалъ акта о присоединеніи, не освѣдомившись о томъ, на какихъ основаніяхъ составленъ актъ Краковскаго возстанія. Начальникъ созвалъ экстренное засѣданіе, показалъ мнѣ письмо Коловрата, письмо, полученное изъ Дрездена и т. д. Ознакомившись съ ними, я передалъ актъ. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что подоляне выполнили бы данное сообщеніе, такъ какъ въ подольскомъ воеводствѣ насчитывали 700.000 домовъ, а польскіе солдаты, обезоруженные русскими, были готовы явиться на службу по первому требованію.

[3]) Тотъ самый, который оказалъ въ 1773 г. много услугъ Польшѣ. Цѣшковскій относится къ Коллонтаю крайне несимпатично. Особенно не нрави-

7 іюня я былъ посланъ съ войскомъ подъ начальствомъ генерала Заіончека въ Червонную Русь и послалъ впередъ Либерацкаго въ Подолію, чтобы роздать печатныя воззванія жителямъ.

Вотъ текстъ этого характернаго воззванія, которое Цѣшковскій приводитъ въ приложеніи къ „Дневнику“ по сохранившемуся у него печатному экземпляру.

„Воззваніе къ жителямъ Подоліи“.

„Граждане! счастливый вашимъ довѣріемъ, я исполнилъ возложенное на меня порученіе. Изложеніе вашихъ желаній я передалъ 25 мая въ руки высшаго начальника вооруженныхъ силъ возстанія. Это письмо было принято съ тѣмъ чувствомъ искренняго удовольствія, какого заслуживаетъ благородство вашихъ гражданскихъ стремленій. Отъ васъ зависитъ доказать его на дѣлѣ. Дайте доказательство того, что можетъ сдѣлать человѣкъ, любящій свою родину. Пусть вооружитъ васъ отчаяніе; невинность же будетъ васъ защищать. Я иду къ вамъ во главѣ войска, предназначеннаго для того, чтобы освободить васъ изъ подъ ярма неволи и сокрушить оковы, въ которыя, подъ знаменемъ мнимой свободы и измѣнческой опеки, безчестно заключили васъ прислуживающіеся Россіи тарговичане. Подъ предводительствомъ уважаемаго гражданина, генерала Заіончка, часть войска вступитъ въ границы воеводства, отторгнутаго отъ народнаго тѣла гродненскимъ сеймомъ. Близокъ часъ нашего освобожденія; рука Божія, очевидно, благословляетъ наше оружіе. Соединимся съ нашими собратьями и избавителями. Образуемъ одну силу, чтобы намъ остаться единымъ народомъ; взявшись за оружіе, поспѣшимъ мстить за себя и бить враговъ нашего народа; будемъ стыдиться позорнаго имени невольника; теперь мы научимся дороже цѣнить дорогую родину и свободу, которую временно отняли у насъ; пусть на нашихъ сердцахъ будетъ начертанъ девизъ: vivre libre ou mourir! жить свободными или умереть и погибнуть въ одной могилѣ съ отечествомъ. Граждане и братья, поспѣшимъ взяться за оружіе. Данъ въ лагерѣ и проч. іюня 11-го дня 1794 г. Печать: свобода, равенство, незави-

---

лись ему демократическія тенденціи Коллонтая. Онъ разсказываетъ, что еще на сеймѣ Коллонтай заявилъ однажды: „не умру, пока не увижу руки хлопа на шеѣ шляхтича“ и затѣмъ передаетъ слѣдующій фактъ. Въ 1797 г. на границѣ между сѣдлецкимъ и варшавскимъ округами, въ селѣ Залѣсьѣ, былъ пойманъ нѣкто Горшковскій; на допросѣ, по поводу обнаруженнаго имъ возбужденія хлоповъ противъ шляхты, онъ заявилъ, что дѣйствовалъ такъ по желанію Коллонтая, который снабдилъ его необходимыми для агитаціи деньгами. На воззваніяхъ, которыя онъ раздавалъ народу, стоялъ штемпель съ надписью: „Pasti more Piasta Zwyczajem“, т. е. обычаемъ Пяста; этимъ намекалось на демократическое происхожденіе первой польской династіи.

симость (Wolhosć, rownosć, niepodległosć!) Людовикъ Цѣшковскій, депутатъ изъ Подоліи".

„11-го іюня мы были разбиты русскими подъ Дубенкой и Холмомъ и были вынуждены отступить, потерявъ довольно много людей. Заіончека обвиняли въ измѣнѣ, но я этому не вѣрю.

13 іюня была большая битва подъ Цѣхоцинскомъ въ которой Денисовъ и Ферзенъ были разбиты и отступили; въ то же самое время измѣнникъ король прусскій (бывшій нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ нашимъ единственнымъ союзникомъ), заключивъ миръ съ Франціей, напалъ неожиданно на поляковъ и вырвалъ изъ нашихъ рукъ побѣду, одержанную надъ русскими. Въ этотъ день мы были опечалены потерею двухъ отличныхъ генераловъ Водрицкаго и Гроховскаго и если бы Косцюшко не дѣйствовалъ со своимъ обычнымъ умѣніемъ и мужествомъ, то мы всѣ погибли бы подъ Цѣхоцинскомъ. Но мы благополучно отступили, хотя и съ значительной потерею, подъ защиту окоповъ Варшавы, возведенныхъ стараніемъ и умѣніемъ коменданта г. Варшавы, генерала Орловскаго. Стоя подъ Варшавой, мы позабыли объ всемъ и благодаря разнымъ интригамъ простояли подъ стѣнами этого города нѣсколько недѣль. Косцюшко былъ высоко честный гражданинъ и храбрый генералъ, но плохой политикъ; имѣя до 32 тысячъ войска, онъ не разсыпалъ его по краю, а стоя на мѣстѣ, далъ непріятелю возможность атаковать насъ въ одномъ пунктѣ.

25 августа князь Іосифъ Понятовскій потерялъ такъ называемую „шведскую" батарею подъ Варшавой, имѣвшую для насъ весьма важное значеніе. На слѣдующій день началась битва; Косцюшко, самъ командовавшій войсками, взялъ батарею обратно; въ этотъ день погибло 4.000 пруссаковъ, 1.000 поляковъ, не считая 2.000 горожанъ. Забава князя Понятовскаго обошлась 7.000 слишкомъ жизней. Косцюшко внялъ даннымъ ему совѣтамъ и послалъ отрядъ въ Великую Польшу; съ приходомъ великопольскихъ повстанцевъ Скаржевскаго и Кенжицкаго, посланныхъ къ Мадалинскому и Домбровскому, ихъ дѣла пошли лучше; они заняли Быдгощъ (Бромбергъ), гдѣ былъ убитъ прусскій генералъ Секули. Король прусскій, потерявъ до 8.000 чел. войска въ разныхъ столкновеніяхъ подъ Варшавой, подвергся 27 августа нападенію со стороны краковскихъ пикинеровъ [1]) и уѣхалъ 28 числа изъ Варшавы. Когда это стало извѣстно, нѣсколько галеръ съ его амуниціей было затоплено и захвачено.

15 августа австрійцы заняли Люблинъ, растянувъ предварительно русскій пограничный кордонъ на Волыни. Король прусскій подкупилъ

---

[1]) Пикинеры—солдаты, вооруженные однимъ холоднымъ оружіемъ.

вѣнскихъ министровъ, обѣщаніемъ допустить Австрію къ новому раздѣлу Польши, и Австрія, потерявъ большія выгоды, погнавшись за меньшими, заняла часть воеводства люблинскаго, холмскаго и красноставскаго повѣта и начала преслѣдовать поляковъ.

До 1 сентября не случилось ничего особеннаго. Генералъ Сѣраковскій, посланный съ отборнымъ отрядомъ, потерялъ орудія на болотахъ подъ Брестъ-Литовскомъ.

Вслѣдствіе интригъ Коллонтая, доблестный Ясинскій былъ лишенъ командованія и на его мѣсто посланъ Віельгорскій, который сидѣлъ въ Вильнѣ безъ всякаго дѣла. Литовцы, раздраженные несправедливостью по отношенію къ Ясинскому, стали относиться къ дѣлу болѣе равнодушно. Мокроновскій, доблестно командовавшій своимъ корпусомъ подъ Варшавою, былъ посланъ въ Литву и, заболѣвъ по пути, лежалъ больной въ Бѣлостокѣ. Всѣ тому подобные непріятные факты слѣдуетъ приписать кознямъ Коллонтая, который задумалъ смѣстить самого Косцюшку, объявить себя начальникомъ хлоповъ и, возбудивъ этотъ многочисленный классъ населенія противъ шляхты, уничтожить эту послѣднюю, зажечь революціонный пожаръ, болѣе сильный, чѣмъ во Франціи, и воспламенить весь сѣверъ Европы. Въ такомъ направленіи работала фантазія Коллонтая.

Когда Косцюшко узналъ объ измѣнѣ Австріи, границы которой онъ до тѣхъ поръ щадилъ, удерживая въ то же время галичанъ отъ намѣренія примкнуть къ революціи, то я былъ посланъ имъ 15 октября эмиссаромъ въ Галицію. На совѣщаніи съ Лещинскимъ было рѣшено, что 28 октября именемъ Ѳаддея Косцюшко въ Галиціи должно было начаться возстаніе, но событія опередили это рѣшеніе. Узнавъ о приближеніи Суворова съ новыми силами и желая предупредить его соединеніе съ Ферзеномъ, который, оставивъ осаду Варшавы, отступилъ за Вислу, Косцюшко взялъ 8.000 отборнаго войска и выступилъ изъ Варшавы, оставивъ въ совѣтѣ запечатанное письмо, въ которомъ на случай своей смерти назначалъ себѣ преемникомъ ген. Мадалинскаго (это доказываетъ, что онъ мало вѣрилъ въ удачу), намѣреваясь дать рѣшительное сраженіе, побѣдить, либо остаться на полѣ битвы и своей смертью спасти отъ погибели отечество. Для того чтобы преградить Ферзену отступленіе, Косцюшко велѣлъ генералу Понинскому идти съ 6.000 корпусомъ къ Зелехову. Косцюшко проявилъ подъ Маціовицами чудеса храбрости, но умышленно не обезпечилъ себѣ возможности отступленія. Потерявъ большую часть войска, раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ съ преданнымъ ему адъютантомъ Фишеромъ и Юліаномъ Нѣмцевичемъ. День 28 октября былъ для насъ роковымъ; либо Понинскій узналъ о томъ, что Косцюшко взятъ въ плѣнъ, какъ бы то ни было, онъ не пошелъ, какъ ему было при-

казано, чтобы отрѣзать путь Ферзену, и не тронулся изъ Варшавы, за что́ былъ арестованъ, но его не было времени судить. Когда былъ взятъ въ плѣнъ Косцюшко, все пришло въ замѣшательство, войско, доведенное до отчаянія, побросало оружіе. Энергія народа была тѣсно связана съ его личностью: когда Коллонтай, въ совѣтѣ, вопреки всеобщему ожиданію, вмѣсто любимаго войскомъ и хорошо извѣстнаго ему генерала Мадалинскаго, назначилъ начальникомъ статскаго человѣка Тимоѳея Ваврженкаго, то духъ въ польскихъ войскахъ окончательно упалъ. Мы отступили къ Варшавѣ. Доблестный комендантъ города Орловскій поспѣшилъ докончить сооруженіе батарей и укрѣпленій Праги, для осады которой, въ виду ихъ большаго протяженія, потребовалось очень много войска. Въ Прагѣ командовалъ войскомъ генералъ Заіончекъ. 1 ноября ген. Мадалинскій и Домбровскій, получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Косцюшко, поспѣшили изъ Пруссіи къ Варшавѣ. 4 ноября штабъ-офицеры съѣхались къ ген. Мадалинскому и склоняли его принять главное начальство надъ войскомъ и хотѣли, поведя его передъ фронтомъ, провозгласить главнокомандующимъ, но Мадалинскій еще колебался, когда Суворовъ 4 ноября послѣ непродолжительнаго штурма овладѣлъ на разсвѣтѣ несчастной Прагой. Ясинскій, стоявшій со своимъ корпусомъ у заставы, не хотѣлъ сдаться и палъ на мѣстѣ. Суворовъ запятналъ взятіе Праги, допустивъ страшную рѣзню, во время которой было изрублено безъ пощады 17 тысячъ жителей, а предмѣстье было разграблено и сожжено. Одни изъ нась были убиты, другіе потонули въ Вислѣ, такъ какъ мостъ, соединявшій Прагу съ городомъ, былъ сожженъ. Объятая ужасомъ Варшава трепетала. 5-го ноября король послалъ къ Суворову съ извѣстіемъ, что Варшава капитулируетъ. Суворовъ потребовалъ предварительно выдачи Игнатія Потоцкаго, Коллонтая, президента Закревскаго и полковника Килинскаго. Всѣ они, за исключеніемъ Коллонтая, готовы были пожертвовать собою и, пренебрегая смертью, какъ истинные дворяне, поѣхали къ Суворову, который отправилъ ихъ въ Петербургъ. Варшава заплатила 46 тысячъ п. зол. контрибуціи. Коллонтай же еще 4 ноября вмѣстѣ со своимъ братомъ бѣжалъ изъ Варшавы, захвативъ съ собою бриллианты и серебро и часть казенныхъ денегъ, но онъ не воспользовался похищеннымъ, такъ какъ Вышковскій, посланный за нимъ въ погоню, догналъ его. Коллонтай успѣлъ ослѣпить Вышковскаго; онъ спѣшилъ перейти австрійскую границу, полагая, что онъ будетъ тамъ въ безопасности, но его постигла справедливая кара Божія; какъ только онъ вступилъ въ Галицію, онъ былъ тотчасъ же арестованъ по приказанію австрійскаго правительства за участіе въ венгерскомъ возстаніи Мартиновича [1]); всѣ цѣнности,

[1]) Іосифъ-Игнатій Мартиновичъ, профессоръ Львовскаго университета, соучастникъ въ угорскомъ заговорѣ, былъ казненъ 20 мая 1795 г.

бывшія при немъ, были отобраны, за исключеніемъ того, что его брату удалось увезти.

(?) ноября мы вступили подъ начальствомъ ген. Мадалинскаго и Домбровскаго къ Конскому, гдѣ Варжецкій подвергся нападенію корпуса Мадалинскаго; но онъ прибѣгнулъ къ хитрости, приказавъ срубить обручи съ нѣсколькихъ бочекъ, наполненныхъ звонкою монетою, и разсыпать ихъ. Солдаты увлеклись собираніемъ разсыпанныхъ денегъ, а Варжецкій спасся, бѣжавъ въ русскій лагерь.

12 ноября мы остановились въ Малогощахъ; согласно поданнымъ рапортамъ, въ лагерѣ было 10 тысячъ человѣкъ; мы составили планъ пробиться черезъ Пруссію во Францію; намъ помогли въ этомъ сѣрадзскіе повстанцы, находившіеся подъ начальствомъ генерала Скаржевскаго, съ которыми мы встрѣтились въ Радошицахъ, но въ лагерѣ появился нѣкій Зверховскій, галичанинъ, агентъ князя Іосифа Понятовскаго, который сталъ распространять слухъ, что всѣ тѣ, кои возвратятся въ корпусъ Понятовскаго, будутъ приняты въ польское войско, и будто мы продали пруссакамъ нашихъ собратьевъ и поэтому хотимъ уйти въ глубь Пруссіи и предать ихъ пруссакамъ. Распустивъ этотъ ложный слухъ, онъ поспѣшно возвратился въ лагерь, его слова произвели столь сильное впечатлѣніе, что въ теченіе одной ночи до 5.000 человѣкъ дезертировало изъ лагеря; были и такіе люди, которые осмѣлились обвинить насъ въ измѣнѣ, вслѣдствіе чего мы были вынуждены отмѣнить наше рѣшеніе. Я возвратился съ 350 чел. солдатъ въ Радошицы, гдѣ я принесъ повинную. Получивъ отъ Варжецкаго отпускъ и раздавъ своимъ подчиненнымъ отъ себя денегъ, я взялъ 356 чел. на свое иждивеніе и обязался отвезти ихъ въ Варшаву съ оружіемъ и лошадьми. Подъ Радошицами я встрѣтился съ полковникомъ Боровскимъ, который отблагодарилъ меня за вниманіе, оказанное мною ему нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Этотъ доблестный полковникъ пошелъ вмѣстѣ со мною къ Варшавѣ и заботился о доставкѣ продовольствія для людей и фуража для лошадей моего отряда. Пришедши въ Варшаву и получивъ паспортъ отъ Суворова, я распустилъ своихъ людей, и изъ нихъ человѣкъ 80 возвратились со мною, не потерявъ ни оружія, ни лошадей, чѣмъ я вполнѣ обязанъ полковнику Боровскому.

Вернемся къ австрійцамъ. Послѣ сраженія подъ Маціовицами, когда убѣдились въ измѣнѣ австрійцевъ, маіоръ Цибульскій безо всякаго приказанія отъ главнаго начальства и маіоръ Кучинскій съ 300 чел. солдатъ напали подъ Іосифовымъ на 4.000 лагерь австрійцевъ, среди которыхъ они поселили тревогу: взяли у нихъ 70 лошадей и забрали на Вислѣ двѣ галеры со овсомъ; при этомъ убито болѣе двадцати австрійцевъ и 40 чел. взято въ плѣнъ, кои были

отосланы въ Варшаву. Австрійцы обходились на границѣ съ польскимъ войскомъ безчеловѣчно, принуждали ихъ къ службѣ, арестовывали, отбирали у нихъ лошадей и вещи и варварски морили поляковъ голодомъ и били ихъ.

Такимъ образомъ со взятіемъ въ плѣнъ Косцюшки все наше войско разбрелось.

Тѣ, которые ѣхали по нѣсколько человѣкъ, подвергались обидамъ и нападенію со стороны казаковъ. Я также лишился вещей вслѣдствіе нерадѣнія своихъ людей, но благополучно довезъ до дому все то, что было при мнѣ и что намъ удалось отбить у казаковъ. У меня осталось бумажныхъ денегъ почти на 10 тысячъ, такъ какъ я, до послѣдняго момента, платилъ своимъ подчиненнымъ жалованье серебромъ, на что я имѣю отъ нихъ квитанціи.

Косцюшко только послѣ смерти Екатерины II былъ отпущенъ императоромъ Павломъ на волю вмѣстѣ съ прочими поляками.

Послѣ раздѣла Польши въ 1796 г., Домбровскій, Княжевичъ, Заіончекъ и многіе другіе офицеры пробрались съ опасностью жизни во Францію, гдѣ Домбровскій составилъ проектъ сформировать польскіе легіоны изъ австрійскихъ плѣнныхъ и дезертировъ. Онъ обратился съ воззваніемъ къ полякамъ, и многіе офицеры пробрались въ эти легіоны и служили Франціи, въ надеждѣ вернуть свое отечество.

Они были обнадежены въ этомъ нѣкоторыми трактатами, какъ вдругъ, въ 1807 г., вспыхнула неожиданно война съ Пруссіей, по окончаніи которой было образовано великое княжество Варшавское.

На этомъ я кончаю грустное описаніе и дневникъ славнаго Краковскаго возстанія.

Парижъ въ отзывахъ иностранцевъ въ 1802 г. [1]).

I.

Амьенскій миръ, заключенный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1802 г. и положившій конецъ многолѣтней распрѣ между Франціей и Англіей, былъ восторженно привѣтствованъ населеніемъ обѣихъ странъ, страдавшимъ отъ продолжительнаго перерыва сношеній, вызваннаго французской революціей и войной.

Уже 18 ноября 1801 г., мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ были

---

[1]) Entre anglais et français. De Londres à Paris en 1802. (La Revue, 1-er octobre 1905).

подписаны предварительныя условія этого мирнаго договора, между Парижемъ и Лондономъ было возстановлено правильное почтовое сообщеніе, прерванное съ началомъ военныхъ дѣйствій, и множество англійскихъ путешественниковъ, подобно долго сдерживаемому бурному потоку, устремились во Францію.

Въ то время осуществилась мечта перваго консула: Франція играла въ Европѣ роль первенствующей державы. Австрія утратила преобладающее положеніе не только въ сѣверной Европѣ, но и въ Италіи, Англія, истратившая нѣсколько милліоновъ и потерявшая столько человѣческихъ жизней въ войнѣ съ Франціей, получила въ результатѣ только островъ Тринидадъ и голландскія факторіи на о. Цейлонѣ, Пруссія также не могла болѣе соперничать съ Франціей. Основы, на коихъ зиждилась монархія Фридриха Великаго, были расшатаны; онъ унесъ съ собою въ могилу тайну управленія, доставившую его королевству такой блескъ, и отъ собранной имъ казны, которую онъ считалъ первымъ и могучимъ средствомъ своихъ военныхъ побѣдъ, не осталось ничего. Конечно, обаяніе, связанное съ памятью о Фридрихѣ Великомъ, давало Пруссіи еще нѣкоторый нравственный авторитетъ въ Германіи, но ея власть стала призрачной, и, во всякомъ случаѣ, Пруссія была не въ состояніи служить противовѣсомъ вліянію Франціи, столица коей пріобрѣла въ глазахъ прочихъ націй значеніе міроваго города.

Величіе и трагизмъ революціи, высокіе примѣры самоотверженнаго патріотизма, громкія побѣды республиканскихъ войскъ, геній Бонапарта, выдающаяся роль, которую онъ игралъ, какъ глава французскаго народа, умственное превосходство коего было признано всѣмъ свѣтомъ,—все это окружило Парижъ ореоломъ, привлекавшимъ всѣ взоры. Неудивительно поэтому, что множество иностранцевъ спѣшило отдать этому городу дань восторга. Въ числѣ ихъ англичане занимали первое мѣсто, какъ по числу, такъ и по знатности происхожденія.

На одномъ изъ первыхъ пакеботовъ, прибывшихъ изъ Лондона въ Калэ лѣтомъ 1802 г., пріѣхало во Францію шестьдесятъ три англійскихъ лэди; въ теченіе послѣдующихъ 10 дней высадилось еще 198 великобританскихъ подданныхъ; лѣтомъ слѣдующаго года Францію посѣтило болѣе 80 членовъ англійскаго парламента, принадлежавшихъ почти исключительно къ либеральной партіи, а въ августѣ того же года въ Парижѣ насчитывали уже свыше пяти тысячъ англичанъ, лицъ высокопоставленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ.

Между тѣмъ впечатлѣнія, вынесенныя англійскими туристами изъ поѣздки во Францію, излагались ими зачастую въ такихъ краскахъ, что это могло отнять всякое желаніе посѣтить эту страну; печальная картина матеріальнаго положенія Франціи соотвѣтствовала не особенно

утѣшительнымъ отзывамъ относительно нравственныхъ свойствъ юнаго поколѣнія республики; но это не только не умѣряло любопытства иностранцевъ, а напротивъ еще болѣе разжигало его; къ тому же самое путешествіе совершалось безъ особенныхъ трудностей. Между Лондономъ и Парижемъ были установлены правильные рейсы почтовыхъ каретъ и для проѣзда между этими двумя городами выдавались билеты прямаго сообщенія черезъ Дувръ и Калэ. Билетъ стоилъ 4 фунта ст. 13 шил.—немного менѣе ста двадцати франковъ, и дорога продолжалась пять дней: день отъ Лондона до Дувра, день моремъ до береговъ Франціи и два или три дня отъ Калэ до Парижа. Нѣкоторые предпочитали высаживаться въ Булоньи, но тутъ къ прочимъ неудобствамъ путешествія присоединялось то обстоятельство, что въ этомъ мѣстѣ не всегда было удобно сойти на берегъ. Впрочемъ, для посторонняго зрителя высадка путешественниковъ въ Булоньи представляла зрѣлище довольно живописное и забавное.

Нѣкто Ѳома Маннингъ, въ письмѣ къ отцу, описываетъ эту курьезную процедуру такъ: „Вода была мелка, поэтому мы были вынуждены высадиться, не заходя въ гавань. Уже стемнѣло, когда лодка, посланная за нами изъ Булоньи, доставила насъ на берегъ, гдѣ лодочникъ присталъ между скалъ. Какъ только мы причалили къ берегу, на нашу лодку нахлынула толпа женщинъ, которыя, подоткнувъ юбки до пояса и даже выше, собирались переносить насъ на берегъ. Такъ какъ мы не ожидали ничего подобнаго, то мы не кинулись въ объятья этихъ сиренъ такъ скоро, какъ бы слѣдовало, вслѣдствіе чего сидѣвшихъ на кормѣ обдало морскою водою. Что касается меня, то, такъ какъ я сидѣлъ на носу и понялъ то, что намъ кричали эти морскія нимфы, я поспѣшно взобрался на спину одной изъ нихъ и очутился здравъ и невредимъ и совершенно сухимъ на берегу. Но одному злополучному пассажиру не посчастливилось; онъ выскользнулъ изъ рукъ этихъ бравыхъ женщинъ и выкупался съ ногъ до головы“.

Общественный дилижансъ отъ Калэ до Парижа ѣхалъ со скоростью не болѣе шести километровъ въ часъ, такъ что на этотъ путь требовалось отъ 55—60 часовъ; но можно было нанять почтовую карету, и тогда путешествіе значительно сокращалось. Большею частію нѣсколько человѣкъ нанимало такую карету сообща, иные богатые люди, какъ напр. лордъ Гильфордъ, даже привозили во Францію свои собственныя кареты, но имъ приходилось, по высадкѣ на берегъ, покупать лошадей, такъ какъ ввозить во Францію англійскихъ лошадей было воспрещено. Впрочемъ, подобную роскошь позволяли себѣ весьма немногіе и всѣ предпочитали обыкновенно ѣхать въ наемныхъ каретахъ, хотя онѣ были менѣе комфортабельны, но за то были лучше приспособлены къ грубой упряжи и къ ухабамъ большихъ дорогъ.

„Все видѣнное мною во Франціи произвело на меня, на первыхъ порахъ, такое же точно впечатлѣніе, какъ и на прочихъ путешественниковъ“, пишетъ анонимный авторъ „Дневника увеселительной поѣздки въ Парижъ, совершенной въ августѣ 1802 г.“, „что касается удобствъ жизни, то французы отстали отъ насъ на цѣлое столѣтіе, но всѣмъ бросается въ глаза свойственная имъ чрезвычайная живость ума и способность заниматься съ успѣхомъ самыми разнообразными отраслями человѣческой дѣятельности. Простой народъ, повидимому, также гораздо болѣе образованъ и развитъ, нежели у насъ, а со времени революціи въ выраженіи его лица и манерѣ держать себя запечатлѣлась какая-то независимость, какой прежде не замѣчалось“.

Авторъ очень хвалитъ во Франціи дороги. „Онѣ содержатся не хуже англійскихъ, раза въ два или три шире этихъ послѣднихъ, и по большимъ дорогамъ можно ѣхать вполнѣ безопасно даже ночью. Прекрасное состояніе дорогъ объясняется тѣмъ, что для исправленія ихъ существуетъ особая повинность, на которую очень ропщутъ французы; дѣйствительно, это очень плохое учрежденіе въ томъ смыслѣ, что вся тяжесть его падаетъ на бѣдныхъ людей, ее несетъ каждый мелкій фермеръ, тогда какъ отъ нея освобождено духовенство и дворянство.

Авторъ удивляется между прочимъ обилію въ странѣ яблонь.

„Этихъ деревьевъ растетъ тутъ такое множество, что всякій прохожій можетъ срывать сколько угодно плодовъ, съ условіемъ съѣсть ихъ на мѣстѣ, ибо уносить считается воровствомъ“. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, „едва-ли здѣсь ѣдятъ много яблокъ, такъ какъ они терпки и непріятны на вкусъ. Приготовляемый изъ нихъ сидръ также не отличается хорошимъ вкусомъ. Я покупалъ въ Парижѣ самый лучшій сидръ, но долженъ сказать, что онъ не можетъ выдержать сравненія съ сидромъ самаго низшаго качества, изготовляемымъ въ Англіи, который покажется нектаромъ и амброзіей по сравненію съ этимъ отвратительнымъ напиткомъ. Чтобы не портить довольно порядочнаго обѣда, я покупалъ за двѣнадцать су бутылку превосходнаго бургунскаго вина“. Что касается крестьянъ, то авторъ не находитъ словъ, высказывая свое осужденіе по поводу того, что „они никогда не носятъ хотя бы подобія чистой рубашки, не носятъ ни чулокъ, ни сапогъ, надѣваютъ огромныя шляпы съ опущенными полями и истребляютъ огромное количество нюхательнаго табаку.

„Въ настоящее время“, съ грустью замѣчаетъ далѣе набожный англичанинъ, „изъ 60 человѣкъ во Франціи едва-ли найдется одинъ, который молился бы Богу“. Въ Руанѣ онъ нашелъ обильную пищу своему негодованію по поводу безбожія французовъ:

„На поворотѣ улицы, при въѣздѣ въ городъ, я увидѣлъ въ открытыя ворота во дворѣ католической церкви какіе-то экипажи, лошади, сбрую. Мы также въѣхали въ этотъ дворъ. За нами тотчасъ заперли ворота, и мы очутились, послѣ уличнаго шума, среди безмолвія могилъ и монастырскихъ стѣнъ, я былъ внѣ себя отъ изумленія. Меня вывели изъ этого состоянія, объяснивъ, что эта церковь, по постановленію революціоннаго правительства, перешла въ собственность націи и была продана почтмейстеру г. Руана, который обратилъ ее въ конюшню. На мѣстѣ бывшаго алтаря стоялъ поломанный кабріолетъ, въ бывшей ризницѣ лошади преспокойно ѣли овесъ".

Постоялые дворы и гостиницы вызвали разочарованіе съ точки зрѣнія комфорта: „насъ ввели, пишетъ онъ, съ грязной лѣстницы въ комнату, походившую на мансарду, въ которой окна отворялись вертикально, на подобіе двухстворчатыхъ дверей, какъ это принято во Франціи. Полъ былъ выстланъ плитами; единственную меблировку комнаты составлялъ столъ изъ сосноваго дерева, нѣсколько грубыхъ стульевъ, два большихъ зеркала замѣчательной работы съ такими же подсвѣчниками; подобное убранство встрѣчается во всѣхъ харчевняхъ, разсѣянныхъ во Франціи на большихъ дорогахъ, какъ я это узналъ впослѣдствіи. За нами послѣдовала содержательница гостиницы,—ибо надобно замѣтить, что французы предоставляютъ обыкновенно въ домѣ большую часть работы женщинамъ,—съ носильщикомъ, который несъ наши сундуки; шествіе замыкали двѣ кухарки въ чепчикахъ, которые были вѣроятно когда-то бѣлые; у каждой изъ нихъ было въ рукахъ по ножу. Всѣ эти люди были очень возбуждены, они говорили всѣ вмѣстѣ и такъ быстро, что было даже мучительно слушать ихъ. Хозяева гостиницы, казалось, были очень рады нашему пріѣзду: они говорили о нашемъ костюмѣ, о континентальной системѣ, о щедрости англичанъ и о множествѣ другихъ вещей, такъ что ничего нельзя было понять. Наконецъ, они успокоились, и мы воспользовались этимъ и попросили отвести насъ поскорѣе въ наши комнаты и приготовить намъ хорошій обѣдъ. Приведя съ дороги въ порядокъ свой туалетъ, мы сѣли за столъ; намъ подали превосходное кофе съ горячимъ молокомъ, превосходный хлѣбъ и порядочное масло; но, къ нашему величайшему изумленію, на столѣ не оказалось ни одного ножа: во Франціи принято, чтобы каждый имѣлъ ножъ при себѣ. Такъ какъ я, къ несчастью, потерялъ свой ножъ, то я попросилъ служанку принести мнѣ таковой, и она тотчасъ вытащила изъ кармана огромный складной ножъ, отъ котораго распространился по комнатѣ сильный запахъ чеснока; обтеревъ его о столъ, она граціозно подала его мнѣ, сказавъ: „Извольте,

милостивый государь". За обѣдъ, постель и утренній завтракъ, за насъ пятерыхъ, за двухъ лакеевъ и курьера взяли 89 ливровъ 7 су".

Всѣ путешественники сходятся во мнѣніи относительно дороговизны жизни и путешествія во Франціи, а также жалуются единодушно на неудобство почтовыхъ экипажей и, главное, на дерзкое обращеніе почталіоновъ, коихъ всѣ изображаютъ лѣнтяями и пьяницами: „французскій почтальонъ, говоритъ одинъ изъ туристовъ, Робертъ Симъ, надѣваетъ поверхъ башмаковъ огромные сапоги изъ толстой кожи, подбитой ватой, и стянутые желѣзными обручами: въ каждомъ сапогѣ могло бы помѣститься три ноги. Послѣдняя вещь, которую дѣлаетъ почтальонъ прежде чѣмъ сѣсть на лошадь, это надѣть свои сапоги; прибывъ на мѣсто, онъ прежде всего заботится снять ихъ".

„Высадившись въ Калэ, пишетъ Симъ, мы отправились въ гостиницу „Серебряный Левъ", владѣлецъ коего, Дюронь, человѣкъ очень ловкій, говоритъ довольно хорошо по-англійски. Въ девять часовъ намъ подали прекрасный обѣдъ, за которымъ слѣдовала музыка и балъ, въ коемъ приняли участіе нѣсколько дамъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами на суднѣ. На слѣдующій день мы осматривали городъ. Главный контингентъ торговцевъ составляютъ часовыхъ дѣлъ мастера, бакалейщики, сапожники и портные; всѣ они, какъ мнѣ кажется, занимаются контрабандой. Хозяинъ гостиницы взыскалъ съ насъ кромѣ платы за содержаніе 12 гиней (около 320 франковъ) за предоставленную имъ въ наше распоряженіе старую почтовую карету, безъ лошадей и сбруи. Почталіономъ былъ у насъ швейцарецъ, Лебревъ, получавшій по 5 шиллинговъ въ день (6 франковъ 30 с.). 24 іюля (1802 г.) въ шесть часовъ вечера, мы выѣхали изъ Калэ; въ нашу карету была запряжена четверка лошадей; слуга ѣхалъ впереди верхомъ. Въ одиннадцать часовъ мы прибыли въ Булонь. Намъ совѣтовали остановиться въ этомъ городѣ въ „Британскомъ отелѣ", но почтальонъ счелъ болѣе удобнымъ остановиться въ другой гостиницѣ, гдѣ намъ было очень плохо.

„Мы не хотѣли останавливаться въ Аміенѣ, но почтальонъ, у котораго были тамъ, какъ оказалось, сердечныя привязанности, рѣшилъ иначе. Онъ сталъ увѣрять насъ, что ночью на большой дорогѣ ѣхать не безопасно; видя, что мы ему не вѣримъ, онъ придумалъ вывинтить изъ задняго колеса гайку и сталъ доказывать намъ, какой опасности мы подвергались. Я увѣренъ, что гайка была вывинчена имъ самимъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы карета могла проѣхать безъ нея болѣе десяти метровъ. Мы высказали ему свое предположеніе; онъ улыбнулся, мы разсмѣялись и рѣшили остаться но-

чевать въ Аміенѣ. Я былъ увѣренъ, что гайка отыщется на слѣдующее утро къ тому времени, когда Лебренъ сочтетъ удобнымъ для себя пуститься въ дальнѣйшій путь; я думаю, что это такъ и было бы, если бы мы не дали ему понять, что знаемъ его хитрость. Онъ розыскалъ кузнеца, который черезъ три часа починилъ нашъ экипажъ, и мы могли ѣхать дальше. Мы уже порядочно отъѣхали отъ города, когда насъ нагналъ человѣкъ, посланный кузнецомъ за нами въ погоню, который потребовалъ отъ насъ два или три франка, кои мы по его словамъ ему не доплатили. Послѣ долгихъ пререканій одинъ изъ моихъ спутниковъ выругался по-французски и послалъ его къ чорту. Въ ту же минуту, почтальоны слѣзли съ лошадей и, снявъ свои сапожища, пресерьезнѣйшимъ образомъ начали выпрягать лошадей, намѣреваясь бросить насъ однихъ на большой дорогѣ, вдали отъ всякаго жилища. Такимъ образомъ мы были вынуждены заплатить все, что отъ насъ требовали, и утѣшиться мыслью, въ какомъ бы мы очутились положеніи, если бы къ намъ отнеслись также дерзко и съ такимъ же цинизмомъ въ Англіи".

„Дорога отъ Шантильи до Парижа, длиною въ 25 миль, очень широка и вымощена на подобіе улицъ Лондона. Во Франціи обращаютъ, повидимому, большое вниманіе на состояніе дорогъ, и почтальоны, чтобы мы имъ ни говорили, всегда предпочитаютъ ѣхать по срединѣ шоссе, а не по краямъ дороги. Подъѣзжая къ Парижу, англичанина поражаетъ болѣе всего удивительный контрастъ между предмѣстьями обѣихъ столицъ. За нѣсколько миль отъ Лондона уже чувствуется близость большаго города: по обѣ стороны дороги тянутся виллы и сады, по дорогѣ снуютъ почтовыя кареты, кабріолеты, изящныя верховыя лошади, огромныя телѣги, нагруженныя всевозможнымъ товаромъ и съѣстными припасами. Между тѣмъ какъ выѣхавъ изъ Парижа и миновавъ послѣднюю заставу, путешественникъ попадаетъ сразу въ поле, какъ будто онъ очутился за пятьдесятъ лье отъ столицы. Тутъ вы не видите ни одной виллы, не встрѣтите ни почтовой кареты, ни кабріолета, ни всадника, ни телѣги, только кое-гдѣ попадается одинокій путникъ, или нѣсколько англичанъ, ѣдущихъ въ Парижъ и обратно, да время отъ времени попадется навстрѣчу почтовая карета, развалившійся дилижансъ или кучка бродящихъ солдатъ. Кругомъ царствуютъ полная тишина и безмолвіе".

„По пріѣздѣ въ Парижъ и осмотрѣ паспортовъ, у насъ спросили: въ какой гостиницѣ мы намѣрены остановиться. Мы назвали „Гостиницу для иностранцевъ" въ улицѣ Вивьенъ, которую намъ рекомендовали, послѣ чего намъ позволили проѣхать".

„Не знаю, что бы съ нами было, если бы мы не могли назвать гостиницы. Весьма вѣроятно, намъ указали бы какой-нибудь отель, въ которомъ намъ и пришлось бы остановиться".

II.

„Шпіонство доведено въ Парижѣ до чудовищныхъ размѣровъ", говоритъ другой путешественникъ, „хотя никого не преслѣдуютъ за его убѣжденія и всякій можетъ говорить, что хочетъ, ежели онъ не переходитъ отъ словъ къ дѣлу".

„По пріѣздѣ въ отель, намъ показали нѣсколько комнатъ, стоившихъ по 8 гиней въ недѣлю (немного болѣе двухсотъ франковъ), которыя были всѣ проходныя, какъ это принято во Франціи; тотчасъ явился какой-то человѣкъ, управляющій или лакей; когда онъ вошелъ, нашъ слуга подошелъ къ намъ и сказалъ, понизивъ голосъ, что это переодѣтый полицейскій и что намъ слѣдуетъ говорить осторожнѣе. Мы отвѣчали, что такъ какъ мы пріѣхали во Францію для собственнаго удовольствія и намъ нечего скрывать, то намъ все равно, хотя бы за нами по пятамъ ходило пятьдесятъ шпіоновъ. Въ первые дни по пріѣздѣ, какъ только мы садились въ карету, чтобы ѣхать куда-нибудь, на запятки вскакивалъ шпіонъ, подъ предлогомъ, что онъ обязанъ намъ открывать дверцы кареты, когда мы будемъ выходить; въ сущности онъ слѣдилъ за тѣмъ, куда мы ѣздили, и намъ пришлось, въ концѣ концовъ, заплатить ему за услугу по пяти шиллинговъ въ день; когда онъ убѣдился въ томъ, что мы ѣздили только къ г. Мерри, велико-британскому повѣренному въ дѣлахъ, къ американскому посланнику Ливингстону, къ нашему банкиру Периго, да въ театры, то онъ пересталъ сопровождать насъ, а только стоялъ въ передней и изрѣдка подавалъ намъ за обѣдомъ какое-нибудь блюдо.

Послѣ того какъ насъ посѣтилъ племянникъ американскаго посланника, Ливингстонъ и пригласилъ насъ на обѣдъ къ его превосходительству, шпіонъ почувствовалъ къ намъ особое уваженіе; впрочемъ, все обошлось благополучно, такъ какъ у насъ не бывало никакихъ подозрительныхъ лицъ, о чемъ онъ, вѣроятно, сообщилъ своему начальству.

На другой день по пріѣздѣ мы отправились къ гражданину Дюбуа, префекту полиціи, человѣку, занимавшему очень видное положеніе. Его секретари обошлись съ нами крайне дерзко и презрительно. Продержавъ насъ болѣе получаса въ пріемной вмѣстѣ съ

разнымъ сбродомъ, насъ направили къ одному изъ клерковъ этого великаго человѣка, который выдалъ намъ новые паспорта, дававшіе намъ право прожить извѣстное время въ коммунѣ г. Парижа, по истеченіи котораго намъ было предписано явиться вторично въ полицейскую контору.

„Во Франціи, говоритъ тотъ же авторъ, народъ живетъ повидимому въ большой бѣдности. Нѣтъ ни торговли, ни личной безопасности, нѣтъ жизни, всѣ удручены и забиты военнымъ деспотизмомъ. На лицахъ прохожихъ отражается робость и страхъ и если случайно увидишь, что кто-либо смѣется, то это навѣрно окажется англичанинъ, позволившій себѣ громко выразить свое веселье. Съ наступленіемъ темноты, всѣ дома и лавки закрываются и всѣ жители, кои не идутъ въ театръ или не рѣшили утопиться въ тотъ вечеръ въ Сенѣ, что случается каждый день, избѣгаютъ выходить изъ дома. По улицамъ днемъ и ночью парадируютъ пѣшіе и конные патрули Бонапарта. Въ городѣ 10.000 жителей, а въ распоряженіи правительства находится всегда 20.000 солдатъ, которые могутъ быть въ сборѣ черезъ часъ; замокъ Шантильи превращенъ въ казарму, биткомъ набитую войскомъ. Не знаю, гдѣ хоронятъ мертвыхъ въ Парижѣ, такъ какъ мы не видѣли ни одного кладбища. За то я видѣлъ однажды похороны. Тѣло лежало на дрогахъ, похожихъ на нашу погребальную колесницу, но такъ какъ черный бархатный балдахинъ поддерживался четырьмя тоненькими деревянными колонками, то тѣло было на виду. Оно было покрыто чернымъ бархатнымъ покровомъ, который облегалъ его такъ плотно, что можно было видѣть всѣ очертанія тѣла. Ясно, что оно не лежало въ гробу; я полагаю, что въ Парижѣ слишкомъ мало дерева и оно слишкомъ дорого, чтобы люди могли позволить себѣ подобную роскошь. Мнѣ говорили, что если кто умеръ сегодня, то его хоронятъ на другой день, въ полдень“.

Но послушаемъ, что говоритъ другой путешественникъ.

„Парижъ“, пишетъ Троттеръ, „несмотря на его узкія улицы и отсутствіе троттуаровъ, что свидѣтельствуетъ о малой заботливости о здоровьи и удобствѣ жителей, произвелъ на меня съ перваго взгляда самое благопріятное впечатлѣніе. Нигдѣ не видно ни ливрейныхъ лакеевъ, ни каретъ съ гербами: всюду замѣтна республиканская простота, заслуживающая полнаго уваженія; контрастъ между роскошью и скромной простотою не бросается въ глаза; эта похвальная черта сохранилась со времени революціи, между тѣмъ какъ здравый смыслъ измѣнилъ крайнюю распущенность въ одеждѣ и небрежность костюма, введенную республиканцами изъ принципа и въ знакъ своего пламеннаго патріотизма“.

„Въ Парижѣ насъ поразило еще одно не менѣе удивительное

послѣдствіе революціи. Тамъ была масса звонкой монеты. Въ Лондонѣ вы съ трудомъ можете добиться отъ банкира нѣсколько гиней золотомъ, тогда какъ въ Парижѣ, въ банкѣ, вамъ предлагаютъ на выборъ взять золото или серебро. Это обиліе благороднаго металла служитъ блестящимъ доказательствомъ того, что положеніе страны значительно улучшилось, тогда какъ матеріальное положеніе Англіи сильно пошатнулось во время войны" [1]).

Похвалы Троттера Франціи этимъ не ограничиваются; по его словамъ, земледѣліе находилось въ этой странѣ въ цвѣтущемъ состояніи, торговля процвѣтала и купцы не скрывали своего удовольствія по поводу того, что богатые иностранцы наводняли Парижъ.

Онъ восхищается утонченными манерами и обращеніемъ французовъ, опровергаетъ, какъ ни на чемъ не основанное, обвиненіе ихъ въ лицемѣріи и говоритъ, что французы, на сколько онъ могъ замѣтить, способны къ искренней дружбѣ, очень чувствительны и снисходительны.

Отмѣчая ихъ живой веселый характеръ, Троттеръ не осуждаетъ ихъ за это; „жизнь такъ коротка", говоритъ онъ, „что ее не мѣшаетъ позолотить весельемъ и остроуміемъ". Онъ подмѣтилъ въ французахъ много сходственныхъ чертъ со своими соотечественниками, ирландцами: „Въ обществѣ французы очень пріятные собесѣдники. Что касается женщинъ, то трудно себѣ представить всю прелесть ихъ бесѣды. Ихъ живость, остроуміе, изящество какъ бы созданы для того, чтобы сдѣлать жизнь мужчины очаровательнымъ сновидѣніемъ", таковы разнорѣчивые отзывы путешественниковъ, посѣтившихъ Парижъ въ одно и то же время, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1802 г. Объясняется ли это ихъ неумѣніемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что они видѣли, и разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ? Какъ бы то ни было, англійскіе туристы, посѣтившіе Францію въ началѣ прошлаго вѣка, и принадлежавшіе къ образованному классу англійскаго общества, зачастую расходятся самымъ рѣшительнымъ образомъ въ оцѣнкѣ тѣхъ фактовъ, съ которыми имъ пришлось столкнуться во Франціи. Нѣтъ вопроса, относительно котораго можно было бы встрѣтить два одинаковыхъ отзыва въ тѣхъ многочисленныхъ мемуарахъ, путевыхъ запискахъ, наброскахъ, воспоминаніяхъ, въ коихъ эти англичане старались подѣлиться со своими соотечественниками впечатлѣніями, вынесенными ими изъ поѣздки во Французскую республику; они были видимо глубоко поражены и изумлены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ и не могли хорошенько разобраться въ тѣхъ фактахъ, которые

1) Mémoires des dernières années du Très Honorable Charles James Fox, par John Trotter, esg. Londres, 1811.

были для нихъ совершенно новы и вызывали съ ихъ стороны безграничное удивленіе.

Въ числѣ высокопоставленныхъ лицъ, проживавшихъ въ Парижѣ въ 1802 г., находился англійскій посланникъ лордъ Витвортъ. „Онъ не пользовался ничьей любовью и былъ какъ будто умышленно избранъ своимъ правительствомъ, чтобы сдѣлать непріятное французскому правительству". Высокаго роста, довольно красивый, онъ держалъ себя въ высшей степени высокомѣрно, такъ же точно, какъ и его жена, вслѣдствіе чего онъ былъ такъ не любимъ французами, что его пребываніе въ Парижѣ едва ли-могло оставить въ немъ пріятное воспоминаніе.

Рядомъ съ нимъ блисталъ лордъ Іармутъ (Iarmauth), впослѣдствіи маркизъ Гертфордъ, относительно котораго, какъ французами, такъ и его соотечественниками высказывались самыя разнорѣчивыя мнѣнія, но котораго всѣ единодушно признавали человѣкомъ замѣчательнаго ума. Совсѣмъ молодой, онъ относился къ людямъ въ высокой степени презрительно, что ясно отражалось на его лицѣ. Въ его обращеніи и улыбкѣ выражалась холодность и безпощадная критика всего, что онъ видѣлъ; однако, онъ умѣлъ быть пріятнымъ въ обществѣ. Среди лицъ англійской колоніи выдавалась также лэди Коннингамъ, которую любили за ея привѣтливость. Она была въ то время въ расцвѣтѣ красоты, которой она такъ славилась впослѣдствіи въ Англіи; но французы считали ея лицо мало выразительнымъ. Лэди Коннингамъ была чрезвычайно изящна, одѣта всегда съ величайшимъ вкусомъ; говорили, будто она такъ заботилась о сохраненіи своей красоты, что проводила цѣлый день въ кровати, и вставала только тогда, когда ей надобно было ѣхать на балъ или на какое-нибудь празднество. Лордъ Коннингамъ былъ совершенной противуположностью своей жены. Герцогиня Гордонъ сравнивала его съ гребнемъ: „онъ весь зубастый и костлявый", говорила она.

Среди этого блестящаго общества находился также полковникъ Джемсъ Григъ, лэди Форстеръ, впослѣдствіи герцогиня Девонширская, молодая вдова, чаровавшая всѣхъ своимъ непринужденнымъ обхожденіемъ, мистрисъ Гаррисонъ, которая пріѣхала изъ Индіи, гдѣ ея мужъ занималъ видный постъ; герцогиня Гордонъ прославившаяся своей эксцентричностью, и ея дочь, лэди Georgiana; наконецъ, графъ и графиня Чолмонделэ, которыхъ очень любили за ихъ сочувственное отношеніе къ Бонапарту, его генераламъ и солдатамъ, передъ доблестью которыхъ они преклонялись; первый консулъ очень уважалъ ихъ. Надобно упомянуть еще о г-жѣ Вильмотъ; она служила примѣромъ того, до какой степени могли доходить восхищеніе и преклоненіе передъ Бонапартомъ. У нея состояли на жалованіи осо-

бія лица, которыя были обязаны увѣдомлять ее о томъ, когда первый консулъ собирался посѣтить спектакль; тогда она поспѣшно отправлялась въ указанный театръ и, не жалѣя денегъ, всегда получала мѣсто напротивъ своего излюбленнаго героя. Родственница Питта, главы коалиціи, составленной противъ Франціи, она не приносила своихъ чувствъ въ жертву родственнымъ отношеніямъ, и ея пятеро дѣтей относились къ Бонапарту съ такимъ же восторженнымъ обожаніемъ. Не менѣе увлекалась первымъ консуломъ и лэди Гренвиль. Чтобы понять это увлеченіе Бонапартомъ высокопоставленныхъ англичанъ, замѣтимъ, что обаяніе, коимъ пользовался Парижъ и первый консулъ, привлекало во Францію не мало выдающихся лицъ и другихъ націй. Нѣмцы также устремились во Францію; за ними послѣдовало множество русскихъ, лишь только вступившій на престолъ юный Александръ I далъ своимъ подданнымъ разрѣшеніе отправляться въ чужіе края. „Перемѣна, происшедшая во внутренней политикѣ Россіи, расположила всѣ сердца къ молодому императору, и русскіе, пріѣзжавшіе во Францію, выказывали своему молодому монарху чувства искренняго расположенія. У многихъ изъ нихъ, во внутреннихъ покояхъ рядомъ съ образами, висѣлъ его портретъ, осыпанный такъ же, какъ и образа, драгоцѣнными камнями и передъ которымъ они также возжигали свѣчи. Въ описываемое время въ Парижѣ быстро смѣнилось нѣсколько русскихъ посланниковъ. На мѣсто отозваннаго Спренгпортена былъ посланъ Колычевъ, который не былъ облеченъ никакой дипломатической миссіей, но провезъ первому консулу собственноручное письмо императора Павла. Посланный имъ во Францію, онъ не успѣлъ еще выполнить возложенное на него порученіе, какъ на престолъ вступилъ Александръ I. Впрочемъ, Колычева смѣнилъ вскорѣ графъ Марковъ, назначенный во Францію полномочнымъ министромъ. Чтобы дополнить этотъ списокъ знатныхъ иностранцевъ, появившихся въ Парижѣ, надобно назвать еще графа Людвига Кобенцеля, только, что подписавшаго въ Люневиллѣ мирный договоръ между Франціей и Австріей. Ему было лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ очень дуренъ собою и очень напоминалъ Мирабо; его маленькіе глаза и голова съ копной густыхъ волосъ еще болѣе увеличивали это сходство. Онъ обладалъ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ и былъ страстнымъ поклонникомъ театра. Кобенцель былъ долгое время австрійскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины II и былъ ея страстнымъ и восторженнымъ поклонникомъ и когда разговоръ переходилъ на его любимую тему, то онъ съ увлеченіемъ предавался воспоминаніямъ о театрѣ Эрмитажа и тогда уже не могъ говорить ни о чемъ иномъ.

Чтобы дополнить картинную галлерею знаменитостей, посѣтив-

шихъ въ 1802 г. Парижъ, остается назвать принцессу Роганъ, княгиню Трубецкую, герцогиню Саганъ, герцогиню Курляндскую, знаменитую своими разводами, къ которой первый консулъ относился съ нескрываемой антипатіей, и ея мать, которая сумѣла своимъ высокомѣріемъ возстановить всѣхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что во Францію съѣхалось со всѣхъ концовъ Европы не мало лицъ, которыя могли поспорить съ нею древностью рода. Назовемъ еще княгиню Долгорукую, пользовавшуюся большей симпатіей французовъ, нежели своихъ соотечественниковъ, и, наконецъ, граціозную г-жу Замойскую, очаровавшую всѣхъ своей любезностью, изящными манерами и правильными чертами лица. Она и ея мужъ, который былъ впрочемъ гораздо болѣе холоденъ и замкнутъ, пользовались въ Парижѣ наибольшею любовью.

Парижъ въ 1802 г. въ отзывахъ англійскихъ путешественниковъ.

III.

Среди этой плеяды знаменитыхъ людей блистали имена Мальтуса, Бентама, Шеридана и другихъ.

Мальтусъ познакомился съ Франціей впервые въ 1799 г., посѣтивъ ее во время путешествія по Германіи, Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, единственнымъ странамъ, которыя были, въ то время, доступны англійскимъ туристамъ. Пріѣхавъ въ Парижъ вторично въ 1802 г., онъ убѣдился съ удовольствіемъ въ томъ, что революція подтвердила основательность его научныхъ теорій. „Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій революціи надобно считать то“, писалъ онъ, „что люди сдѣлались болѣе независимы другъ отъ друга и стали болѣе полагаться на свои собственныя силы. Такимъ образомъ, трудящіеся классы стали болѣе работящи, болѣе экономны и болѣе осмотрительны при заключеніи браковъ. Помимо этого революція, несомнѣнно, не принесла имъ никакихъ выгодъ“.

Бентамъ также былъ раньше знакомъ съ Франціей; онъ посѣтилъ Парижъ въ 1764 г. восемнадцатилѣтнимъ юношей, вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Тогда на него произвелъ особенно сильное впечатлѣніе замокъ Шантильи съ его знаменитыми карпами, которые, по его словамъ, были до того приручены, что хватали зубами палки, которыя имъ протягивали посѣтители.

Въ другой пріѣздъ во Францію, въ 1785 г., онъ увидѣлъ впер-

вые въ Парижѣ только-что изобрѣтенныя тогда фосфорныя спички, которыя привели его въ такой восторгъ, что онъ написалъ поэму, „въ которой высказывалъ удивленіе, какимъ образомъ свѣтъ жилъ такъ долго безъ этого великолѣпнаго изобрѣтенія“.

Въ 1802 г. Бентамъ не могъ удержаться отъ желанія посѣтить еще разъ „обновленную“ Францію и провелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ короткое время въ Парижѣ, гдѣ онъ возобновилъ, между прочимъ, знакомство съ герцогомъ Ліанкуръ и его сыномъ, служившимъ въ Нидерландахъ подъ начальствомъ герцога Іоркскаго.

„Онъ разсказывалъ мнѣ“, передаетъ Бентамъ, „что герцогъ каждый день послѣ обѣда былъ пьянъ и что онъ одинъ виноватъ въ пораженіи его арміи. Слѣдовательно, десятки тысячъ человѣкъ были принесены въ жертву тщеславія одного человѣка.

Въ томъ же 1802 г. въ Парижѣ находился одинъ англичанинъ, славившійся не столько своими способностями, сколько своими таинственными и удивительными приключеніями. Это былъ нѣкто Левисъ Гольдсмитъ. Родившись въ Англіи, въ Ричмондѣ, въ 1773 г., и объѣздивъ всю Европу, онъ издалъ въ 1801 г. памфлетъ, озаглавленный „Преступленія правительствъ“ (Les crimes des gouvernements), въ которомъ приписывалъ Англіи и континентальнымъ державамъ намѣреніе расчленить Францію. Подвергшись вслѣдствіе этого обвиненія преслѣдованію со стороны англійскаго правительства, онъ уѣхалъ въ Парижъ, куда за нимъ послѣдовали его жена и дочь. По его словамъ, онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Діеппъ, гдѣ его хотѣли выдать англійскому правительству, какъ заговорщика, но такъ какъ переговоры, происходившіе по этому поводу, кончились ничѣмъ, то онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ предложилъ свои услуги Бонапарту, задумавшему основать въ Парижѣ англійскій журналъ, съ цѣлью распространить свои идеи въ Англіи и ея колоніяхъ. Любопытно, что, основывая этотъ органъ, получившій названіе „Аргусъ“, первый консулъ какъ бы подражалъ, самъ того не зная, англійскому правительству, основавшему или субсидировавшему въ 1650 г. еженедѣльный журналъ „Les Nouvelles ordinaires de Londres“, который издавался на французскомъ языкѣ и распространялся на континентѣ. Въ „Аргусѣ“, издававшемся приблизительно лѣтъ восемь, помѣщались пространныя выдержки изъ лондонскихъ журналовъ, которыя сопровождались комментаріями въ тонѣ, явно враждебномъ Питту, и тѣмъ, кто поддерживалъ его политику; англійскій посланникъ Мерри называлъ этотъ журналъ „низкимъ и презрѣннымъ“. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1802 г. Бонапартъ приказалъ посылать еженедѣльно пятьсотъ экземпляровъ этого журнала во французскія владѣнія Индіи, откуда они распространялись въ англійскихъ владѣніяхъ Индіи.

Когда, въ февралѣ мѣсяцѣ 1803 г., „Аргусъ“ перемѣнилъ тонъ, что послужило для англійскаго правительства знакомъ примиренія, то Гольдсмитъ былъ уволенъ отъ редактированія журнала и потребовалъ семь тысячъ франковъ вознагражденія, мотивируя свою претензію тѣмъ, что ему было обѣщано предоставить этотъ журналъ въ его полную собственность, что ему дорого стоило перевезти свою меблировку изъ Англіи и пришлось сдѣлать значительныя затраты для воспитанія дочери, заплативъ впередъ за ея обученіе, а такъ какъ англичане, проживавшіе въ Парижѣ, угрожали убить его, то онъ хотѣлъ уѣхать изъ Франціи какъ можно скорѣе. Однако, онъ остался еще нѣкоторое время въ Парижѣ, занимаясь литературной работой, пока онъ не возвратился, наконецъ, въ 1809 г. въ Англію. Заключенный на нѣкоторое время въ тюрьму, онъ принялся, по выходѣ на свободу, энергично писать противъ Наполеона и въ 1815 г. предлагалъ оцѣнить его голову.

Среди пріѣхавшихъ изъ Англіи сановниковъ особенное вниманіе обращалъ на себя извѣстный англійскій государственный дѣятель и глава англійской либеральной партіи Фоксъ, по заключеніи Аміенскаго мира также пожелавшій посѣтить континентъ. Въ молодыхъ годахъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ щеголей Лондона и совершилъ, въ сопровожденіи лорда Карлайеля, поѣздку въ Парижъ и Ліонъ, съ единственной цѣлью „купить модные жилеты“. Во все время путешествія, Фоксъ и его другъ, по свидѣтельству одного современника, ни о чемъ другомъ не разговаривали, какъ объ этихъ жилетахъ, но въ 1802 г. пятидесяти трехъ-лѣтній государственный дѣятель, предпринявъ путешествіе во Францію, руководствовался болѣе серьезными цѣлями. Поглощенный серьезными историческими изслѣдованіями, онъ нуждался для своихъ работъ въ новыхъ источникахъ и надѣялся отыскать въ Парижѣ нужные для него документы. Его сопровождалъ въ качествѣ секретаря Троттеръ, отзывы котораго о Франціи приведены выше.

Фоксъ, популярнѣйшій изъ современныхъ дѣятелей Англіи, глубоко симпатизировалъ Франціи и сумѣлъ пріобрѣсти симпатіи французовъ, настроенныхъ вообще враждебно къ Англіи. Въ то время какъ другъ Фокса, писатель Шериданъ, раздѣлялъ чувство ненависти, которое большинство англичанъ питало къ Франціи, Фоксъ считалъ необходимымъ уничтожить вражду, существовавшую между двумя націями.

Однимъ изъ первыхъ посѣтилъ Фокса въ Парижѣ знаменитый предводитель польскихъ войскъ Косціюшко.

„На взглядъ онъ былъ здоровъ“, пишетъ Троттеръ, но я думаю, что онъ никогда не оправится окончательно отъ полученныхъ имъ

ранъ. Фоксъ принялъ его любезно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти. Этотъ великій патріотъ жилъ во Франціи безвѣстнымъ въ самой скромной обстановкѣ, игнорируемый новымъ правительствомъ, созидавшимъ свое могущество на развалинахъ республиканскаго строя, и чувствовалъ себя одинокимъ среди той блестящей толпы иностранцевъ, которые спѣшили въ Парижъ, полные веселья и беззаботности".

Первою заботою Фокса, по пріѣздѣ въ Парижъ, было получить аудіенцію у Бонапарта. Для пріема представителей иностранныхъ державъ и вообще иностранцевъ, съѣзжавшихся со всѣхъ концовъ міра, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе первому консулу, былъ отведенъ рядъ комнатъ, которыя были извѣстны подъ общимъ названіемъ „зала посланниковъ". Фокса сопровождали на аудіенцію лордъ Голландъ, лордъ Робертъ Спенсеръ, лордъ Сентъ Джонъ, Эрскинъ, Эдайръ и, само собою разумѣется, Троттеръ.

„Надобно сознаться", говоритъ послѣдній, что новизна и величіе всего происходившаго на моихъ глазахъ чрезвычайно заинтересовали меня. Этотъ „великій базаръ житейской суеты" производилъ поразительное впечатлѣніе, не поддающееся описанію: личность перваго консула, ради котораго собрались присутствовавшіе, старинный дворецъ Бурбоновъ, изумительное положеніе, занятое Франціей—все это поражало воображеніе и почти лишало возможности высказать о видѣнномъ правильное сужденіе. На губахъ присутствующихъ блуждала едва уловимая улыбка, говорившая ясно: возможно ли все это? долговѣчно ли будетъ это новое правительство?

Тутъ же присутствовалъ великобританскій посолъ Мерри, которому предстояло не мало труда, такъ какъ въ залѣ находилось болѣе англичанъ, нежели представителей другихъ націй. Рядомъ съ нимъ стоялъ испанскій посланникъ, кавалеръ Азара, оживленно разговаривавшій съ Фоксомъ, далѣе стоялъ сверкавшій брилліантами графъ Марковъ, съ его страшнымъ лицомъ и неприступнымъ видомъ, и турецкій посланникъ, явившійся въ сопровожденіи цѣлой свиты красивыхъ господъ; онъ возлежалъ на диванѣ, такъ какъ жара была нестерпимая; его свита совершенно свободно говорила по-французски; лица этихъ господъ были чистѣйшаго греческаго типа. Тутъ же находился маркизъ Луккезини, прусскій посланникъ, занимавшій нѣкогда скромный постъ чтеца при министрѣ, а съ теченіемъ времени возвысившійся до самыхъ высшихъ дипломатическихъ должностей. Онъ былъ одѣтъ всегда очень пышно въ платье яркаго цвѣта и напоминалъ экзотическую птицу; сходство это еще болѣе увеличивалось его физіономіей; впрочемъ, онъ былъ пріятенъ въ обращеніи и всѣмъ доступенъ.

Почтенный графъ Кобенцель, слишкомъ умный для того, чтобы выказать малѣйшее неудовольствіе, и слишкомъ тонкій политикъ,

чтобы не склониться предъ силой, стоялъ блѣдный, изможденный придворными интригами, какъ будто пощаженный смертью для того, чтобы быть свидѣтелемъ настоящей сцены, опровергавшей всѣ его политическія аксіомы и системы; рядомъ съ нимъ стояли: американскій посланникъ Ливингстонъ, отличавшійся отъ всѣхъ простотою своихъ манеръ и одежды, и неаполитанскій посланникъ, маркизъ Галло, болѣе чѣмъ посредственный дворянинъ старой школы, верхъ изящества по манерамъ, но неспособный играть никакой роли въ политикѣ.

„Въ комнатахъ толпилось множество сановниковъ и высокопоставленныхъ лицъ—англичанъ, русскихъ и шведскихъ офицеровъ. Представитель папы, кардиналъ Капрара, въ своихъ красныхъ чулкахъ и огромномъ красномъ плащѣ представлялъ для меня зрѣлище необычайное".

Присутствующимъ пришлось ожидать довольно долго въ залѣ посланниковъ. Ливрейные лакеи разносили кофе, дорогое вино и пирожное на блюдахъ изъ китайскаго фарфора, на которыхъ была изображена одна буква Б. безъ всякаго герба. „Жара была нестерпимая, и ожиданіе начинало переходить въ томительную скуку, когда дверь распахнулась и префектъ дворца объявилъ кардиналу Капрара, что первый консулъ готовъ. Затѣмъ онъ обратился къ кавалеру Азара; всѣ послѣдовали за ними, не соблюдая порядка, поднялись по большой лѣстницѣ Тюильрійскаго дворца, и вошли во внутренніе покои, гдѣ Бонапартъ стоялъ съ двумя другими консулами, Лебреномъ и Камбасересомъ, окруженный генералами, министрами, сенаторами и офицерами, толпившимися вокругъ него полукругомъ. Пришедшіе изъ залы посланниковъ, составивъ также полукругъ, присоединились къ толпѣ лицъ, окружавшихъ перваго консула. Невысокій ростомъ, не импонирующій своей осанкой, одѣтый безпритязательно въ шитый золотомъ консульскій мундиръ, съ ненапудренной головою, онъ казался на первый взглядъ самымъ простымъ частнымъ человѣкомъ съ самыми скромными манерами, который совершенно не заботился о своемъ костюмѣ.

Два другихъ консула, огромные ростомъ и тяжеловѣсные походили на два массивные столба, нуждавшіеся въ подпоркѣ; все время аудіенціи они, видимо, не знали, что дѣлать со своими руками и какъ держать себя. Какъ только всѣ окружили Бонапарта, онъ обратился къ испанскому посланнику, затѣмъ долго бесѣдовалъ съ представителемъ Америки. Когда онъ дошелъ до англійскаго посланника, тотъ представилъ ему нѣсколькихъ сановныхъ англичанъ и назвалъ Фокса.

Первый консулъ, видимо, очень взволнованный, сказалъ скороговоркою:

— A! г. Фоксъ, я былъ радъ слышать о вашемъ пріѣздѣ, я очень

хотѣлъ видѣть васъ... Я давно восхищался вами, какъ ораторомъ и какъ другомъ народа, который, ратуя за миръ, служилъ самымъ насущнымъ интересамъ своей страны, всей Европы, — всего человѣческаго рода. Обѣ великія націи Европы нуждаются въ мирѣ; имъ нечего опасаться; имъ слѣдовало бы лучше понять и цѣнить другъ друга... Въ вашемъ лицѣ, г. Фоксъ, я вижу съ удовольствіемъ великаго государственнаго человѣка, который проповѣдывалъ миръ въ виду того, что не было уважительной причины вести войну, которая безцѣльно разоряла Европу и лишала ее покоя.

Фоксъ отвѣчалъ кратко; онъ всегда неохотно отвѣчалъ на похвалы. Въ заключеніе Бонапартъ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, касавшихся его путешествія.

Въ числѣ англичанъ, представлявшихся въ тотъ день Бонапарту, находился также лордъ Эрскинъ, другъ Фокса. Этотъ извѣстнѣйшій въ Англіи юристъ полагалъ, что его имя было знакомо и за предѣлами Англіи, но онъ испыталъ, вѣроятно, нѣкоторое разочарованіе, когда, вопреки его ожиданію, первый консулъ не узналъ его. Лордъ Эрскинъ очень плохо говорилъ по-французски, и Талейранъ, опасаясь чтобы не произошло замѣшательства, повторялъ съ нетерпѣніемъ, обращаясь къ Троттеру: „говоритъ ли онъ по-французски? да говоритъ ли онъ по-французски?“ Англійскій посланникъ Мерри, утомленный множествомъ представлявшихся, спѣшилъ и назвалъ лорда Эрскина мимоходомъ. „Вы юристъ?“ спросилъ Бонапартъ въ высшей степени равнодушно и даже нѣсколько презрительно.

Хотя эта аудіенція не имѣла въ сущности значенія, но англійскія министерскія газеты не пропустили случая, и на главу оппозиціи Фокса и его спутниковъ появилось множество каррикатуръ. На одномъ изъ этихъ рисунковъ юмористъ Джильрей изобразилъ Бонапарта возсѣдающимъ на стулѣ, окруженный мамелюками, между тѣмъ какъ Фоксъ и его жена, чрезвычайно тучные, преусердно дѣлали реверансы и преклоняли предъ нимъ колѣна. Лордъ Эрскинъ, въ адвокатской мантіи, стоялъ, приложивъ руку къ сердцу; возлѣ нихъ стояли лордъ и лэди Голландъ, принадлежавшіе къ либеральной партіи, и Комбъ.

Во время пребыванія въ Парижѣ, Фоксъ познакомился съ Талейраномъ, „на непріятномъ лицѣ котораго не отражалось ничего возвышеннаго и благороднаго; хотя, несомнѣнно, это былъ человѣкъ очень дальновидный и хитрый“; а также съ его женою „очень любезной дамой, державшей себя, впрочемъ, высокомѣрно“, съ аббатомъ Сіэсомъ, который „училъ замкнуто на своей виллѣ, наслаждаясь семейнымъ счастьемъ“ и съ супругою перваго консула, г-жею Бонапартъ, которая „плохо умѣла скрывать разницу лѣтъ между нею и первымъ консуломъ, усердно употребляя румяна“. Онъ видѣлъ также Лафайета,

который показался ему весьма симпатичнымъ, г-жу Рекамье, и съ Бертье, „послѣдній былъ очень дѣятельный и пріятный въ обхожденіи, и повидимому, одинаково способенъ къ военной и къ дипломатической карьерѣ". Видѣлъ также Массену „съ небольшими черными пронзительными глазами, очень подвижнаго и съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, какъ будто онъ готовился схватить добычу".

IV.

Въ описываемое время въ Парижѣ люди самаго лучшаго общества посѣщали общественныя ванны. „Мнѣ очень понравился этотъ обычай", говоритъ авторъ „Увеселительной поѣздки въ Парижъ". Въ ванномъ заведеніи строго соблюдаются правила благопристойности. Каждый надѣваетъ коротенькіе штаны или обматываетъ вокругъ пояса длинный кусокъ матеріи; свыше ста человѣкъ учатся одновременно плавать. Продолжая описаніе Парижа, авторъ отмѣчаетъ, что, хотя „на Луврѣ, Тюильри и вообще на фронтонѣ всѣхъ общественныхъ зданій было начертано крупными золотыми буквами: „свобода, равенство, братство", но только однѣ эти надписи и напоминали о „свободѣ" французовъ.

Вообще, онъ старается убѣдить своихъ соотечественниковъ въ томъ, что Парижъ отнюдь не оправдывалъ любопытства, съ какимъ туда стремились путешественники, и говоритъ, что они поступили бы благоразумнѣе, оставаясь въ Англіи, которая въ отношеніи даровъ природы и удобствъ жизни стоитъ несравненно выше Франціи. Онъ описываетъ парижанъ всѣхъ возрастовъ и классовъ общества людьми гордыми, склонными хвастать своими занятіями. Невѣжество французовъ онъ приписываетъ врожденной имъ лѣни и привычкѣ относиться легкомысленно къ самымъ серьезнымъ вопросамъ и при этомъ жестоко критикуетъ распущенность нравовъ во Франціи. „Трудно себѣ представить, говоритъ онъ, какъ чувствуютъ себя во Франціи, во всѣхъ классахъ общества, мужья, ибо нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ услышать такую фразу: „это другъ госпожи такой-то", т. е. ея любовникъ. Я не могу, конечно, утверждать, чтобы это было общимъ правиломъ, но не могу также сказать, чтобы это встрѣчалось очень рѣдко.

Познакомимся теперь съ отзывами другаго путешественника, повидимому, довольно безпристрастнаго въ своихъ сужденіяхъ, это автора весьма распространеннаго въ свое время сочиненія: „Бѣглый очеркъ

современнаго Парижа или письма о нравахъ, развлеченіяхъ и достопримѣчательностяхъ этой столицы“ [1]).

„По пріѣздѣ въ Парижъ, мнѣ пришлось кочевать изъ одного отеля въ другой“, пишетъ онъ, пока я нашелъ помѣщеніе. „Я помѣстился пока въ очень плохенькой комнаткѣ; судя по всему, что я видѣлъ и слышалъ, мнѣ придется посвятить большую часть драгоцѣннаго времени на поиски приличнаго помѣщенія. Хорошія комнаты здѣсь очень рѣдки, такъ какъ большая часть меблированныхъ отелей разграблена во время революціи, а тѣ, которые уцѣлѣли, переполнены иностранцами, которые послѣ заключенія мира наѣхали сюда со всѣхъ концовъ свѣта.

„Улицы Лондона настолько превосходятъ парижскія шириною, чистотою и красотою зданій, что, я полагаю, даже французъ не сталъ бы оспаривать этого. Онѣ представляютъ полнѣйшую противоположность съ узкими, грязными и плохо вымощенными улицами французской столицы, которыя такъ плохо вымощены, что ѣхать по нимъ сущее мученье, не говоря уже о томъ, что колеса быстро портятся на этой убійственной мостовой. Освѣщеніе улицъ весьма скудное, фонари подвѣшены посреди улицы, на высотѣ 15—20 футъ на веревкѣ, протянутой отъ одного дома къ другому. Огромныхъ размѣровъ фонари освѣщаютъ скорѣе дома, нежели улицу, такъ что жители могутъ у окна читать при ихъ свѣтѣ. Это красиво, но мостовая и всѣ закоулки погружены въ совершенныя потемки“. Съ другой стороны, авторъ отводитъ Парижу первое мѣсто по красотѣ дворцовъ и общественныхъ зданій, восхищается стилемъ и архитектурой частныхъ зданій. „Хотя они красивѣе и расположеніе комнатъ въ нихъ удобнѣе, нежели у насъ, говоритъ онъ, такъ какъ въ каждомъ этажѣ есть цѣлый рядъ комнатъ, но въ этихъ домахъ, именно по причинѣ ихъ большихъ размѣровъ, живетъ нѣсколько семействъ, вслѣдствіе чего общія лѣстницы очень грязны и столь же противны, какъ и самыя плохо содержимыя улицы. Если въ домѣ живетъ одна семья, что бываетъ рѣдко, то число слугъ обыкновенно до того не соотвѣтствуетъ величинѣ помѣщенія, что весь домъ бываетъ запущенъ и содержится отвратительно. Вообще, французы очень нечистоплотны, употребленіе щетки для мытья посуды имъ неизвѣстно, точно такъ же, какъ тряпки и помойныя ведра; во всѣхъ провиціальныхъ городахъ на главныхъ улицахъ розлиты жидкости, издающія зловонный запахъ“.

О характерѣ парижанъ авторъ отзывается весьма сочувственно. „Такъ какъ правительство разрѣшило возстановить нѣкоторые ста-

---

[1]) L'Esquisse rapide du Paris moderne, ou Lettres sur la société, les moeurs, les distractions et les curiosités publiques de cette capitale“.

ринные обычаи, говоритъ, онъ то парижане празднуютъ снова масляницу съ той веселостью и оживленіемъ, какія присущи французскому характеру. Они такъ жаждутъ удовольствія и всякаго рода зрѣлищъ, что готовы на всякія жертвы, чтобы удовлетворить этой страсти. Во время этого всеобщаго веселья, на улицахъ не случается никакихъ безпорядковъ, не замѣтно пьяныхъ, и женщины не подвергаются оскорбленіямъ. Особенно заслуживаетъ похвалы то обстоятельство, что во Франціи можно посѣщать общественныя зрѣлища вполнѣ спокойно и безопасно, не рискуя натолкнуться на скандалъ или безпорядокъ".

Это признаніе англичанина о томъ, что французская толпа вела себя порядочно и благопристойно, служитъ наилучшимъ доказательствомъ добрыхъ нравовъ французскаго общества и его умственнаго развитія, о которомъ отзывались неодобрительно многіе современные англійскіе путешественники.

Но былъ одинъ пунктъ, относительно котораго сходились самые ярые хулители всего французскаго. Луврскій музей, обогащенный Бонапартомъ художественными произведеніями всей Европы, былъ для любителей искусства обѣтованной землею, гдѣ въ одномъ роскошномъ зданіи были собраны лучшія произведенія искусства всего міра, разсѣянныя до тѣхъ поръ по всему свѣту. Никто изъ иностранцевъ, наиболѣе предубѣжденныхъ противъ Франціи, наиболѣе пристрастныхъ въ своихъ сужденіяхъ, не могъ произнести ни слова въ осужденіе этого памятника искусства, созданнаго республикой; большинство даже не находило словъ, чтобы выразить свой восторгъ.

„Я очутился въ великолѣпномъ залѣ, говоритъ авторъ „Бѣглаго очерка современнаго Парижа", стѣны котораго были увѣшаны великолѣпнѣйшими произведеніями человѣческаго искусства. Когда нашъ умъ предвкушаетъ какое-нибудь удовольствіе, когда воображеніе рисуетъ самыми соблазнительными красками, то зачастую бываетъ, что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ представленію, созданному воображеніемъ. На этотъ разъ мнѣ не пришлось разочароваться. Я ожидалъ чего-то выдающагося, я составилъ себѣ необычайное представленіе о томъ, что я увижу, но полученное мною удовольствіе превзошло всѣ ожиданія. Я стоялъ нѣкоторое время пораженный. Сторожъ, предложившій мнѣ каталогъ, составленный, какъ оказалось, весьма тщательно, вывелъ меня изъ задумчивости, и тогда только я пришелъ нѣсколько въ себя отъ изумленія отъ всего видѣннаго".

Впрочемъ, одни любители живописи и скульптуры находили въ Парижѣ пищу для восхищенія. Французская сцена сіяла въ то время осо-

бымъ блескомъ и парижскіе театры могли соперничать съ лучшими произведеніями искусства. Цѣлая плеяда знаменитыхъ артистовъ, во главѣ которыхъ блистали Марсъ, Тальма, Сенъ-При, Дюшенуа, Вольнэ, привлекала въ театры иностранцевъ, съ графомъ Кобенцелемъ во главѣ, который страстно любилъ театръ, въ особенности когда онъ могъ отправиться туда, какъ онъ выражался, „инкогнито“, т. е. оставивъ двадцать или тридцать орденскихъ знаковъ въ каретѣ и надѣвъ ихъ всего штукъ пять или шесть. Вотъ что пишетъ одинъ англичанинъ о французскомъ драматическомъ театрѣ.

„Англійскій подданный, посѣщающій французскій театръ впервые, бываетъ удивленъ весьма многимъ. Прежде всего его поражаетъ отсутствіе въ залѣ свѣта, что́ дѣлается съ цѣлью придать болѣе эффекта сценѣ, но человѣкъ непредубѣжденный вскорѣ понимаетъ все преимущество этой системы. Благодаря темнотѣ залы ярче выступаетъ сцена, и французскій способъ освѣщенія несравненно лучше оттѣняетъ пейзажъ, нежели наше вездѣ одинаково яркое освѣщеніе, при которомъ отсутствуютъ свѣтъ и тѣни. Въ парижскомъ театрѣ характеръ французовъ проявляется въ истинномъ свѣтѣ. Сосредоточенное вниманіе, съ какимъ зрители слѣдятъ за представленіемъ, взрывы одобренія и рукоплесканія, расточаемыя любимымъ или „подающимъ надежды“ артистамъ, соблюденіе полнѣйшей тишины слезы, которыя проливаютъ мужчины и женщины въ трогательныхъ мѣстахъ, непринужденная веселость, которая охватываетъ всѣхъ во время представленія комедіи—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что французы вполнѣ заслуживаютъ репутацію людей одаренныхъ чувствомъ изящнаго и прекраснаго“.

„Французская декламація вначалѣ нѣсколько поражаетъ англійскій слухъ, и мнѣ кажется, что болѣе простоты и менѣе напыщенности не повредили бы дѣлу. Но это первое впечатлѣніе вскорѣ изглаживается, и надобно сознаться, что страсть и воодушевленіе, съ коими играютъ французскіе актеры, не имѣютъ себѣ равнаго. Короткіе антракты значительно поддерживаютъ въ зрителѣ интересъ къ пьесѣ. Актеры какъ будто во истину переживаютъ изображаемыя ими страсти, они не подлаживаются къ публикѣ, желая сорвать аплодисменты, но играютъ съ такимъ увлеченіемъ, что можно забыть, что видишь передъ собою сцену и декораціи, вообразивъ, что передъ тобою разыгрывается дѣйствительная жизнь“.

Въ тотъ день, когда авторъ былъ въ театрѣ, давали „Федру“ Расина. На спектаклѣ присутствовалъ Фоксъ. Его узналъ весь партеръ, всѣ взоры обратились къ нему и когда по залѣ пронеслось шопотомъ его имя, всѣ встали и стали апплодировать. Одинъ только Фоксъ остался неподвиженъ; хотя онъ былъ тронутъ этимъ знакомъ

вниманія, но онъ не хотѣлъ встать, чтобы не показать, что онъ принимаетъ эти рукоплесканія на свой счетъ.

Другой авторъ говоритъ, что хотя въ Парижѣ множество театровъ (при этомъ онъ возмущался тѣмъ, что спектакли бываютъ въ воскресные дни), тѣмъ не менѣе актеры вездѣ талантливые и играютъ безподобно. Онъ ставитъ рѣшительно парижскіе театры выше лондонскихъ.

Но не богатство парижскихъ музеевъ и блескъ его театровъ влекли иностранцевъ во Францію; главною приманкою былъ, какъ уже мы говорили, первый консулъ.

Видѣть Бонапарта! это были магическія слова, которыя околдовывали всѣхъ. Этому желанію не могли противустоять самые ярые ненавистники Франціи, замкнутые въ своей національной городости, такъ же какъ и люди самые индифферентные къ великимъ идеямъ, провозглашеннымъ французской революціей.

Желаніе „видѣть Бонапарта“ было иногда такъ велико, такъ неудержимо, что многіе англичане пріѣзжали въ Парижъ только на одинъ день, чтобы присутствовать на смотру, и уѣзжали въ тотъ же вечеръ, увозя воспоминаніе о своемъ героѣ, видѣнномъ въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ. Большинство ѣхало во Францію, имѣя самое превратное представленіе о Бонапартѣ, о которомъ разсказывали всякія небылицы. Такъ напр., одни разсказывали, будто первый консулъ пьетъ каждый часъ по чашкѣ кофе, другіе, что онъ никогда не ходитъ пѣшкомъ; третьи, что онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ въ ваннѣ; иные увѣряли, что онъ ѣстъ всегда стоя, и многіе пріѣзжіе имѣли о немъ столь ложное представленіе, что, увидавъ его, они бывали совершенно поражены. Число англичанъ и ирланнцевъ, желавшихъ получить аудіенцію у перваго консула, было такъ велико, что англійскій посланникъ былъ вынужденъ объявить, что таковыя просьбы будутъ удовлетворяться лишь въ томъ случаѣ, если желающій получить аудіенцію явится къ нему съ личной рекомендаціей отъ лорда Гаукесберри; такимъ образомъ въ то время какъ высоко поставленные англичане представлялись первому консулу, ихъ менѣе счастливые соотечественники вознаграждали себя тѣмъ, что старались увидѣть своего кумира въ общественныхъ мѣстахъ и на смотрахъ. Авторы всѣхъ мемуаровъ, писемъ, путеводителей и тому подобныхъ сочиненій, желая распространить свою книгу, украшали ее непремѣнно портретомъ перваго консула и прилагали къ нему описаніе, сдѣланное ими не столько на основаніи личныхъ наблюденій, сколько заимствованное изъ другихъ описаній, которыя они только дополняли личными замѣтками.

„15 термидора, пишетъ одинъ изъ этихъ авторовъ, мы видѣли

Бонапарта въ то время какъ онъ производилъ смотръ войску; это былъ вѣроятно цвѣтъ его арміи, такъ какъ эти солдаты совершенно не походили на тѣхъ, коихъ мы видѣли по пути отъ Калэ. Мы никогда не видѣли такого великолѣпнаго войска; лошади и обмундировка были роскошны. Корпусъ егерей и жандармовъ былъ составленъ изъ самыхъ красивыхъ, рослыхъ людей точно такъ же, какъ и корпусъ колонновожатыхъ. Послѣдними командовалъ молодой Богарне, зять Бонапарта. Было около одиннадцати часовъ, когда мы прибыли въ Тюильри; вскорѣ были заперты желѣзныя ворота. Бонапартъ находился уже во дворцѣ, пріѣхавъ рано утромъ изъ Мальмезона, гдѣ онъ живетъ. Мы слышали, что, заботясь о его личной безопасности, тщательно скрываютъ, по какой дорогѣ онъ долженъ пріѣхать и уѣхать".

„Около полудня первый консулъ спустился по главной лѣстницѣ, и одно лицо, бывшее съ нами и стоявшее какъ разъ напротивъ входа, сказало намъ, что Бонапартъ, чтобы сѣсть на лошадь, влѣзъ на маленькую скамеечку. Его свиту составляли человѣкъ пятнадцать или двадцать генераловъ и египетскій мамелюкъ; вся его свита была напудрена и одѣта роскошно; а онъ былъ въ простомъ темно-зеленомъ сюртукѣ безъ единаго галуна и украшенія". Описывая смотръ, авторъ говоритъ: „первый консулъ пробылъ на лошади часа полтора; все это время онъ ни разу не открылъ рта и не повернулъ головы ни вправо, ни влѣво, онъ смотрѣлъ все время между ушей своей лошади. Ни съ кѣмъ не разговаривалъ и его не привѣтствовали и не провожали восторженными криками. По утру намъ говорили, что мы будемъ, вѣроятно, свидѣтелями того, какъ онъ обниметъ нѣкоторыхъ солдатъ, раздавая имъ почетныя сабли и трубы. Ничего подобнаго однако мы не видѣли, хотя двумъ полкамъ, 8 и 24, были розданы новыя знамена.

„Большая часть солдатъ носитъ серьги и имъ позволяется носить усы длиною приблизительно въ полъ-дюйма, что̀ придаетъ брюнетамъ весьма воинственный видъ. Піонеры имѣютъ напудренные волосы и длинную бороду, напоминая евреевъ. Когда смотръ окончился и всѣ солдаты направились въ казармы, Бонапартъ сошелъ съ лошади, ступивъ опять на скамеечку и, быстро поднявшись по лѣстницѣ, возвратился въ свои апартаменты".

*

Изъ архивныхъ мелочей.

С.-Петербургъ. 21-го февраля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи кіевскій военный губернаторъ Фешъ. Приношеніе кіевскаго благороднаго дворянства на устроеніе дворянскаго училища семидесяти тысячъ рублей, въ донесеніи вашемъ изображенное, принимаю я знакомъ отличнаго ихъ на пользу общую усердія и поручаю вамъ изъявить имъ мою признательность. Мнѣ пріятно видѣть въ семъ несомнѣнное доказательство, сколь много цѣнятъ они просвѣщеніе и пользу воспитанія. Я увѣренъ, что назидательному ихъ примѣру по возможности послѣдуютъ и прочіе дворяне, подъ именемъ арендовыхъ поссессоровъ въ губерніи вамъ ввѣренной извѣстные. Впрочемъ удостовѣрьте ихъ, что желаніе ихъ о помѣщеніи въ сіе училище изъ каждаго повѣта по двѣнадцати дворянскихъ дѣтей исполнено будетъ. Пребываю вамъ благосклонный „Александръ“.

С.-Петербургъ, 18-го февраля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и кіевскій губернаторъ Фешъ! Пріемля съ монаршимъ благоволеніемъ пожертвованіе каневскаго базиліанскаго монастыря архимандрита Физипевича, изъ усердія къ пользѣ отечества опредѣляющее благопріобрѣтенное имъ мѣстечко Каневъ навсегда для содержанія училища при тамошнемъ базиліанскомъ мо-

настырѣ имъ заведеннаго, находимъ мы учиненное имъ по сему предмету распоряженіе яко зависящее отъ доброй его воли основаннымъ на законахъ; почему препровождая у сего помянутое распоряженіе, повелѣваемъ вамъ записать оное надлежащимъ образомъ въ актахъ, въ знакъ же особеннаго вниманія нашего къ сему поступку, влагаемъ у сего крестъ для врученія ему, Физипевичу, при особомъ рескриптѣ, пребывая вамъ благосклонный „Александръ".

Помѣта: полученъ 11-го марта 1802 г.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи управляющій гражданскою частію въ губерніяхъ Кіевской и Минской, Феншъ. Санктпетербургское вольное экономическое общество представило мнѣ предположеніе его о сочиненіи общаго Россіи описанія по части земледѣлія и сельскаго хозяйства. Къ составленію сего полезнаго сочиненія ему нужно будетъ собрать съ самихъ мѣстъ разныя свѣдѣнія, почему и расположилося общество, сообщивъ всѣмъ начальникамъ губерній начертаніе тѣхъ предметовъ, кои въ планъ сего творенія входятъ, просить содѣйствія ихъ въ скоромъ и подробнѣйшемъ доставленіи сихъ свѣдѣній, назначивъ при томъ и пристойныя награды лицамъ, кои будутъ въ составленіи ихъ трудиться. Принявъ съ удовольствіемъ столь полезное общества экономическаго предположеніе, я нахожу нужнымъ предварительно поручить вашему попечительному благоразумію содѣйствовать всѣми возможными мѣрами наилучшему и совершеннѣйшему успѣху сего предпріятія по ввѣреннымъ вамъ губерніямъ. Все участіе, какое въ дѣлѣ семъ руководствомъ, ободреніемъ и побужденіями вашими принять вы можете, будетъ для меня весьма примѣтнымъ доказательствомъ истиннаго просвѣщенія и любви къ отечественнымъ пользамъ. Пребываю вамъ благосклонный „Александръ".

Помѣта: полученъ 25-го апрѣля 1802 г.

С.-Петербургъ, 16-го апрѣля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи кіевскій военный губернаторъ, Феншъ. Имѣющіе въ Кіевѣ собственные домы разныхъ присутственныхъ мѣстъ канцелярскіе чиновники вошли ко мнѣ съ прошеніями объ увольненіи домовъ ихъ отъ постоя и объ освобожденіи ихъ отъ

обязанности давать провожатыхъ для препровожденія изъ города арестантовъ. Считая первую изъ сихъ повинностей общею тягостью всѣхъ гражданъ, домы въ городѣ имѣющихъ, я нахожу справедливымъ, чтобъ и сіи чиновники въ ней участвовали, о чемъ вы имъ и объявите; но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдите, чтобъ постой сей расположенъ былъ со всевозможными уравненіями, и чтобъ чины полицейскіе, медицинскіе, архитекторскіе, форшт-мейстерскіе, почтамтскіе и дикастерскіе въ собственныхъ ихъ домахъ отъ онаго изъяты не были, какъ то доселѣ весьма несправедливо было допущено. Что принадлежитъ до обязанности давать провожатыхъ арестантамъ, я считаю сіе не только притѣснительнымъ и излишнимъ, но и выходящимъ изъ всякаго порядка, ибо на сіе есть опредѣленныя воинскія команды, и почему обращено сіе въ повинность городскую и возложено на участіе людей, кои ни по званію ихъ, ни по чинамъ, ни по должности провожатыми арестантамъ быть не могутъ, требую отъ васъ объясненія. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонный „Александръ“.

Помѣта: полученъ 4-го мая 1802 г.

С.-Петербургъ, 1-го сентября 1802 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи кіевскому военному губернатору Феншу.

Бывшей королевской французской службы подполковникъ Шарлъ-де-Ландъ по желанію его будетъ имѣть жительство въ Кіевѣ, получая изъ кабинета на содержаніе свое чрезъ губернское начальство по триста рублей въ годъ по третямъ. Предъувѣдомляя васъ о семъ, я желаю, чтобъ по прибытіи его имѣли вы за нимъ наблюденіе, не стѣсняя впрочемъ его свободы. „Александръ“.

Помѣта: полученъ 15-го сентября 1802 г.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1802 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи кіевскому военному губернатору Феншу.

Сколько пріятно мнѣ было видѣть знакъ усердія, изъявленнаго кіевскими гражданами въ сооруженіи памятника святому и равноапостольному в. к. Владиміру, особенно по уваженію моему къ главной и благочестивой мысли сего памятника, столько крайне былъ я уди-

вленъ, что о предположеніи семъ отъ васъ предъувѣдомленъ я не былъ. Зданія сего рода столько сами по себѣ важны, что не могутъ быть начинаемы съ единаго вѣдома мѣстнаго начальства, и долгъ онаго, весьма по мнѣнію моему ясный, есть доносить о нихъ предварительно высшему правительству. Я узналъ о семъ единственно изъ отношенія вашего къ бывшему генералъ-прокурору, на сихъ только дняхъ къ свѣдѣнію моему дошедшему.

Поставляя сіе особенно вамъ въ замѣчаніе, я тѣмъ не менѣе отдаю справедливость доброму намѣренію кіевскихъ гражданъ и особливо за назначеніе его построить богадѣльню въ пользу страждущаго человѣчества. Поручаю вамъ изъявить за сіе мою ему признательность. „Александръ".

Помѣта: полученъ 7-го ноября 1802 г.

С.-Петербургъ, 19-го декабря 1802 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи кіевскому военному губернатору Феншу.

Изъ переписки съ бывшимъ генералъ-прокуроромъ вамъ уже извѣстны жалобы отъ кіевскихъ гражданъ ко мнѣ дошедшія на тягость лежащихъ на нихъ повинностей, и исканіе ихъ о разныхъ способахъ къ облегченію.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ свѣдѣнія, какія по дѣлу сему были собраны. Разсмотрѣвъ его въ настоящемъ его положеніи, я нахожу, что если съ одной стороны магистратъ безотчетнымъ управленіемъ доходовъ и безпорядочнымъ веденіемъ книгъ и документовъ былъ виною замѣшательства въ сей части и содѣйствовалъ умноженію городскихъ долговъ, то съ другой стороны и начальство, полицейскими повинностями управлявшее, неправо можетъ быть въ томъ, что, не опредѣливъ съ точностію ни числа расходовъ, ни способовъ къ уравнительному ихъ удовлетворенію, требованіями своими вывело его изъ соразмѣрности съ доходами и вовлекло въ издержки, кои казенною палатою при ревизіи счетовъ неправильными признаны.

Для извлеченія города изъ сего затруднительнаго положенія и для постановленія на будущее время постояннаго на сію часть правила, признаю нужнымъ, чтобъ поручили вы гражданскому губернатору сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1-е. Составивъ подъ предсѣдательствомъ его комитетъ изъ вице-губернатора, губернскаго маршала и одного члена магистрата, всѣ

счеты городскихъ доходовъ за 1799 и 1800 годы по документамъ ихъ въ ономъ разсмотрѣть, и по соображенію ихъ не только съ узаконеніями, но и съ дѣйствительными нуждами и временными обстоятельствами опредѣлить, какіе расходы могутъ быть приняты на счетъ городскихъ доходовъ, какіе затѣмъ должны остаться на счетѣ жителей, и какіе наконецъ подлежатъ особенному взысканію съ тѣхъ, кои могутъ открыться при семъ разсмотрѣніи виновными въ злоупотребленіи, или произвольныхъ и ненужныхъ издержкахъ.

2-е. Составивъ такимъ образомъ три вѣдомости расходовъ, комитетъ сей долженъ присовокупить и мнѣніе его о способахъ уплатить долги городскіе средствами наименѣе для жителей отяготительными, и все сіе представить мнѣ на усмотрѣніе.

3-е. Между тѣмъ, какъ будетъ постановлена сія мѣра на дѣла прошедшихъ лѣтъ, дабы въ то же время положить и на будущее точный въ сей части порядокъ, составить подъ вѣдѣніемъ гражданскаго губернатора другой комитетъ изъ одного члена по выбору отъ дворянства, имѣющаго въ городѣ домы, одного отъ купечества, одного отъ мѣщанства и изъ губернскаго прокурора.

4-е. Главнымъ предметомъ сего комитета будетъ опредѣлить съ точностью состояніе городскихъ доходовъ; разсмотрѣть, содержатся ли они въ порядкѣ; нѣтъ ли статей упущенныхъ, или отъ недостатка экономіи пренебреженныхъ.

5-е. Исчислить всѣ городскія повинности какъ денежныя, такъ и личныя, какъ-то: сборъ на полицію, на содержаніе казармъ, постой, ночную стражу, пожарныхъ служителей, освѣщеніе улицъ, мостовыя; словомъ, всѣ предметы, составляющіе полицейскую обязанность гражданъ.

6-е. Сравнивъ денежныя издержки съ городскими доходами и исчисливъ, чего будетъ не доставать, во-первыхъ, положить удобнѣйшіе способы наполнять недостатокъ сей ежегодно, посредствомъ ли поземельнаго сбора, оцѣнкою ли домовъ и получаемыхъ съ нихъ доходовъ, или другимъ образомъ, какой можетъ быть наиболѣе уравнительный и наименѣе тягостный, а особливо для бѣдныхъ.

7-е. Подобное сему разсмотрѣніе сдѣлать и о тѣхъ повинностяхъ, кои лично обывателями должны быть исправляемы. Они должны быть расположены съ соблюденіемъ всего возможнаго уравненія.

8-е. Когда такимъ образомъ, какъ денежные дополнительные сборы, такъ и личныя повинности съ точностью опредѣлятся, сдѣлать изъ нихъ общее положеніе, или табель, изъ коей бы каждый обыватель могъ видѣть, что ему платить или исправлять по состоянію его должно. Извѣстность таковая есть главное и самое существенное средство къ

облегченію повинностей, коихъ тягость наипаче оттого бываетъ чувствительна, что онѣ имѣютъ видъ произвольный.

9-е. Въ пособіе сему комитету въ его соображеніяхъ прилагаются здѣсь правила для таковыхъ же, въ обѣихъ столицахъ постановленныхъ, коими долженъ онъ руководствоваться, поколику къ мѣстнымъ положеніямъ приспособлены они быть могутъ. „Александръ".

Помѣта: „полученъ 5-го января 1803 г. Графъ С. Кочубей".

С.-Петербургъ. 5-го января 1803 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи, кіевскому военному губернатору Феншу.

По случаю послѣдовавшаго со стороны коммиссіи кіевскаго провіантскаго депо упущенія въ продовольствіи северскаго драгунскаго полка фуражемъ, я приказалъ уже прежнихъ присутствующихъ той коммиссіи отрѣшить отъ должностей и на мѣста ихъ опредѣлить другихъ чиновниковъ, а находившагося у продовольствія того полку коммиссіонера 9-го класса Давыдова арестовавъ, судить военнымъ судомъ. А какъ изъ получаемыхъ донесеній видно, что покупка провіанта и фуража на всѣ въ кіевской губерніи расположенныя войска основана помянутою коммиссіею на цѣнахъ, открытыхъ коммиссіонеромъ Давыдовымъ и утвержденныхъ тамошнимъ гражданскимъ правительствомъ, не къ пользѣ казеннаго интереса, чему доказательствомъ принятіе покупки на свое попеченіе северскимъ драгунскимъ полкомъ по цѣнамъ гораздо дешевѣйшимъ; то я предписываю вамъ взять, отъ кого надлежитъ, по части гражданской, и отъ провіантской коммиссіи отвѣты, для чего столь несообразное казенной пользѣ, кіевскимъ губернскимъ правленіемъ и коммиссіею кіевскаго провіантскаго депо учинено постановленіе цѣнъ на покупку провіанта и фуража въ цѣлой губерніи, тогда какъ въ самое то же время можно было купить его за цѣны, несравненно утвержденныхъ выгоднѣйшія; и разсмотря оныя при соображеніи обстоятельствъ и возможности не подвергать казны напраснымъ убыткамъ, съ заключеніемъ вашимъ о томъ, что и кѣмъ при помянутомъ случаѣ упущено, представить ко мнѣ. „Александръ".

Помѣта: полученъ 20-го января 1803 г.

Въ С.-Петербургѣ. 13-го іюня 1803 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

По случаю проѣзда эрцгерцога Іосифа палатино-венгерскаго на возвратномъ его пути въ Вѣну черезъ Кіевъ, я желаю, чтобы вы сдѣлали ему пріемъ, во всемъ соотвѣтственный достоинству его, обратили вниманіе ваше, дабы какъ во время пребыванія его въ мѣстѣ начальства вашего, такъ и въ проѣздъ его чрезъ губерніи, вамъ ввѣренныя, нашелъ онъ всѣ выгоды, какія только доставлены ему быть могутъ. „Александръ".

Помѣта: полученъ 28-го іюля 1803 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 11-го декабря 1803 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

Дозволивъ отставному полковнику, князю Кантемиру, по особому повелѣнію до нынѣ въ Ревелѣ проживавшему, водвориться на будущее время въ Кіевѣ, поручаю вамъ наблюсти, чтобы онъ безъ особаго повелѣнія изъ города сего не отлучался, но чтобы, впрочемъ, кромѣ благопристойнаго надзора за поведеніемъ его никакого стѣсненія ему въ образѣ жизни отъ мѣстнаго начальства чинимо не было. О поведеніи его я буду ожидать отъ васъ, а въ небытность вашу въ Кіевѣ отъ гражданскаго губернатора, ежемѣсячныхъ донесеній. „Александръ".

Помѣта: Получено 4-го января 1804 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 23-го декабря 1804 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи, кіевскому военному губернатору Тормасову.

Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ мнѣ о просьбѣ живущихъ въ кіевской губерніи, въ городѣ Махновкѣ иностранцевъ, вызванныхъ изъ Германіи по контрактамъ, графомъ Протопотоцкимъ (sic), еще во время существованія Польши, чтобъ освободить ихъ отъ рекрутской повинности и подушнаго оклада, въ которыхъ они съ

1795-го года по мѣщанству несправедливо записаны, на томъ основаніи, какъ освобождены отъ того менонисты, почти вмѣстѣ съ ними вышедшіе и въ повѣтѣ Махновскомъ поселившіеся.

Разсмотрѣвъ причины, въ основаніе ими къ сему приводимыя, и доставленное отъ кіевскаго гражданскаго губернатора свѣдѣніе, что они вызваны на одинакомъ правѣ съ менонистами, и что разность между ими только та, что послѣдніе, яко въ совѣтѣ жительствующіе, по ревизіи написаны симъ званіемъ, а они, по пребыванію въ городѣ, названы иностранцами въ числѣ мѣщанъ, и находя исканіе ихъ справедливымъ, согласно утвержденному 11-го іюля 1803 года положенію о менонистахъ, повелѣваю:

1-е. Иностранцевъ, въ городѣ Махновкѣ жительствующихъ, кои по показанію мѣстному состоятъ въ числѣ 118 душъ мужескаго пола, изъ подушнаго оклада исключить.

2-е. Возвратить имъ и взысканныя съ нихъ до сего подушныя деньги.

3-е. Освободить ихъ также отъ рекрутскаго набора, такъ какъ и манифестомъ 1763 года всѣ переселенцы, безъ различія, отъ онаго освобождены, и

4-е. Затѣмъ всѣ городскія повинности должны они исправлять на общемъ со всѣми другими положеніи. „Александръ“.

Помѣта: Полученъ 9-го января 1805 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 30-го декабря 1804 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ мнѣ, по представленію кіевскаго гражданскаго губернатора, о затруднительномъ положеніи кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія и о средствахъ къ усиленію его доходовъ.

Находя, что одно изъ сихъ средствъ, обращеніе въ доходъ приказа остатковъ отъ ежегодныхъ расходовъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, можетъ быть нынѣ же приведено въ дѣйствіе тѣмъ съ большею справедливостью, что въ заведеніяхъ приказа и обыватели сихъ городовъ могутъ въ случаѣ нужды пользоваться, повелѣваю:

1) Согласно назначенію гражданскаго губернатора, изъ уѣздныхъ городовъ отъ остатковъ ихъ суммъ обращать ежегодно въ доходъ приказа общественнаго призрѣнія количества, соразмѣрныя симъ остаткамъ и исправленію собственныхъ ихъ нуждъ.

2) Войти въ разсмотрѣніе самыхъ капиталовъ сихъ городовъ, и если остаются они безъ обращенія, тогда, принимая ихъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, раздавать въ займы на общемъ положеніи, не смѣшивая, однако жъ, сихъ суммъ, яко собственно городамъ принадлежащихъ, съ капиталомъ приказа, и изъ процентовъ удерживая въ пользу его одинъ процентъ подаянія, остальные возвращать въ доходъ тѣхъ городовъ, развѣ бы сами они изъявили согласіе на уступку приказу въ пользу благотворительныхъ его заведеній нѣкоторой части сихъ капиталовъ „Александръ".

Помѣта: полученъ 16-го января 1805 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 11-го февраля 1805 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи, кіевскому военному губернатору Тормасову.

Разсмотрѣвъ поднесенный мнѣ отъ комитета, учрежденнаго въ Кіевѣ для разбора городскихъ домовъ, докладъ и мнѣніе ваше о лучшемъ устройствѣ винныхъ сборовъ, городу принадлежащихъ, я нахожу:

1) Что винные сборы, принадлежащіе городу Кіеву, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ статей его доходовъ, и что по сему отъ возвышенія ихъ зависитъ безостановочное исправленіе городскихъ нуждъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, облегченіе обывателей въ повинностяхъ, на нихъ лежащихъ,

2) что бывшій доселѣ образъ управленія сихъ сборовъ, по безотчетности его, имѣлъ важныя неудобства, не приносилъ городу, а особливо бѣдной части обывателей его, соразмѣрной пользы, и при разсмотрѣніи комитета, найденъ во многихъ статьяхъ недостаточнымъ и неисправнымъ, и что по сему продолжить сей образъ содержанія на будущее время на тѣхъ же правилахъ было бы ненадежнымъ, какъ для истинныхъ пользъ города, такъ и для уплаты его долговъ,

3) что представленныя вами средства къ устройству винныхъ сборовъ сколько съ одной стороны сообразны порядку, существующему по сей части въ другихъ городахъ, подобнымъ правомъ пользующихся, столько и основаны на существенныхъ выгодахъ обывателей.

По уваженію сихъ причинъ, повелѣваю:

1) Винные сборы, принадлежащіе городу Кіеву, по истеченіи настоящаго срока, отдавать въ содержаніе не иначе, какъ въ казенной палатѣ, съ публичныхъ торговъ и съ приглашеніемъ къ тому

всѣхъ желающихъ по установленному вообще на таковые откупы порядку.

2) Если при сихъ торгахъ городское общество пожелаетъ сборы сіи удержать за послѣднюю съ торговъ даваемую цѣну за собою: тогда отдать ему оные предпочтительно.

3) Общество обязано будетъ вносить сію установленную при торгахъ сумму, въ положенные сроки, въ градскую казну бездоимочно.

4) Доходъ отъ содержанія винныхъ сборовъ получаемый, принадлежа всѣмъ членамъ градскаго общества и поступая въ городскую казну, не иначе долженъ быть въ расходъ употребляемъ, какъ по общему положенію, какое сдѣлано будетъ въ комитетѣ объ уравненіи въ Кіевѣ повинностей на всѣ другія статьи городскихъ доходовъ.

5) Изъ дохода сего въ первые четыре года должны быть предпочтительно уплачиваемы долги, на городской казнѣ лежащіе, а остальная сумма имѣетъ быть употребляема по назначенію, въ предыдущемъ пунктѣ изображенному.

6) Для надзора и повѣрки въ надлежащемъ поступленіи сихъ сборовъ, когда они отданы будутъ въ содержаніе градскому обществу, такъ какъ и вообще для вѣрнаго управленія городскими доходами и расходами учредить, согласно представленію кіевскаго гражданскаго губернатора, по выбору отъ всѣхъ состояній, градское общество составляющихъ, особенную коммиссію, которая бы, отдавая отчетъ въ поступленіи сборовъ казенной палатѣ и гражданскому губернатору, дѣйствіемъ своимъ замѣняла градскую думу, до 1798 года въ Кіевѣ, подобно прочимъ городамъ существовавшую. Комитетъ объ уравненіи повинностей опредѣлитъ въ подробности число членовъ въ сіи коммиссіи быть долженствующихъ и порядокъ ея дѣйствія, и вмѣстѣ съ прочими соображеніями представитъ и о семъ на утвержденіе.

7) Какъ выгода, коею доселѣ пользовались нѣкоторые обыватели, имѣя дозволеніе ввозить нужное для нихъ количество вина, сама въ себѣ по мѣстному положенію бывъ маловажна, впослѣдствіи замѣнится съ избыткомъ возвышеніемъ винныхъ сборовъ, кои обращаться будутъ въ равную для всѣхъ гражданъ пользу, то дозволеніе сіе при отдачѣ на будущее время винныхъ сборовъ отмѣнить. Отмѣна сія признается тѣмъ болѣе справедливою, что и въ настоящемъ порядкѣ не всѣ обыватели равно симъ дозволеніемъ пользовались, и что въ Кіевѣ цѣны хлѣбнаго вина вообще столько умѣренны, что частнымъ людямъ не можетъ быть важной выгоды ввозить свое вино; а для содержателя самая неопредѣленность сего ввоза, свидѣтельство

и повѣрка его сдѣлали бы весьма важную разстройку, и слѣдовательно въ ущербъ городскихъ доходовъ нарочито уменьшили бы откупную сумму.

8) Какъ изъ представленія вашего и изъ свѣдѣній при докладѣ комитета приложенныхъ видно, что расходы изъ городскихъ суммъ доселѣ были чинимы безпорядочно и безъ точныхъ предписаній, то въ пресѣченіе на будущее время сего неустройства, вы не оставите наблюсти, чтобъ комитетъ объ уравненіи въ Кіевѣ повинностей, сочинивъ балансъ доходамъ и расходамъ городскимъ, положилъ правила, по коимъ издержки впредь имѣютъ быть производимы, примѣняясь къ тому порядку, какой для сего установленъ въ С.-Петербургѣ.—На сей конецъ министръ внутреннихъ дѣлъ доставитъ къ вамъ подробнѣйшія по всѣмъ статьямъ къ сему относящимся свѣдѣнія, коими комитетъ сей руководствоваться долженъ.

9) Впрочемъ, какъ окончательное устройство городскихъ въ Кіевѣ повинностей зависитъ отъ дѣйствія комитета, для сего тѣмъ учрежденнаго и слишкомъ уже два года существующаго: то и считаю я нужнымъ вамъ поручить, чтобъ обратили вы особенное ваше вниманіе на скорѣйшее приведеніе дѣлъ сихъ къ окончанію. „Александръ“.

Помѣта: полученъ 3-го марта 1805 г. графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ 3-го марта 1805 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

Министръ внутреннихъ дѣлъ доносилъ мнѣ по вошедшимъ къ нему представленіямъ о неудобствѣ, кои найдены мѣстнымъ начальствомъ въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, въ свидѣтельствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазейновъ, по особенному образу, коимъ хлѣбъ въ нихъ сохраняется.

Уваживъ неудобства сіи и признавъ нужнымъ сколь можно облегчить порядокъ, коимъ установленіе хлѣбныхъ магазейновъ охраняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить всякое притѣсненіе и разстройку въ хозяйствѣ, для помѣщиковъ отъ сего быть могущую, повелѣваю для свидѣтельства сихъ магазейновъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ въ губерніяхъ вамъ ввѣренныхъ, принять слѣдующія правила:

1) Вмѣсто свидѣтельства магазейновъ, нынѣ производимаго, земскіе суды имѣютъ ежегодно брать въ помѣщичьихъ селеніяхъ за

подписаніемъ войтовъ и управителей ихъ подписки въ томъ, что въ нихъ положенное количество хлѣба дѣйствительно находится.

2) Какъ скоро за сею подпискою дойдетъ къ земскому суду свѣдѣніе, что магазейны содержатся неисправно: то донеся о томъ начальнику губерніи и получивъ его разрѣшеніе, земской судъ имѣетъ произвесть свидѣтельство и повѣрку магазейнамъ на мѣстѣ.

3) Если по повѣркѣ сей откроется, что магазейны неисправны и надлежащаго количества хлѣба нѣтъ: виновные въ ложномъ показаніи и неисполненіи данной ими подписки предаются суду по законамъ.

4) Какъ мѣры сіи могутъ быть достаточны къ охраненію магазейновъ въ помѣщичьихъ только селеніяхъ, гдѣ помѣщики, бывъ обязаны общимъ закономъ доставлять продовольствіе поселянамъ въ случаѣ недостатка хлѣба, должны потому сами наиболѣе пещись объ исправномъ состояніи магазейновъ: то положенія сіи и не могутъ быть распространены на магазейны, въ казенныхъ селеніяхъ учрежденные. Свидѣтельство и повѣрка оныхъ остается на прежнемъ основаніи. „Александръ“.

Помѣта: полученъ 20-го марта 1805 г.—графъ В. Кочубей.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1805 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи, кіевскому военному губернатору Тормасову.

Въ дополненіе распоряженій, въ указѣ 9-го мая 1802 г. о выходящихъ изъ-за границы изображенныхъ, по вышедшимъ вновь отъ губернскихъ начальствъ представленіямъ о разныхъ случаяхъ въ дѣлахъ сего рода встрѣчающихся, въ разрѣшеніе оныхъ признаю нужнымъ слѣдующія постановить правила:

1) Людей россійской націи подъ именемъ непомнящихъ родства изъ-за границы выходящихъ и въ губерніяхъ безъ пашпортовъ являющихся семейныхъ и безъ-семейныхъ не принимать для водворенія, но въ отвращеніе бродяжничества поступать съ ними, какъ вообще о возвращающихся изъ-за границы бѣглыхъ россійскихъ людяхъ узаконено, то есть, годныхъ отдавать въ рекруты, а негодныхъ отсылать въ крѣпостныя работы. Какимъ же образомъ по усмотрѣнію добраго ихъ поведенія, въ работахъ, участь ихъ можетъ быть облегчаема, о томъ ниже сего подробно постановлено будетъ.

2) О безпашпортныхъ людяхъ помѣщичьихъ, кои отосланы будутъ подъ видомъ бѣглыхъ въ работу, публикаціи дѣлать не только

въ публичныхъ вѣдомостяхъ, но и повѣщать, сверхъ того, чрезъ земскія и городскія полиціи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики по показанію ихъ жительство имѣютъ, дабы тѣмъ удобнѣе въ положенный срокъ о пріемѣ ихъ могли они сдѣлать свои распоряженія.

3) Безпашпортныхъ помѣщичьихъ людей, кои въ положенный годичный срокъ помѣщиками ихъ требованы не будутъ, но по истеченіи сего срока, если окажутся они добраго поведенія, начальники губерній имѣютъ представлять объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной работы; по освобожденіи же имѣютъ они быть поселяемы при казенныхъ селеніяхъ по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, гдѣ удобнѣе признано будетъ, исключая тѣхъ губерній, въ коихъ они прежде жили.

4) Распоряженія въ предыдущихъ двухъ статьяхъ о повѣщеніи и водвореніи людей сего рода распространить и на казенныхъ безпашпортныхъ людей, кои не за преступленія, но за бродяжничество сосланы будутъ въ работы, и коихъ волостныя правленія по повѣсткѣ въ положенный срокъ требовать обратно не будутъ.

5) Объ иностранныхъ выходцахъ, кои присланы будутъ въ крѣпостныя работы, единственно потому, что они найдены безпашпортными, военный губернаторъ, по одобренію ихъ поведенія, безсрочно имѣетъ представлять объ освобожденіи ихъ, и получивъ высочайшее разрѣшеніе, будетъ освобождать ихъ или для возвращенія за границу, или для водворенія въ Россіи, выдавая имъ пашпорты въ первомъ случаѣ на три мѣсяца, а во второмъ—на девять по общему объ иностранныхъ выходцахъ положенію.

6) Кордонныя свидѣтельства, иностраннымъ выходцамъ на границѣ по указу 9-го мая 1802 г. выдаваемыя, въ трехмѣсячный срокъ должны быть являемы въ земскихъ судахъ.

7) По явкѣ и запискѣ ихъ въ земскихъ судахъ, будутъ уже они имѣть силу пашпортовъ еще на шесть мѣсяцевъ, а всего на девять мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ иностранные выходцы могутъ быть принимаемы и записываемы въ тѣ состоянія, кои указомъ вышеприведеннымъ имъ предназначено.

8) Если иностранный выходецъ данное ему кордонное свидѣтельство потеряетъ и о томъ при взятіи его въ видѣ безпашпортнаго объявитъ: тогда, не ссылая его въ крѣпостную работу, мѣстное начальство имѣетъ снестись съ губернскимъ правленіемъ той губерніи, гдѣ онъ изъ-за границы вышелъ, и если по вѣдомостямъ, кои отъ кордонныхъ начальниковъ въ губернскія правленіи о всѣхъ выданныхъ ими свидѣтельствахъ должны быть доставляемы, найдется, что ему таковое свидѣтельство дѣйствительно было выдано, то взамѣнъ потеряннаго дать ему другое свидѣтельство на остальные дни его

срока, счит.
поступить съ ни.

Помѣта: получень

С.-Петербургъ. 28-го сен.

Господину генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову.

При настоящемъ положеніи обстоятельствъ, имѣя въ виду требующій вниманія постъ кіевскаго военнаго губернатора, остающійся до нынѣ безъ начальства, я возлагаю должность эту на васъ, и вслѣдствіе сего повелѣваю вамъ предписать всѣмъ войскамъ шестой, седьмой и восьмой дивизій состоять подъ командою первой—генерала-отъ-кавалеріи барона Беннигсена, а послѣднимъ двумъ генерала-отъ-инфантеріи графа Буксгевдена, съ тѣмъ, чтобы дивизіонные командиры каждый по своему назначенію немедленно отправили рапорты свои къ вышеупомянутымъ генераламъ, кои главную квартиру свою будутъ имѣть: баронъ Беннигсенъ въ Гроднѣ, а графъ Буксгевденъ въ Брестѣ-Литовскомъ, и потомъ учинивъ всѣ нужныя и отъ васъ зависящія по сему предписанію распоряженія, отправиться въ Кіевъ и вступить въ должность тамошняго военнаго губернатора. „Александръ“.

Таврогенъ. 28-го іюня 1807 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и кіевскій военный губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Упорная и кровопролитная между Россіею и Франціею война, въ которой каждый шагъ, каждое дѣйствіе ознаменованы неустрашимою храбростью и мужествомъ войскъ россійскихъ, заключеннымъ 27-го дня сего мѣсяца миромъ, богу благодареніе, прекращена. Возстановлено блаженное спокойствіе, неприкосновенность и безопасность границъ россійскихъ охранена новымъ приращеніемъ и Россія симъ обязана геройскимъ и единственно подвигамъ, неутомимымъ трудамъ и рвенію, съ которымъ храбрые ея сыны на всѣ бѣдствія и на самую смерть безстрашно стремились. Я спѣшу о семъ благополучномъ происшествіи васъ увѣдомить для извѣщенія во всемъ начальствѣ вашемъ. „Александръ“.

Помѣта: полученъ съ нарочнымъ курьеромъ 5-го іюля 1807 г.

...9 сентября 1807 г.

...иевскому военному губерна-

... отъ кіево...реческаго екатерининскаго монастыря ...освобожденіи отъ постоя состоящаго при томъ мона... ...подворья, уваживъ, что доходы съ онаго подворья по заведенному обычаю отсылаются въ Синайскую гору для пособія тамошнимъ православнымъ монастырямъ, повелѣваю подворье сіе отъ постоя, въ положеніи о распорядкѣ въ Кіевѣ квартиръ 7-го августа 1806 г. вообще установленнаго, освободить и оставить оное на прежнемъ основаніи. „Александръ".

Помѣта: получено 30-го сентября 1807 г. — графъ В. Кочубей.

Муниципальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

въ 1906 году.

Измѣняющіяся условія печатнаго слова въ Россіи откроютъ, конечно, въ ближайшемъ будущемъ возможность для нашей Украины имѣть вполнѣ самостоятельные свои украинскіе органы въ формѣ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ, а также и ежемѣсячныхъ журналовъ. Все это давало бы редакціи нашего журнала право или прекратить свое существованіе, или измѣнить совершенно прежній характеръ; но мы, ведя изданіе 24 года, рѣшаемъ вступить и въ 25-ый годъ издательства, сохраняя то же названіе журнала, тѣмъ болѣе, что въ такіе переходные моменты, какъ переживаемый теперь, находимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ попытаться сдѣлать постепенный переходъ къ иной формѣ нашего изданія. Въ 1906 году „Кіевская Старина“ будетъ главнымъ образомъ посвящена научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей, этнографіей и литературой Украйны, понимая всѣ эти области въ самомъ широкомъ значеніи и по возможности освѣщая каждую изъ нихъ съ точки зрѣнія современныхъ интересовъ нашей жизни. Дорожа вполнѣ нормальнымъ развитіемъ и правильной разработкой дорогой намъ украинской рѣчи, мы, при первой возможности, употребимъ всѣ силы на то, чтобы среди научныхъ статей въ нашемъ журналѣ нашли себѣ достойное мѣсто и работы, написанныя на украинскомъ языкѣ, не говоря уже о художественныхъ произведеніяхъ, которыя будутъ помѣщаться нами исключительно на этомъ языкѣ.

Чтобы доставить возможность читателямъ имѣть нашъ журналъ по болѣе доступной цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременить редакцію большими матеріальными затратами, мы будемъ ежемѣсячно выпускать книжки въ 10 печатныхъ листовъ, дѣлая подписчикамъ скидку 30% съ подписной цѣны въ 10 рублей въ годъ, т. е. за годовое изданіе съ пересылкой и доставкой — **7** руб., безъ доставки — **6** руб.

Редакція будетъ помѣщаться тамъ-же: КІЕВЪ, Троицкая площадь, Народный домъ.

Редакторъ-издатель **В. Науменко.**

1—3

Открыта подписка на 1906 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4-Й Г. И ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ 4-Й Г.

„Всемірный Вѣстникъ“

Въ 1906-мъ году „Всемірный Вѣстникъ“ поставитъ задачей ознакомить читателей съ такъ называемой **«нелегальной литературой»**. На страницахъ журнала будетъ помѣщено:

1) Собраніе сочиненій, изданныхъ за границей,

графа Льва Николаевича ТОЛСТОГО

Сочиненія Толстого: 1) Критика догматическаго богословія. 2) Соединеніе и переводъ 4-хъ евангелій и 3) Изложеніе евангелій,—въ виду ихъ большого объема (около 3000 стр. рукописи) выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 4-хъ томахъ и будутъ разосланы **только** тѣмъ подписчикамъ журнала, которые, во 1-хъ, внесутъ **не позже** 1 марта 1906 г. **полностью** всю годовую плату за журналъ, т. е. 6 р. и 2) **кромѣ того** вышлютъ **дополнительно** не позже того же 1 марта—3 р.

2) Библіотека писателей декабристовъ (въ приложеніи).

Записки декабриста **Кн. С. П. ТРУБЕЦКАГО.**

3) **М. А. Бакунинъ, А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ.**

4) Записки **Александра Ивановича Кошелева.**

5) Петропавловская крѣпость, **Д. Кеннана.**

6) **Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія.**

7) **Изъ недавняго прошлаго.** Очерки и воспоминанія бывшаго товарища прокурора.

8) **Пѣсни русскихъ масоновъ.** Подъ ред. и съ примѣч. члена СПБ.-Археологическаго общества Т. О. Соколовской.

9) **Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.** Воспоминанія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

10 Главнѣйшія статьи изъ журнала

„ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА“

издававшагося въ Лондонѣ А. И. Герценомъ.

11) ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА.

Политическій романъ-утопія Компанелла (будетъ помѣщенъ въ приложеніяхъ).

12) **Женщина и соціализмъ, Августа Бебеля.**

13) Общественное движеніе въ царствованіе Александра II.

14) **САМОДЕРЖАВІЕ И ПЕЧАТЬ.**

15) Хранящіеся въ архивѣ Департамента Полиціи

ДѢЛА III ОТДѢЛЕНІЯ

о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ и Александрѣ Ивановичѣ Герценѣ.

(Дѣло это заключаетъ въ себѣ 660 листовъ и содержитъ рядъ неизданныхъ писемъ Герцена). (Печататься будетъ въ приложеніи).

16) **О половомъ вопросѣ.**

Мысли гр. Льва Николаевича Толстого, собранныя Владиміромъ Чертковымъ.

17) **Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву.**
А. Радищева.

18) Гражданская война во Франціи. К. Маркса.

19) **Сибирь и ссылка, Кеннана.**

Подписка на 1906 г. принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна въ годъ 6 р. съ дост. и перес.; на 1/2 года 4 р., отдѣльный нумеръ 1 р.

Допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Подробное объявленіе высылается по первому требованію.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій каналъ 17.

1—3 Редакторъ-Издатель *С. С. Оухонинъ*

Отъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Уже не разъ въ тяжелыя минуты, переживаемыя нашей родиной, Императорскому Вольному Экономическому Обществу приходилось выполнять возлагаемыя на него временемъ задачи. По примѣру прошлыхъ голодовокъ, и нынѣ Императорское Вольное Экономическое Общество позволяетъ себѣ обратиться ко всему русскому обществу съ предложеніемъ въ борьбѣ соединить свои силы съ новымъ бѣдствіемъ, постигшимъ Россію. Ни на минуту не ослабляя общественной борьбы во имя освобожденія страны отъ угнетающихъ ее общихъ условій государственной жизни, благодаря которымъ каждый неурожай неизбѣжно сопровождается у насъ голодомъ, необходимо обратить вниманіе и силы общества также и на непосредственную помощь тѣмъ, которые уже теперь принуждены голодать.

Болѣе 23 губ. постигнуты неурожаемъ и уже страдаютъ мѣстами отъ тифа, а въ концѣ подорванное экономическое положеніе русской деревни заставляетъ съ ужасомъ подумать о томъ, что будетъ съ этой деревней, лишенной хлѣба, топлива, скота, навшаго жертвой безкормицы. Впереди снова виднѣются сотни тысячъ жертвъ голода. Передъ этой картиной ужасной дѣйствительности священный долгъ каждаго прійти съ непосредственной помощью голодающимъ, отстаивая по мѣрѣ силъ своихъ самое святое право каждаго—право на жизнь.

Императорское Вольное Экономическое Общество призываетъ все русское общество помочь вопіющей народной нуждѣ, кто чѣмъ можетъ; съ своей же стороны оно беретъ на себя организацію помощи голодающимъ при тѣсномъ союзѣ въ этомъ дѣлѣ съ другими общественными организаціями.

Пожертвованія могутъ быть направляемы по адресу: Спб., Забалканскій, д. 33, въ Императорское Вольное Экономическое Общество.

Свѣдѣнія о всѣхъ поступившихъ пожертвованіяхъ и отчетъ о нихъ будутъ своевременно публиковаться.

Вице-Президентъ *А. Фаминцынъ.*

И. д. Секретаря *В. Яковлевъ.*

2—3

Открыта подписка на 1906—XVII г. изд.

(подписной годъ начинается съ 1-го ноября)

Вышедшіе №№ и приложенія высылаются немедленно.

Природа и Люди

52 №№ художественно-литературнаго журнала, въ которыхъ читатель найдетъ все, что необходимо въ настоящее время каждому, слѣдящему за всемірнымъ прогрессомъ.

40 томовъ ПОЛНАГО собранія сочиненій свыше 6.500 страницъ.
(Первое полное изданіе на русскомъ языкѣ)

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Всѣ романы переведены полностью, безъ пропусковъ.

Это громадное изданіе невозможно дать сразу въ одинъ годъ. Оно заключаетъ болѣе 80 томовъ, т. е. свыше 13.000 страницъ. Въ 1906 г. будутъ даны первые 40 томовъ, стоимость которыхъ въ отдѣльной продажѣ свыше 50 руб., остальные въ слѣдующемъ году.

КРОМѢ ТОГО РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ

СВѢТОЧИ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ

НА ПУТИ КЪ СВОБОДѢ.

Долгъ каждаго гражданина знать тѣхъ людей, которые отдали всю свою жизнь служенію правдѣ, добру и свободѣ для счастья своей родины; знать и свято чтить память о нихъ и объ ихъ дѣяніяхъ. Въ этомъ изданіи будетъ помѣщенъ рядъ превосходно исполненныхъ портретовъ этихъ свѣточей русскаго самосознанія, начиная отъ А. Н. Радищева и кончая Н. К. Михайловскимъ и кн. С. Н. Трубецкимъ, умершимъ на зарѣ нашей обновляемой жизни, съ ихъ автографами, подробными біографіями и яркими характеристиками ихъ дѣятельности.

И, НАКОНЕЦЪ, ПРАВО НА ПОЛУЧЕНІЕ

новой, ЕЖЕДНЕВНОЙ политической и литературной ГАЗЕТЫ

„Обновленная Россія“

органъ прогрессивной мысли

За уменьшенную плату 2 руб. 60 коп. въ годъ.

Газета высылается со дня полученія денегъ (№ 1 вышелъ 15 ноября)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журн. „ПРИРОДА и ЛЮДИ“ со всѣми прилож. за годъ съ дост. и перес. по всей Россіи. **6** руб.

ВМѢСТѢ съ ГАЗЕТОЙ „ОБНОВЛЕННАЯ РОССІЯ“ **8** руб. 60 к. Допускается разсрочка: безъ газеты при подпискѣ 2 р. съ газет. при подпискѣ 4 р. 60 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ „ПРИРОДА и ЛЮДИ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. д. Изд. П. П. Сойкинъ.

2—3

Открыта подписка на **1906** годъ (изд. XXI годъ)

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Въ 1906 году подписчики получатъ:

52 №№ литературно-художеств. и иллюстр. журнала до 2,000 столб. текста и до 300 иллюстрацій. Въ журналѣ будутъ печататься статьи духовн и свѣтск. писателей по предмет. христіанск. вѣры и жизни, очерки изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ; описаніе святынь и достопримѣчательностей Россіи и православнаго Востока; стихотворенія на мотивы характера духовно-назидательнаго; очерки и разсказы изъ русской исторіи; воспоминанія и преданія старины; *статьи по современнымъ вопросамъ церковно-обществен. жизни*; текущія новости; отзывы о наиболѣе полезныхъ книгахъ и тому под.

12 КНИГЪ ежемѣсячныхъ приложеній до 2.000 страницъ убористой печати, именно: 1—2) Пустыня. Очерки жизни ѳиваидскихъ отшельниковъ *Е. Поселянина*. 3) Палладій Роговскій. Историч. очеркъ. *П. А. Россіева*. 4) Тайна стараго колокола. Бытовая пов. *Н. К. Дарьина*. 5) Сыны свѣта. Сборникъ церковно-историч. повѣстей. *Л. Денисова*. 6) Какъ жить? Очерки, разск. и бесѣды *Священ. П. Полякова*. 7) Вѣнчанныя затворницы. Историч. пов.-хрон. *Льва Жданова*. 8) Митрополитъ Филиппъ. Историч. пов. *Вл. П. Лебедева*. 9) Попъ Иванъ Окуловъ. Ист. хрон. *А. Осипова*. 10) Псковитянка. Пов. изъ жизни св. княг. Ольги *А. Лаврова*. 11) Свѣтъ истины. Пов. *А. Лаврова*. 12) О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи церкви. Историч. очеркъ. *Проф. Д. Г. Левицкаго*.

4 КНИГИ болѣе 600 страницъ большого формата всемірно-извѣстное переведенное на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, латинскій, вендскій, шведскій, чешскій, голландскій, датскій, венгерскій, польскій, и друг. сочиненіе ІОАННА АРНДТА.

ОБЪ ИСТИННОМЪ ХРИСТІАНСТВѢ.

2 КНИГИ болѣе 350 страницъ большого формата, сочиненіе профес. Московской Духовной Академіи, протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго.

Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка.

10 КАРТИНЪ въ краскахъ, точныхъ копій съ картинъ знаменитыхъ русскихъ художн.: на библейскіе, историческіе, и духовные сюжеты, размѣромъ 24×33 см., а именно: 1. Проф. Флавицкій: «Въ Колизеѣ».—2. Проф. Ивановъ: «Явленіе Христа Маріи».—3. Проф. Семирадскій: «Христосъ у Марѳы и Маріи».—4. Проф. Ге: «Послѣдняя вечеря».—5. Проф. Рейтернъ: „Жертвоприношеніе Исаака».—6. Акад. Полѣновъ: «Блудная жена».—7. Академикъ Нестеровъ: «Великій погромъ».—8. Богдановъ-Бѣльскій: «Соборованіе».—9. Акад. Новоскольцевъ: «Смерть митрополита Филиппа».—10. Раевъ: «Преподобный Ананій иконописецъ».

И, НАКОНЕЦЪ, ПРАВО НА ПОЛУЧЕНІЕ

новой ежедневной политической, общественной и литерат. ГАЗЕТЫ.

ОБНОВЛЕННАЯ РОССІЯ органъ прогрессивной мысли.

За уменьшенную плату 2 р. 60 к. въ годъ. Газета высылается со дня полученія денегъ (№ 1-й вышелъ 15 Ноября).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ со всѣми приложен. за годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **6 РУБ.**

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЙ „Обновленная Россія" **8 РУБ. 60 К.**

Допускается безъ газеты при подпискѣ 2 руб. Разсрочка: съ газетой при подпискѣ 4 р. 60 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журн. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ».

С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

Редакторъ И. Д. Ѳеодоровскій. *Издатель* П. П. Сойкинъ.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета.
на 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и пр.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

2—3

вѣстно о необычайномъ поступкѣ молодого синодальнаго члена: Арсеній не принималъ присяги на свою должность, такъ какъ не признавалъ Государыню „высшимъ своимъ судіей", а признавалъ таковымъ только Христа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣзжаетъ въ Ростовъ, хорошо зная о враждебномъ настроеніи противъ себя. Едва онъ прибылъ въ Ростовъ, какъ ему прислали изъ Св. Синода запросъ, почему онъ не принялъ присяги и отчего не является на засѣданія въ Синодъ. Митрополитъ Арсеній отвѣчалъ, что въ вѣрности его императрицѣ сомнѣваться никто не можетъ, такъ какъ онъ еще въ Тобольскѣ присягалъ на вѣрноподданство ей, а о причинахъ своего отъѣзда у него было лично объясненіе съ государыней и письменное оправданіе своихъ поступковъ предъ нею.

Новый митрополитъ ростовскій началъ свое служеніе въ Ростовѣ съ изумительнымъ рвеніемъ и въ продолженіе 20 лѣтъ проводилъ съ неослабѣвающею настойчивостью свои убѣжденія, и оставилъ по себѣ въ Ростовѣ глубокую память, какъ святитель распорядительный, строгій, но и снисходительный. Съ нарушителями церковнаго благочинія онъ обходился сурово и безъ всякаго послабленія. Виновные подвергались у него тѣлесному наказанію и тѣмъ строгимъ взысканіямъ, какія примѣнялись всѣми архіереями. Не мало потрудился Аресеній въ борьбѣ съ раскольниками и лютеранами; въ 1745 г. было разсмотрѣно имъ и при его содѣйствіи напечатано „Обличеніе неправды раскольнической"; въ 1747 г. была основана Ярославская семинарія. Арсеній принялся за новое дѣло со свойственною ему энергіей: онъ самъ принялъ участіе въ преподаваніи наукъ; принималъ и административныя мѣры къ матеріальному обезпеченію семинаріи.

Ростовская епархія считалась одною изъ самыхъ богатыхъ какъ по количеству церковныхъ даней съ обширной территоріи, такъ и по громадному числу вотчинъ—собственно архіерейскаго дома и вотчинъ монастырскихъ. Митрополитъ Арсеній сталъ наслѣдникомъ архіерейскихъ правъ на всѣ эти имѣнія,—правъ собственности и защиты,—въ самое тревожное время, когда со всѣхъ сторонъ усиливались притязанія на нихъ. 6-го марта 1763 г. онъ послалъ свое „первое" доношеніе Св. Синоду, въ которомъ указывалъ: во-1-хъ, у духовенства отнимаютъ обычныя права собственности однимъ тѣмъ, что его заставляютъ давать отчетъ въ своихъ доходахъ постороннему вѣдомству; во-2-хъ, церковную доходность несправедливо употребляютъ на предметы не церковные; въ-3-хъ, ограниченіе содержанія духовенству, или штаты, нарушало бы завѣщаніе вкладчиковъ-благотворителей, отдавшихъ земельную свою собственность въ полное владѣніе духовныхъ отцовъ, по теплотѣ своей вѣры и любви, и, между тѣмъ, приведетъ всѣ обители въ скудость. Получивъ доношеніе Арсенія, Св. Синодъ нашелъ въ немъ „все" что ни есть, слѣдуетъ въ оскорбленіе ея импер. величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію, но безъ вѣдома ея и. в. Св. Синодъ приступить не смѣетъ, а предаетъ на высочайшее благоусмотрѣніе и на высочайшую ея им. вел. безпрагляднную милость", Императрица въ отвѣтъ на такой докладъ поручила судить митрополита ростовскаго самому Св. Синоду, не только какъ политическаго преступника, но и какъ ложнаго истолкователя св. Писанія. Синодъ прежде всего сдѣлалъ распоряженіе арестовать митрополита Арсенія и привезти его въ Москву для производства надъ нимъ суда. 14 мая 1763 г. отправили въ Ростовъ офицера, который при арестѣ долженъ былъ забрать въ кельяхъ его письма, кромѣ книгъ. Между тѣмъ Арсеній посылаетъ въ Синодъ второе доношеніе, въ которомъ духовную комиссію правительственнымъ учрежденіемъ не признаетъ, контроль ея считаетъ вреднымъ для церкви и государственнаго строя и незаконнымъ; къ продиводѣйствію ей онъ призываетъ и Синодъ. Въ заключеніе проситъ уволить его по старости на покой. 17 марта его привезли въ Москву и помѣстили въ Симоновомъ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Судъ надъ митрополитомъ начался 1-го апрѣля и кончился 7-го постановленіемъ: „архіерейства и клобука его лишить и сослать въ отдаленный монастырь подъ крѣпкое смотрѣніе и ни бумаги, ни чернилъ не давать тамъ". Императрица смягчила приговоръ: „санъ митрополита и священства снять... монашества только чинъ оставить, отъ гражданскаго же суда и истязанія мы, по человѣколюбію, его освобождаемъ, повелѣвая послать его въ отдаленный монастырь подъ смотрѣніе разумнаго начальника, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы тамъ невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабыхъ и простыхъ людей". Онъ былъ сосланъ въ Николаевскій корельскій монастырь; Арсенію отвели тамъ казематъ низкій и тѣсный, подъ алтарными сводами Успенской каменной церкви. Ему позволялось ходить подъ надзоромъ въ церковь къ богослуженію и по монастырю, но болѣзнь не позволяла ему пользоваться такою льготою. Содержаніе было свое; онъ долженъ былъ покупать для себя муку ржаную и пшеничную, солодъ для кваса, хмѣль, треску, палтусину, сахаръ и проч.

Вслѣдствіе подозрѣнія въ составленіи заговора противъ императрицы и за произношеніе рѣчей, возбуждавшихъ въ народѣ негодованіе на правительство, Арсеній былъ снова судимъ. Приговоръ Императрицы былъ: разстричь въ губернской канцеляріи и, по лишеніи монашества, одѣть въ мужицкую одежду, затѣмъ, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, сослать на вѣчное и безисходное содержаніе въ Ревель въ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ казематовъ подъ неусыпный караулъ; бумаги, чернилъ, береста ему не давать и „не допускать къ нему ни подъ какимъ видомъ не только для разговоровъ, но ниже для посмотрѣнія—никого, и, однимъ словомъ, такъ его содержать, чтобы и караульные не только о состояніи его, но ниже и о семъ его гнусномъ имени не знали".

Утромъ 28-го февраля 1772 г. кончились страданія Арсенія. За два дня предъ кончиною онъ тяжко заболѣлъ и просилъ послать ему священника. Похороненъ при ревельской Николаевской церкви.

Таковы въ краткихъ чертахъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности митрополита Арсенія Мацѣевича.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ", помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~371~~	~~23/XII~~			
~~177~~	~~27/II~~			
~~2241~~	~~22 II~~			
~~61~~	~~15 IX~~			
~~383~~	~~23/IX~~			
3334	5 XII			